

Союз писателей России

Тамбовский
АЛЬМАНАХ

№ 29

Тамбов
2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6я4

Т17

Тамбовский АЛЬМАНАХ № 29

Литературно-художественное издание
Тамбовского регионального отделения Союза писателей России.
Издаётся с 2005 года.

Главный редактор

Мещеряков Ю.А. (Тамбов), *секретарь Союза писателей России, председатель правления Тамбовского регионального отделения.*

Редакционная коллегия

Аршанский В.С. (Мичуринск), *член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, Почётный гражданин Тамбовской области.*

Бережной С.А. (Белгород), *секретарь Союза писателей России, главный редактор альманаха «Пересвет».*

Беридзе Ю.В. (Москва), *член Союза писателей России, главный редактор газеты «Российская кооперация».*

Дорожкина В.Т. (Тамбов), *член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, почётный гражданин города Тамбова, почётный профессор ТГУ имени Г.Р. Державина.*

Знобищева М.И. (Тамбов), *член Союза писателей России, литературовед, кандидат филологических наук.*

Иванов Г.В. (Москва), *первый секретарь Правления Союза писателей России, председатель исполкома Международной литературной премии имени Сергея Есенина.*

Кочуков С.К. (Тамбов), *член Союза писателей России, почётный гражданин Тамбовского района.*

Курбатова Т.Л. (Тамбов), *член Союза писателей России, руководитель литературного объединения «Радуга».*

Луканкина Е.Л. (Тамбов), *член Союза писателей России.*

Лютый В.Д. (Воронеж), *член Союза писателей России, заместитель главного редактора журнала «Подъём».*

Николаева А.Н. (Тамбов), *член Союза писателей России, кандидат исторических наук.*

Пешкова С.Н. (Липецк), *член Союза писателей России, руководитель Липецкого регионального отделения СМЛ.*

Пронина Л.А. (Тамбов), *доктор философских наук, профессор, директор Тамбовской областной универсальной научной библиотеки имени А.С. Пушкина.*

Черняк С.В. (Тамбов), *член Союза писателей России.*

Т 17 Тамбовский альманах № 29. – ООО «Издательский дом «Тамбов». – Тамбов, 2025 г. – 488 с. + вкл. 1б.

ISBN 978-5-907517-93-6

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6Я4

© СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
Тамбовское региональное отделение, 2025
© ООО «Издательский дом «Тамбов», 2025

И я стал окликать имена
Потерявшихся дней.
Мне откликнулась в море волна,
Я когда-то был с ней.

Мне откликнулся тёмный барак,
Детство спрятано там.
Это память. Её просто так
Никому не отдам.

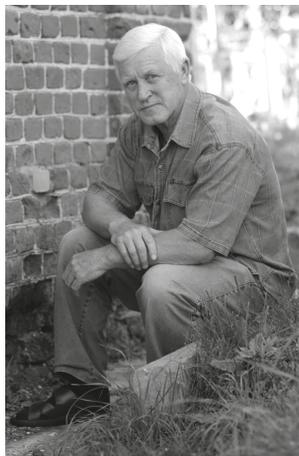
Отозвался с погоста отец,
Опалённый огнём.
Он сказал мне, что я молодец,
Если помню о нём.

Он был ранен снарядом в живот,
Когда был на войне.
И в душе у меня он живёт,
Его раны – во мне.

Волком стелется сумрак-война,
Взгляд наполнен свинцом.
Для меня не чужая она,
Я всегда был с отцом.

Отзовутся, откликнутся дни.
Вспомню их имена.
Может статься, что вспомнят они
И окликнут меня.

Александр МАКАРОВ,
член Союза писателей России

Сергей КОЧУКОВ

На тебя уповаю

Фрагмент романа

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

Церковь Михаила Архангела в селе Архангельском Кромской области являла собой вид неумолимо надвигающегося разрушения, общего запустения и неухоженности. Часть алтарной стены, покрытая сочно-зелёным мхом, от дождей и иных непогод просела и грозила завалиться вовнутрь. Основной купол, построенный полукруглым сводом из кирпича, также давно был без кровли, и сквозь прорехи в этом своде, словно от бомб и снарядов прорехи, били прямо в пол косые лучи солнца. Били в хлам, в битый кирпич и штукатурку на полу, и в этих солнечных столбах заметна пыль, поднятая ногами зашедшего в разрушенный храм путника. Левый придел церкви, видно, долгое время использовался под механическую мастерскую, о чём свидетельствовали вьевшиеся в стены и пол потёки масла и соляры, ржавые железяки под слоем штукатурки и пыли.

Фёдор остановился в проёме ворот, поставил походную сумку, перекрестился в ту сторону, где когда-то, по его предположению, находились врата в алтарную часть, непроизвольно тяжело вздохнул, начал осматриваться. А вот и свидетельство об использовании основного помещения храма – сбитые ряды кирпичей с левой и правой стороны ворот. «Для заезда-выезда машин и тракторных телег с зерном», – подумалось. Коснулся рукой старой кладки, ощутил тепло нагретой полуденным солнцем стены, её состарившуюся шероховатость. Местами на стенах осталась штукатурка с остатками выцветшей под дождями и солнцем росписи. Справа – Архистратиг Михаил в золотых латах, чуть левее – нижняя часть двух святых, не понять, однако, то ли бессребреники Косма и Дамиан, то ли апостолы Пётр и Павел.

Разрушенный храм кем-то, безусловно, посещался, о чём говорили и тропинка сквозь заросли крапивы и бурьяна, и засохший букетик полевых цветов у ног Михаила Архангела на махоньком пяточке, очищенном от мусора у самой стены. А вот и остатки крашеной скорлупы, видно, оставшейся ещё от пасхальных яиц. Однако это человеческое присутствие меньше радовало, а больше угнетало своим мизерным участием по сравнению с громадой и неумолимостью разрушения.

Фёдор в свои тридцать три был человеком, немало повидавшим в этой непростой жизни. За плечами воинская служба и пришедшаяся на его поколение война на Кавказе и в других горячих точках. У него не было необходимости напрягать память, перед глазами живо встали остовы сожжённых и оскверненных православных церквей в сербском Косове и храмы в России, которые разрушали не иноверцы, а безжалостное время и наше русское бездушие и безразличие. Отчего же от следов запустения именно этой сельской церкви с болью сжималось сердце, хотелось выть от жалости и бессилия?

– Кто это здесь? Чегой-то вам здесь нужно? – послышался сзади надтреснутый голосок, и перед Фёдором предстала бабулька, про которых обычно не скажешь «божий одуванчик». Скорее, старая коряга. В чёрненьком платочке, костлявая, с согбенной спиной,

лицом с глубокими тёмными морщинами и выцветшими глазами. Требовательно повторила вопрос и выставила впереди себя деревянную, как и сама изогнутую, клюку-посошок.

– Да вот приехал, увидеть захотелось... ни разу здесь не был, – смолк на полуслове.

– Что ж, смотри, коли охота. Вижу, вроде без злого ты умысла. А то ведь лазают тут всякие, всё чо-то ищут, чем бы ещё поживиться. У прошлом годе вон последние две решётки кованые с окон стащили. С мясом выдрали, стены разбили с подоконником, – старушка с прежней настороженностью оглядывала Фёдора, его аккуратный костюм со светлой сорочкой без галстука, плащ, через руку перекинутый. Голос, однако, помягчел.

– Ты чьих же будешь-то, сынок? Издалёка, никак, прибыл? Местная я, баб Ньюрой звать, присматриваю вот за церковью. Тяжело вот стало, мне ить завтрева девяносто, никак, стукнет. А можа и нет, можа всего-то восемьдесят девять. Запоматовала.

Решивший поначалу молчать и избежать общения с местными, дабы не вдаваться во что-то своё, сугубо личное, после голоса старушки с её незамысловатыми вопросами неожиданно для себя вдруг передумал.

– Непряхин я, Фёдор. Предки мои когда-то здесь, в Архангельском, жили, – и добавил: – И служили. А я вот впервые...

– Непряхин? – вроде бы и не удивилась даже. – Покойного отца Фёдора внучек?

– Правнук. А вы что же, и его помните?

– Говорю же, девяносто завтрева, что было раньше, чо ж не помнить, вот что вчерась делала, забываю порой, – а сама всё смотрела, всматривалась в лицо приезжего, словно разглядеть что-то силилась.

– Схож, схож, конешна, – и потом решительно: – Пойдём.

Еле продрались сквозь заросли злой крапивы и завалы битого кирпича к задней заалтарной стене церкви, где на отвоёванной от лебеды и крапивы проплешине темнели несколько покосившихся, незатейливо кованых старых крестов, а на одном даже табличка. Белые неровные буквы от волнения плыли перед глазами: «Непряхина Евдокия Петровна 1874–1937» и далее не уместившаяся на табличке приписка «матушк».

– Вот, значитца, бабунька твоя, сынок. Кто в соседних могилках, не знаю. Может, тоже твои, Непряхины, под стеной, у самой церкви только батюшек хоронили. Отец Фёдор, царство ему небесное, вот только где-то в тюрьмах сгинул. Помню, когда-то оградки здесь были деревянные, да погнили все. Я вот иной раз то серпом, то руками с сорняками воюю, а они всё ползут, треклятые.

– Ты, эта, ты побудь здесь сынок, побудь. Оно одному-то с ними легче разговаривать. А потом приходи, мой дом в ближнем проулке крайний, увидишь, там ещё коза белая перед домом привязана. Заходи обязательно, дело у меня к тебе, заходи.

Фёдор стоял перед покосившимися крестами, тихо читал молитву. Душу переполняли чувства, и главное из них – досада на самого себя, что за все эти годы впервые выбрал время навестить свою прародину. Отчего так? Отчего только уже в зрелом возрасте заинтересовался своими корнями? Поздний ребёнок в семье, он родился в Ленинграде в шестьдесят седьмом. В семье существовало только два вида деятельности – медицина и военная служба. Дед Женя, заслуженный хирург, всю жизнь за операционным столом. Отец, Фёдор Евгеньевич, – полковник, Герой Советского Союза. Поэтому и выбор профессии для молодого Фёдора был невелик – пошёл по стопам отца, военную службу выбрал. Ему, ещё подростку, дед Женя что-то говорил о прадеде и прапрадеде священниках, но не отложилось, не задело. Слишком далёким прошлым, да и таким уж ли нужным показалось, когда кругом кипела бурная молодость, полная светлых надежд и чаяний. Теперь вот оглянулся, а спросить некого, ни деда, ни отца уже нет рядом, отошли каждый в свой срок в мир иной.

Дед Женя, помнится, говорил, что-то о тяжёлых для семьи предвоенных годах, о гонениях, но больше его рассказы о войне запомнились. С первых месяцев войны и до самых последних дней он – фронтовой хирург, за плечами не сотни, тысячи операций. Вспоминал, что порой прямо за операционным столом валился в обморок от усталости, недоедания, от выматывающих душу страданий своих пациентов. Военные врачи бодрили себя спиртом, когда была возможность, глотали порошки и пилюли горстями – и

вновь к столу, где раны одна другой страшнее, где кровь хлещет им на не успевающие просыхать халаты и в руках куски изуродованной войной человеческой плоти.

Непряхины воевали славно, у деда-хирурга четыре боевых ордена, у отца их больше и звезда Героя к тому же. Фёдор Евгеньевич, тогда просто Федюшка, сбежал на фронт в шестнадцать, повоевал всего два дня, да у командиров ума хватило отправить в тыл в пехотное училище. Может, тем самым и спасли, лишние полгода от передовой подальше. Но и на его долю хватило лиха – четыре ранения, благо не тяжёлых, и путь от младшего лейтенанта, взводного, которые, как уже после войны подсчитал кто-то, воевали в среднем всего девять дней, до майора. Кёнигсберг он брал уже командиром пехотного батальона, за что и присвоено звание Героя. Фёдору младшему довелось видеть бронзовую табличку на одном из неприступных фортов города, который ныне Калининградом зовётся, с надписью, что брали его славные бойцы батальона под командованием майора Ф.Е. Непряхина.

С позиций сегодняшнего дня и знаний о прошлом своих предков невольно подумалось: «Как же ты, батя, у которого родного деда в сталинских лагерях замучили, в атаку своих бойцов поднимал со словами “За Родину! За Сталина!” И другая мысль, не без чувства гордости: “А для Непряхиных – прежде всего Родина. Забывают про все обиды, когда над Отечеством тучи сгущаются. Да и только ли для Непряхиных?”»

– Что ты, Федюшка, да как же не помнить, мово папани семья супротив как раз Непряхиного дома жила, в одном проулке. Семьища у нас большая, восемь ртов, мал мала меньше, а работать – папаня один. Бедновато жили, однако в чистоте, закон блюли. Какой, какой? И Божий, и человеческий. Бога не гневил, людей не забижали.

За столом у тёти Нюры, где они вдвоём сейчас чаёвничали, было светло и уютно. Фёдор не чувствовал себя здесь гостем издалека. Сам нарезал ноздреватый душистый хлеб, обильно солил и растирал две половинки сочных, в пупырышках, огурцов. Баба Нюра, не

прекращая разговора, машинально маленьким ножичком срезала с поданной Фёдором половинки кожуру, шутила при этом: «С моими зубами скоро только кашку останется цедить». Не отпускало ощущение, что он дома, что всё здесь знакомо, ко всему, что видел, казалось, касался когда-то в забытом детстве, руками ли, взглядом. И комод со слониками на нём, и простенькие занавески на окнах, именно светлые занавески, а не тяжёлые тёмные шторы в городской квартире, и старая швейная машинка в углу, и большой фикус в кадке на полкомнаты. И совсем не городской дух деревенского жилища, в котором и не поймёшь, чего больше – запаха пенки с варимого в широком тазу смородинового варенья, кислинки от висящего в марле над кастрюлькой творога либо ветерком принесённых с дороги запахов возвращающегося с лугов стада.

– Что? Нравятся мои хоромы? – спрашивала, когда показывала Фёдору избу, предупреждала опускать голову пониже в двери в свою горенку. – А ты, Федюшка, оставайся, погости хоть малость, отдохни. А то на всё лето останься. У нас вон в Нетужилом проулке семья москвичей каждое лето у Абрамихи живёт. Привольно у нас, речушка малая, лес грибной... Смотрю, хромаешь ты, сынок, шибко. Что, аль с рожденья?

– Нет, Анна Тимофеевна, не с рожденья, травма, в общем... производственная, можно сказать, – рассказывать про ранение посчитал ни к чему.

– Вот и отдохнёшь, а я тебе каждое утро оладушек буду с молочком козьим готовить, пользительное дело. Бледный вон, сонца у вас в ваших городах нету, што ли?

Фёдор не таил довольную улыбку, всматривался в лицо бабушки, и оно уж не казалось ему тёмным, сморщенным и некрасивым. Порой разглаживающиеся морщинки и не по-старчески смешливые глаза не оставляли сомнения в искренности её предложения остаться погостить.

– Как не помнить. Матушка Евдокия, бывало, рассадит нас всех за столом – и каждому в руки по краюхе хлеба ситного, да медком зальёт. Ух, вкуснее ничего не ела в жисть. Отец Фёдор пасеку

небольшую в десяток ульёв держал всегда, любил угощать и, как ребёнок, радовался, что кому-то его угощение понравилось. Не, что ты? Совсе не строгий был. Над нами, девчонками, всё подтрунивал – выбрали ли женихов на посиделках, да когда под венец? «Вон вас сколько! Вот уж мне работы – край непочатый...»

– Меня-то с моим Ванечкой он в тридцать шестом венчал, когда уж и церковь закрыли. У себя дома и венчал. Всё переживал, что корон венчальных не оказалось, власть забрали ещё десятком лет ранее. Повенчал и счастливую жизнь пророчил. Она и была счастливой. Цельных пять годочков с Ваней мы душа в душу прожили, ребятков троих нажили. Счастливей тех лет, кажись, и не было. Война проклятущая забрала мово Ванечку, погиб под Ржевом. Я-то и не знаю, где это, а вот младшенький мой ездил в прошлом годе, нашёл обелиск с именем папаныкиным.

– А деда моего помните? Он ведь тут тоже родился.

– Отчего же, помню. Дядь Еней мы его звали. Он гораздо старше меня, я уж его взрослым всё больше помню, то с учёбы приезжал, то уж когда на дохтора выучился и работал идей-то. Пинжак его отчего-то запомнила и брюки, цветом белые, у нас в деревне таких не носили. Шибко учёный дедушка твой был. Как приедет, к нему народ в очередь с недугами разными. Никому не отказывал, всех лечил. А однова мальчонку Стёпку от верной гибели спас. Бедокур был Стёпка сызмальства. Рукой в молотилку угодил, суродовало так, что и глянуть страшно. Благо дядя Еня той порой в селе был, так он несколько дней и ночей от увечного не отходил. Не только жизнь, но и руку сохранил. По косточкам собирал-сшивал. Степан долго жил, в войну даже председателем колхоза был, да как только мужики с фронта возврататься стали, ушёл опять в конюхи.

– А последний раз приезжал уж на матушки Евдокии похороны с сыном лет десяти-двенадцати, хороший такой мальчик, скромненький.

– Это отец мой, Фёдор Евгеньевич Непряхин, – заметил Фёдор.

– И-эх! Старая. Могла б и сама догадаться. Значит, ты Фёдорович? Что ж молодцы, молодцы. Чтите своего деда-прадеда, по сыновьей линии непременно Фёдоры. Славно.

– Анна Тимофеевна, а ведь у деда Жени вроде ещё сестра была. О ней что знаете?

– Марию-то? Как же, и её помню. С ней мы почти ровесницы были. Помню, отчего не помню, только вспоминать не хочется. Ты уж, Федюшка, не обессудь, в другой раз как-нибудь, может, и расскажу. Вона какие у нас воспоминания хорошие, не хочется о плохом.

Фёдор понял, что баба Нюра хранит в своей памяти ещё одну из семейных тайн Непряхинского рода, но настаивать не стал. Время придёт – расскажет.

– Что ты меня, сынок, всё по отчеству величаешь? Баб Нюрой зови, привычнее так-то.

– Хорошо, как изволите, Анна Тимофеевна, – засмеялся Фёдор, – буду бабушкой Нюрой звать.

– А давай-ка, Федюшка, я тебя настоячкой угощу. И я с тобой за компанию выпью. Хорошо мне сёдни, и не болит ничего, и на душе праздник как будто. От, старая, опять забыла, у меня ж картошка молодая в летней кухне пожарена, щас принесу. К грибочкам да огурчикам – милое дело.

– Вы, баб Нюра, так вкусно рассказываете, что отказаться просто сил нет.

– Вот и нечего отказываться, ешь посытнея.

После обеда вышли под густые вишни в садик, присели на низенькие скамеечки. Фёдор с удовольствием вытянул увечную ногу, спросил:

– Расскажите, как жили тогда? За что всё-таки расстреляли тогда отца Фёдора? Что люди об этом говорили?

– Что говорили? А ничего. Молчали. После тех лет страшных всех так запугали, что говорить – себе дороже. Молчали все, в страхе, как бы чего не вышло. И так много лет. Ныне времена вроде другие настали, а говорить о прошлом уж некому, повымерли все. А кто шкандыбаёт ещё, навроде меня, половину не помнит, а вторую половину и слушать никто не хочет. Неинтересно это нынешним-то людям, кажний тока о себе думать, – старушка вытерла концом платочка глаза и продолжила.

– О том, что расстреляли, и не знал никто, думали все, что в лагерях сгинул где-то. Горевали, конечно. И его, и матушку Евдокию любили все в селе. Да и невозможно их было не любить. Говорила уже тебе, бедновато мы жили, но отец гордый был, без хлеба порой сидели, но просить не мог себе позволить. Так матушка Евдокия «тайную милостыню» нам делала. Что бы не обидеть подаянием, тайком вечером повесит на нашем крыльце узелок, а там яйца, творог, хлеба коврига, с крупой мешочек, другая снедь. Чаще всего перед праздниками это было. То-то радости у нас поутру. Подросла я когда, уж тогда узнала, она ведь такую тайную помощь не нам одним оказывала. Да ещё других хозяек, чьи семьи посправнее жили, к тому подбивала. А её послушаться не могли. Что ты? Не из-за страха, конечно, из уважения.

– Он, отец Фёдор, справедливым всегда слыл. Заспорят, бывало, соседи, разругаются, в пору за вилы хвататься, потом опомнятся, или кто другой уразумит к отцу Фёдору иттить за судом-решеньем. Он и рассудит завсегда по-хорошему, по-честному. Да так рассудит, что вчерашние враги чуть не в обнимку от него уходят. Такой вот был. И жалел всех, особливо тех, кто в помощи этой нуждался. Сказывали мне, сама-то по малости лет не помнила, во время восстанья он два месяца бандита ранетого в овине у себя прятал, а матушка Евдокия его выхаживала. Кому-то он бандит, а мне дядькой, родным братом моей матери приходился, с соседнего Шибряя. Выходили его, он уехал куда-то на шахты. Уж после войны приезжал, маманя жива ещё была. Побыл пару дней и так же потихоньку уехал, видать, опасался, что вспомнят его участие в восстанье. Так вот, когда отца Фёдора первый раз заарестовывали, припомнили ему это укрывательство. Вроде тихо всё обошлось, а вот, поди ж ты, кто-то усмотрел и донёс.

– Странно, отчего дядька ваш у родной сестры не скрывался?

– Маманя сказывала, привезли его ночью, он без памяти был, может, и не знали, что в этом селе родная сестра его живёт, а может, посчитали, что у батюшки схоронить надёжнее. Так ведь и отец Фёдор с матушкой не знали, кого прячут, выхаживают. Дядька, когда уж совсем оклемался, признался им.

– Что ж, выходит, отец Фёдор за антоновцев был?

– Откуда ж нам знать, Федюшка, кто за кого был. Люди, кто пережил это, и тех, и других бандитами звали. Кто бы ни пришёл в село, одного жди – щас грабить начнут, по амбарам-сундукам шарить и перед уходом обязательно нескольких расстреляют али повесят. А кого расстреляли, за что? Простым людям невдомёк. Только кто бы ни был, а всё одно наш, сельчанин, у каждого семья, детки. И-эх! Матьер Божья, заступница усердная, страдания-то какие были, горя сколько! – баба Ньюра мелко крестилась и тёрла концом платочка взмокшие глаза.

– Что же дальше было? – внимательно, не шелохнувшись, слушал Фёдор старушку, словно спугнуть боялся, опасался, что рассказ её прервётся и не откроется очередная, неизвестная ранее страничка жизни его семьи.

– Вот и я говорю, припомнили ему мово дядьку, что в лесу у Антонова был, а про другого спасённого вспомнить не захотели. Об энтот многие в селе потом узнали, что именно отец Фёдор укрыл у себя под полом в старом амбаре председателя сельсовета нашего Еремея Ильича. Шибко он чем-то мужикам с лесу насолил. Всё село перевернули, его разыскивая. Грозились найти и на куски изрубить. Благо Еремей Ильич семью загодя в город перевёз, никого бы не пожалели. Отделался тем, что избу спалили.

– Что же сам Еремей Ильич не напомнил следствию о своём спасителе, когда арестовали того?

– Не знаю я о том, сынок, не ведаю. Можя, не было его в ту пору в селе, а может, побоялся вступитья, своя-то жизнь, да и семья дороже. Не зная, не будем хулить. Бог ему судья.

– А я и не сужу, баб Ньюра, обидно всё же, любили, говорите, уважали все, а вступитья некому было.

– Что ж поделаешь, порядки такие были, запуганы все. Чуть слово не в лыку – сразу в кутузку, а оттуда не скоро вернёшься. Но чтобы кто-то со злым умыслом наветы писал на батюшку – не поверю я. Вот вспомнила! Дедок у нас один жил, Иван Николав, помер годов с семь-восемь назад. Так вот рассказывал он мне, и перед иконой на коленях

клялся, что не виноват он ни в чём перед покойным батюшкой. Году в шестидесятом это было; вызывали его в город в прокуратуру, иль ещё куда, дознавались про отца Фёдора. Будто бы и бумаги показывали с его, Иван Николава, подписью. Подпись будто бы его, а что там про батюшку написано – другая рука. «А написано там, Нюра, что, мол, я, такой-то такой, Захарьин Иван Николаевич, свидетельствую, что отец Фёдор до революции держал работников, которых всячески унижал, морил голодом и даже бил. Я пояснил прокурору, что были ли у батюшки работники до революции, и как он к ним относился, знать я попросту не мог, мне в революцию всего полтора года было. Далее, Нюр, в доносе том, что, мол, я, Захарьин Иван Николаевич, свидетельствую, что во время восстанья отец Фёдор был заодно с Антоновым и снабжал бандитов оружием. Откуда мне это знать было, кто за кого, если мне в ту пору шесть годков всего? Прокурор опять мне листы под нос суёт: „Твоя подпись или нет?“ Подпись, говорю, моя, слова – не мои. Вспомнил потом и рассказал прокурору, что незадолго до коллективизации, мне уж тогда лет пятнадцать было, секретарём комсомольской ячейки я был. Помню, собирали мы тогда деньги на покупку первого трактора, вот тогда-то, мол, мне чуть не каждый день расписываться приходилось. А ещё, Нюра, мне там, в прокуратуре, показания Еремея Ильича показывали, к тому времени уже умершего; подпись-закорючка, навроде, его, а сами показания не им писаны. Почерк, как у нашей учительницы, Клавдии Николавны, ровненький. А Ерёма-то, он как курица лапой вечно писал, да и пару слов связать толком не мог, это уж я точно помню. Сказал об этом прокурору, сказал и о том, что батюшка Фёдор Еремей Николава во время восстанья от верной гибели спас, посему не мог он на него напраслину всякую писать. Подписать подсунутые бумаги мог, пожалуй. Важный он тогда был, любил свою подпись везде ставить, а ещё, чтоб непременно государственная печать рядом. Дыхнёт, бывалоча, на неё перегаром, да как приложится со всей дури. Хоть и без царя в голове был Ерёма, а всё ж, Нюр, не поверю я никогда, что на такую мерзость способен. Ну а перед тобой, перед Богом, перед батюшкой покойным я чист, не доносил я на него. Может, поэтому и помирать со спокойной душой буду».

Непряхин вытянулся на постели, устроенной баб Нюрой ему на сеновале. Вдыхал дурманящий запах свежего сена, слушал звуки заснувшего села, одиночный взлай собаки, не злобный, а больше по обязанности, лягушек кваканье со стороны речных заводей, переливы птах, названия которых не знал. На душе было светло и покойно. Как никогда прежде, он коснулся далёкой и одновременно очень близкой истории своего рода, своей семьи. Не поиски виноватых в гонениях на пращуров влекли его, о чём подчеркнул в разговоре с этой удивительной старушкой. Двигало желание самостоятельно разобраться во всём, и там, в отделённом десятилетиями времени найти ответы на собственные, поставленные жизнью вопросы, найти поддержку предков, получить их одобрение и, если хотите, благословение на собственные поступки сегодня и завтра. Почему не признался бабушке Нюре, что после увольнения из армии поступил в Духовную академию Санкт-Петербурга, что уже через год тебя возведут в сан священника, ответить не мог. Что-то сдерживало, подсказывало, что не пришло ещё время. Слишком много пришлось бы объяснять из своей прошлой жизни, из жизни сегодняшней, из собственных планов на грядущее.

Нынешнее посещение полуразрушенного храма, где служили его предки, что-то сдвинуло в нём, заставило по-иному взглянуть на себя, на собственное предназначение в жизни. Сформировавшиеся планы на будущее уже не казались какими-то незыблемыми. В душе возникло ещё не оформившееся, ещё зыбкое желание, связанное именно с этим сельским храмом, с этими местами, с живущими здесь людьми. Обмануться самому в своих чувствах, а тем более обмануть в ожиданиях эту милую, ставшую такой родной, бабушку он не мог. Потому, видно, и смолчал, что приехал во время каникул перед последним курсом, решив посвятить их именно поездке в эти не чужие, как выяснилось, для него края. «Сам определись сначала, потом уж делись с другими. Не так ли тебя отец всегда учил?»

Утром они вновь сидели за столом, и он ел (нет, сам себя поправил – «вкушал») обещанные бабушкой Нюрой удивительно вкусные оладьи, запивал холодным, с погребя, козьим молоком. Старушка

сидела, подперев руками подбородок, смотрела на него внимательно, словно рассмотреть пыталась, что вчера не досмотрела. Словно о чём-то ещё очень важном, самом главном хотела поведать. Определялась будто, а можно ли довериться.

Непряхин замечал это, но не торопил, дав возможность самой решать. «Благо, что не пост сейчас, есть можно скоромное, не то пришлось бы отказаться от вкусотищи такой, да и объяснений не избежать бы».

Наконец, видно решившись, старушка ушла ненадолго. Вернулась и выставила на стол узелок. Развязала один платок, другой и, наконец, красный бархатный лоскут. Перед Фёдором открылась дароносица. Он даже задохнулся на миг, так необычно оказалось содержимое узелка. Дароносица тускло сияла старым серебром, аела капельками крови из-под гвоздей распятого на кресте Спасителя.

– Прадеда твоего дароносица, и прапрадеда, и тех, кто до них в нашем храме служил. Лет ей нет числа. Тогда, в тридцать седьмом, матушка Евдокия позвала меня к себе. Она к тому времени уж не вставала с постели. Выпроводила всех и говорит: «Тебе, Анюта, одной доверить могу драгоценность эту святую. Ты девушка честная, богобоязненная. Великая сила в этой дароносице. Батюшка Фёдор наказывал сберечь её от злых людей до лучших времен. Пока храним её, и Господь нас хранит. А времена придут, обязательно придут, не век на земле антихристова воля».

Фёдор коснулся дароносицы и слегка дрожащими пальцами почувствовал исходящее от неё тепло. «Боже мой! Неужто до сих пор тепло рук батюшек Фёдора, Алексея, других священников сохранилось?»

– Вот и берегу почитай лет шестьдесят. Стара вот больно, а время обещанное вот-вот придёт. Боюсь, что не дождуся, снесут на погост. Возьми, Федюшка, возьми, сынок. По праву она твоя, может, приведёт Господь, и ты её по назначению используешь. Сохранишь – главное.

– Нет, – выдавил из себя Непряхин, чем поначалу огорошил бабушку. – Мы по-иному поступим, поберегите ещё год, пролетит

быстро, вернусь, тогда и подумаем о её использовании. А вам, дорогая моя Анна Тимофеевна, ждать и ни в коем случае не болеть. Вы ведь теперь у меня самая близкая и единственная из родни, – полусушутя приобнял зашмыгавшую носом старушку. – Дождёшься, старенькая моя, – как-то незаметно для себя на «ты» перешёл, – не прогонишь, коли не один, а с матушкой, с женой, то есть, приеду, с сыном, с дочкой?

Постояли, обнявшись, взволнованные и растроганные. «Вот как, оказывается, неожиданно не за дни, за часы считанные люди становятся родными».

– Вот мне радости-то будет, – и вновь начала тереть кончиком платка глаза. – Погоди, Федюшка, это ещё не всё. Провела в горенку, выдвинула нижний ящик комода, где аккуратно сложена была потемневшая от старости плащаница, а под ней несколько церковных книг и две старинного письма иконки на досках.

– Откуда, бабушка? Неужто с церкви нашей михаилоархангельской? – Фёдор не верил глазам, не верил, что подобное вообще могло случиться.

– С неё, откуда ж ещё. Не я одна, стал быть, хранила, берегла. Сёстры Абрамихи, когда церкву рушили, тайком ночью умыкнули, а помогал им, не поверишь, сельсоветчик один, не местным он был, да, видать, Бога в душе хранил. Он посла на войне без вести пропал, а потомки по сей день в селе проживают. Директор школы Олька, никак, внучкой ему приходится.

– Как же сохранить такое сумели?

– И не говори, отчаянные они, энти Абрамихи, всегда были. Когда старшая преставилась, младшая ко мне, рассказала про тайну свою. Последние годы они всё это на чердаке летней кухни хранили. Плащаница и книги с иконами даже в пожаре уцелели. То ли старшая из сестёр перенесла, она к тому времени вроде как не в себе стала от годов своих больших. Чудила порой, мало что соображая. А може, по другой какой оказии, только ящик этот с содержимым не на чердаке, а в подполе сгоревшей летней кухни оказался. Не знаю я, Федюшка, только и в этом перст Божий мне видится. Ты как думаешь?

– Невероятно, но так и есть, не без Божьего промысла такое случилось.

– Абрамиха мне передавала всё и наказывала хранить до последних дней. «Ты, Нюрка, хоть и на три года мене старше, а намного дольше протянешь, ты у нас коремёжная. Всю жисть чертоломила, устали не зная. Не зря, поди, ордена получала. Потому и надёжа у меня на тебя вся. Ты уж, Нюрка, расстарайся, не помри раньше срока».

– А ты что же, бабушка, действительно орденоносец?

– Было дело, – засмушалась, – да когда это было! В пятьдесят первом, за лучшие надои по району, орден выдали, а ещё отрез бастона. То-то радовалась, поизносилась чтой-то к тому времени. Я ведь, сынок, всю жизнь в доярках, выучиться на учительницу, либо на фелшара, не сподобил Бог. Семью кормить надо было. И свою, и сёстрам помогать, у которых мужья на войне сгинули.

Старушка выдвинула ещё один ящик комода и достала трясущими руками из-под стопки белья коробочку с орденом Трудового Красного Знамени. А Непряхин тем временем смотрел на эти руки с раздавленными ладонями, с уродливыми утолщениями на суставах пальцев.

– Я тебе, Федюшка, ещё одну находку покажу, только тебе за ней на чердак самому залезть придётся. Не осилить мне. Позади трубы разворошишь, там мусор, тряпьё всякое. Надвратный крест с нашей церкви там спрятан. Его мне два мальчонка принесли, родители их домишко старенький под дачу в нашем селе прикупили. Отец их тот дом перекрывать стал, вот и нашли крест надвратный, кованый. Не позарились на металллом сдать, мне принесли. Дай им, Господи, доброго здоровья на долгие годы. Хорошие люди и деток правильно воспитали. Хорошие ребятки, двойняшки, Стасик и Ярослав. Я им надьсь разрешила крыжовник у меня оборвать. Цельное ведёрко нарвали. А мне? Куды мне стока...

– А кто же крест этот хранил? Наверное, те, кто в этом доме раньше жил, – сделал предположение Непряхин.

– Не иначе. В том доме испокон веку Колупаевы жили, семья дружная, трудящая. Старик Лексей Фёдорыч бабку свою пережил

надолго. Уж когда совсем немощным стал, согласился к дочери в город переехать. Почему смолчал и никому не сообщил о том, что сберёг, – не знаю. Может, и запамятовал, говорю же – совсем древний и больной стал.

– Какие же вы все здесь молодцы! Увидит Господь ваши труды. Береги, баб Ньюра, через год приеду, тогда и решим, как со всем этим бесценным добром поступить.

– Как скажешь, Федюшка, как скажешь. Тебе виднее, – и старушка вновь внимательно взгляделась в лицо Непряхина. – Ты только вернись, а я за тебя молиться буду.

– Спасибо тебе, родная, спасибо. Храни тебя Господь.

Глава вторая

Непряхин забрался на верхнюю полку купейного вагона и под мерный стук колёс предавался размышлениям и воспоминаниям. Поездка в Архангельское потрясла его. Столько новых подробностей из истории собственного рода не сразу вмещались в сознание, не сразу были осмыслены, ещё не приняли стройный хронологический ряд. Судьба ближайших предков, чаще всего трагическая, перипетии судеб окружающих их людей были близки и ощутимо болезненны. Тяжёлым, но не тяжким, грузом повисла на плечах личная ответственность за сохранение оставленного предками материального и духовного наследия. Эта ноша звала к немедленным решениям и действиям. По-иному воспринималось и собственное будущее. По укоренившейся годами привычке Фёдор заставил себя не спешить, а всё обстоятельно обдумать, прежде чем принять то или иное решение.

Как ни странно, но вспомнилось отчего-то самое начало воинской службы. Два года Суворовского училища, а затем учёба в известном в стране училище ВДВ на родине Сергея Есенина, друзья-сокурсники. Военная наука и будущая профессия «Родину защищать» постигались на удивление легко. Он не мог допустить, чтобы кто-то был лучше него в учёбе, в практических занятиях.

Статус сына Героя Советского Союза не позволял. Одновременно не сторонился лихих и бесшабашных проделок курсантской братии. Перед самым выпуском за одну из них залетел на «губу». На помощь отца даже не рассчитывал, знал, что если тот узнает, непременно позвонит начальнику училища и попросит применить к нему самые жёсткие драконовские меры. К счастью, сам начальник, разобравшись в проступке Непряхина, не нашёл в нём действий, серьёзно подорвавших боеспособность вверенной ему части. «И мы молодыми были, и мы через забор к девчонкам бегали...» Кроме того, существенным и определяющим было желание довести до первых лейтенантских звёздочек одного из лучших курсантов, реально претендовавших на золотую медаль и увековечивание на Доске почёта выпускников училища.

А потом была служба в части. Отец расстарался, чтобы сын не с элитной части начинал в Московском военном округе, а с самого что ни на есть дальнего-предального востока. Чуть ли не единственная часть ВДВ в этой глухомани, она мало чем отличалась от рядом расположенной инженерно-строительной. Бойцы – вялые, затурканные, большинство ни разу не прыгавшие с парашютом. Чтобы отвлечь их от безделья, командование выдумывало различные хозяйственные работы, в том числе в собственных садах и огородах. Про учёбу давно все забыли. Попытка зажечь их символами и традициями десантуры, заложенными ещё генералом Маркеловым, результатов не давала. Офицеры части много пили, а поскольку до ближайшего населённого пункта было двенадцать километров, большая часть времени уходила на добывание спиртного. Мелко и неумело интриговали, потихоньку дичали, оставленные своими жёнами на съедение свирепым комарам и безысходной тоске. Командование части давно махнуло на всё и всех. Перебои с питанием? Но не умер пока ещё никто – ну и ладно. Самоволки? Ну так возвращаются же обратно – ну и ладно. Учёбы никакой? Ну... за это не с нас спрос. Выделенная на этот учебный год горючка даже до части не дошла – разворовали. Да и ладно, можно и без учёбы обойтись. Солдат спит – служба идёт. Главное, что дальняя авиация

продолжает регулярно летать. А значит, надо успеть затариться дальневосточной икрой, рыбой, японскими праворукими крутыми внедорожниками. Бизнес процветал, втягивая в свои круги и молодых офицеров.

Лейтенант Непряхин, помнится, вначале от таких порядков оторопел, потом долго и безрезультатно возмущался, потом немного загрустил. Ушёл в себя, а если точнее, ушёл к солдатам. Бойцам вверенного взвода смог доказать, что в мирное время необходимо готовиться к войне. Уже сейчас Кавказ полыхал конфликтами, многочисленные местные царьки-националисты, обвешанные ворованным оружием, лелеяли планы выхода из состава России. Их занятия без полётов и прыжков, без должного снаряжения, зато с бездонными запасами патронов и гранат, больше походили на военные игры. Бесконечные броски в тайгу, в сопки, отработка засад, рукопашных сшибок, захватов языков и вновь бег. Бег с горячей и пересохшей глоткой, с полным боекомплектом и снаряжением за этим малахольным лейтенантом. Бег, на который, как ни странно, хватало сил. И бросить отставшего было «стрёмно», как говорили ещё на гражданке. А вот за то, что снимешь с него его автомат и прочее и, хрипя, понесёшь сам, за то тебе «уважуха». Бойцы повеселели, игра в «войнушку» этим вчерашним школьникам оказалась больше по душе, чем опрыскивание картошки от колорадского жука на огороде замполита части. Расправились плечи, по-новому надвинуты береты, и взгляд на соседей свысока.

Он сделал свой взвод лучшим в части. Взводные и ротные невзлюбили, но не признать превосходства не могли. В его присутствии все непроизвольно подтягивались, не допускали матерщины, сальных анекдотов. Старшие офицеры считали выскочкой, белой вороной, который вторгся в их устоявшийся сонный мирок, но который рано или поздно сломает себе шею. Командир части, умудрённый жизнью и опытом войны в Афгане, чуть ли не единственный углядел в нём непревзойдённый воинский талант. Смотрел, тем не менее, с грустью и сожалел, что Непряхина угораздило родиться и стать офицером в такие развалы годы. Годы развала армии, развала страны.

А потом была война. Война, которую назовут потом «первой». Для лейтенанта Непряхина она стала первой и последней. Его рапорту о направлении в полыхающий регион и участии в антитеррористической операции не просто дали ход, его с поразительной быстротой подписали на всех уровнях. Фёдор даже опешил немного. По-настоящему опешил, когда оказалось, что направляют на Северный Кавказ его одного, без личного состава, без взвода, спаянного дисциплиной и дружбой, без его ребят, которых он многому научил. До него дошло, что от него попросту избавляются, своего злорадства по поводу его отъезда большинство офицеров части даже не скрывало. Он ушёл, не попрощавшись.

По прибытии в Ханкалу он столкнётся с тем, чего разум никак не мог понять, а тем более согласиться. Было много начальников, разного ранга и самых различных ведомств, но единого командования не было. От него отмахивались, как от назойливой мухи, советовали не мешаться под ногами, грозили куда-то отправить, но дальше этого хаоса, неразберихи, с каждым днём нарастающего взаимного ожесточения и неподдающегося разуму числа потерь отправлять было некуда.

Наконец дали команду самостоятельно формировать штурмовую роту, и вновь пришла пора взвыть от досады и обиды. Создавать на пустом месте, из того, что оказалось под рукой, собирать с миру по сосёнке. Порой его охватывал ужас – в бой могут бросить уже завтра, а большинство его нынешних бойцов не знали, как открываются люки в БМП. Он выиграл всего несколько дней, ввёл драконовскую дисциплину, он учил своё воинство выживать и побеждать. Доучиваться пришлось уже в ходе боёв за Грозный. Его роту бросали на самые ответственные участки, и благодаря решительности, изворотливости командира она выполняла задачу и выходила из боя с минимальными потерями. В боях за столицу Чечни погибли пятеро его бойцов, ещё два десятка были ранены. Он оплакивал каждого, сердце рвалось на части, в то время в других подразделениях из таких же необстрелянных пацанов, которых, словно специально, кто-то сажал на БТРы и двигал в узкие городские улочки под гранатомёты

бородатых боевиков, из таких боёв живыми возвращались единицы.

Он не переставал спорить с командованием, добивался чёткости и продуманности каждого задания. Однажды отказался выполнять приказ, по его мнению, настолько нелепейший и бессмысленный, что могла бы полечь вся рота. Ему грозили разжалованием, трибуналом, даже посадили под арест в подвал, где он и додумал, и допланировал свой вариант выполнения той же боевой задачи. Сумел отстоять свою правоту, доказать прежде всего тем, что через несколько дней вернулся в расположение без единой потери и с выполненным заданием.

Своего мнения здесь иметь не полагалось, поэтому его собственную точку зрения воспринимали лишь как проявление склочного, неуживчивого характера. А ещё он категорически отказывался от спиртного. Нет, конечно, он не был трезвенником, мог осилить немалую дозу и при этом, как ни странно, оставаться в здравом уме. В первый же месяц пребывания здесь на его глазах пьяный капитан повёл роту в открытую атаку и в считанные минуты она полегла почти вся. Капитана вытащили из-под огня, истерзанного осколками и пулями, и он истошно орал, требуя пристрелить его, либо порывался сделать это самостоятельно, но кисти обеих рук были изуродованы. Всё это выглядело по-киношному картинно, одновременно неловко и неуклюже. И не понять, чего там было больше: искренней боли за погибших или пьяного угара. С того дня он ввёл в роту сухой закон: «Хотите домой живыми вернуться? Не пейте!» А одного бойца, замеченного в покуривании «травки», избил лично и при первой же возможности добился его откомандирования.

Не любили даже за его трезвость. «Коли не пьёт с нами сегодня – завтра может “вложить” командованию». Ему оставалось огрызаться, переживать обиду, страдать от какого-то всеобъемлющего бардака и вопиющей несправедливости. Были ли друзья? Конечно, были. Как же на войне без друзей? Был взводный в его роте Жека Примак – умница, расчётливый и отчаянный одновременно, которого за полное совпадение имени и фамилии с видным политическим деятелем Евгением Примаковым наградили прозвищем «внучек».

Был командир соседней роты Роман Хлебников – твёрдый и порядочный мужик, был из вышестоящих – полковник Чапыгин, с опытом Афганистана, который, чуть ли не единственный, пытался понять и по возможности сберечь. Был механик-водитель ротного БТРа Витёк, верный и преданный до самозабвения, были, наконец, бойцы его роты, которым он мог открыто смотреть в глаза, в которых стал уверен – эти не продадут и не бросят.

Полковник Чапыгин дважды представлял его к званию Героя России, и всякий раз находились люди, считавшие это преждевременным, пока ещё не вполне заслуженным.

– Считаете, что пока ещё рано? – набычившись, играя желваками, стоял Чапыгин перед генералом. – Не думаете, что завтра уже поздно будет? Пацан каждый день по самому краю ходит!

– Ты меня, Чапыгин, не учи, у тебя полк, а на мне целая дивизия пацанов таких. Дойдёт и до твоего Непряхина очередь.

Как всякий военный, Непряхин не был равнодушен к наградам и званиям. Но здесь, на этой войне, сломавшей многие стереотипы, он пересмотрел и своё отношение к звёздам на груди и погонах. Если и хотел получить звание Героя, то чтобы только доказать отцу, что он тоже из рода Непряхиных, из рода Героев. Только потом узнал от матери, что отец ни о каком героизме сына и не помышлял, вдруг начал молиться, молиться, абсолютно не умея, скрывая это от окружающих. Просить Господа оставить его единственного сына в живых. Старый воин знал цену наградам и цену жизни на войне.

Оказавшись после первого ранения в Москве, Непряхин в числе других был приглашён в Кремль, где высокий орден ему вручал лично президент. А перед тем руководитель кремлёвского протокола, спокойный и выдержанный молодой ещё человек, сказал ему как о чём-то не допускающем возражений:

– Вас, старший лейтенант, будут награждать последним. Выступите с ответным словом. Поблагодарите президента и главнокомандующего за оказанное доверие, за честь. В общем, найдёте подходящие слова.

Фёдор молчал непростительно долго, ответил, разделяя каждое слово:

– Мне нечего ему сказать.

– Вот даже как? – руководитель протокола заглянул в папку со списком награждаемых. – Непряхин... – И внимательно взгляделся в лицо своего ровесника с выгоревшим льянным чубчиком и облупившимся носом. Смотрел долго, словно запомнить хотел. Видно, запомнил.

Год войны. Целый год, вместивший в себя столько, что хватило бы не на одну жизнь. Год, испепеливший душу, сломавший всё, что можно сломать. В перерывах между боями порой наступало полное оупение и нежелание кого-либо видеть, хоть что-то делать. Иногда сердце взрывалось раздражением, вспышками дикого неуправляемого гнева на какие-то там «верхи», что словно умышленно бросали в эту бойню всё новые партии необученных и плохо обеспеченных довольствием и огнеприпасами молодых людей. Досадой на самого себя, что вынужден выполнять приказы для громких реляций о грандиозных победах к какому-то празднику, к чьему-то юбилею. Он по-настоящему записывал, чувствовал, что вот-вот сорвётся. Но впереди его снова ждал бой, на этот раз последний.

Вроде всё было продумано, насколько позволило время. Да и задача была благая – шёл на выручку другу Хлебникову, роту которого зажали в ущелье. Однако на той стороне тоже не одни пастухи воевали. Спланировали так, что он сам угодил в западню. Его ждали, к встрече с ним были готовы. И вот он уже второй час с простреленным плечом и с зубовным скрежетом мучительно наблюдал, как догорали его БТРы, как методично и деловито убивали его роту. Боевики подтянули миномёты и не жалели мин, оставаясь недосягаемыми для ответного огня. Помощь пришла, Чапыгин добился вылета вертолётов прикрытия, но он уже ничего этого не видел. Осколками ему изрешетило ноги и начисто вырвало пятку на правой. Его, потерявшего сознание, вытащил из-под огня верный Витёк.

Потом были госпитали – один, второй, третий и операции – одна, вторая, третья. Его резали, шивали и вновь резали. Вместо пятки пытались вставить протез из высококачественного металла, а он всё

никак не хотел вживаться в живое тело старшего лейтенанта, и вновь резали.

Шли месяцы, и Непряхин, ошалевший от непрерывных болей и постоянных наркозов, был близок к помешательству. Гораздо большие страдания приносили видения из прошлой войны и чувство вины, что не сберёг своих солдат, что двенадцать из них погибло и почти тридцать ранено. Успокоения не приходило, даже посещения сослуживцев и их заверения, что он ни в чём не виноват. Так сложилась обстановка. Погибли бы все, если бы он не учил своих бойцов воевать и выживать, если бы не его умелое командование в первые часы боя. Он винил только себя одного, и это самобичевание изнуряло больше всего, отбирало силы, не оставляя их на борьбу с болями телесными. Его ещё раз наградили орденом, в который раз отклонив представление Чапыгина на звание Героя, и списали из армии. Жизнь раскололась на «до» и «после». И в той новой для себя жизни места себе он не находил.

Беды и несчастья навалились разом, а потом растянулись на несколько лет чёрной без конца, казалось, полосой. Отец, патриот военной службы и родного Отечества, не вынес развала армии, развала страны, не мог смириться с откровенным предательством её интересов в угоду Западу. Не понял, да и не хотел воспринять ни одной из взявших верх во всей окружающей жизни либеральных идей. Ударом были для него и нелады в семье единственного сына, и последующее увечье Фёдора на войне. Рушились его мечты относительно сына, его надежды и опоры. Отец слёг и потом ещё полгода пролежал, безропотно перенося страдания онкологического заболевания, постепенно угасая. Из жизни ушёл, не надрывая родных горестными прощаниями и заветами. Как рассказала потом мать, единственное, о чём просил, – отпеть в церкви Михаила Архангела в дальнем пригороде Санкт-Петербурга, что и было исполнено. На похоронах было мало народу, всего несколько старых боевых друзей, шаркающих с палочками по кладбищенским аллеям, да бывших сокурсников Непряхина-младшего, по случаю оказавшихся в Питере либо проходивших здесь службу.

Мать пережила отца всего на год, вроде бы и не болела, а может, просто никогда не жаловалась на собственные немочи. Ушла тихо и незаметно.

Фёдор заворочался на верхней полке вагона. Непроизвольно вспомнилась бывшая жена и всё, что связано было с этим человеком. Гнал от себя воспоминания, то, что хотел забыть, и то, что, казалось, давно зарубцевалось. Он давно простил её. Впрочем, было ли что прощать? Экая невидаль – не захотела ехать в его дальневосточную тьмутаракань. Что бы ей там делать, ведущей телевидения северной столицы, красавице и умнице? Какое-то время она ещё встречала его в Питере, надеясь, что эта отлучка его временная – на пути к генеральским погонам. Когда попал на Северный Кавказ, видно, приняла окончательное решение, прислала покаянное письмо с просьбой дать развод. Письмо пришло как нельзя вовремя, нагнало его уже в третьем госпитале. Он и это простил, нашёл какое-то объяснение и оправдание. Обиделся только тогда, когда не пришла на похороны отца, а потом и матери. Старики относились к ней очень хорошо, уважали выбор сына, а их одобрения его выбором он, по большому счёту, и не спрашивал.

Глава третья

После смерти родителей, оставшись один в гулкой питерской квартире, поначалу он растерялся, не знал, что делать с уймой свободного времени. Пытался каким-то образом наладить быт – ничего не получалось, восстановить старые связи – того хуже. Как только узнавали о его нынешнем положении пенсионера и инвалида, теряли всякий интерес. Шёл процесс бешеного накопления капитала, все старались успеть, было не до него. Работы не было даже для здоровых, что уж о нём говорить. Постепенно стал прикладываться к рюмке, благо на это денег пока хватало. Даже в этом не находил успокоения, всё заканчивалось страшными похмельными мучениями, ещё большим ощущением собственной вины за смерть ребят там, в этих бесконечно красивых и гибельных горах. Не проходила обида на всех и вся в этой треклятой жизни.

В тот день он вновь пошёл к храму. Нет, вовсе не за тем, чтобы молиться. С недавних пор здесь у него появился друг. Иван Жердев. Ванька, бывший морпех из гвардейской бригады, а ныне инвалид без обеих ног, что в числе других побирušек просил милостыню у ворот церкви. Месяцем раньше Непряхин стал свидетелем, как бритоголовые бандюки из чёрного внедорожника отобрали у Ивана дневную «выручку», сунув взамен бутылку бормотухи. Фёдор полез в драку, обида и ярость затмили рассудок. Про изувеченные ноги и не вспомнил. Вспомнил, когда опешившие поначалу бандюки навалились все разом. Иван тоже в стороне не остался – разбил вручённую бутылку об одну из бритых голов. Вид у поверженного был тот ещё – с головы до ног не то в кровище, не то в винеще. Потом их основательно и продолжительно «метелили» ногами. А через дорогу, у кафешки напротив, стояла машина ППС, и стражи порядка, затарившись на дармовщину у хлебосольного Арсена, вяло и равнодушно наблюдали, как пятеро в чёрных кожаных куртках преподают урок двоим в выцветших камуфляжах. Не могли не видеть и перевёрнутую инвалидную коляску.

Так вот и сдружились. С Иваном было просто. Можно было сколько угодно изливать душу, и он тебя поймёт. Можно бесконечно долго молчать вдвоём и цедить из одного стаканчика степлившуюся, отдающую ацетоном водку.

Сегодня Ваньки не было, а его «коллеги по цеху» услужливо сообщили, что третьего дня тот умер, опившись какой-то палёной гадостью. Намекнули, что неплохо бы помянуть бывшего морпеха. Фёдор вытащил и отдал им всё, что было в карманах. Проходивший мимо священник остановился, пристально в глаза заглянул. А там такая тоска и безысходность, что не смог пройти мимо.

– Ивана, царствие ему небесное, уже не воротишь, – знал, видно, что не только в церкви делается, но и у её ворот. – Пойдём, работа у меня для тебя есть. Поможешь, коли время есть.

Потом они полдня очищали от известкового раствора старый кирпич и складывали у стены в аккуратные стопы. Отец Виктор говорил мало, лишь участливо слушал и тяжело вздыхал, сопереживая.

Незаметно и неожиданно для самого себя Фёдор рассказал ему всю свою немудрёную историю и прежде всего о непроходящем чувстве собственной вины в гибели солдат. Рассказал о потрясшем его там, на Кавказе, виде порушенной и сожжённой церкви, которая стояла там с середины девятнадцатого века, и зверски убитом её настоятеле, не старом ещё православном священнике. Фёдор изливал душу незнакомому человеку, и оттого собственная боль хоть ненадолго, но отпускала.

– Каждый человек ежечасно встаёт перед выбором. И от этого выбора зависит порой сама жизнь. Жаль Ивана, царствие ему небесное, бесхитростный был мужик. Столько пережил за свою недолгую жизнь, а ушёл из неё бесславно. Это ведь я нашёл его за забором и скорую вызвал. Да уж поздно было. Жаль. Тебя вот, Федя, тоже жаль. Стоишь ты, на распутье будто бы, и выбрать не можешь, какой дорогой идти.

– Подскажите, отец Виктор, подскажите, если знаете. Вам ведь, священникам, дано многое знать, чего простым смертным не видно.

– Выбор всё одно за тобой останется. Я лишь Бога буду молить, чтобы указал он тебе ту самую дорогу. Может, и не скоро это произойдёт. А пока, Федя, я бы посоветовал тебе все силы положить, чтобы не ступить на путь неправильный. Поезжал бы ты, чадо, в Мартириеву Зелёную пустынь, монастырь Свято-Троицкий, а я письмо игумену Пахомию для тебя подготовлю.

– Не думал я как-то раньше о монашеской жизни.

– А сейчас и не о ней речь. Неволить тебя никто не собирается. Поживёшь там, в тиши и покое, в трудах праведных, с жизнью братии познакомишься. Пахомия послушаешь, зело учёный он и праведник, каких не сыскать. Время лечит, и у тебя душа на место станет, и ты на многие вещи в жизни по-иному взглянешь.

Вместо предполагаемого месяца Непряхин провёл в монастыре почти полгода. Он не стал иноком, не стал послушником, он работал вместе с такими же мужиками – трудниками. У каждого из них нелёгкая, порой противоречивая жизнь за спиной, отдельных из них отвергла семья, отвергло общество, другие сами не захотели в этом обществе жить. Искали душевного покоя и равновесия за толстыми

монастырскими стенами. Черпали силы в беседах с настоятелем Пахомием, который учил, но никогда не поучал.

Фёдор освоил кирпичную кладку, причём делал это, сидя на стопке кирпичей, не нагружая раненую ногу. Углы выводить не доверяли, но закладывать стенные проломы у него выходило прилично. Уже через месяц незаметно пришло понимание, для чего он пришёл в эту жизнь, что может оставить после себя. Как никогда за последние годы, он много и вдумчиво читал, а затем обсуждал прочитанное с игуменом Пахомием. Там же, в монастыре, он впервые увидел и прочёл небольшую книгу-мартиролог, изданную в Кромске, где среди сведений о сотнях священников, монашествующих и мирян Кромской епархии, пострадавших в годы гонений, нашёл сведения о своём прадеде Фёдоре Непряхине.

Через полгода он, стоя у южных ворот, последний раз окинул взглядом храм Троицы Живоначальной, в строительных лесах, церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, колокольню, потрогал ладонью старинную кладку монастырской стены. Он уходил из монастыря с твёрдым намерением поступить в Санкт-Петербургскую духовную академию, получив на это благословение Пахомия. «У каждого своя дорога к храму, дорога к Богу...» – сказал старый настоятель.

Фёдор вышел из купе, прислонился к вагонному окну, за которым пробегали давно знакомые пригородные станции и платформы. «Скоро дома...» – подумал и невольно заулыбался в предвкушении встречи с женой и детьми. Случилось это два года назад. Свою Веру он подобрал буквально на улице. Решил заглянуть ненадолго в свою питерскую квартиру и у метро встретил её, с испуганными, широко распахнутыми глазами, с двумя настороженными детьми, мальчиком лет шести и трёхлетней девочкой. Вынужденная бежать от нужды и разгоравшейся в Ферганской долине межнациональной бойни, она добралась до Ленинградской области, где, по последним слухам, жил её отправившийся на заработки и запропавший муж. Найти нашла, только обрести заново не получилось. Другая семья у него, и ребёнок в кровати попискивает. Ушла молча, под неуклюжие оправдания

бывшего мужа, под ненавистные взгляды враз ощетинившейся, готовой драться за своё счастье его нынешней женщины. Не осуждала, за что осуждать? У каждой своя дорога к семейному счастливому очагу. А тут мужик, работающий, да к тому же непьющий, что в этих краях в то время было большой редкостью. А что ни кола, ни двора у него, так довольно, что у неё хоромины добротные от родителей достались.

К довершению свалившихся на её голову невзгод и неприятностей по дороге в Питер её ограбили, оставив без денег, а главное – без документов. В миграционной службе посоветовали возвращаться в свою южную республику, восстановить там паспорт, добиться лишения гражданства своей бывшей родины, а уж затем думать о переселении в Россию. Легко сказать – «возвращаться», а как? Без денег, без документов?! Перебивалась случайными заработками, сняла под временное жильё веранду в пригороде. За работу почти не платили, и она порой сутками не ела, чтобы только накормить детей и оплатить жильё. Посытнее стало, когда устроилась посудомойкой в узбекскую кафешку к своему бывшему соотечественнику Надиру. Он и угол ей предоставил в подсобке. Сегодня вот и он выгнал за то, что решительно отклонила его приставания. Она была на грани отчаяния, ночь на дворе и сырая ветреная осень. Потому, наверное, и не понимала слов остановившегося и заговорившего с ней Непряхина. Тому не надо было пространных объяснений, и без того видел – в беде люди. От предложенной помощи отказалась, тем более незнакомец предлагал ей ни много ни мало переночевать у него. Согласилась лишь тогда, когда разглядела на Фёдоре под курткой подрясник до пят. В той прежней своей жизни её родители были верующими, и маленькой Верочке часто приходилось видеть доброе открытое лицо настоятеля православного храма отца Павла. Его бескорыстие, отеческое внимание к нуждам своих прихожан невольно сформировали глубокое уважение ко всем священникам.

Фёдор, зная, что холодильник пуст уже почти год, закупился продуктами в круглосуточном ларьке, показал свои хоромы и, оставив немного денег, поспешил удалиться в общежитие.

Предупредил, чтобы без особой надобности не ходили по городу, пообещал приехать в воскресенье после утренней службы. Дорогой растроганно вспоминал, как сын Веры, семилетний взъерошенный, худенький, с горящими крупными глазами, встав впереди матери, задвинув за спину сильно заикающуюся сестрёнку, глядя прямо в глаза, заявил: «Не обижай их, дядя».

– А вот это правильно, это по-мужски, – сказал этому ребёнку вполне серьёзно, и голос при этом, как секунды назад у Павлика, сорвался.

Теперь это его семья – Верочка, сын Павел, ученик второго класса, и маленькая Лиза, заикающаяся теперь лишь в минуты сильного волнения. Он вернулся ровно через неделю и был удивлён блеском, чистотой и порядком в запущенном своём холостяцком жилище. А ещё тем, что Вера перезнакомилась с соседями, договорилась мыть подъезды за небольшую плату.

– Если квартира ваша действительно пустует, мы с радостью останемся, но только за плату исключительно. Иначе уйдём, не могу я по-другому, – и достала из кармана фартука аккуратно сложенные, но порядком затёртые пятёрки и десятки.

Фёдор вынужден был взять, и положить их в дальний верхний шкафчик, и брать все последующие месяцы, без малого год, почитай, до самого их венчания. Фёдор перебрался из общежития на квартиру, и они привыкали к своему новому положению, к новому для каждого ощущению, что жизнь семейная может быть и такой. А какой «такой», наверное, сразу бы и ответить не смогли. Без лишних слов и восклицаний жили в самими созданном мире из нежности, внимания и заботы. Как-то призналась: «Ты не подумай, Федя, что это я из благодарности, за то, что принял меня с детьми, к жизни вернул. Просто я очень сильно люблю тебя, невозможно тебя не любить...» Он смолчал, лишь сильнее прижал прильнувшую к нему жену. О своём счастье они даже в голос никогда не говорили, при этом каждый втихомолку молился Спасителю, что ниспослал его.

Год назад случайно встретился с Евгением Примаковым. Да нет, не с министром – с бывшим взводным из своей роты.

Капитан Примаков затискал в объятиях, затормошил, засыпал бессвязными вопросами. Фёдор тоже несказанно обрадовался встрече. Потом долго сидели на кухне у Непряхина, и хозяин внимательно вглядывался в лицо желанного гостя. Изменился Женька, заматерел. Вон и шрамчик, едва заметный в глубокой залысине, и морщины в углах рта. Прежними были только блеск эмоций в глазах, неутомимость в движениях рук и неиссякаемая энергия, бьющая ключом из самого, казалось, примаковского существа.

– Представляешь, Федь, а нам всё по фигу. Нам что «голубые» каски миротворцев, что родные голубые береты – всё одно. Двенадцать с небольшим часов и шестьсот двадцать километров позади. Из Боснии и Герцеговины, через Белград в Косово – и вот аэропорт в двенадцати километрах от Приштины в наших руках. Заметь, друг, жара под сорок, а мы на броне и под брезентом. Скорость – восемьдесят км/ч в час. Видел когда-нибудь такое? Колонна из восемнадцати БТРэров и тридцати с лишним грузовиков чтобы так шла? Скорость замедлилась лишь ближе к Косову. Вереницы беженцев навстречу и выводимые сербские войска. Эти плачут, встречая нас, а сербские бойцы рвутся присоединиться к нам.

– Кто-нибудь из наших общих знакомых был там?

– А как же? «Кто, если не мы?» – помнишь девиз наш. Сергей Павлов – помнишь, в Урус-Мартане пересекались? Он нашим сводным батальоном и командовал. Сейчас полковник. Ещё Юнусбека ты должен помнить. Он со своим спецназом ещё за месяц все окрестности Слатины облазил, мы пришли с готовыми картами, планами. Герои теперь. Я вот тоже вниманием не обойдён, – Женька показал орден, – вот он, за Приштинский бросок, ну а остальные ещё там, на Кавказе, при тебе ещё.

Примаков смутился тому, что расхвастался, ненадолго, правда.

– Такие вот, ротный, дела. Видел бы ты, как натовские генералы ножками сучили, для них это полная неожиданность и полный абзац. Подогнали танки английские прямо к нашему блокпосту, а Павлов им мой взвод показывает. Десяток гранатомётчиков в двадцати шагах, и все их железяки под прицелом. Уехали от греха. А что наши водилы с

БТРов творили! Устроили танцы на бетонке на своих машинах, и как ни пытались америкосы вертолёты на взлётные полосы посадить, не вышло у них ничего.

– Долго потом там пробыли?

– Месяца полтора, потом домой, – Женька помрачнел и притих малость.

– Знаешь, Фёдь, я там впервые гордость испытал. За страну, за армию нашу. Думал – вот, пришло наконец время. Сколько до этого обворовывать её можно было, клеветать на неё, предавать и под пули гнать бессмысленно? Мы там всё это испытали.

– Я здесь тоже это чувствовал. Не один только я.

– Недолго, правда, погордиться пришлось. Потом всё, как всегда, просрали наши правители победу нашу. И ни у кого даже не шевельнётся совесть, что все труды наши и потери коту под хвост. И-эх! Наливай, Фёдор Фёдорович. Главное, мы теми же остались. Или не так? – пытливо в глаза заглянул.

У Непряхина клокотало всё в груди, он жадно слушал друга и понимал, что армия никуда не ушла из его жизни. Всё оставалось настолько близким, дорогим и мучительным одновременно, до всего хотелось коснуться руками, сердцем собственным.

– Тебе в твоём нынешнем положении пить, наверное, не положено.

– Можно, отчего же. В меру только, да с такими вот, как ты, Жека. Давай помянем ребят, что там в горах остались. – Фёдор резко поднялся, и боль в ноге резко напомнила о себе. Примаков заметил гримасу на лице: «Болит?»

– Нет не там, а здесь вот болит...

– Не казись, Фёдор. Я, между прочим, только благодаря тебе и живым из той передраги вышел.

Замолчали надолго.

– Вижу, тоскуешь ты, ротный, по армии, всерьёз тоскуешь. А ты иди к нам опять! Вот закончишь свою бурсу – и иди к нам полковым священником. Капелланом, как сейчас модно говорить. Терпеть не могу этого словечка западного. Огорчусь сильно, если у нас приживётся. Лучше уж как в старой русской армии – «полковой батюшка».

– Не думал, признаться, об этом. Это что же, на убийство благословлять? Водичей святой кропить перед боем, где через час-другой не водица, кровища польётся?

– Не упрощай. До конца и мне роль воина-священника в современной армии не понятна. А только так понимаю, нужно вовремя поддержать бойца. Ему, от дома оторванного, от мирной жизни, вдвойне тяжелее. Кто, как не батюшка, сможет помочь? А раненому страдания облегчить?

– Да и вряд ли возьмут, инвалид я в моём нынешнем положении. – Фёдор не мог скрыть, что спонтанное предложение друга взволновало и заинтересовало его.

– Придёт время, и твои раны зарастут. Кому, как не тебе, быть сейчас в нашей армии? Приезжали с полгода назад к нам в Псков, в бригаду два молодых священника. Только из семинарии будто, только не прижились. Бойцы над ними подсмеивались. Автомат разобрать-собрать – у них руки трясутся. Прыжки с вышки, я уж не говорю с самолёта, так бедолаги от страха позеленели. А как в армии быть хотя бы без начальной военной подготовки? С солдатами говорят вовсе языком непонятным. Ты, уверен я, нашёл бы общий язык. И слова молитвы дошли бы до ребят. Тебе есть что сказать. Опыт армейский, боевой, а ныне вот образование духовное. Ты же, Федя, готовый батюшка полковой. Я зам по боевой, а ты – по политической части, ну по духовной, иными словами. Да мы горы свернём. «За Веру, Царя и Отечество» – не пустыми словами станут. Не придирайся к словам, пусть будет без «за Царя». Там Веры и Отечества достаточно. А то всё какую-то национальную идею ищут. Вот она в готовом виде! Главное – без политической шелухи и трескотни о патриотизме. Давай, командир, решайся, а я за тебя слово замолвлю. Да и не придётся, чувствую, ты без моей рекомендации ни в каких протезах не нуждаешься. Ты это всей своей жизнью доказал. Извини, что-то я сам на словесную трескотню скатился. Ждать буду, как вернусь во славный град Псков, начну твоему семейству жильё подходящее подыскивать. Решайся, Фёдор, надеюсь, через год встречать тебя буду.

И Фёдор решился. Не сразу, не враз. После короткого разговора с женой, которая только и сказала: «А я, Федя, с тобой. Куда ты, туда и я. Неужто засомневался? Ребята вон как к тебе привязались. Павлик боготворит, главный критерий у него: „А что на это пап Федя скажет?“ Лиза, та вообще в тебя влюблена не по-детски».

Принял решение после долгих бесед со своим духовником, отцом Виктором, и его благословения. Оставалось только закончить последний курс и получить сан.

И вот теперь эта поездка в Архангельское Кромской области, село, оказавшееся нечто большим, чем предполагал Фёдор. Связь времени, связь крови, связь духа оказалась гораздо сильнее, чем мнилось ранее.

Фёдор, присев на краешек кресла, осматривался в приёмной. Всё, «как в лучших домах...» – кожаные светлые диваны и кресла, огромный, в полстены, аквариум с экзотическими рыбами самых невероятных форм и расцветок, на стенах не то подлинники, не то искусные копии картин сюрреалистов, за столом длинноногая секретарша с ангельским личиком, голоском, с которыми не очень гармонировали цепкие, пытливые глаза. Обычно такие больше прожжённым матёрым операм из правоохранительных органов присущи. Они словно предупреждали, что за репутацию, покой и саму жизнь шефа любого порвут.

Шеф – глава многоотраслевого холдинга – был сейчас действительно занят, проводил совещание со своим штабом. «Интересно, о чём они сейчас там совещаются?» – подумал Фёдор. Из-за двойных, кожей обитых дверей не слышно было ни звука. «Не иначе глобальные проблемы современности решают. К примеру, как прибрать к рукам обанкротившийся порт или как наварить ещё десяток миллионов зелёных на поставках алюминия. При этом распахать, обойти конкурентов, отбиться от бандитов, не подлезть под ментовскую крышу, и т.д., и т.п. Бедняга Лёшка. Как только можно выжить в таком повседневном кошмаре?» Лёшка, он же Алексей Кириллович Томилин, в приёмной которого находился сейчас Непряхин, был его давним другом. Одним из немногих, оставшихся ещё с суворовского училища, круглый отличник, медалист, военная карьера которого

тем самым училищем как раз и ограничилась. Зато взошла звезда бизнесмена, причём с нюхом овчарки и хваткой бульдога. Разность в положении, в жизненных устоях, в характерах не мешала им, однако, с уважением и добротой относиться друг к другу.

Именно Лёшка после возвращения Фёдора из армии предложил оплатить операцию и лечение его отца в онкоцентре в Израиле. И это были не слова, не спонтанный жест. Кстати, и этот протез из хрома и никеля, который, наконец, начал «приживаться», заказан в Германии и оплачен Томилиным.

– Извини, ждать заставил. – Они обнялись, в упор в глаза друг другу взглянули. – Ну, проходи, проходи. Всё, знаешь, дела, и нет среди них ни одного, что на потом можно отложить, – все срочные.

– Не жалуйся, акула капитализма. Не пожалею. Вон вижу, всё процветает.

– А ты, никак, ваше преосвященство, исповедовать меня пришёл. Не трудись, грехов на мне... Не отмолишь тебе их никогда, Федька. С моими грехами, боюсь, даже в ад, подумают, брать ли. Ну, давай, располагайся, тебе что – чай или кофейку? И можешь не торопиться свои проблемы выкладывать, у нас сорок минут целых свободных. Дай-ка посмотрю на тебя, отче. Хорош, хорош, и борода тебе идёт, я уж к ней привык, и седина в висках прямо-таки к месту. Солидно. Настоящий пастырь таких, как я, овец заблудших. Давай рассказывай, как Вера, ребяташки?

– Всё нормально. Выпуск у меня через месяц, а затем, надеюсь, – к новому месту службы. В село я еду, Лёш, в село родное.

– Как так? Ты же рассказывал, что будто бы вновь в армию собрался? И какое ещё село родное? Ты же коренной питерец. Это я, в отличие от тебя, из провинции, живёт там ещё моя деревенька-колхозница.

– Ну вот видишь, выходит, «вы пскопския», а «мы кромския». И у меня малая родина есть. Все наши непряхинские корни там, в Архангельском. Деды-прадеды в местной церкви служили. По поводу неё я к тебе и с просьбой, Лёш, – Фёдор торопился сразу перейти к главному, с чем пришёл. Томилин, наоборот, примолк, глядя в лицо друга.

– Церковь там, говорю, точнее то, что от неё осталось. Но восстановить можно. Надумал я взяться за это. Просьба у меня к тебе, Лёш, помоги деньгами. Я не знаю, сколько, наверное, немало. – И видя, что Томилин продолжает молчать, заторопился ещё больше: – Ты не подумай, что всё на тебя взвалю, мы с женой решили продать свою квартиру, в Архангельском подберём себе, там дома вовсе ни по чём. Квартира родительская, знаешь, на Невском, она на несколько миллионов потянет. Для начала работ хватит. Если не сейчас, то, может, позже? А, Лёш? – И вновь в ответ ему долгое и напряжённое молчание. Фёдор почувствовал себя неуютно, неловко как-то. На себя досада брала: «Ну, чего попёрся, у кого просить собрался?»

– Так, всё понятно, – наконец заговорил Томилин. – А тебе известно, Федя, что на моём, считай, полном обеспечении два детдома? А ещё детская футбольная команда, чемпионами округа, между прочим, стали. Вчера вот ещё в дом престарелых десять электроплит закупил. Мэрия из моего кармана, как из собственного бюджета, на социальную помощь сосёт. Они пиарятся, помощнички всем обездоленным, а я плати. Другое-третье, иногда по мелочи, а иногда и чувствительно.

– Это же церковь. Будет церковь – детских домов меньше станет, – последнее Непряхин говорил уже вовсе упавшим голосом.

– О церкви, кстати. Я реально представляю, во сколько это восстановление обойдётся. Насмотрелся на родной Псковщине, что из себя эти строения представляют. Руины одни!

– Что ж, по-твоему, вовсе не касаться, пусть догнивают, пусть рушатся?

– Ты меня, Федь, на жалость не дави. Я в этом месте железобетонный, не продавишь. Да и не очень верю я во все эти начинания. Думаешь, я не пробовал, думаешь, не касался этого? Да мы с моим земляком Генкой Гавриловым, из авторитетов он питерских, на паях в родной деревне церквушку рубленую построили. Красавица вышла, на загляденье. Открыли – освятили, почётные грамоты получили. Приехали через год, а в церкви пустота, ни батюшки, ни прихожан. Представляешь, со всей округи никто не ходит. Так, две дряхлые старушки – и всё! Не единой души больше. И священник раз в пару

месяцев наездом бывает. Напились мы тогда с Генкой от досады и какой-то безнадеги. Напились до бесчувствия. Пойми, нам не денег было жаль, нам жалко мечту нашу было. Так что извини, Фёдор, поостерегусь я пока в это дело вкладываться.

– Оно так, оно конечно. Какие уж тут обиды могут быть. – Фёдор суетливо засобирился, неловко ударился увечной ногой о ножку стула, от боли скривился, а где больнее было – не понял.

– Понимаешь, мы тут сейчас такое грандиозное дело затеваем, у меня самого дух захватывает. С выходом на китайский рынок связано. Сейчас все средства туда пойдут. Пока грандиозность и будущие дивиденды этого проекта осознают единицы. Кто не успел – тот опоздал. Жёстко, но такова жизнь.

– Да, ладно, Лёш, что оправдываться, не идёт тебе это. А на нет и суда нет, как бы мой прадед сказал. Пойду я. Храни тебя Бог.

Глава четвёртая

Прошёл год, и Фёдор вновь переступил порог церкви, мысль о которой ни на миг не покидала его всё это время. Он истово перекрестился на остатки настенной росписи с изображением Михаила Архангела. На миг показалось, что она сегодня ярче и светлее, чем прежде. И роспись эта уже не выглядела безвозвратно утраченной. «Вот... вернулся я, Архистратиге Михаиле... вернулся, как обещал».

Сердце ликовало, готовое выскочить из груди, одновременно груз, неподъёмный груз ответственности ложился на плечи: «Справлюсь ли? Смогу ли? А разве есть другие пути? Отступить всё одно некуда. Да и не в крови у Непряхиных отступление».

Он вспомнил свой последний разговор с Алексеем Томилиным. Тот позвонил сам.

– Фёдор, ты чего трубку не берёшь? Обиделся? Так вот слушай, братишка. Твой непутёвый друг всё осознал и готов искупать свои грехи, – дурачился Лёшка. – А если серьёзно, я передумал. Чёрт с ним, с Китаем, у нас тоже неплохо. Уступлю другим, а то действительно от моей жадности можно и подавиться. Кстати, идею и первичные

наработки надеюсь выгодно продать, – и здесь Томилин оставался самим собой.

– Значит, так, с тобой свяжется мой инженер Никитин, парень толковый, работник надёжный. Когда надо будет, он приедет, всё осмотрит, смету составит и так далее. Деньгами не сори, но и не жмись. Коли уж взялись с тобой за такое дело, должно быть всё только в превосходной степени. Целевой счёт в банке будет открыт у вас непосредственно в Кромске, с тебя отчёт ежемесячный, и чтобы всё до копеечки, у меня с этим строго. Через год лично приеду, готовься к серьёзной промежуточной приёмке. Квартиру пока не продавай, временно будет у меня вроде как в залоге. Время придёт, тебе ребят учить надо будет; Питер – всё-таки не твоё захоlustье...

– Федь, а Федь, ты чего там молчишь? Сопишь только тяжко. Будет, будет, не хватало ещё плакать, не к лицу нам, бывшим суворовцам... Догадываюсь, о чём думаешь, – с чего бы такому скупердюю Томилину вдруг расщедриться? Не ломай голову, брат, я и сам на этот вопрос ни за что не отвечу. Подумалось вдруг, как там у вас в ВДВ: «Кто, если не мы?» Такие-то, брат, дела.

Позади остались сборы, по приезде в Кромск беседа с архиепископом, который не скрывал радости от нежданно-негаданно обретенного священника. Не мог скрыть владыка и удивления по поводу просьбы о направлении в приход села Архангельское.

Сзади послышалось старческое покашливание, увидел согбенную фигурку бабушки Нюры. Увидела, узнала, распрямилась, в глазах – вспышка радости.

– Здравствуй, Федюшка, здравствуй, сынок, – старушка, обхватив голову Фёдора руками, наклонила, расцеловала троекратно. – Да что же это я, старая, совсем из ума выжила, лезу лобызаться, а надо под благословенье подходить. Благослови, батюшка, благослови, отец Фёдор, – что тот сделал с нескрываемой радостью. Прижал затем вновь к себе пустившую слезу бабу Нюру.

– А я ведь ещё прошлый раз догадалась. Да нет, уверена была, что священник ты, а спросить так до конца и не решилась. Послушай,

Федюшка, ой, отец Фёдор, ты вроде в прошлом году сулился с матушкой, с детками приехать? Ай не похотели они?

– С ними и приехал, на твоём крыльце дожидаются. Пришли, а тебя и нету, одна коза перед домом на верёвке. Думаю, раз коза на месте, дождалась меня моя бабушка. По делам, видно, отлучилась.

– Что ж мы стоим? Пойдём, пойдём. Как же они там, одни-то.

У палисадника бабы собрались, с любопытством в сад заглядывают, где за столом под яблоней баб Нюра гостей подтчивает. Две, особо дотошные, успели заглянуть к старушке «по делу», у одной, как оказалось, муки в доме ни крошки не осталось, другая за солью прибежала.

– Батюшка, гляди, молодой ещё. Высокай, и собой пригож...

– Хроменький, никак?

– Ничо, ему по нашему бездорожью грязь не месить; погостить с недельку – и поминай, как звали...

– А может, всё ж насовсем?

– Оно б, конечно, рази плохо б было. А Нюрка-то, Нюрка, кочерга старая, глянь-ка, распрямилась, так по двору и скачить, так и скачить...

– Говорять, сродственник ей батюшка этот.

– А матушка в положении, никак? Ай не видишь? И на лице вон пятна тёмные. А так, навроде, ничего, аккуратная. Вон и не расселась королевной, Нюрке помогаить. Да... вот бы остались...

– Коль останутся, можно тогда и про церковь подумать, за ремонт взяться.

– Ага, ремонт! Да он во скока обойдётся?

– Ай мы в стороне останемся? С миру по нитке, как говорица. И ты, Шурка, мошной тряхнёшь, знаю я тебя, припасла, небось, полна коробочка...

– А я чо? А мы чо? Мы тожа в стороне никогда не были...

За столом тем временем отобедали. Дети вглубь сада ушли, там малина с ежевикой поспели. Вера посуду перемывала, аккуратно

рядком чистую выставляла. Баба Нюра в дом ненадолго отлучилась, вернулась со свёртком.

– Отец Фёдор, не обессудь, нам бы с тобой попозже отдохнуть. Абрамиха, стал быть, совсем плоха. Долго, видать, не протянит. Не сочти за труд, пособоровать бы её. А уж она-то... Вот рада будет...

– О чём ты, баб Нюр, какой труд? Это теперь мой приход и прихожане мои. Помоги собраться.

Он неотрывно смотрел и смотрел на освобождённую из бархатного лоскута дароносицу. Как и сто, и четыреста лет назад ярко атели капли крови на распяты, и потемневшее серебро лишь подчеркивало их. Отец Фёдор вздохнул глубоко, с волнением поднёс пальцы ко лбу: «На Тебя уповаю, Господи, на Тебя...»

Сергей ДОРОВСКИХ

Снегирёк

Рассказ

(из книги «Свет непокорённых»,
издательство Сретенского монастыря, 2023 г.)

Жизнь разделилась на две половины... В день, когда мне исполнилось тридцать шесть лет, нечаянно вспомнил, что ровно восемнадцать вёсен назад я начал работать в журналистике. Тогда я учился на первом курсе университета и принёс в газету «Живой мир» свою первую заметку. Надеялся разве что на скромный гонорар, хотя и без него был бы рад, что мои мысли опубликуют, но редактор, пробежав рукопись, поднял на меня глаза и сделал неожиданное предложение: войти в штат!

– Но ведь я ещё... только учусь! На первом курсе.

– Так это же замечательно! К тому же находиться постоянно в редакции смысла нет, мне без надобности «человек сидящий»! – он тогда усмехнулся. – Просиживающих штаны и так хватает! А мне как раз нужен «человек бегущий»! Который то там, то здесь бывает и всюду успевает! Ну, что скажете, молодой человек? Правда, зарплатка у нас...

Он озвучил оклад – да, он был скромным даже по тем временам, но всё же – в три раза больше моей нищенской стипендии! Так что, само собой, я согласился. Помню, пошёл в газетный киоск и купил не только номер газеты, где вышла моя первая заметка, но и трудовую книжку...

И вот мне теперь тридцать шесть, снова весна, я иду по центральному рынку нашего города. Здесь когда-то находилась «птичка». Эпоха сменилась, и теперь нужно объяснять, о чём речь. Самая малая, ничтожная память о птичьём рынке всё же осталась – несколько женщин стоят с сумками на колёсиках, пытаются пристроить за символическое пожертвование щеночков да котят, которые дремлют в утеплённых коробах. Сидит в окружении дворняжек на корточках уличный певец, гнусавит мимо нот, а на картонке надпись: «Пожертвуйте на корм собачкам!» Всё это – жалкое зрелище, которое даже и напоминанием нельзя назвать о том, что было здесь когда-то!

Восемнадцать лет назад медленно разгоралась красками такая же весна – запоздавшая, когда утром термометр за запотелым стеклом опускался на пять-шесть градусов ниже нуля и повсюду лежали груды помятого тяжёлого снега. Ряды продавцов на «птичке» в выходные тянулись длинные, шумящие. Отдельной шеренгой выстраивались продавцы рыбок; над аквариумами клубился парок, стёкла на солнце играли малахитовыми отблесками, а там, внутри, таился волнующий и сказочный мир рыбок, камней, кораллов, растений... Даже помню особый запах, который наполнял именно этот ряд, – примерно так пахнет речная ракушка, если поднести её к носу.

Сейчас тут пусто, и тех неокрашенных сварных железных прилавков давно уж нет, а когда-то они стояли, укрытые клеёнками и газетами, на них насыпали ярко-рубиновые горочки червячков – кормовых мотылей; лежали редчайшие книги – не только по аквариумистике, но даже – о благородных породах лошадей, соколиной охоте... Чуть дальше начинались ряды собаководов, где можно было купить щенков таксы, пуделя, боксёра – кого угодно, а также продавались кожаные поводки, намордники и множество различных приспособлений, сделанных чаще всего руками местных

умельцев. Тогда инвентаря «заводского» производства для домашних любимцев было не сыскать...

Закрываю глаза и вижу, как тогда, давно, в ушедшую эпоху, шли мимо меня мама с сыном. Он похож на серого мышонка – шапка круглая, с ушками; утирает нос, и варежки свисают на резинке. Губки алые, причмокивают от восторга. Мальчишка крутит головкой во все стороны, как совёнок, а мать тянет его быстрее и говорит сквозь зубы строго:

– Как договаривались, только ничего не проси!

– Мама, смотри, котятки!..

Суметь пройти мимо этих рядов и не задержаться было трудно. А если остановился – считай, пропал! «Ехали за рыбкой, а вернулись со щенком немецкой овчарки!» – сколько я подобных историй слышал и в газете потом от души с юмором описывал. Или такие слёзные, душевные рассказы: «Возвращалась с “птички” в промозглом троллейбусе домой с сиамским котёночком за воротником, губы к ушкам прикладывала и думала, не отлупит ли меня мама за то, что принесла его домой?»

На рынке я был постоянным гостем и быстро раскусил одну из самых распространённых и не совсем честных уловок продавцов «пушистых комочков». Стоит подойти ближе, чтобы «просто посмотреть», и уже не уйти с пустыми руками! Чуть отодвинув одеяльце, из теплоты коробки протянут заспанную кроху, поднесут вам к груди, а потом ловким движением – как бы совсем невзначай, уберут руки! Вы же не уроните, нет! А мордочка уже тычется, алый язычок полизывает вам сначала блестящую пуговку на куртке, а потом и ладонь, которой вы уже невольно начали поглаживать. Отдать малютку обратно – для этого нужно каменное сердце... И продавцы это знали!

Я «попадался» так несколько раз, но находил простой способ выкрутиться – представлялся, что я из газеты, и просил дать для читателей «Живого мира» пару-тройку дельных советов по содержанию домашних питомцев. Когда же мне в конце беседы вновь предлагали взять зверушку, я отвечал, что у меня и так уже полон «кошкин дом».

Той весной, что была моей восемнадцатой по счёту, я пришёл на птичий рынок по очередному и весьма необычному редакционному заданию. Прошла новость, что по всей стране, и у нас в городе тоже, решили возродить позабытый дореволюционный обычай – на праздник Благовещения выпускать в небо птиц. Газеты писали, что в былые времена это символизировало победу весны над зимой, служило предвестием хороших событий. В прошлом люди верили, что отпущенная птица – чистая и невинная – долетит до самого небушка и донесёт своё горячее пернатое прошение об отпущении грехов тому, кто подарил ей свободу...

Перед тем, как пойти на «птичку», позвонил знакомому священнику – отцу Артемию, и тот подтвердил, что и у них после литургии будут выпускать птиц. Только он подчеркнул, что это не церковная традиция, как многие стали путать, а именно народная благочестивая инициатива, которую, конечно же, стоит поддержать.

Мне нужно было найти продавца каких-нибудь незамысловатых воробьёв, щеглов да синичек и взять у него интервью. Я горячо любил свою работу и, как тот мальчик в шапочке с ушками, что прошёл мимо меня, тоже вертел головой во все стороны, чувствуя себя охотником. Попадётся ли мне человек интересный, разговорчивый, или нет, во многом зависело от простого везения.

Выбрать оказалось непросто – в обычные дни здесь бывали несколько продавцов-завсегдаев, в основном неприметных старичков-«птичников»; но теперь их отодвинули куда-то, и на самых удобных, «проходных» местах стояли какие-то крепкие, больше похожие на уголовников дельцы. Они подогнали легковушки, и я видел, что в открытых багажниках – тревожно шебуршащие в тесноте крыльями птахи. В затоптанном и заплёванном месиве у колёс уже валялись перья и витал какой-то нехороший, тревожный дух...

Я вспомнил, что обычно продавал птиц один дедушка – малюсенький совсем, чуть сгорбленный, такой «лесовичок» из сказок про затерявшуюся в чащобе девочку. Я прошёл длинный гомонящий ряд «деляг» и понял – его и правда оттеснили. Он сидел на бордюре, подстелив картонку, галоши утопали в расплывшейся радугой

бензиновой луже, и вздыхал, раздувая ноздри и хмуря брови. Мне подумалось, что ему плохо, давление поднялось или что-то с сердцем. В большой клетке подле него сидели всего два снегиря – такие же злые, нахохлившиеся, как и он. Только я двинулся к нему, мне путь преградила ручища:

– Парень, да ты у меня лучше купи! Глянь только, какой товар! Любую за червончик жалкий всего! Да куда ты, к нему, что ли?

Я как можно деликатнее отодвинул руку, хотя так и тянуло по ней ударить.

– Да, к нему! – тихо ответил я.

– Хм! Да это ж Снегирёк, не ходи, он же того! – и барышник присвистнул, покрутив пальцем у виска. – Он «тёпленький» совсем!

Помог мой ершистый характер – восемнадцать лет, вроде не мальчишка-подросток, но что-то советовать, да ещё с таким нажимом – это подтолкнуть меня поступить наоборот!

Дедушка не заметил, как я подошёл; он не сводил взгляда с открытого багажника, где в клетках, как будто задыхаясь, бились и стонали птицы. И такая тоска нависла у него в глазах, что я невольно сделал шаг назад. Мне до сих пор кажется, что тогда своим появлением я в самый последний миг остановил его от решительного шага, к которому старик готовился. Он, видимо, вот-вот хотел подняться и осторожно, пока никто не видит, распахнуть дверки всех клеток...

Да, побьют, и крепко побьют, даже до смерти ногами заколотить могли старика, и он был готов к этому, но... моя тень нависла над его понурой головой в шапке-ушанке, из-под которой, словно солома, выбивалась нестриженная седая копна. Всё такие же недовольные снегيري в его клетке внимательно, как свидетели на суде, рассматривали меня чёрными умными глазками. Я представился, объяснил, что мне нужно, но дедушка ничего не ответил, а только тяжело вздохнул.

– Паря, да ты у меня лучше энту интервью возьми, я тебе такого про жизнь понараскажу! – Деляга, хотя и был занят тем, что продавал очередную птицу-невольницу, грубо сжав её в кулаке и засовывая в клетку покупателя, всё же слышал мои слова. – Недорого за разговор

попрошу – поллитры хватит! А там, как пойдёт! Если разойдусь дыже, то, может быть, без литра не того, не заинтырвемся...

Я вновь посмотрел на дедушку, и наши глаза сошлись. Мне показалось, что он вот так, без слов, прощупал меня насквозь, решая, стоит ли иметь со мной дело.

– Добрую традицию решили возродить, да не добром она кончится! – вздохнул он.

Я ничего не понял. Но ещё раз попросил, точнее, объяснил, что мне нужно поговорить с ним... не только для газеты, но и для себя.

– Газете я откажу, прости. Не надо про меня писать ничего, – он помолчал. – А если тебе самому, для себя просто, иное дело. Что ж, приходи, адрес мой запишешь или так запомнишь? Хоть сегодня – я вечерами дома.

Когда я – сам не понимая точно почему – впервые вернулся домой с «птички» злой и нервный, то в ушах ещё долго стоял несмолкаемый, с нарастанием молящий о свободе тревожный птичий гомон...

* * *

Дома я долго лежал. Промочил ноги, а кроссовки, к тому же дырявые, были всего одни. Нужно было идти в библиотеку и выписывать что-то для курсовой работы. Было ещё и ещё что-то, доказывающее, что сегодня к дедушке по прозвищу Снегирёк идти некогда. К тому же он ведь не говорил, что ждёт меня вот-вот, а всегда, в любой вечер. Да и... а нужно ли вообще? Он ведь твёрдо настоял, что разговор будет не для печати, а тогда зачем вообще тратить время впустую?

Будто какой-то злобный мерзавчик на моём левом плече сидел, пыхтел-тархтел, загибая свои пухлые пальчики при пересчёте всех «почему не идти», но я велел ему: «Брысь!» Кроссовки худо-бедно просушил, поход в библиотеку запланировал на следующий день. И уж было собрался, но в последний миг подумал – нехорошо идти в гости с пустыми руками. Но у меня, так посудить, ничего не было. Разве что...

Я вернулся в комнату и осмотрел полку, на которой стояли сборные модели: в школе увлекался стендовым моделизмом и даже ходил в кружок. Но вот беда – все модели советской техники давно раздарил, и остались у меня разве что большие самолёты... да немецкий полугусеничный бронетранспортёр «Ханомаг». Редкая штука. Я собирал его около полугода, а потом подбирал краски. Даже создал эффект грязи – как будто бы фашистский броневик только-только выбрался из болота. Ну, или едва успевал драть, с трудом пробиваясь в сторону своего логова по размытому деревенскому бездорожью.

«Стоит ли дарить такую штуку, и тем более... старику? Вдруг не поймёт, или того хуже – обидится?» – засомневался я, но всё же решил взять «Ханомаг» с собой. Протёр пыль, посмотрел, как глянцевого лак играет в свете настольной лампы, и бережно положил подарок в коробку из-под кроссовок. И, когда ехал в троллейбусе, держал её на коленях и думал, как мне вообще могла прийти в голову такая нелепая идея?..

И вот она – унылая улица, где живёт старик. Печаль ей в любое время придавал грязно-песочный цвет одинаковых, как спичечные коробки, двухэтажных домиков. Их после войны строили пленные немцы. То ли они работали без души, то ли ещё что, но если бы я жил тут, быстро состарился от тоски. Особенно неуютно здесь весной, когда раскидистые сухие тополя тянут к небу похожие на лапы чудовищ ветви, а не стаявшие жёлтые островки сугробиков пестрят рваными обёртками и красными точками окурков.

Я вошёл в один из этих домов. Серый, заваленный хламом коридор, запах жареного лука, отголоски истерики какой-то женщины... Но дверь старика я нашёл безошибочно: за ней доносились хотя и едва слышимые, но иные звуки. Щebetание мне показалось райским и потому таким неуместным здесь. Тогда подумалось, что и вся наша жизнь чем-то подобна длинному коридору в темноте, и куда попадёшь, зависит от того, в правильную ли дверь постучишься.

Впрочем, и стучать не пришлось: сквозь щель сочился приглушённый свет, и я решил войти. Первое, что увидел, – длинную

вереницу развешенной одежды, вода капала на пол, где лежали влажные газеты с расплывшимися буквами. И эти газеты были – «Живой мир»! Значит, старик – мой читатель!

– Кого там принесло? – услышал я знакомый голос. – Вась, ты?

Я подал голос.

– А, я подумал – сосед. Он всегда ведь, как чует, стоит мне пригубить!

Аккуратно отодвинув простыню, я зашёл в комнату, которая оказалась кухонькой. Старик сидел за столиком, накрытым вместо скатерти тоже газетами, посередине стояла трёхлитровая банка, треть которой наполняли крупные алые ягоды, а половину – янтарный настой.

– Я ж недаром зовусь-то Снегирьком! Мне рябинная по уставу положена! – дед засмеялся, кряхтя. Он сидел в трико и обвислой майке – на груди виднелось размытое синее пятно, угадать, что за рисунок наколот, было нельзя. Продавец птиц раскраснелся, серебряные волосы торчали в разные стороны сосульками, кожа на лице натянулась, и казалось, что он даже помолодел. – Да сосед у меня – Васька! Думал, это он на запах прибежал!

Чтоб подойти к столу, я передвинул большой алюминиевый таз с замоченными носками и спросил:

– Постирушки?

– Они самые! – ответил он. Мне нравилась его весёлость, может быть, и разговор задастся. Там, на птичьем рынке, старик казался таким «расклеенным», что и слова из него не вытянуть.

Он будто прочитал мои мысли:

– Да, на этих барышников насмотрелся, так поганно на душе стало. Вот и решил... А ты садись! Будешь?

«Что он пьёт? Наверное, какая-то дикая гадость?» – подумал я и помотал головой.

– Да ладно, уважь старика, так! – он, поднявшись к навесной полке, взял и дунул в гранёный стакан. – Я ж тебе не по «губе» налью, а так, пригубить. А хочешь, и по «губе», мне не жалко!

Я и не знал, что такое «губа» – только потом понял, что это – верхняя круглая часть гранёного стакана.

– Садись, в ногах правды нет, как говорят! И в других местах – тоже!

Он, не дожидаясь, когда я возьму в руки посуду, чокнулся со стоящим стаканом и, покатав по нёбу напиток, с восторгом проглотил.

– Ух! Вот так – раз, чуть обождёшь, а во рту... будто раскусил подмороженную гроздь! – он выдохнул. – Так, рассказывай, что ты от меня хотел?

Я поставил коробку на стол, но пока не стал говорить, что в ней. Подумал даже – наверное, поговорю, да и заберу с собой. Глупая же идея, в самом деле!

Отхлебнув из стакана, удивился – а штука оказалась вполне вкусной и не очень крепкой. Но так показалось только на первый миг. Спустя пару секунд создалось ощущение, что в груди вспыхнула и зажглась огромная красная роза.

– Ну как?

– Впечатляет!

– Я, знаешь, – он взял с тарелочки кусочек хлеба, понюхал и бросил назад, – не очень-то этим делом увлекаюсь, да и тебе не советую! Ты молодой ещё! А я почему себя держу, – он сжал кулак. – Один ведь! Знаешь, как легко одному-то, – и он стукнул ногтем по банке, – под это дело – и со свистом вниз, – и Снегирёк изобразил пальцем падающую спираль.

Мы сидели на кухоньке, и из другой комнаты доносились голоса птиц.

– Сегодня просто позволил себе, пригубил, потому что кошки скребут! Ты говорил, что журналист, да? – он постучал задумчиво пальцами по столешнице. – Как фамилия? Ага, знаю, читал, толково излагаешь! Так вот, меня не упоминай, как договорились! Но обязательно напиши, что нельзя вот так просто, как это сказать, в природе ловить птиц, а потом их выпускать! Нужна подготовка им, передержка, корм правильный, и потом... А эти! – и он ударил кулаком так, что в банке плеснулась настойка. – Да они ж барыги! За решётку их всех надо! Ты ж сам видел! Народу – светлый праздничек, а им – нажива! А народец наш думает, что они добро сделают, птиц

выпустив, да куда там! – он наклонился ко мне щетинистым лицом. – Вот увидишь, как в праздник вокруг храмов будут птичьи трупы валяться! Они же расшибуются – со страху-то! Кого машины подавят, кто в лужах захлебнётся, и-ееех-ети! – и он налил себе. Хотел и мне, но я закрыл стакан.

– Мои-то все птички не вчера пойманы. Сейчас как раз и нельзя! Одни долгим перелётом ослаблены, другие – голодной зимой. А эти – машинами птиц везут, как этих, бройлеров, на убой!

Тогда я твёрдо решил – вечером, как вернусь, обязательно позвоню отцу Артемию. Я и сам хотел, конечно же, быть на литургии в праздник, тем более, описать потом в газете возрождённую народную традицию. Но выходило, что всё не так просто, по-детски наивно и светло – отпустил пташку, лети себе на небо...

– Ладно, ты что загрузил? Или так шибануло в тыкву? – он ударил меня по коленке. – Всё равно мы с тобой люди маленькие, нам барышников не одолеть. Тем паче – я телевизор же смотрю, и вообще. Их времечко настало. Золотое. Пойдём лучше моих птичек смотреть и слушать!

Из узенькой кухоньки мы прошли в комнату – она была единственной в квартире. Старая помятая кровать в углу, громадный ламповый телевизор, накрытый белой салфеткой, шкаф с книгами... и больше ничего, кроме клеток! А их было не меньше двенадцати! Птицы оживились, защебетали, будто на своём языке радовались появлению хозяина.

– Вот так, вот так! – старик начал дирижировать, словно перед оркестром. – У каждой моей птахи – своя история, судьба! И ни одну!.. – он обернулся, сделав паузу, подчеркивая важность следующих слов. – Ни одну я не взял в природе сильной, вольной и крепкой! Всех их я нашёл в разный час подбитыми, хилыми! Вот, кстати, снегирь! Посмотри, какой важный, сидит, нахохлился! Его так и звать – Секретарь Президиума!

Снегирь и правда напоминал делового начальника – грудка круглая, пушистая, даже можно сказать, жирненькая. Все поют, а он важно восседает на жёрдочке.

– А был – совсем задохлик. Вмёрз, бедолага, в сугроб там, у гаражей. Уж почти и не дышал.

– А как вы... пол определили? Что это – мальчик, а не девочка?

– Да у птиц-то всё просто! Мальчики яркие, красивые. Ну, это знаешь, как у павлина, только самцы хвосты распускают, важные все из себя, а самочки так, невзрачненькие. Самка – это та, что рядом с ним сидит, жена его, вишь! Ну-ну, серенькая совсем, если не понимаешь в птицах, так и не скажешь, что она – тоже снегирь!

– Ничего себе!

– Да так во всей природе, брат. Самцы краше самок. А у людей – разве не то же самое, что ли, сам рассуди! – дедок захмелел сильнее, балагурил. – Вот почему женщины красятся, а нам, мужикам, не нать? Всё по той же причине: мы ж от природы – красавцы! Ладно, слухай далее!

И повеселевший старик рассказывал мне то одну, то другую трогательную историю, как он нёс домой замерзающую птичку с едва бьющимся сердечком, а потом долго выхаживал.

– Но мне всех птиц в такой комнатёнке-то никак не собрать! Вот я потому и хожу на птичий рынок! Не за ради барыша, а, как говорится, чтобы в хорошие ручки и пристроить!

Я подошёл к клетке со щеглами и только тут обратил внимание, что в углу стоит венский стул, а на спинке – серый поношенный пиджачок. На нём – лишь несколько медалей, но зато алеет, будто яркий мак, орден Красной Звезды!

В то время фронтовики были ещё людьми нестарыми – в среднем около шестидесяти лет. Снегирьку же было на вид под восемьдесят. Я знал, что воевали люди разных возрастов, и всё же для тех дней он был «нетипичным».

И тогда я решил спросить его... о войне.

– Ты же из такой, как её, «природной» газеты, тебе зачем? Тем более договорились, что писать обо мне ничего не станешь!

– Мои деды воевали, – и я коротко рассказал о родных. – Для меня это очень важно, поверьте! Очень прошу – расскажите!

– Да что тут рассказывать, твои-то, само собой, герои, а я – так...

– И всё же...

– Пойдём тогда на кухню, – не сразу согласился он.

Наложив себе в вазочку рябинок из банки, он стал медленно жевать их, почмокивая, строя гримасы и рассказывая:

– Про таких, как я, и тогда, и сейчас никогда в газетах не писали...

«Может, он из каких спецслужб? – подумалось мне. – Да нет! Ветераны такого рода живут сносно, не так».

Но из следующих слов всё стало ясно:

– Когда война началась, мне годков уж было, не, не как тебе, поболе. На медосмотре нашли нарушение, сказали, мол, сердечный клапан барахлит. С таким «приговором» куда мне – в тыловые части можно. Так и угодил я на службу, кмх, кхм, – он подавился ягодкой, закусил хлебом, утирая выступившую слезу. – В похоронную команду!

«Вот оно что! – понял я. – И ведь он прав. О ком только ни писали в газетах – о фронтовиках всех родов войск, партизанах, маленьких героях, медсёстрах. Даже о собаках-подрывниках – и то читал. А вот о тех, кто вывозил трупы с поля боя, хоронил, нет, и не вспоминают» ...

– В самом начале войны в этом вопросе вообще никакого порядка не наблюдалось, – продолжал он. – Да и некогда хоронить было, драпать приходилось под таким-то нажимом. Если прямо в окопе закопали при отходе – и то повезло солдатикам. Потом какая-то директива вышла, не помню, как называется, но такое положение дел раскритиковали и подробно изложили, как и что должно в этом вопросе быть. В нашу команду набирались такие, как я, – кого на фронт не взяли, раненые тоже помогали. Лошади были, телеги, даже мотоцикл потом. После боя мы брали следи. Знаешь, что такое?

Я покачал головой.

– Две жерди такие большие, и на них клали трупы. И вывозили – непыльная работа, а? – и он странно подмигнул. – Но не всё так просто, многое знать нужно, мелочей, как говорится, не бывает! Как сейчас помню, назубок! Значится, так! Необходимо провести предварительный осмотр поля боя и плотность распределения по нему трупного материала, а затем – определиться с выбором площадки для предстоящего погребения!

Я поразился этому сухому и в чём-то даже бесчеловечному определению – «трупный материал». Видимо, так наставлял офицер или ещё кто-то, обучавший похоронную команду, вбив Снегирьку чёрствые формулировки на всю жизнь. Да и относиться, видимо, нужно было им так – с отстранённостью и холодом. Иначе... недолго и сойти с ума.

– Вот тут вроде бы и всё – берём, хороним? – Он вновь улыбнулся, и меня поразило, что он может строить весёлые гримасы, рассказывая о подобном. – Не так всё просто, братец, давай пальцы загибай! Ну! – И я, положив ладонь-кулак на стол, стал загибать по одному. – Во-первых, захоронение должно быть ближе к главной дороге. Во-вторых, по возможности рядом с населённым пунктом. В-третьих, если это колхозное поле, то только строго к его краю. В-четвёртых, не должно быть поблизости источников воды, родников, понимаешь? В-пятых, обязательно нужно составить карту с местом обозначения захоронения. Что, пальцы кончились? А я вот всё помню!

– А хоронили... только наших?

– Нет, во избежание эпидемий и немцев тоже, но без каких-либо требований. Кстати, у фашистов с первых дней войны в этом вопросе был полный порядок, кладбища повсюду, все могилы – в рядочек, холмики – один к одному, кресты берёзовые, сверху на них – каски.

– Да, я на фотографии видел.

– Ну вот, значит, лучше меня знаешь! – он вновь усмехнулся с прищуром. – Немецкий порядок во всём, будь он проклят! Мы их тоже хоронили. Помню, везёшь на телеге, местные жители подходят, спрашивают – кого? Говорим, мол, немчуру. Поднимали брезент, плевали, били даже – это женщины... Особенно на Украине так было. Что-то там мои разволновались?

Старик поднялся и пошёл в комнату к птицам. Что он там делал, я не видел, большой хор не сразу, но умолк. Я же посмотрел на коробку и тем более уже сомневался – стоит ли дарить модель немецкого транспортёра? Я так и не решил этого, когда он вернулся.

– Друзя там всех на уши поднял, он у меня такой! Этот Друзя, если паниковать начнёт, всех на уши поднимет. Хотя, где у них уши, хм... Так о чём я?

– Что немцев хоронили так, без особых...

– Да, а у наших надо было документы, медали, если есть что, родственникам передать. Но беда, с нашими-то, у каждого третьего – вообще ничего с собой, даже капсулы, медальона, слышал про них? Суеверие ходило – если имеешь такую штуку, то обязательно погибнешь. Ерунда, гибли все без разбору под одной косой. Или вскрыешь, бывало, гильзочку на груди, а там записочка свернута: «Маруся, если ты читаешь энти строки, стало быть, пал я смертью храбрых за Родину!» Какой Марусе пересылать – само собой, не указано. Но если были письма с адресами, всё это собиралось, отправлялось, как надо. К медальонам потом тоже ужесточили требования, чтоб у всех были.

Не знал, стоит ли спрашивать, но «мерзкий» вопрос напрашивался сам собой:

– А как вы вообще... привыкли? Не тошнило?

– Само собой, обвыклись! Самое вонючее дело выпало как-то после зимы. Немцы отступали, и своих уж не как раньше – чинно, в рядочек, а как собак, чуть грудями мёрзлой землички закидали, да и только. Само собой, с весной всё это жутьё наружу и вылезло. А нам – закапывать. Платком кое-как нос замотаешь, а он впитывает этот газ трупный – он же убийственный! Платок весь тёмный почти сразу, выбросишь, портянкой кое-как лицо обмотаешь – а потом что уж есть в дело пустишь. А рвало меня при этом или нет – зачем я тебе, такому вьюному, буду сказывать?

Он надолго замолчал. Хотелось спросить – а как сложилась жизнь после войны, был ли женат, почему вышло, что остался один? Но эти вопросы я задать не успел.

– А тут у тебя что ж такое припасено, ежели не секрет? – Снегирёк щёлкнул ногтем по коробке с логотипом фирмы, выпускающей кроссовки.

– Да... так. Я... подарок, – слова путались.

– Подарок кому, мне?

– Вам, – стало ясно, что отступить поздно.

– Не помню, когда в последний раз получал подарки... Так, значит, взгляну?

В ответ я кивнул.

Старик откинул крышку, чуть привстал, и тут же глаза округлились, как если бы в коробке лежала оторванная голова чудовища.

– Твою же ж! – и он выругался, пальцы затряслись.

– Я вот тоже думал – дурак. Зачем – сам не пойму...

Он не мог собраться, ёрзал, потом налил почти полный стакан и опрокинул. Закрыв глаза ладонью, долго кряхтел, а потом взглянул на меня – необычно, по-новому:

– Так, говори, откуда знаешь? Откуда, спрашиваю? Кто рассказал?

– О чём? – искренне удивился я.

– Так, так, – он что-то перебирал в уме, стуча пальцами по столу. – Этот не мог, ты его не знаешь. И этот тоже. А больше – всё. Так откуда?

– Откуда... что?

– Ты знаешь про этот бронетранспортёр!

Я рассказал свою историю увлечения стендовым моделизмом и как, уходя из дома, почему-то решил взять в подарок немецкий «Ханомаг».

– Точно, «Ханомаг», я уже и забыл, как он по-ихнему зовётся. Так значит, ты точно ничего не знаешь? Я скоро девятый десяток разменяю, но до сей минуты как-то в совпадения не верил.

Я еле слышно произнёс:

– Расскажите.

Он долго не решался. Потом попытался встать, но не смог – рябиновая, видно, крепко ударила по голове. Я помог и проводил его в комнату.

Шатаясь, старик подошёл к венскому стулу, накинул поверх плеч пиджак, медали звякнули. Он ткнул в орден Красной Звезды:

– Знаешь, за что?.. За твой, этот, «Ханомаг»! – Он обвёл глазами клетки и расплакался. Может быть, сказалось выпитое, но я знал – дело не только в этом, я со своей моделькой вторгся и разворошил такие глубины, которых он сам, видимо, не хотел касаться.

Снегирёк подошёл к клетке. Птичка подлетела, вцепившись когтями в железные прутьики, и тронула клювом его большой красный нос, по которому текли ручьи.

– Это они, они! – пиджак сполз с плеч и со звоном наград упал на ковёр. – Тогда меня, вернее, нас, спасли! Они! С тех пор я им по гроб жизни обязан!

Я подбежал, схватил пиджак, набросил ему на плечи и слушал:

– Был случай, один-единственный за всю войну... Оружие нам не всем полагалось, но оно было, да к тому моменту уже и трофейным можно было разжиться. Мы низменностью шли, немцев наши уже разбили и отогнали, вроде бы. Едем, телега у нас, и я вижу – впереди, шагах эдак в ста, птички... стайка вспорхнула в небо! А никого там быть не должно! Нас, похоронщиков, четверо! Я как старший и приказал – срочно свернуть, и телегу в кусты! Оказалось – впереди сужение, болото, и там как раз двигался такой вот немецкий «Ханомаг», видать, отстали от своих, или ещё что... Узкое, говорю, место, заросли, топь, вот они туда въехали, птиц спугнули, а сами малость задержались. Это нас и спасло. Мы только укрылись, слышу, уже в нашу сторону гудят, вот-вот мимо кустов, где мы затаились, промчатся. «Ханомаг» этот их – весь в грязище запачканный, комья летят.

Он помолчал.

– Тут что – или бой дать из засады, или пропустить. Да ведь от нас след свежий тянется, после дождя, и видно, как с дороги завернули. Так что – какой там пропускать. Мы и вдарили, почти в упор расстреляли, – старик утер лицо. – Их там девять человек было, в транспортёре, шестерых враз уложили, трое спрыгнули, увернулись. С ними уже – врукопашную. У меня этот, – он согнулся, оттопыренные «пузыри» трико натянулись. – За голенищем вот тут штык-нож был... Вот я того, что на меня кинулся, прямоком – в горло!

Снегирёк обернулся:

– Ну вот, раз спрашивал! Тогда-то меня точно стошнило, раз хочешь знать.

* * *

На кухню я и сам шёл, как пьяный. Но тут же отшатнулся – мокрый пододеяльник натянулся, словно привидение, проявились контуры ладоней и головы. Не мог поверить своим глазам!

– Снегиря, ты туточки? Это я – Вася! Зачем такая маскировка?

– А, Вася! – старик утёр лицо, стоя спиной. – А у меня гость! Сейчас познакомлю! Самый известный журналист! – он указал на меня. – Кстати, парень, звать-то тебя как?..

Мы дотемна просидели втроём, но темы войны уже не касались. Зато я узнал, что прозвище друга Снегирька тоже весёлое и «птичье» – Голубярь. А всё потому, что он выводил породистых голубей, оборудовав для них «домик» над сараем по соседству. Потом, в сумерках, захмелевший дядька Василий взял меня за шиворот и, крепко дыхнув в лицо, выдвинул ультиматум:

– Не пущу, пока моих красавцев не посмотришь!

Мы отправились на голубятню, где растревожили уже спящих птичек – в потёмках все они показались мне белыми, хотя за столом Голубярь рассказывал, что у него каких только нет!

– Вот этого поддержи, только аккуратно, а то схватишь, как гранату! – Он бережно, несмотря на хмель, взял самого крупного голубя и положил мне на ладони. – Как, ух, красавец! А знаешь, как зовут! Ну, брат! Это сам Цезарь, собственной персоной! Это гривун, видишь, у него тут гривка такая есть, как у лошадки! Красногривый! А это – Третьяк, он у нас дубовской породы! А вон там, в тени, ты их и не увидишь, присмотришь! Там у меня парочка знаешь какая! Гордость моя – кофейные турманы, туляки они!

Я ещё долго слушал, не перебивая, и договорился с дядей Васей об интервью – он не то, что не отказал, а, наоборот, сказал, что только с ним и надо говорить.

Проходя мимо грязно-песчаного дома, я заглянул в окно. Дед Снегирёк сидел за столом, опустив голову на ладонь. Второй рукой он крутил из стороны в сторону модель немецкого бронетранспортёра...

* * *

Придя домой, несмотря на поздний час, я всё же решил позвонить священнику. Отец Артемий выслушал меня, не перебивая, – я говорил о том, что наблюдал утром на птичьем рынке, передал в точности слова старика, как праздник может омрачить массовая гибель птиц. Батюшка выслушал, поблагодарил, уточнил, приду ли я в храм, а в конце разговора попросил дать адрес деда Снегирька...

И вот – апрельское светлое утро, Благовещение Пресвятой Богородицы, выпавшее в том году на воскресенье. Солнце заливает мою комнату, и я спешно одеваюсь, чтобы успеть к литургии. Но всё-таки как же тревожно было на душе! Я словно иду на казнь, которую не могу отменить, и знаю, что слова Снегирька сбудутся – радостные люди выпустят птичек, а потом...

С тревожным чувством я переступил церковные ворота. У них тоже активно продавали птиц, причём всё те же сомнительные дельцы, что были в пятницу на птичьем рынке. Я смотрел на них, как на врагов света. Но хмурь спала, когда у входа в храм я увидел отца Артемия – высокого, с чёрной бородой, которую он чуть склонил, чтобы слушать... что говорит ему на ухо дедушка Снегирёк! И мой друг – а я уже считал старика близким мне человеком – улыбался! Какие же были у него чистые глаза! Ни тени печали, он изнутри горел праздничным светом, как ребёнок!

И мне стало легче, будто свалился камень, который со стенами нёс я от самого порога. Если человеку, который прошёл через ад войны, так радостно, то что же тогда я опустил плечи?! Батюшка благословил его, а затем, когда я подошёл ближе, и меня.

– Всё будет хорошо, парень! Всё будет! – Снегирёк перекрестился, входя со мной в храм. – А у меня отец Артемий был вчера, часа три, а то и четыре! И я! Исповедался! Впервые в жизни! И сегодня причащусь!

Говорят, что бывают люди, от которых лучится свет. Я не верил, но впервые в жизни тогда увидел – подтверждаю, да, это так!

И всё же волнительно ждал, что же будет после окончания

литургии. Так дети ждут чуда. Что-то должно произойти такое, неожиданное, яркое, настоящее. Доброе. Отменяющее, крест-накрест перечеркивающее дурной сценарий.

Когда все верующие вышли из храма, держа в клетках птиц, отец Артемий оказался по центру, а в первых рядах – Снегирёк, а ещё – дядя Вася по прозвищу Голубярь! Странно, его-то я не видел... Он, скорее всего, и не был на службе, а дожидался здесь. Ещё бы, ведь оказалось, что и с ним батюшка познакомился накануне, попросив о важном деле.

Отец Артемий сначала обстоятельно говорил о празднике Благовещения, об архангельском приветствии Пресвятой Богородице, о деле спасения рода человеческого.

– И пусть эта Благая Весть будет нам всем во спасение, дорогие братья и сестры! – сказал батюшка, а затем коснулся темы благочестивой дореволюционной традиции – выпускать птиц. Он рассказал, как вчера побывал в гостях у одного удивительного человека, и попросил старика встать рядом. Тот постеснялся, но всё же сделал шаг.

– Из услышанного стало ясно мне, что благоразумно будет, если птицами, которых мы выпустим в небо, станут домашние голуби, специально разводимые Василием Трофимовичем! – и он попросил Голубяря тоже выйти к центру. – Покружив в небе, они с миром вернуться к себе. А для отлавливаемых городских и тем более лесных птиц полёт может оказаться... последним в их птичьей жизни!

Впереди стояла девочка с клеткой, она при этих словах разрыдалась:

– Как же так! – и протянула вперёд клетку с испуганным неокрепшим щеглёнком. – Но я хочу выпустить птичку, чтобы к Боженьке полетела!

Батюшка подошёл к ней, прижал, погладил по белому платочку:

– Всех птиц, что принесли вы сегодня на праздник, заберите домой! Больших хлопот они вам всё равно не создадут! – и он благословил верующих. – Правильнее будет, если вы позаботитесь о птахах сих, сохранив им жизнь! Они слабые, и ранней весной на воле их ждут голод и смерть. Если же кто захочет позже их выпустить – поможет правильно это сделать Фёдор Иванович!

И он указал на Снегирька. Тот кивнул:

– Само собой, выпустим честь по чести!

И я, к стыду своему, понял, что всё это время даже не спрашивал его имени, а, как и другие, думал о нём, поминая это прозвище. Винил себя – а как бы я стал поминать его в молитве, не зная имени? Как часто в жизни мы заикливаемся на мелочах, упуская порой самое простое, и при этом – важное?..

Фёдор Иванович подошёл ко мне, ободряюще схватил за рукав и опять – всё так же светло – улыбнулся!

– Смотри! Сейчас как красиво взметнутся!

Я перевёл глаза на девочку, которая только что плакала. Но теперь и она вся светилась! Поставив на лавочку клетку со щеглом, который успокоился, каким-то внутренним чутьём поняв, что вот-вот обретёт кров, она приняла у Василия Трофимовича белого голубя.

– Да это же... сам Цезарь! – засмеялся я.

– А то! Он самый! – подмигнул мне дядя Вася.

– Лети, мой ангел, лети! – громко воскликнула девочка, и белоснежный Цезарь, приподнявшись на крепких розовых лапках, расправил крылья и взлетел. Голубей выпустили и другие верующие. Через миг Цезарь как старший вёл за собой красивую стаю. А я... представлял себя птицей. Мне казалось, что это и я сейчас делаю новый круг, огибая высокую звонницу, блестящие медовые головки храма, и вижу убелённую островками снега церковную площадь и десятки людей, что наблюдают полёт, поднимая к небу радостные лица. Так захотелось, чтобы этот миг длился как можно дольше. Но всё же стал он кратким, ведь нечаянная радость всегда мимолётна, и при этом оставляет она яркую полосу в душе на всю жизнь... Сделав три круга, птицы улетели домой на свою тёплую уютную голубятню, что возвышалась над сарайчиками, их проводил радостный перезвон колоколов.

Потом мы вместе с отцом Артемием, Фёдором Ивановичем и Василием Трофимовичем тоже поднялись на звонницу. Я хотел было подать руку, но старик отмахнулся, шутя:

– Что ж я, не Снегирёк, что ли? Ещё как сам взлечу!

* * *

...И вот мне тридцать шесть лет, я иду по центральному рынку моего города. Нет больше здесь «птички», нет той газеты, в которой я работал. И давно нет в живых двух друзей – Снегирька и Голубяря. Мой старик, как я потом тепло называл Фёдора Ивановича, умер в том же году, накануне 22 июня... На поминках Василий Трофимович был весь заплывший, осунувшийся. Снегирёк был для него самым близким на земле человеком...

Голубярь тогда рассказал мне, что Снегирёк будто предчувствовал смерть. Ранним утром он сходил в храм, исповедался и причастился у отца Артемия, после чего вызвал к дому такси, с трудом погрузил все-все клетки и уехал куда-то за город...

Когда я это слушал, то не мог удержать слёз. Как же хотелось и мне быть в ту минуту с ним там, но в прощальный час расставания с птицами дедушка захотел остаться один. Всю свою жизнь он был благодарен им за то, что спасли жизнь. И он, как мог, платил им тем же. Платил любовью, спасая замерзающих и голодных птах. Он простился, выпуская из клеток на вольный загородный воздух, в шумящее сытое лето Друзю, Секретаря Президиума и его серенькую супругу, всех-всех... Быть может, он просил, чтоб всё же не летели пока далеко, скоро-скоро он их догонит.

– Я зашёл к нему, а тот – уставший, спокойный такой, и вот, как ты говоришь правильно, – светлый! Он мне по плечу похлопал, простился почему-то и сказал, что пойдёт приляжет, – рассказал мне тогда дядька Голубярь. – Утром решил его навестить. Дверь-то он никогда не закрывал...

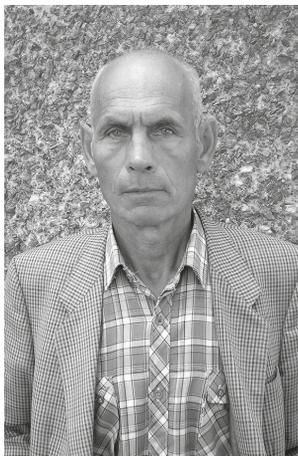
Нет больше ничего, что могло бы мне напомнить о нём. Даже тот барачный район с одинаковыми тускло-песочными домами снесли под новостройки. Вместе с сараем, голубятней всё ушло в прошлое.

Хотя нет же, нет! Вот оно – лазурное апрельское небо. Вглядываюсь в него, жмурюсь от солнца. Пролетают весенние птицы, галдят будто:

– Смерти нет! Смерти нет!

И мне кажется, что в сонме этих голосов звучит один, до боли знакомый и родной.

Да, точно, так и есть...

Александр МАКАРОВ

Твоё лицо засыпано землёй...

Стихи

* * *

Помню вас счастливыми, красивыми.
Помню молодыми вас и стройными.
Вижу вас высокими и сильными,
На поверку ангелом построенными.

Помню вас рабочими, крестьянами,
Грубыми, но с помыслами чистыми.
Истинными вижу христианами,
Вижу мусульманами, буддистами.

Ваше время – время расставания.
Это время пламени, не тления.
Спали вы до общего вставания
И проснулись для объединения.

Вы готовы. И в ряды построены,
Сыновья с отцами – дети вольности.
Двинется бескрайними просторами,
Сокрушая мрак, святое воинство.

* * *

Я слышу грохот. Тяжкий молот
По наковальне бьёт.
Счастливый воздух перемолот.
Расколот небосвод.

Я вижу в небе чёрный камень.
В том камне жизни нет.
Я разломлю его руками,
И все увидят свет.

Свет разольётся по аллее,
Где ангелы живут.
Душа становится светлее,
И грустных нет минут.

* * *

Твоё лицо засыпано землёй.
Но проступает сквозь чертополох,
Сквозь пыль, сквозь паутинки облик твой.
И слышится почти неслышный вздох.

Дыши! Твоим дыханьем я дышу,
Лицом прижавшись к твоему лицу.
Я скошенные травы ворошу
И поднимаюсь мыслями к отцу,

Который с неба смотрит на черты
Лица, припорошённого золой.
И в этот миг я чувствую, что ты
Становишься не вымыслом, а мной.

Кричу я ветру вольному: «Кружи
Над жизнью, у которой нет конца.
Разглаживай морщины у межи,
Сдувай пылинки с этого лица...»

* * *

Меня там нет. И там я не был никогда.
И в силу возраста я буду там едва ли.
Но у меня в душе пылают города
И женщины бегут и прячутся в подвале.

Удар. И грохот. Вой. Огонь и дым окрест.
Ударил в отчий дом снаряд со страшной силой.
И я лежу в земле. А надо мною – крест.
Но это крест не мой. И не моя могила.

Но я хочу туда. Я всем так говорю.
Пока ходить могу, пока ещё не старый.
Ведь это я – тот дом разрушенный – горю.
Я мысленно был там, когда его не стало.

Меня там нет. Но там живёт моя печаль.
Стоит плечом к плечу со скорбною разлукой.
А на моём лице незримую печать
Оставила любовь, поднявшись над разрухой...

* * *

Горит вдали земля. И отблески пожара
В глазах у городов, на лицах деревень.
Частицы воздуха вокруг земного шара
Сжимаются, и год мелькнёт как день.

Столкнутся две души и перейдут друг в друга,
И будут в круге лет по кругу колесить.
И выйдет новый мир из огненного круга,
И землю оживит. И радость воскресит.

И двинется глоток единого реченья
В деревни, в города, и в каждый дом и сквер.
Иного времени глубокое течение
Одних пригнёт к земле, других подбросит вверх.

Клубится горизонт. Блестят глаза у деда.
Когда рассеется на горизонте дым,
Дед станет в полный рост. К нему придёт Победа.
Её обнимет он. И станет молодым.

* * *

Мне сказали, не ходи здесь ночью.
С ног сшибёт и скрутит круговерть.
Всё предстанет, явится воочию,
И печаль, и радость – жизнь и смерть.

Мне сказали, если верить будешь,
То в своих деяньях будешь прав.
Не буди лишь мёртвых, не разбудишь.
Жить учись у птиц, зверей и трав.

Я хочу бежать, дрожат колени.
Крикнуть бы – земля набилась в рот.
Но не подведу я поколение,
Поползу вперёд, вперёд, вперёд.

По камням, сквозь дым и сквозь разрывы,
По местам, где ты когда-то жил,
Где слова, когда ты был счастливым,
В песню об Отчизне положил.

* * *

Когда наступит завтра, ветры меня сдуют.
Здесь – время, там – пространство.
Завтра буду там.
Мне хочется увидеть, как цветы танцуют,
Со смехом друг за другом ходят по лугам.

Ну а пока сегодня я лежу в окопе,
Укрывшись чёрным дёрном мёртвой темноты.
Во сне мой светлый разум терпеливо копит
Тепло и запах места, где живут цветы.

Как явь и как виденье: впереди и сбоку –
Везде цветы танцуют. Завтра буду там,
Как некий звёздный всадник мчатся рядом с Богом
По взорванным холмам к танцующим цветам.

* * *

*«Чтобы никогда не бояться смерти,
всегда думай о ней»
Сенека*

Сыплет снег. Холодным пухом
Укрывает путь.
Ты иди. Собравшись с духом,
Пой о чём-нибудь.

Например, про степь. Про так, как
Замерзал ямщик.
Лёд куёт мороз в протоках
И кладёт, как щит.

В белой снежной круговерти
Страх и волшебство.
Может, тот кузнец от смерти
Защитит кого.

Подойдёт и прикоснётся
Краешком плеча.
И подарит щит о солнца
И тепло луча.

Сыплет снег холодным пухом
На остатки дней.
Чтобы стать сильнее духом,
Думаю о ней...

Чёрный коготь

Наполнен страхом небосклон.
Нет времени вздохнуть и охать.
Бегу. За мной летит вдогон,
Взрывая воздух, чёрный коготь.

Меня в полях увидел он.
Подумал: «Вот сейчас он дрогнет.
Ворвусь к нему, возьму в полон
И буду чёрным когтем трогать».

Я в жизнь пришёл из-под икон
И в прах уйду, не зная страха.
Я в эту землю был влюблён
Ещё при жизни Мономаха.

Бывали дни темней и горше,
С печалью, с болью неземной.
Как тень от страха, чёрный коршун
Промчался в небе. Не за мной.

Сонет

Поля черны, а выси холодны.
Идёт молчанье, губы сжав до боли.
И – капелька за каплей – капли соли
Летят в пустые борозды войны.

Мы это помнить каждый день должны,
Как поле хлеба стало полем боя.
Рвалось на части, плакало чтоб поле,
Смеялось вновь, когда придут сыны.

Казалось, ничего не уцелело,
Зерно в земную трещину упало –
Бороздку грязи, крови и слюны,

И проросло. И возвращалось тело
На поле, где рождается Начало.
Мы все на этом поле рождены.

Скифу

Вчера хотел сказать, но не сказал.
Сегодня понял, говорить не надо.
А всё, что видел, всё, что осязал,
Всё улетело, как листва из сада.
Одно осталось: ты лежишь в земле,
В звенящей глине и в седой золе.
Так получилось. Скошенный снарядом
На этой необъявленной войне,
Сегодня остаёшься ты народом.
Со мною остаёшься. И во мне.

Елена ЛУКАНКИНА

Горький хлеб военных лет

Стихи

* * *

Вдали мелькают огоньки.
О чём – пойми, поди.
Спустись по берегу реки.
На огоньки – приди.

Покуда не вернулся страх,
и птица в камыши
не падает, и мир – впотьмах –
на огоньки спеши.

Там пьют счастливое вино.
А ты не пьёшь один
и про себя бубнишь одно:
поближе подойди.

Тревоги в сердце отлегли.
И здесь, перед людьми,
почувствуй этот край земли
и просто обними.

Но нет у проклятых очков
волшебного стекла.
Здесь – ни реки, ни огоньков.
Здесь – сажа, грохот, мгла.

И мне нужна твоя рука –
своих вести в подвал.
На мельтешенье огонька
в обнимку тех, кто мал.

Там край разорванной земли.
И я бубню одно –
чтоб мы когда-нибудь могли
пить у реки вино.

Зима 43-го

За спиной шуршат салазки.
Валенки едва скрипят.
Тени крыльев снегом над.
Город в марлевой повязке –
белый, страшный Ленинград.

Столько выпавшего снега,
злого снега одного.
Пожевал – и ничего.
Вот на Лиговке котлеты –
непонятно из чего.

Кто идут – волочат тени.
Кто упал – конец пути.
Снег бы этот перейти –
в одеялах манекены.
Сил хватило бы свезти.

Ноги, ноги, ноги, ноги.
А в руках – на хлеб билет,
горький хлеб военных лет.
На воздушные тревоги
сил и страха больше нет.

Очередь на хлеб такая –
что не разглядеть хвоста.
Человечья долгота.
Подходить с какого края,
если бровка не видна.

Только сон один под силу.
Перед булочной – трамвай.
Там сидят и ты давай –
в эту белую могилу.
Сном трамвайным засыпай.

Но стоит перед глазами
белое лицо, как снег.
Семилетний человек
хлеба ждёт. И надо маме
выстоять за детский хлеб.

Кино в Гатчине

Парк Сильвия. Сирень. Оркестр.
Фонтаны. Воскресенье. Люди.
И на Советской, 26
кинотеатр новый будет.
Да только здесь кино пойдёт
о Ленинграде и о фронте,
о том, как шла за годом год
война – на бреющем полёте.
В зенитках Павловский собор,
как замолчала колокольня,
и как находят до сих пор
своих в могилах братских.
Больно.
Кино – как в парк людей снесли.
Про пытки, бункеры, подвалы.
Про кости из сырой земли.
Как город выжил, как не сдали.
...Ну а пока – июньский день.
Кинотеатр готовят к дате.
Красногвардейск. Оркестр. Сирень.
Смерть.
Смерть.
Смерть.
Смерть
в Линдемманнштадте.

Иван

Иван – это мальчик. Ему умирать
не страшно, он верит и знает:
рогатка в углу – во дворе воевать,
и сразу ускачет за ним под кровать
лошадка, лошадка резная.

Ивана она высоко увезёт,
за эту пробитую крышу.
Там школьника Старец возьмёт на учёт.
...И выдохнул мальчик: «Я, кажется, всё».
Глаза запрокинул и вышел –

туда, где огни – прямиком в океан
из неба. А вот и рогатка
плывёт не спеша и стреляет Иван,
сгущая над крышей пробитой туман,
верхом на волнистой лошадке.

* * *

Было Слово – да кому это Слово нужно?
Кроме спящего Зодчего самого.
Всё вокруг создавший из ничего
спит. Подушка Его воздушна.
А под небом – тошно, от гари – душно.
И молитвы – все / через одного:
разбудите, разбудите уже Его.
Боже правый, оставил Ты нас неужто?
Поминаем всуе – и каково:
слышать голос этот – военно-воздушный.
И куда бежать, и спасти кого?
Очень плохо живётся, Господи, нам с того.
Источилось время и волшебство.
...А Ему хватило. Семь дней всего.

Игорьки

Многоквартирный гроб – когда-то дом.
Наполовину он остался целым.
Лежит, дымит – поднять его с трудом.
Встаёт мальчишка из сплошного мела.

Завалы, крики, скорые, ковши.
Он девочку увидел с красной раной.
Терпи и не вставай, дыши, дыши.
Тебя найдут, а подниматься рано.

Сбежались люди – он не видит лиц.
Лицо у здешних – сдавленная рама,
а на стекле – две впадины глазниц.
Одно из них – неузнанная мама.

Сын помнит сарафан её в цветок.
Цветы на нём как будто почернели.
Она кричит: «Сыночек, Игорёк».
И кто-то отзовется еле-еле.

Мальчишка встал, упал кирпич с груди.
Идёт прозрачным мимо магазина.
Вот стадион и школа – позади.
На небе – солнце, но не греет в спину.

Его встречают – это хорошо.
Вот лодка. На! Плыви за огоньками.
Мальчишка сел и реку перешёл.
И с ним так много лодок с Игорьками.

Велимиру Хлебникову

По росту земляной кафтан,
и на лице – тоска.
Стоит огромный истукан
из цельного куска.
Там было сердце – не обман,
что на груди – рука.

Заблудший и безумный сын,
скиталец и поэт.
Напротив – мир. И эта синь –
его земле под цвет.
В своей степи – как был один,
так и оставил свет.

Ему в лицо поют ветра
калмыцких ковылей.
Он – бюджетянин без ребра,
последних костылей.
А вот земля – совсем стара.
Под пыльный суховей

он встал. И всюду – монастырь.
Отшельник за народ
читает голубой псалтырь
на целый небосвод,
то в степь взглянется Велимир,
то степь – глядит в него.

Признание

Вы мне случились голубой зимой –
ко времени такого сотворенья,
когда я – Ваша, и когда Вы – мой –
не те слова, не эти заверенья.

И как заговорило серебро
под острыми коньками – Вы сказали,
что снова бы мне отдали ребро,
и нас одной материей связали.

А я по льду вила резную вязь
письма – мне от признания не деться,
что я уже тогда любила Вас,
когда не от ребра была – от сердца.

И если сердце – Вы, то я прошу:
Вы под ребром моим его держите.
Я без ребра Вам не принадлежу.
Без сердца Вы мне не принадлежите.

Свет радости

Кричали чайки на морском.
Стояло солнце. Блики зыбко
покачивались. Вверх ушком
лежала ракушка с песком.
На мне тогда была улыбка.

Так схвачен объективом глаз
короткий кадр морского счастья.
На нём – всё, будто в первый раз.
И это светлое сейчас
уже не делится на части:

на чаек, солнечную зыбь,
на дом морской, бескрайность моря,
на волнорез с волнением рыб,
на губ моих простой изгиб.
Всё это – было в разговоре

о радости. Как парус гор
туманность приводил в движение –
в её единственный узор –
и этот тихий разговор
не разложить на предложенья.

А вот и сумрак – густ и спел.
Свет – только кажется, что краток.
Он – трещина на скорлупе
и остаётся на тебе –
как родинка, как отпечаток.

Мария ЗНОБИЩЕВА

Нас опрокинут в свет...

Стихи

* * *

Словно море, вздымается горе.
(Говоришь, не увидеть лица?)
Под окном провожают. В соборе
Отпевают. И так без конца.

В голове разговоры о главном,
Ну, а сердце... найдут – как ни прячь...
Дочке задали плач Ярославны.
...Глянь в окошко, родная, и плачь.

Обнимите

Руки на плечи. К другу на грудь
Сердце просится: «Радый, любимый!»,
А другому – стоять, не вздохнуть:
– Обнимите меня, кто-нибудь!
Что ж вы, девки, проходите мимо?

Нету матери, нету жены,
И теперь не мечтаю о сыне.
(Ну, кому мы такие нужны?)
И как жил бобылём до войны,
Так один и помру на чужбине.

Помню ночь наподобие дня,
Помню день наподобие ночи.
В доме тётки сидим без огня.
Тётка поит и кормит меня,
А обнять почему-то не хочет.

Злая тётка, родная страна,
Зарыдай, не молчи, как немая!
Да, я должен, а ты – не должна,
Но какая за мною вина,
Коль прощаешься, не обнимая?

Мнётся рядом, платок беребя.
Так веками стоять ты могла бы.
Много дела теперь у тебя,
Горемычная русская баба:

Напоследок одеть и обувь,
Разорвать путеводные нити...
Но, пока не окончился путь,
Обнимите меня, кто-нибудь,
И у смерти меня отнимите...

Монолог старухи

Море синее ледовито,
И сама я нехороша.
Как расколотое корыто –
И страна моя, и душа.
Кашеварят и «те», и «эти»:
Что ни делай – каша горька.
И старик мой не ставит сети –
Сети ставят на старика.
Уж не думаю лезть в царицы,
Пожелала бы лишь того,
Что не злится, и не гордится,
И не требует своего.
(Позабыла я это слово),
Но со дна оно достаёт,
Долго терпит, не мыслит злого,
Никогда не перестаёт.

* * *

Шарманщик-ветер, где твой шарм?
Ты стар, ты хочешь спать.
Переверни стеклянный шар –
И снег пойдёт опять.

Опять на пятна мостовых
Падёт фонарный свет.
Он как молитва о живых.
(У Бога мёртвых нет).

В ночную муть, в земную тьму
Глядясь по временам,
Как я скучаю по нему,
По ней, по ним, по нам!..

Толкни свой шарик, берега
Сотри ладонью сам –
И от земли пойдут снега
К стеклянным небесам.

Запляшут дальние огни
Невидимых планет.
...Мы не останемся одни.
Нас опрокинут – в свет.

Красота

Всхлипнет рыба в реке, встрепенётся ночная сова,
Я люблю это царство надгробий и рыцарской ржави.
Здесь венчают на царствие всех, кто поверил в слова.
Вот и холм у седого Хопра величав, как Державин...

Как взлетают колонны, белея о славе былой,
Как стройны силуэты дубов на небесной эмали.
Колокольня и облако – словно скала со скалой:
Голубые пролёты, просветы, ступени-спирали.

Но в любой красоте червоточина, рана, изъян.
У наяд и харит так отколоты лица и руки.
Так среди земляничных, забрызганных светом полян
Замечаешь тугое зловещее тело гадюки.

Вот она изготовилась: миг, замедленье, бросок –
И на пяточке детской появятся чёрные ранки,
Но отброшены ягоды, наземь летит тусок –
И змея перехвачена сильной рукою крестьянки.

Красота – это утро, седая рассветная мреть,
Это вечная гибель, чужая – и всё-таки наша.

Чтобы жизнь продолжалась, крестьянка должна умереть,
А потом перевесит другая, финальная чаша.

Чтобы не было сказкой прекрасное страшное Там,
Остаются мосты: остаются кресты и руины.
Чтобы после ходить босиком – по камням и цветам,
Где опять земляника и шёлковый шёпот змеиный.

Нерль и Колпь

Нынче странник на сужденья слишком скор:
Всё бы топи да болота обогнуть.
Я читала «Нерль» и «Колпь» как «нерв» и «скорбь»,
Будто лебеди тревоги бились в грудь.

А по полю друг за другом – в две петли –
Заяц белый, заяц чёрный ткали след.
Правда с кривдою пути переплели.
За двумя бежать – известно, толку нет.

Не бежала только речка, речка Нерль,
Не тревожилась сестра меньшая – Колпь.
Величавые владычицы земель
В неторопкой глубине несли покой,

Всем берёзам раздавали по серьгам,
Серых уток одевали в свет зари.
Сёла светлые цвели по берегам,
И стояли по холмам монастыри.

Я хочу тебя запомнить вот такой:
В позолоте, не засыпанной золой.
А что писано лукавою рукой –
Смоют воды, унесут ветра долой.

Улеглась моя тревога, страха – нет.
Мы в подводные уходим города.
Я читаю «Нерль» и «Колпь» как «боль» и «свет»,
«Небо», «колокол», «высокая вода»...

* * *

«Нынче восемь, а завтра – за двадцать.
Погляди, весь в пуху чернотал...» –
В марте дед начинал волноваться.
Рвался в поле. Денёчки считал.

Двор гудел от весенней уборки,
У ручья просыпались шмели,
Как от сладко запёкшейся корки,
Хлебный дух исходил от земли.

Сколько раз сгоряча уезжали,
А земля говорила: «Постой».
И лежала она, как скрижали,
Книга жизни его непростой.

...Мы не пашем давно и не сеем,
Но во сне возникает в дому
Дед – каким-то степным Моисеем,
Будто спрашивает: «Почему?»

Из темноты

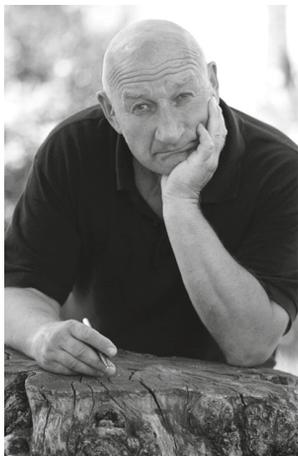
Не бойся тьмы. Она тебе знакома.
Ты был зрачком звенящего зерна
И, прозревая очертанья дома,
Узнал, что жизнь червлёна и черна.

Ты телом не был бел, ты был из черни,
И не всегда земля была, как пух,
Тебя точили дождевые черви,
Но тёмный плен питал твой тихий дух.

Кристаллик боли, слёзка синей соли,
Печаль свою не ставя ни во грош,
Ты восходил в апрельском тёплом поле
И прорастал. И снова прорастёшь.

* * *

Краем кисти золота возьми,
Нарисуй на окнах обереги.
Мы идём по улицам с детьми,
Говорим и думаем о снеге.
Интересно, сколько снегу лет,
Поздно он сегодня или рано...
«Это разве снег! – сказал сосед. –
Недоразуменье! Соль на раны...
Сколько сердце к пиру ни готовь,
А придёт пора проститься с домом,
Всё исчезнет: радость и любовь –
Чёрным дымом станет, мёрзлым комом...»
Но поверх кивающих голов
Листья реют, светом налитые,
Даже после самых страшных слов
Ставя
золотые
запятые.

Владимир СЕЛИВЁРСТОВ

Танкист

Рассказ

Когда боль одолевала, он стонал и орал: «Броня крепка, и танки наши быстры...» Морфий не помогал, спасал неразведённый спирт, жалуемый жалевшими его медсестричками. Опынение проходило, и Герой Советского Союза Пискунов Пётр Васильевич начинал ругаться на чём свет не стоит, плакать, требовать сменить резиновые пелёнки, принести утку, компоту из сухофруктов, киселя клюквенного.

Но жизнь неостановима, и бинты сняли даже раньше, чем предполагали доктора.

Героям положена отдельная палата, но в госпитале таковых не было. Отгородили закуток в общей, бывшей когда-то школьным классом. Он впервые осмотрел себя после полной забинтованности. Всё, что раньше было продолжением колен и локтей, отсутствовало. Рубцеватые говяжьи обрубки, выглядели до того дико, что Пётр на мгновение уверился: принадлежат они не ему, а другому, а может, животному. Да, обкромсали его, спасая жизнь. Смерть пожирала смердящей, со-

чащейся зелёным гноем гангреной. Почему её называют Антоновым огнём? В честь какого Антона или Антонова назвали такую пакость?

Ни рук, ни ног не было, но чесались то пятки, то ладони, а пальцы на ногах и руках явственно и деревянно сводило судорогой, словно лежащие где-то его кисти и ступни подавали ему весть, тоскуя и желая снова соединиться в привычное тело. Чесанка сменилась острой дёргающей болью в правой ноге, танкист не выдержал, застонал, выругался и стал думать о будущей жизни.

Получалось, что никакая жизнь его, самовара, не ждала. Ничего хорошего у него, лучшего тракториста колхоза «Красный пахарь», не предвиделось. Настя Устинова из соседнего проулка, самая желанная из всех девушек, теперь за него не пойдёт, так, может, пожалеет когда по-бабы...

Нечем двигать рычаги из первого положения во второе, нечем нажимать на педали, чтоб в конце борозды крутануться на месте, будто втереть папироску ногой в землю. Вспомнились ботинки на толстой свиной подошве с заклёпками и гусеничный трактор, называвшиеся одинаково ЧТЗ (Челябинский тракторный завод).

Да что за жизнь без ног и рук? Народ про тех, у кого всё есть, а мастер никудышный, и то говорит: безрукий. Мать в детстве тоже обронит ласково, когда уронит чего:

– Ты что, безрукий?

Да, матушка моя родная, безрукий и безногий. Благо то, чем детей делают, на месте. Может, и дети от такого без рук-ног родятся? Да и какая баба в постель с таким ляжет? Ни обнять, ни стреножить.

За высоким венецианским полуциркульным окном бывшей средней школы, где расположился эвакогоспиталь № 1234, синел, метелился декабрь сорок третьего года, двадцатого столетия от рождения Христова, как условились меж собой люди.

По Европе катился громадный, от моря до моря, жернов мировой войны. За мгновение под ним исчезали сотни тел человеческих и отлетали в небо их души, пробитые пулями, осколками, штыками.

На войне нет ни хороших, ни плохих, ни добрых, ни злых, есть только ещё живые и уже мёртвые. Война, великий примиритель,

только она одна решает, кому жить, кому умереть, там главное – превратить живую силу в неживое бессилие.

Человека животрепещущего, животворящего, живородящего, с такой непрочной, ранимой нежной кожей, что и комару не преграда, кромсал раскалённый металл. Обожгла она и только начавшего жить парня из утопающего каждую весну в цветущей сирени, черёмухе, вишне тамбовского села Алексеевки.

Ранним июльским утром двадцатилетний гвардии младший лейтенант Пискунов, командир среднего танка Т-34, походный номер 112, построил экипаж. Наводчик, младший сержант Сергей Малышев, водитель грузового АМО из Тулы, сердечной шутливой добротой сплывающий личный состав, поправил вечно налезавший на брови серый от пыли шишкастый шлем и доложил:

– Товарищ лейтенант, семидесятишестимиллиметровое орудие к стрельбе прямой наводкой и с закрытых позиций готово. Боекомплект, полная укладка в тридцать шесть снарядов, пять фугасов и пятнадцать гранат в наличии.

Механик-водитель ефрейтор Дмитрий Трофимов, рязанский токарь, умелец на все руки, нарезающий напильником на гвозде резьбу и прозванный на морской манер танковым коком, весело продолжил:

– Трансмиссия в полной исправности, аккумуляторы в полном вольте, баки под завяз, возимый ЗИП в комплекте.

– Ты чего разлыбился? Сцепление в атаке сожжёшь – расстреляю на месте как вредителя и предателя. Понял?

Заряжающий, белозубый красавец грузин Ираклий Гедеванишвили с ласковым прозвищем Ира, мастак по части шашлыка из любого мяса, молча кивнул вороньего крыла головой.

Экипаж воевал уже пять месяцев и затаённо ждал. Всем известно – танки на войне больше полугода не живут. Они же, каким-то чудом, проехали, шлёпая траками, от Волги до Белгорода, без потерь и поломок. Сам танк почитался пятым членом экипажа и содержался в чистоте и холе. Вопреки мнению пехоты, называвшей танки «братской могилой», для них он был «братским домом».

Шестой месяц, и ни царапины у экипажа и у машины – плохая примета. Такие чудеса заканчивались прямым попаданием под погон башни или противотанковой миной под днище, выбивающей нижний люк и кромсающей всех всмятку.

– Затишье, оно всегда перед бурей!

– Не каркай, пророк хренов! Если всем приметам верить, ложись и помирай. Вон вчера по лесу едем, две чёрные кошки откуда ни возьмись.

– Не кошки это, а бабы Яги, переодетые. Может, даже немцами засланные.

– Засранные! Баба Яга, она патриотка и к фрицам не переметнётся. У нас в разведке служит. На ступе с метлой аэрофотосъёмку позиций немецких по ночам делает. Ты чо, не знал, что ль?

– Товарищ лейтенант, за обедом пора. Наркомовские обещали. Старшина уже две пайки зажил. Во у кого жизнь! Хоть залейся, хоть обожрись! Хошь, тушёнки, хошь, сальца с прожилками. Всё, всё. Молчу, как рыба... эх щас-бы чебачка копчёного.

Команда «Заводи!» прозвучала в ТПУ (танковое переговорное устройство) затемно. Между деревьями только-только начала сочиться серая простокваша рассвета. Минут через двадцать, будто из воды, вынырнули на опушку, развернулись в боевой порядок и полетели по полю, ухая в ухабы, пережёвывая редкий мокрый красный кустарник. Немецкие танки появились внезапно, освещённые вставшим с востока солнцем – слепящим плоским лимоном.

Началась танковая дуэль. Каким-то необъяснимым чутьём русский выбирал немца, а немец – русского.

Мальшев доложил:

– Есть прицел!

– Заряжай! Огонь!

Каждый делал своё дело. Заряжающий открыл, дослал снаряд, закрыл затвор. Механик-водитель, услышав команду «Огонь!», выжал сцепление, встречая откат, перевёл рычаги во второе положение.

Пётр ощутил, как танк от выстрела бросило на два трака назад, и машина, навёрстывая упущенное, присев, рванулась вперёд...

Беленькая, чистенькая медсестричка Надя с ещё необиженным людьми лицом и необожжённой жизнью душой поднесла ко рту пахнущей женщиной и мазью Вишневского рукой узкую мензурку с синевой жидкостью. Танкист, притаив дыхание, чтоб не обжечь горло, пролил в себя огненную струйку и выдохнул вместе со словами:

– Спасибо, Надюша. – Алкоголь на пустой желудок подстегнул смелость калеки. – Ты скажи, только честно, вышла бы за такого, как я?

Не научившаяся врать и скрывать свои чувства, девушка сунула лицо в ладонки и выбежала из палаты.

Спирт и реакция Нади вызвали у танкиста приступ острой злой жалости к себе, жизнь теряла остатки смысла, замещавшегося тягучей, тягостной смертельной тоской. Как хорошо, если всё это кончится. Прервётся! Какая всё же гнусная погань жизнь и как прекрасно просто не быть, не жить, не существовать. Ведь если рассудить, то половина его тела уже на том свете, валяется, гниёт где-то на мусорной свалке. Пора и оставшейся туда же.

Ещё совсем недавно так жаждал жить, ужасался, что могут убить. А тут о самоубийстве мечтает, как о манне небесной. Злоба и ненависть к этому жестокому, враждебному и беспощадному миру нахлынула на него. Отчаянным усилием он перевалился через невысокую сетку и больно шлёпнулся об пол. Упираясь культишками рук, пополз, подскакивая огромной лягушкой, к окну. Обрубки ног и рук закровянили, обильно пачкая рукава и кальсоны.

У окна танкист с трудом прислонил туловище к стене. Положил культы на широкий подоконник, ухватился зубами за старинный шпингалет, воняющий кислой медью, подтянулся и чудом удержался около стекла. Задвижка медленно поддалась, поехала вниз, освободила раму. Вторая держалась лишь на газетной бумаге, наклеенной на зиму от холодов. Морозный воздух обжёг лицо и горло. Открылся путь в избавление. В райские кущи. Пётр недолго неверно побалансировал на прогнившем жестяном козырьке и полетел, не чувствуя страха, ожидая тупой встречи с землёй.

Хватились его Надюша, прибежавшая сказать, что обязательно вышла бы за такого, как он. Увидела пустую кровать, кровавый след.

Холод, а ещё сильнее испуг бросили её в дрожь. Сорвав косынку, с криком «Убился! Убился!» побежала в ординаторскую.

Спасли глубокий сугроб, спирт и оттепель. Легкораненные с завхозом принесли и, придерживая, чтобы не утонул, положили в горячую ванну. Главврач ходил по скользкому плиточному полу и причитал:

– Боже ты мой! Бедный мальчик, зачем? Почему? К чему? Жизнь прекрасна и без рук и ног. Просто жить – уже счастье. У тебя есть так много – мы, земля, небо, солнце, луна. Облака ведь лучше, чем крышка гроба! Чтобы читать стихи Пушкина, наслаждаться полотнами Рубенса, не нужны никакие конечности, ни верхние, ни нижние. Наступит ещё и твой час, природой отмеренный, отмеченный. Жизнь – дар Божий, бесценный, и никому не дано отнимать его, даже у себя самого.

На следующее утро старый доктор собрал консилиум.

– Как вам известно, дражайшие коллеги, вчера в 11 часов дня совершил попытку самоубийства больной Пискунов. К счастью, не летальную, хоть и... летательную. Слава Богу, не дошло до переохлаждения организма, и динамический удар смягчил сугроб. Нерадивость завхоза, снег не убравшего, тут пришлась как нельзя кстати: исполнил приказ, разбился бы Герой Советского Союза. С такой высоты травмы несовместимые с жизнью неизбежны.

Завхоз, одноногий рыжий инвалид, пробурчал:

– У нас, товарищ военврач второго ранга, вся жизнь с жизнью несовместна.

– В то же время выздоровление Пискунова, его соматическое состояние протекают в норме, без патологий. Как вызвать у него желание жить и подавить тягу к смерти, прошу, дражайшие коллеги, вносить соображения.

Терапевт Промыслова подала мысль подавить всякие эмоции больного медикаментозной блокадой. Пусть постоянно находится в полудрёме, полузабытьи безо всяких острых желаний и поступков.

Невропатолог Иосиф Борисович Цейтлин поддержал её и добавил, что нужно вызвать телеграммой мать. Она благотворно подействует на сына, уберёжет его.

В консилиуме участвовала заведующая местным психоневрологическим отделением областной больницы Писарницкая Агния Моисеевна.

Её фамилия давно уже, утратив первоначальный смысл, стала символом дома сумасшедших. Горожане при любом случае говорили:

– Что, к Писарницкой захотел?

– Я смотрю, тебе место только у Писарницкой.

Агния Моисеевна сама, как и все психиатры, была чуть тронутой. Семьи у неё не было. Никто и никогда не слышал о её мужчинах. Внешне она была типичной еврейкой, как две капли похожей на стрелявшую в Ленина Фанни Каплан из фильма. Даже курила она только «Дукат», длинные толстые папиросы, прикуривая одну от другой.

Врачом она была от Бога, как и начальницей, строгой и беспощадной. Старинное здание кровавого кирпича с громадными окнами и такими же тяжёлыми дубовыми трёхметровыми дверями, закрывающимися на чугунные литые лязгающие кандалами засовы, испускало на всю округу вечный и неизбывный запах всех советских больниц – смесь карболки, квашеной капусты и мочи. Закон жизни: здоровые люди пахнут цветами, а больные дерьмом. Сумасшедшие, даже самые буйные и опасные, ходили «на цырлах», едва завидев грозную «главную».

И вот этот символ городского безумия улыбнулась, обнаружив ещё молодую и непротивную женщину, сказала:

– Сильнее смерти только любовь. Единственное лекарство, лечащее и душу, и тело одновременно. Назовите любое другое чувство равное ей по силе? Она великий спаситель. По-русски говоря, бабу ему надо. Простую обычную бабу со всеми причиндалами. Слава Богу, и у него всё на месте. Страсть к смерти надо заменить страстью к женщине.

Как ни странно, но главврач предложение одобрил.

– А что, у нас в двадцать второй палате санинструктор с ампутацией правой нижней конечности и параличом левой верхней. Переселим её к Пискунову.

В другом крыле госпиталя, в женском отделении выздоравливала, если так можно сказать, девятнадцатилетняя Маша Мальцева. Васильковые её глаза, как маленькие лужицы, часто наполнялись слезами. Ногу ей оторвало своей же миной, когда рота, попав под кинжальный огонь немецких пулемётов, бросилась спасаться на русское минное поле.

Хирурги просто обрезали лоскутья кожи и зашили рану. Второй осколок вырвал кусок нерва из левой руки, и она висела плетью.

Старый доктор на её вопрос, пожевав в раздумье губами, ответил маловразумительно:

– Нога, милочка моя, надо, конечно, надеяться, но маловероятно, чтобы выросла, а вот нерв... есть данные, растёт по миллиметру в год. Так что лет эдак через десять, может, ваша рученька и обретёт подвижность.

При очередном утреннем обходе он попросил у Маши помощи:

– У нас тут, голубушка, сложилась напряжёнка с младшим медперсоналом. Санитарок не хватает. Не могли бы вы временно пособить, пока не наберём людей. С улицы же не возьмёшь первую встречную. Надо проверить, изучить...

Санинструктор воевала уже второй год. Невнятную неясницу главврача сразу приняла за непонятную ей пока игру. Она пошла-лась по госпиталям и медсанбатам и порядки знала.

Приказ раненых на внутренние работы не привлекать никто не отменял. Да и не слепая она. Тут сестричек и санитарок большой излишек. По штату и мужикам хватает. Слоняются с утра до ночи друг за другом. Ошиваются у пищеблока, как собаки бродячие у помойки. И «шуры-муры-амуры» с ходячими и «стоячими» легко-ранеными не только ночью, но белым днём в старом заброшенном вишнёвом саду. Хотя, если уж сердцу не прикажешь, то телу тем более. Оно само тебе приказывает. На мужиков она насмотрелась, красивых и уродов, молодых и старых, живых и мёртвых.

Танкист каждый раз, проваливаясь в сон, командовал, нёсся в атаку. Во сне он был здоровым обычным парнем с ногами и руками. На этот раз танк почему-то не слушался, не двигался с места,

как Пётр ни старался, педали не поддавались, рычаги поворота заклинило, и вся машина застыла каменной глыбой. Он дотронулся до брони, ощутился шершавый гранит. Сон был до того кошмарным, что Пискунов проснулся. Явь оказалась ещё ужасней. Лучше в кошмарный сон, чем в безногую и безрукую жизнь. Заснул и опять бегаешь, прыгаешь, гири тягаешь, копаешь землю, женщину обнимаешь...

Вошла она в палату к Герою, села рядом с белой койкой, обтянутой сеткой, чтоб не падал.

– А меня тоже наградили. «Красной звёздочкой», а посылали на «Боевые заслуги». Почему, а?

– Радуйся. «Звёздочка», она поважнее будет. То медаль, а это орден. Каждый месяц по 100 рублей платить будут.

– А за «Героя» сколько дают?

– Не знаю. Ты кто такая взялась?

– Санинструктор Мария Мальцева.

Глаза танкиста часто и неотвратно натыкались на те части тела санинструктора, которые отличают женщину от мужчины. Даже под застиранным, когда-то синим халатиком набитное её тело, будто подкачанное изнутри насосом, волновало, притягивало взгляд и мысли. А уж когда она, то перестила простыни, то вынимая утку, касалась его грудью, прижималась круглым боком, он чувствовал, как внутри его, да и снаружи поднималось возбуждение неподвластное, не подавляемое. Зыркал глазами исподволь на ложбинку между грудями, распирающими тесную байку халатика.

Просьбу начальника госпиталя Мария восприняла как приказ. Постепенно она чутьём женщины стала понимать, зачем она здесь. Однажды, кормя его алюминиевой ложкой с выцарапанными на ручке буквами «С В», задала давно таимый вопрос:

– А ты с бабами-то успел побаловаться?

Герой перестал жевать, залился краской, будто мгновенно загорел на обжигающем июльском солнце, хотел было соврать, похвалиться, какой он ходок по бабьей части, но почему-то отрицательно мотнул головой.

Маша давно решила не противиться желаниям, если они возникнут у «убогого», как она про себя звала Героя.

Четыре раза в день садилась к нему на кровать. Гладила жёсткий бобрлик волос и начинала растирать культи ног и рук.

– Ты, Алёш, не подумай чего. Массаж тебе доктор прописал, так что я тебя не как баба глажу, а как медсестра.

Герой улыбался и молчал, думая про себя: медсестра, она всё равно женщина.

Он постоянно у докторов и сестричек кланчил спирт или морфий. Успев привыкнуть к призрачному счастью, жаждал постоянно пребывать в нём, не выныривая в укороченную, безрукую и безногую жизнь. В редкие промежутки муторной трезвости его охватывал нестерпимый страх, стремясь избавиться от него, начинал ругаться, кричать, метаться по кровати.

– Товарищ военврач второго ранга, мой Герой опять затосковал. К смерти стремится, как к матери родной. Разрешите мне на круглосуточное дежурство перейти, а то и до беды недалеко. Я вчера под матрасом железку нашла, из сетки выломал, может, вены вскрыть задумал иль в сердце кольнёт?

Старый врач и сам хотел ей предложить ночную вахту и облегчённо вздохнул – девка умная, сама догадалась что к чему. Вот пень старый, любовь – дело добровольное. Но всё же пробный камень бросил.

– Но ведь вы же в некотором роде особи, то есть особи противоположного рода, то есть пола.

– Да какой из него мужик? Самовар с одной конечностью, головой.

– Ну, голубушка, не скажите, есть ещё одна, чисто мужская, действующая.

Поздним вечером Маша медленно, чтобы не щёлкать, провернула дважды ключ в двери, сняла с него байковую, застиранную до неопределённо серого цвета пижаму с оставшимися почему-то ярко-жёлтыми накладными карманами, разделась сама и легла рядом. Коснувшись дынькой груди его плеча, почувствовала, как

оно напряглось, задрожало, нетерпеливая эта дрожь от ожидания желанной близости передалась и ей. Тело её покрылось испариной снаружи и внутри. Алексей попытался было лечь на неё, но ничего не получалось. Тогда она села на него, как опытная наездница на необъезженного молодого жеребчика. Танкист зашёлся душой от удивившего наслаждения. Будто вошёл во врата райские, где срывать начал плоды, доселе невиданные, бархатистые, солнечные, тёплые и сочные. Внезапно накатило на него нестерпимое торжество жизни, радость сладостная, которой он щедро поделился с женщиной.

Когда танкист очнулся, санинструктор спала на своей койке, свернувшись в маленький комочек, словно дворовая собачка у забора. Только округлой горкой возвышалось бедро, теперь полностью принадлежавшее ему и только ему. До першения в горле стало её жаль, захотелось защитить от любых бед и невзгод, сделать счастливой.

Старый доктор в ординаторской, по-сократовски подняв вверх палец, изрёк:

– Тело исцелило душу. Редкий случай, чаще бывает наоборот.

Познав женщину, танкист не знал удержу в желании постоянно обладать ею. Маша попросила начальника сделать на двери крючок, и когда бы ни дёргали к ним дверь, она постоянно была заперта.

Сын Алексей родился у них уже в селе Алексеевке, притулившемся к большому районному селу Покрово-Марфино, в самом крайнем доме за прудом. Во время родов Мария умерла от потери крови.

Герой продолжал выпивать, но постепенно освоил гончарное ремесло, благо жирная глина нашлась на берегу, прямо на задах огорода. Обжигал он кувшины, миски, горшки в небольшой норе, вырытой им у самой воды. Дров вокруг было достаточно, вековые вётлы плакали каждое лето, роняя сухие отжившие ветви. Какой-никакой, а доход.

Худо-бедно, но государство платило инвалиду пенсию. Жить на неё было и худо, и бедно. Герой, часто махнув из рюмки синего стекла самогона и хрустнув квашеной капусткой, повторял:

– Всё равно, жить-та оно лутчея, чем не жить.

* * *

Сухотинский дом инвалидов расположился в бывшем женском монастыре на холме среди вековых сосен, таких старых, что ветвистые сучковатые макушки и те пооблысели, сбросив последние иголки много лет назад. В главном корпусе, двухэтажном доме красного, ажурной кладки кирпича стояла невыводимая и невыносимая для свежего человека вонь – гремячая и дремучая смесь из карболки, рыбного супа и давно немытого человеческого тела.

На одной из дверей, крашеной в половую краску, висела табличка «Палата ВОВ». Обитатели индома её жильцов звали «Вовами». На койке в углу лежал Герой, которому давно уже перевалило за семьдесят. Он мучился от пролежней и несварения желудка. Директор индома Галыгин, громадный мужик с писклявым детским голоском, ветеранам уделял особое внимание, потому как в бюджете учреждения они шли отдельной строкой и снабжались щедрее, чем остальные. Иногда он заставлял бухгалтера из средств этой строки покупать бутылку водки, брал в столовой хлеб, лук и солёные огурцы и шёл к старикам. Невоевавший, проработавший всю войну на соседнем пороховом заводе в Котовске, Галыгин чувствовал перед ними вину и грустно шутил:

– Я тоже, как и ты, «бронью» защищённый был.

На что тот отвечал всегда одно и то же:

– Да, твоя броня покрепче моей получилась.

Что влекло в этот Богом забытый уголок, где одиночество было лучшим другом каждого «обеспечаемого», молодой майор Селиванов, начальник районного отдела внутренних дел, пожалуй, объяснить бы не смог. Он подъезжал на милицейской «канарейке» и шёл прямым ходом к Герою. Брал старую табуретку с дыркой посередине, напоминавшую казарму срочной службы в танковых войсках, где он был механиком-водителем среднего танка.

Сегодня, в День Победы, он не мог не приехать к старому солдату.

Герой лежал, уткнувшись лицом к стене, и плакал. Сосед, тоже участник ВОВ, с лицом, похожим на зазубренную стрелецкую секиру, поющий «под мухой», когда мутнеют глаза и яснее память,

всегда одну и ту же песню «Артиллеристы, Сталин дал приказ...», пояснил:

– Тут давеча двое ввалились и всё наше вино забрали. Вчера пенсия была, вот мы красного и купили пять бутыльцов. Как говорится, «вермутёк и наутёк». Молодые ребята, но не нашенские, могёть быть, залётные какие?

– Пётр Васильевич, как они выглядели, опознать сможешь?

– В куртках кожаных, молодёжь, да где их найдёшь-то? Иди, свищи. Обидно, последние в магазине у Маруси выпросил.

Начальник милиции в машине нажал на тумблер рации:

– Дежурный? Селиванов. Объявляю всему РОВД боевую тревогу. Через час весь личный состав должен быть в Сухотинском индоме. Как понял? Приём.

К вечеру оба грабителя стояли перед Героем.

– Прости, отец, мы не знали, что ты воевал. Прости, если можешь. Заработаем, купим.

Селиванов не выдержал, размахнулся и отвесил обоим увесистые оплеухи. Танкист заступился.

– Товарищ майор, не надо, а то озлятся ещё хуже. Меня-то они и пальцем не тронули.

Года через полтора позвонил директор Галыгин и сообщил, что Герой Советского Союза Пискунов Пётр Васильевич умер сегодня ночью в своей палате от обширного инфаркта миокарда.

На кладбище, над могилой Селиванов стоял со старым артиллеристом и директором. Сын не приехал, прислал телеграмму: «Болею. Скорблю. Мысленно с вами».

На дне скопилась вода, и гроб плавал, прибываясь то к одной глинистой стенке, то к другой.

Начальник милиции бросил горсть земли. Она гулко стукнулась, и он невольно оглянулся на краснеющий невдалеке корпус. Почудилось, гроб пуст, а Герой сидит на кровати и, поглаживая кулётьей седой затылок, говорит:

– Да, жить-то, оно, конечно, лучшее, чем не жить.

Анатолий ГОНЧАР

СВЯЗНОЙ

*Из воспоминаний мальчишки-партизана,
участника Великой Отечественной войны*

Рассказ

Для Еременко Миши война началась рёвом самолётных двигателей. В один из дней небо над селом наполнилось рёвом моторов – в вышине с запада на восток летели бомбардировщики с крестами на крыльях. А несколькими днями позже война пришла к ним в дом. Она ворвалась грохотом разрывающихся снарядов и треском пулемётов. Советские войска отходили, преследуемые по пятам наступающими фашистами. Жизнь разделилась на до и после.

Вся страна стояла перед выбором: сломиться и исчезнуть или бороться. Был ли выбор у мальчишки? Конечно, был. Он выбрал и ушёл в партизаны. Отряд НКГБ имени Трусова действовал на территории Городокского района Витебской области Белорусской ССР. Одной из приоритетных задач отряда являлся сбор сведений о противнике. По большей части занимались этим подпольщики, внедрённые во вражеские управленческие

структуры или работавшие на вражеских объектах. Для встреч с ними требовались связные, одним из таких связных являлся Михаил Еременко.

Явочные квартиры подпольщиков, места закладок – со временем в мальчишеской голове было бы слишком много информации. И командиры это понимали. Как-то следовало минимизировать последствия от случайного попадания связного в лапы гитлеровцев. Выход напрашивался сам собой – связной попросту не должен был попасть в руки врагов живым.

– Связным нужно оружие, – твёрдо заявил командир на собранном им совещании.

– Оружие могут обнаружить и разоблачить парнишек, нельзя давать связным оружие! – возразил кто-то. – Ведь всё равно, если что случится, они не отобьются.

– Оружие у них будет не для того, чтобы отбиться, а чтобы не дать врагу и шанса вытащить из себя информацию.

– Значит, оружие нужно, чтобы... – вступивший с командиром в диспут партизан не договорил.

– Да, именно для этого, – командир подтвердил его догадку.

– Да разве мальчишка сможет...

– Уж поверь, мальчишка сделает. Это с большей вероятностью, чем мы с тобой, – заверил собеседник.

Оппонент спорить не стал.

Тем же днём Михаила научили стрелять из имевшегося в отряде оружия и обращаться с Ф-1, а вечером вручили пистолет и гранату.

– Спрячь так, чтобы не было видно со стороны, нигде не выпирало, – потребовал командир и пообещал: – Я проверю.

А всё тот же партизан, что ещё утром затеял спор с командиром, спросил:

– Ты понимаешь, для чего тебе оружие?

– Бить фашистов! – с мальчишеской прямоотой ответил Миша.

– Если их один или два, то да. А если их много? – партизан продолжал допытываться.

– Н-у-у-у... – Михаил задумался. Он уже понял, куда клонит спрашивающий, но не решался озвучить пришедшую в голову мысль.

– Ты знаешь местонахождение отряда, а сегодня ещё узнаешь и адрес одной из наших явочных хат. Через какое-то время ты будешь знать местонахождения тайников, о других явочных домах и квартирах, будешь знать в лицо наших подпольщиков. Ты понимаешь, сколь много важной информации будет храниться у тебя в голове? Сколь опасно её попадание к фашистской сволочи?

– Понимаю, – кивнул Михаил.

– Значит, ты согласен, что ты ни в коем случае не должен угодить в руки фашистов живым? Тебе ясно, что ты должен сделать с помощью этого оружия? Для чего нужна граната? Понимаешь?

– Я понимаю, я не сдамся, – закусив губу, заверил Михаил и решительно сунул пистолет в карман широкого пальто, гранату в другой – пальто было столь велико, что положенное в них оружие нисколько не выпячивало.

Командир одобрительно похлопал Михаила по плечу и, понизив голос, назвал ему адрес, по которому тот должен был встретиться с городским подпольщиком. Пароль и отзыв Михаилу сообщили заранее, ещё до этого разговора.

– Запомнил?

– Запомнил.

Командир не стал просить, чтобы тот повторил, вместо этого ободряюще улыбнулся:

– Тогда удачи! Ступай и возвращайся!

– Вернусь! – пообещал Михаил и, пожав протянутую командиром руку, решительно зашагал в сторону деревни.

Первое боевое задание было успешно выполнено. За ним второе, третье, четвёртое. Михаил передавал, приносил, встречался.

Однажды он должен был в очередной раз посетить хорошо знакомую явку. День подходил к концу, наступал вечер, и сумерки постепенно сгущались. Михаил подошёл к лесной опушке, выходящей на окраину деревни. Немного постоял, прислушиваясь. Ни звуков моторов, ни собачьего лая не услышал. Тогда он развернулся к чаще лицом

и, начав пятиться, еловым лапником принялся тщательно заметать собственные следы, остающиеся в рыхлом снежном покрове. Наконец Миша выбрался на тянувшийся вдоль деревни тракт. Сунул лапник под мышку и стремительно зашагал в направлении дымящих трубами домишек. За его спиной падающий с неба снег, несомый небольшим ветерком, окончательно скрывал от постороннего взгляда ломаную линию заметённого лапником следа.

Подходя к нужному дому, Михаил не спускал взгляда с крайнего левого окна. Мерцавшая за ним лампада высвечивала лишь не скрытую толстым слоем тёмной материи нижнюю треть. Сигнал, свидетельство, что явка не провалена, в противном случае штора оказалась бы завешана полностью. Поравнявшись с домом, Миша свернул с тракта на ведущую к дому тропинку. Повертел головой по сторонам и, подойдя к порогу, в очередной раз огляделся. Поспешно обмёл лапником валенки, после чего прислонил лапник к снежному буторку и, без стука распахнув дверь, вошёл в дом. Какую-то долю секунды глаза привыкали к свету ярко горящей керосиновой лампы, а когда привыкли, Михаил оторопел от неожиданности: в смежной комнате за столом сидели трое незнакомых мужчин, один из которых оказался самым настоящим полицаем. Миша медлил лишь секунду – сунутая в карман рука вылетела из него уже с пистолетом, ствол которого уставился на сидевших.

– Руки вверх! – вскрикнул он. – Руки! – повторил он как можно более грозно, но ни один из этой троицы даже не пошевелился.

– Остынь, парень! – рассмеялся полицай. – Мы свои!

– Так я вам и поверил! – не отрывая взгляда от мушки, ворчливо отозвался Михаил.

– Да будь я предатель, мы бы тебя давно пристрелили, – полицай показал взглядом на свои колени, на которых лежала ладонь, твёрдо охватывающая рукоять парабеллума.

– А почему в этом? – Михаил кивнул на полицейскую форму и повязку на рукаве одного из двоих одетых в гражданскую одежду мужиков.

– Потому что так приказала Родина, – пояснил советский разведчик в форме полицая. Говоря, он отпустил рукоять оружия и по-

ложил руку на стол. – Ты здесь для того, чтобы забрать сведения, добытые мной и вот этими товарищами. Они, кстати, тоже сейчас как бы на немцев работают. Так что опускай пистолет, забирай вот эту посылочку, – мужчина ткнул пальцем в небольшой лежавший на столе свёрток, – и уходи. А можешь не торопиться, чайку с нами попить.

– Нет, – отказался Михаил, но пистолет всё же убрал – он поверил, тем более что был наслышан о работающих в полиции подпольщиках. Если бы человек в форме полиция хотел его убить, он бы это давно сделал, ведь сосредоточив своё внимание на человеческих торсах-мишенях, Миша упустил из виду лежавшее ниже уровня столешницы оружие. Поверить-то он поверил, но всё же воспользоваться гостеприимством не рискнул – подошёл, взял приготовленное послание, попятился к двери и, резко распахнув её, вышмыгнул на улицу. Подхватил лапник и, чувствуя, как по спине стекает горячий пот, почти бегом бросился прочь.

На этот раз Михаил перестал маскировать за собой след, лишь когда забрёл в самую чащобу. Всю дорогу до партизанского отряда его подсознательно глодала мысль: а вдруг его обманули и теперь за ним по следам идут вражеские шпионы? Поэтому он поминутно оглядывался, но за спиной никого не было. Только оказавшись в отряде и передав взятый со стола свёрток командованию, у парня отлегло от сердца, он всё сделал правильно, на явке находились свои, а сведения, переданные ими, оказались очень ценными.

В этот день Мишу срочно вызвали в штаб отряда.

– Михаил, – обратился к нему политрук, – деревню, где явка с тем твоим полицаем, помнишь?

– Как не помнить, там мой дядя живёт.

– Бегом туда. Предупреди людей. Каратели в село идут. Пусть жители уходят в лес. Мы их встретим. Беги! Времени в обрез, – поторопил политрук.

– Понял, бегу! – отозвался Миша и знакомой тропой со всех ног припустил в сторону населённого пункта. Он бежал, обливаясь по-

том, казалось, вот-вот и откажут отяжелевшие ноги, но он не остановился. Подбежав к крайнему дому, увидел выходящую во двор хозяйку, крикнул, не замедляя шага: – Каратели идут, спасайтесь, в лес уходите, к партизанам! – крикнул и побежал дальше. И так от дома к дому.

– Ратуйте, люди, ратуйте! – неслось по деревне.

Михаил задержался только подле дома своего дяди.

– Дядя Гриша, уходите в лес! – сообщил он. – Каратели в село идут!

– И што с того? – недовольно отозвался дядя. – Старый я, поздно мне по лесам бегать. Ну, идут каратели – и что? Мне-то они что сделают? Я не партизан, что им с меня?

– Дядь Гриш, уходите! – взмолился Миша. – Они же каратели! Они же никого не щадят!

– Да брось ты! – отмахнулся дядя. – Я старик, а немец – он тоже человек, что ему попусту кровь лить. Никуда из дома не пойду.

– Уходите! – в последний раз попросил Миша и побежал дальше, оповещая жителей о наступающей беде.

Ушёл дядя в лес или нет, Михаил не видел, но когда возвращался обратно и зашел в дядин дом, того там не оказалось.

«Ага, – облегченно подумал Миша, – послушался». Подумал и побежал к окраине леса, где его окликнули партизаны, пришедшие встречать уходивших в лес сельчан.

– Миха, – заместитель командира отряда поманил мальчишку к себе, и когда тот подошёл, протянул ему бинокль. – Понаблюдай пока, – сказал, а сам пошёл к перепуганной толпе детей и женщин, замерших в ожидании дальнейшего.

Миша прильнул к окулярам бинокля, но звуки моторов услышал раньше, чем увидел приближающуюся колонну фашистской техники. Немцы и прислуживающие им полицаи прыгивали с кузовов и цепью охватывали опустевшую деревню. Когда кольцо оказалось замкнуто, подручные немцев холуи-полицаи пошли по дворам и вскоре вытащили на улицу нескольких почему-то не ушедших в лес жителей – женщин, старух, стариков. Среди последних Михаил опознал дядю Гришу. Сердце аж захолонулось.

«Дядя, дядя, да как же так-то! – Окуляры бинокля вдавились в глаза мальчишки, но надеждой мелькнула спасительная мысль: – Может, всё ещё обойдётся?»

Меж тем каратели погнали людей вдоль улицы, постепенно всё ближе и ближе подходя к окраине села. Вот уже до залёгших на опушке партизан донеслись истошные крики голосивших женщин. Потом послышался старческий голос, громко моливший о чём-то Всевышнего. Но видно тот не услышал или оказался занят – найденных в селе людей стали загонять в небольшую деревянную хибару.

– Да что же творите, ироды? – донёсся до леса громкий голос деда Григория. – Вы что удумали?

– Иди, дед, иди! – один из полицаев ткнул прикладом винтовки Григория в плечо, но тот оказался не промах, отступил чуть в сторону и, ухватившись за приклад, едва не выдернул оружие из рук ошалевшего от неожиданности холуя, только перекинутый через плечо ремень не позволил оружию оказаться в руках деда.

– Да ты как посмел?! – на вырубку подельнику рванули сразу два полица, сбили старика с ног и начали избивать, затем схватили и швырнули вовнутрь помещения.

Дом, в который завели сельчан, находился довольно близко от леса, и Михаил, отставив бинокль, во все глаза наблюдал за происходящим. Наблюдал, чувствуя свою бессильную ярость. В груди ещё теплилась надежда: сейчас фашисты подержат людей, пострадают и отпустят.

Дед Григорий, на свою беду, оказался прав, если так можно сказать: каратели действительно не собирались лить кровь «попусту», они не стали лить её вообще, согнали всех оставшихся в деревне жителей в избу и подпёрли дверь. Стало ясно, что именно они собираются сделать.

Миша ещё не осознал, что происходит, как изверги в человеческом облике опрокинули под сруб канистру с топливом.

– Они же их спалить собрались! – По спине юного партизана пробежала холодная изморось, в сердце всколыхнулась необоримая ненависть. Не в силах ей противиться, Миша схватил у лежавшего рядом партизана карабин, но не успел прицелиться – на плечи ему сразу с двух сторон навалились мужики-партизаны.

– Тихо, Миша, тихо! – послышался над ухом вкрадчивый голос политрука отряда. – Я понимаю, я тебя понимаю. Но не по силам они нам сейчас, не по зубам. Выстрелишь – людей не спасёшь, только всех остальных погубишь. А мы отомстим. Мы им, сволочам, отомстим, будет и на нашей улице праздник! Будет, Миш, будет! Я обещаю!

Понимание, что политрук прав, пришло со всей опустошающей ясностью. Михаил выпустил оружие и обессиленно уткнулся лицом в землю. А пламя уже лизало сухие брёвна избушки. Минуту спустя Миша нашёл в себе силы, чтобы поднять взгляд: огонь быстро поднимался вверх, чёрный дым клубами валил к небу. Хотелось заткнуть уши – многоголосый женский и мужской плач слился в протяжное завывание. И среди этого треска, криков, среди этого невообразимого ужаса Миша вдруг увидел, как сквозь обжигающий огонь в узкое окошко протиснулись женские руки и изо всех сил откинули от горящей избы обезумевшего от страха кота. Тот шлёпнулся на все четыре лапы, подскочил вверх и, вздыбив шерсть, рванул прочь от всё сильнее разгорающегося кострища. Порыв ветра схватил за космы пламя, потащил за собой, захлестнул его вокруг избы, смерчем вознёс к небу, затопив рёвом бешеного пламени все остальные звуки.

Приказ на переход линии фронта пришёл в партизанскую группу НКГБ БССР имени Трусова в марте тысяча девятьсот сорок третьего года. Вместе с личным составом группы к переходу линии фронта готовились и прибывшие из города подпольщики – взрослые мужики. Многим не нашлось оружия, тогда как Михаил был вооружён карабином с семнадцатью патронами и лежавшей в кармане осколочной гранатой.

На исходный рубеж перед линией фронта вышли глубокой ночью. В голове бились слова командира, проводившего инструктаж:

– Место перехода согласовано с командованием Красной Армии. Они поддержат нас огнём. Двигаемся максимально скрытно, чем ближе удастся подойти к противнику, тем больше шансов на успех. С началом огневого контакта с противником переходим на бег, не останавливаемся. Вы будете поделены на боевые тройки, в случае ранения одного двое других выносят его. Выносят, не замедляя темпа. Оказание первой помощи – за

линией фронта. Убитые остаются на поле боя. Если кто испугается и заляжет, ждать не будем. Помните: отстать – это умереть.

– Начинаем движение, – прошелестела в ночи предаваемая по цепи команда. Люди двинулись вперёд, напряжение росло с каждой минутой. Вот над линией фронта с шипением взлетела осветительная ракета, люди повалились на землю, но их всё же заметили. Пространство над головой прочертили линии трассеров.

– Вперёд! – перекрыв стук очередей, прозвучал голос командира отряда. Партизаны вскочили на ноги и устремились в атаку.

– Вперёд! – вновь зазвучал голос командира, подбадривавшего своих подчинённых.

Михаил бежал одним из первых. Воздух пел от летящих вокруг пуль, трассеры разрывали небо. Будто в замедленном кино, Михаил видел, как огненная линия вошла в грудь партизану, бежавшему справа, как такая же смертельная струя прошла сквозь голову бежавшего слева. Михаил поднял карабин, направил ствол в сторону плюнувшего огнём окопа и выстрелил. Пробежав несколько шагов, выстрелил вновь. Замешкался, и его обогнал кто-то из безоружных подпольщиков, тут же упал, напорвшись на пулю. А Миша бежал и бежал, сквозь звуки выстрелов слыша рядом тяжёлое дыхание других бегущих. А вот и вражеские окопы. Миша стрельнул по мелькнувшей в траншее тени, тут же её перепрыгнул и побежал дальше, навстречу своим – советским солдатам, уже прекратившим огонь и теперь ожидавшим партизан, преодолевших линию фронта.

– Давай, давай сюда! Сюда, парни, давайте! – навстречу бегущим потянулись руки.

Михаил с разбега спрыгнул в окоп.

– Мальчонка совсем... – сказал над ухом чей-то немолодой голос.

– Выводите их за линию, – скомандовал кто-то другой. – Живее, живее, а то немец очухается, артой накроет...

На этом война для Михаила закончилась. Потом были учёба на командира миномётного расчёта, служба в армии и долгая жизнь, оборвавшаяся в декабре две тысячи девятого года.

Валерий АРШАНСКИЙ

Соло для скрипки

Рассказ

В середине июля Сорок первого немцы, прорвавшись через наши наспех сооружённые оборонительные редуты, вошли в Смоленск. Два месяца красноармейцы героически перекрывали фашистам дальнейший путь на Москву. Но... Уже в сентябре пойманный во время облавы Витька – маленький, щупленький, как воробышек, вчерашний семиклассник – целую неделю катил вместе с такими же заплаканными, зарёванными малолетними узниками в товарняке по неведомым железным дорогам куда-то в проклятую Германию. Эрзац – осклизлый «брот» утром и вечером, в обед – затхлая селёдка, в углу чан с водой и дырка в полу для отправления нужд – весь «комфорт» громящего на стыках грузового вагона.

Наконец вот она, конечная станция. Ночь. Тусклые фонари. Беспросветный дождь. Громадные овчарки, готовые растерзать и так перепуганных мальчишек и девчонок, и такой же лающий язык конвоиров... Казалось, всё, конец света и жизни конец. Но улыбнулась

грустно луна: при распределении пленников по баракам и к хозяевам, нуждавшимся в рабочих руках, Витя попал из лагеря в дом к пожилому пианисту, хорошо знавшему музыку Чайковского, Скрябина, Алябьева, а ещё – чуть-чуть русский язык, на котором говорил с чудовищным акцентом (какая-то его бабка-дворянка была из русских). Мальчишка понадобился авторитетному местному бюргеру как помощник садовника с «оплатой» за кусок чёрствого хлеба, картофель в кожуре и жалкую миску похлёбки – остатки рациона породистого кобеля Харко. Впрочем, порой перепадало и нечто посущественнее, вплоть до колбасных обрезков, недоеденных дочкой пианиста. «Руссо кнабе» – достопримечательность для любопытствующих соседей – жить поселили рядом с комнатой собаки, только у овчарки было маленькое оконце в стене, а у Виктора – подвальная каморка без окон. Но и за то спасибо, хотя бы не нары (кинули тощий тюфяк на кушетку), не лагерь с колючей проволокой, не безжалостная палка надсмотрщика...

Садовник, надменный, как памятник, Фриц, с приданным ему помощником не здоровался – дескать, много чести для низшей расы! – не прощался, вообще не общался. Угрюмо буркал себе под нос очередное задание на предстоящий день, и понимай его «хох дойч», как хочешь. Но если мальчик делал что-то не то или не так, долговязый Фриц, обладатель отвратительной заячьей губы, по-охотничьи бесшумно подкравшись со спины, скручивал виновнику ухо в трубочку, заставляя волком выть и от испуга, и от боли, и от невозможности пожаловаться родной маме... Хорошо ещё, если появлялась в этот момент Витина ровесница Хельга – дочь поздно женившегося, как он потом узнал, хозяина поместья. Быстро-быстро выговаривая садисту-садовнику нечто вразумляющее («das ist unmoglich!» – «так невозможно!»), она виновато улыбалась русскому... И он глотал слёзы обиды. В душе желая жилистому Фрицу скорой и неминуемой гибели.

Хотелось бежать. Но как? И куда? Доносились скудные вести о наших военнопленных, пытавшихся вырваться из неволи. Но ведь это не Смоленщина, а притихшая, настороженная ко всему чужому, шпи-

онская даже по отношению соседа к соседу Дойчланд, где ябедничество, доносительство, стукачество возведено в абсолют ещё со времён гуннов, готтов и гугенотов. И если пленные каким-то чудом сумели всё-таки вырваться из заточения, преодолеть колючие заграждения и оказаться в десятке-другом километров от адского концлагеря, на почти безлюдном, казалось бы, хуторе, где владельцы мызы с улыбкой Иуды давали несчастным по кружке молока, куску хлеба и приглашали переночевать на чердак или в стог сена, их, спящих, хапала полевая жандармерия, возвращая в «райский уголок». Тот, где на первый раз – штрафной изолятор, побои до крови, издевательская маршировка на плацу под взглядами выстроившихся лагерников (им в назидание!). А вконец не покорённых врагу самых отчаянных ребят, рискнувших на второй побег, вообще ждал шахтный колодезь...

Но весной Сорок пятого и в предместьях третьего рейха зазвучало от самих перепуганных немцев скорбное признание: «Гитлер капут!» А следом – для них оглушающие, а для узников лагерей радостные, как мартовская капель, – «песни» нашей родненькой артиллерийской канонады, прежде всего – огнёмётной «Катюши». И слёзы страдальцев были уже другого свойства – сладкие, облегчающие душу!

На строгие, дотошные, придирчивые вопросы суровых следователей из СМЕРШа Виктор не сказал ни одного дурного слова о хозяине, что и спасло пианисту и его семье не только жизнь, но и дом от реквизиции (а садовник Фриц, точнее, то, что от него осталось, раздавленное русским танком, валялось неподалёку, на улице, вместе с искромсанным траками фауст-патроном).

Виктору трижды было суждено пройти большое и малое сито фильтрации с каверзными вопросами, угрозами «разоблачения», допросами. Всё это уже казалось ерундой: в чём он был повинен, что делал не так, что дурного мог сказать о хозяине? Ни разу не ударил, не толкнул, не ущипнул, как змей этот, подохший Фриц, в гости к музыканту никто из офицеров гарнизона не приезжал... Облачившись в гимнастёрку и сапоги рядового мотопехоты, дослуживал Виктор положенный солдатский срок далеко от родного Смоленска и, тем более, от затерянного в вересковой роще немецкого городишки земли

Нижняя Саксония. О котором если и вспоминал смолянин, то как о нескончаемой пытке. Но хранил в душе сердечную благодарность к добрым людям, тем, кто, по сути, спас ему жизнь, утвердив во мнении, что мир делится не на плохие и хорошие нации, а только на плохих и хороших людей.

Остались позади три армейские года службы. Как и мечталось, с блеском закончил потом заветный медицинский институт. И создал он с миловидной однокурсницей Катей семью, где родились и росли двое сыновей-погодков.

Но все послевоенные десятилетия Виктор пытался хоть как-то прорваться сквозь железный занавес, хоть как-то связаться, списаться, созвониться со своими прежними спасителями. Бесполезно. Не помогал даже, казалось бы, всемогущий международный Красный Крест. Свет в конце туннеля забрезжил только с перестройкой. И доктор Алабужев, уже солидный врач-хирург высшей категории Виктор Степанович Алабужев, увенчанный званиями, дипломами, медалями, получил на очередной свой запрос восторженное письмо от Хельги, где восклицательных знаков было, пожалуй, больше, чем букв. А ещё лежал в объёмистом конверте заверенный лиловым штампом, размашистой подписью и личной печатью бургомистра лоснящийся лист – «Einladung». То есть официальное «Приглашение» русскому туристу (иную категорию по их закону не сформулируешь!) на декадное гостевание. При этом гарантирующее господину Алабужеву все расходы принимающей стороной, как то: полноценное питание, транспорт, безопасное проживание и оказание в случае необходимости экстренной медицинской помощи. Если потребуется, натюрлихь.

И вот он, поезд Москва – Берлин, с промежуточной остановкой во Франкфурте-на-Одере. Вот она, встречающая на «Ауди-100» солидная седоватая дама – расплывшаяся, в больших роговых очках, с цветами в руках, но всё та же, узнаваемая по причёске и овалу лица, милая, дорогая Хельга! Их долгие, сумасшедшие объятия на перроне, к вящему удивлению скупых на эмоции дойче лёйте, не приученных к такому открытому, прилюдному, принародному выражению чувств. Да плевать!

И нескончаемый, полный откровения вечерний разговор за бутылкой русской водки (несмотря на свои Шестьдесят с хвостиком годков каждому, быстро одолели привезённый сувенир под щедрые тефтели, признав, что именно московского разлива «Столичная» по-настоящему благородный напиток, в отличие от кислого рейнского шнапса и даже воспетого Ремарком кальвадоса – яблочного пойла в какие-то двадцать оборотов – с приложенным в утешение маленьким яблочком на дне бутылки).

Ах, ВиктОр! Какое всепожирающее время мы пережили... Ах, Хельга... Мрак! Папа? Мой фатер? Gestorben... Уже давно, – сложив руки крестом на груди, возвела очи к потолку Хельга. – И муттер... И муж – прекрасный был человек, мастер-мебельщик, – тоже... Онкология. В прошлом году. Как я? Но ты же, наверное, помнишь, ВиктОр, я скрипачка, вот уже сколько лет преподаю класс скрипки в детской музыкальной школе. Мой сын? О, майн зонн, моя гордость, моё боже-ство! Мой Хайнрих – это гений, он банкир, бизнесмен. Преуспевает в Бонне. Вместе с женой, Элизабет, подарили мне чудесную красавицу-внучку и двоих внучат – очаровательные шалуны. Хайнрих, кстати, утром звонил, в субботу обещает быть, прилетит чартером, ему очень интересно с тобой встретиться, мы ведь с покойным папой, его дедушкой, столько ему о тебе рассказывали... Наверняка сын примчится не с пустыми руками, он очень щедрый мальчик! Но расскажи про свою семью, херр доктор! Да? Двое сыновей: адвокат, журналист. Гут! Врачами не стали? Ах, не беда, зато наверняка хорошие парни! А жена? О, Gott! Тоже онкология? Бедняжка. В сорок восемь лет? Wie schade... Как жаль. Ты благополучен со второй женой? Да, я согласна, ВиктОр. Если бы не фашизм, не эти адские Освенцим, Дахау и Майда-нек, где людоеды в топках сжигали несчастных и беспомощных узников, а среди них, конечно, были мировые таланты, – сегодня на Марсе яблони бы цвели и от онкологии лечили бы, как от простуды... Будь проклята война! О, ВиктОр, дорогой мой, ты посмотри, как мы заболтались, ты посмотри на часы! Ну, какое же это детское время, третий час ночи... Поздно! Это я виновата, заговорила гостя, а ты с дороги... Ничего, у нас ещё целых девять дней впереди. Наговоримся досыта.

Хельга стелила постель, аккуратно, по-женски расправляя наволочки, встряхивая простыни, одеяло, пододеяльник. А Виктор, приобняв фразу за полные плечи, целовал её то в заботливо склонённый затылок, то в округлые локотки. Но, стоило ему лишь проявить чуть больше настойчивости, как Хельга, повернувшись и оказавшись с гостем лицом к лицу, решительно отвела мужские руки. «Виктор, дорогой мой, нет. Я много даже сегодня думала. Но – нет! Иначе мы разрушим всё то бесценное, что нам нужно сохранить, пока мы живы. Как я буду смотреть в глаза твоей жене? Детям? Ты ведь пригласишь меня к себе?»

* * *

Я мало что изменил и почти ничего не приукрасил в драматической истории, некогда поведанной мне моим старшим другом и товарищем, любителем классической музыки и Есенинской поэзии известным в нашем городе доктором Лабузовым Виктором Стефановичем, малолетним узником гитлеровских концентрационных лагерей. Царствие ему небесное. Теперь уже можно обо всём рассказать... Не взыщет.

Да я когда-то, ещё при жизни героя, и описывал с его согласия (надо только найти в домашнем архиве) эту драматическую историю в какой-то газете... Но, из деликатных соображений, скрыв финальную часть той памятной встречи постаревших ровесников – русского врача и скрипачки-немки.

Редко, но так бывает: когда рассказ пишется на документальной основе, ему находится и фактическое подтверждение. Я нашёл немецкую газету «Борбекерские известия» за 7 июля 1994 года, где была напечатана эта волнующая, трагическая и драматическая история с фрагментом моего очерка о встрече через 50 лет Виктора с дочерью своих спасителей.

Groß ist die Wiedersehensfreude: Viktor Labusow mit seiner Frau Berta II. und Johanna Podel. Aufn. Larsh

Für Viktor und Johanna ging endlich ein Traum in Erfüllung

Wiedersehen nach fünfzig Jahren mit der Lebensretterin

„Alten Sie mich verzeihen“ — fragt Viktor Labusow nachdrücklich. Er will, daß seine Worte ankommen. Will, daß iedereen erfährt, wie damals, in dem letzten Kriegswinter, die Familie Podel von der Frintzer Straße ihm, dem russischen Jungen, das Leben rettete.“

Das war geläufig, sehr geläufig für die Podels, sagt Viktor Labusow, der immer noch sehr gut deutsch spricht, beschwört. Ein helles Leuchtfeuer ist verstrichen, bevor er nach Burtbek in das Haus seiner Retter zurückkommen konnte. Umsonst herrscht in die Richtung: „Viktor Labusow, schick mich ins Internat, ich will nach 90 Jahren“ die Kinder aus dem Hause „Hannchen“ Johanna Podel war damals in alle, als Viktor im Hause ihrer Eltern Unterschlupf fand.

Dann rief Labusow sein Notizbuch, Sorgfalt hat er seine Geschichte aufgeschrieben, daß auch

Dieses Bild verlor Viktor Labusow im Jahre 1945, als er in die USA emigrierte.

nach eine Stunde seines Lebens vergangen werde. Viktor war 17 Jahre alt, als er in das Lager am Vortenberg verbracht wurde. Klein war er und mager. Wohl damals trankern ihn die Lagerer, so gab Später, ließ wurde überall in Eisen-Luftschutzbrücken gebaut. Man schickte Viktor zur Goske-Podol, dieses Haus direkt gegenüber dem Lager lag. Dort hob Viktor seine Crutse aus. Und vor dort bereitete Viktor seine Flucht. Er erreichte sie in gute Chancen, als die Amerikaner standen in schon in Duisburg.

Junge Russen zogen in

positive Bilanz

Nachwuchsmänner absolvierten Praktikum

Oberrheinregionen Annette Jäger und der Stellvertreter des Staatssekretärs im Wirtschaftsministerium des Landes Nordrhein-Westfalen, Ministerpräsident Dr. Wolfgang Kerling, verabschiedeten in ihrer gemeinsamen Fahrt nach Düsseldorf die Praktikanten in Deutschland bei Teil eines mehrjährigen Managementprogramms, das von Wirtschaftsinformatikern des Landes Nordrhein-Westfalen zur Unterstützung der Marktwirtschaft in Sibirien, Neugorod, initiiert wurde. Die Management-Konzepte, neben der praktischen Ausbildung, sind ein intensives

Managementprogramm, das von Wirtschaftsinformatikern des Landes Nordrhein-Westfalen zur Unterstützung der Marktwirtschaft in Sibirien, Neugorod, initiiert wurde. Die Management-Konzepte, neben der praktischen Ausbildung, sind ein intensives

Doch die Flucht willig Viktor wurde verlor. In das Lager zurückkehren konnte er nicht, dort war es nun das furchtbare der Wand gestellt worden. Deshalb heißt es, daß die Familie des Mannes Goske-Podol die Familie Viktor in seinem Leben und verlor Viktor in der 2. Frage ihres Hauses. Das war im April 1945, denn kamen die amerikanischen Truppen nach Essen — das war das Ende der Gefangenenschaft.

Dank Glück Kriegsende wurde Labusow Soldat und war in der ehemaligen DDR stellvertretender Später wurde er in Leipzig Mitglied und wurde Zeitung.

Immer und immer wieder hatte sich Labusow gefügt, was wohl sein können deutschen Retterern gesamt, um seinen in den unbefugten Jahren schrieb er Briefe an die Rote Armee an die Heiligkeit. Ohne Erfolg.

Doch vor einem Jahr machte das Schicksal es gut mit ihm. Eine Gruppe aus der Parteiarbeit Minister-Lösungsbüro Herold kam nach Tambowtschischin. Dort lernte diese Delegation Dieter Breuse, führende Viktor Labusow, was bei dieser Gelegenheit einen Brief für die Familie Podel, überbrachte Dieter an Dieter Breuse, er tat ein ganz Mensch, schickte Viktor Labusow. Dieter Breuse machte die Adresse der Podels in Burtbek ausfindig.

Und wenig später schrieb Johanna Podel: „Lieber Herr Labusow! Ach, hier sind Sie endlich an. Ich habe Sie seit 50 Jahren gesucht. Was war das mit dem Freund, den Sie nicht mehr sehen. Ich habe Sie immer noch in Erinnerung. Wie geht es Ihnen? Was ist die Welt in all dem Jahren ergangen? Hat Sie Du?“

Wenn Du wüßtest

„Mein Mutter wüßtest, daß ich heute 50 Jahre alt bin. Ich bin ein ganz Mensch, schickte Viktor Labusow. Dieter Breuse machte die Adresse der Podels in Burtbek ausfindig. Und wenig später schrieb Johanna Podel: „Lieber Herr Labusow! Ach, hier sind Sie endlich an. Ich habe Sie seit 50 Jahren gesucht. Was war das mit dem Freund, den Sie nicht mehr sehen. Ich habe Sie immer noch in Erinnerung. Wie geht es Ihnen? Was ist die Welt in all dem Jahren ergangen? Hat Sie Du?“

Spätestens im Jahre 1945, als er in die USA emigrierte, verlor Viktor Labusow ein Foto von seiner Mutter. Das Foto zeigt ihn als Kind, er ist mit seiner Mutter und seiner Schwester im Garten. Das Foto ist heute wieder gefunden worden. Viktor Labusow hat es seiner Mutter geschenkt.

Das Foto zeigt ihn als Kind, er ist mit seiner Mutter und seiner Schwester im Garten. Das Foto ist heute wieder gefunden worden. Viktor Labusow hat es seiner Mutter geschenkt.

Das Foto zeigt ihn als Kind, er ist mit seiner Mutter und seiner Schwester im Garten. Das Foto ist heute wieder gefunden worden. Viktor Labusow hat es seiner Mutter geschenkt.

2 сентября 1933 год
3 сентября 1933

Анатолий Семенович Судьбы АНУСИНО

МЕЛОДИЯ ДЛ Я СКРИПКИ

Пять лет. О Великой Отечественной войне вспоминает Анатолий Семенович Судьбы АНУСИНО. Он рассказывает о своем участии в войне, о своих друзьях, о своей семье. Он рассказывает о том, как он встретил свою будущую жену, о том, как он женился на ней, о том, как они жили вместе. Он рассказывает о том, как он встретил свою будущую жену, о том, как он женился на ней, о том, как они жили вместе.

Unter der Rubrik „Menschenschicksal“ berichtet die Tambowtschischin am 2. September 1983 über Viktor Labusows Schicksal (Auszug)

Hier, in diesem Haus auf der Frintzer Straße fand Viktor Labusow Unterschlupf.

На снимке: слева – жена Виктора Стефановича Белла, наш герой и Иоганна Подель.

Над золотыми куполами

Очерк

Самый памятный – 501-й – прыжок был у него в Майкопе на весенних сборах. Тогда случилось то, что случается почти у всех, даже самых многоопытных парашютистов: отказ основного «зонта». Всё, вроде бы, поначалу шло нормально: оторвались с высоты 2200 метров, во время затяжного полёта выполнили группой тренировочный акробатический этюд. А когда распалась их фигура вразлёт и подошло мгновение открыться парашюту – вместо привычного хлопка и плавного парения произошла странная пробуксовка. И взгляд ухватил не знакомый купол над головой, а странно трепыхающееся полотно в форме груши – следствие запутавшегося в узел рифовочного шнура, не дающего возможности управлять стропами. Земля приближалась с каждой секундой, и перед глазами двадцатилетнего Павла, как в молниеносной киноленте, проносились лица всех родных людей, а потом образы святых угодников, с самых малых лет знакомых ему, сыну священника, очень близко. Сильный ветер продолжал крутить парашютиста, как былинку в поле. И быть бы трагедии, непоправимой беде, растеряйся он, поддайся ужасу, страху, оцепенению. Ничего подобного! Мозг работал хотя и с лихорадочной быстротой, но хладнокровно, чётко, отдавая все нужные команды.

Вначале привести в действие ОСК – замок отцепки свободных концов. Есть! Теперь ввести в действие запасной парашют. Хлопок. Готово! Взметнулся спасительный купол-дублёр над головой. Ура! И пусть теперь не утихающий ветер относит парашют в сторону какого-то кладбища, потом глубокого рва, затем на пашню – это уже не страшно. Всё равно под ногами мягко и упруго стелется земля – да, не своя, тамбовская, а далёкая адыгейская, но такая родная, заветная. И бегут к нему полем взволнованные и перепуганные друзья-парашютисты, прекрасно понимающие, что он сейчас пережил, – бегут поздравлять, обнимать, целовать. А в душе у Павла бурлит ликование от того, что он преодолел выпавшее на его долю испытание, действо-

вал, как в учебном классе, где спортсмены до автоматизма отрабатывают и вот такие внештатные ситуации, когда руки должны опережать сознание. На то ты и мастер парашютного спорта. А он уже был мастером.

– Как же всё у вас начиналось, отец Павел?

– Начиналось всё в родном Мичуринске с большой нашей многодетной семьи. Мой отец был священником; вера принималась как истина и мамой, и моими сёстрами – Верой, Надеждой, Любовью, Софией, и братом Петром. Жили не богато, но дружно, получая от родителей уроки доброты души, человеколюбия, терпимости. Больше всего – от отца.

В школе Павел не мог не заметить: ребята-одноклассники больше, чем к другим, тянутся к нему, ровесникам с ним всегда интересно, что-нибудь да затеет: зимой – дальний лыжный поход, летом – вылазку в лес или заплывы на речке. С будущей женой своей, нынешней матушкой Ириной, он познакомился тоже в далёком детстве, когда ему было всего лишь семь, а ей пять. Павел с отцом часто гостили у них в семье в соседнем Первомайском районе, где отец Ирины служил в местном приходе. А сегодня отцу Павлу, настоятелю Ильинского храма в Мичуринске, вот-вот исполнится шестьдесят! Для кого-то это, может, и зрелый возраст. Но его энергии позавидует иной двадцатилетний. Ртуть, молния, огонь во всём – в летящей походке, действиях, планах, устремлениях. И всё у него получается, пусть не всегда сиюминутно, не сразу, но цели он приучен добиваться неотступно, опять же, с малых лет.

В классе шестом-седьмом все ребята повально увлеклись картингом. Дневали и чуть ли не ночевали в мастерских, разбирая старые гоночные машины-карты, меняя запчасти. И осваивали миниатюрные автомобильчики то на школьном дворе, то на пустырях. А Павел искал новое приложение сил. И оно нашлось: объявили очередной набор в парашютную секцию. Пришёл, записался и – никогда не пожалел. Вёл занятия с юными курсантами бывший десантник Александр Борисович Мазуров, человек, неистово влюблённый в небо, к тому же прирождённый педагог. Павел и сегодня отчётливо,

до малейших подробностей, помнит тот день, третье сентября, когда впервые оттолкнулся от самолётного порога и очутился в невесомости, глотая опьяняющий осенний воздух на восьмисотметровой высоте. В девятом классе у него уже были три прыжка. После школы, сочетая подготовку к поступлению в Тамбовское медицинское училище с занятиями в областном авиационно-спортивном клубе, довёл личные показатели до 46 прыжков. И начался счёт новым победам.

Студент медучилища Павел Медведев становился призёром малых и больших парашютных состязаний, чемпионом и абсолютным чемпионом на точность приземления. А это всего лишь круг размером в стопу ботинка, в который, как снайперу «в яблочко», нужно попасть с заоблачной высоты, не отклонившись ни на сантиметр. Конечно, победы сами по себе не приходят, надо выкладываться по полной программе на тренировках, до мозолей на ладонях работать с парашютным снаряжением, делая его – поначалу такое тяжёлое и непокорное – лёгким и поддающимся. Труд! Но к нему Павлу было не привыкать. Помогали и советы опытных мастеров.

В армию Павел пошёл без тени сомнения, как наставлял отец: «Служить в Вооружённых Силах – значит, служить Богу». Для Павла сбылось желанное: служба парашютистом-спасателем, боевые учения, прыжки в дневное и ночное время.

– Я бы меньше всего хотел, чтобы ко мне относились как к некой экзотической личности, – говорит протоиерей отец Павел (в миру Павел Викторович Медведев). – Главным для меня остаётся служение Господу, послушание Святой Церкви, мой приход – храм Илии Пророка, который был построен почти 250 лет назад. В лоно церкви я пришёл сознательно и никогда не пожалел о сделанном выборе. Это моё призвание.

Сан священнослужителя отец Павел принял в 1989 году в Покровском кафедральном соборе города Тамбова, а нынешнее место послушания в Мичуринске получил от прежнего владыки архиепископа Тамбовского и Мичуринского Евгения. Храм находился тогда в удручающем состоянии и требовал огромного капитально-

го ремонта. Как новый настоятель искал и находил строительные материалы на реконструкцию, жертвователей средств, искусных мастеров-реставраторов – это отдельный рассказ. Были довольно интересные моменты. Желая поскорее покинуть трудный объект, нанятые воронежские верхолазы не докрасили обширный сектор купола, невидимый с земли, авось, мол, заказчик не увидит, не хватится. Каково же было удивление этих горе-мастеров, когда они увидели пролетающего над шпилем храма на мотопараплане укоризненно качающего головой отца Павла. Пришлось им задержаться до полного завершения работ.

Парапланеризмом отец Павел увлёкся всерьёз. Первые навыки получал в Москве в спортивной военно-патриотической группе «ПараАВИС», руководил которой Александр Сергеевич Архиповский. А со временем отец Павел создал при Мичуринском городском центре детского и юношеского творчества секцию юных пилотов сверхлёгкой малой авиации. Можно быть уверенными: при таком наставнике эти подростки не потянутся ни к сигарете, ни к рюмке, ни к наркотикам. Отец Павел знает, как правильно, эффективно и результативно воспитывать молодёжь, – личным примером!

Несколько лет назад телевизионщики федерального Первого канала показывали на всю страну в программе «Время» сюжет, как в любое время года, в любую погоду выходит на старт со своим любимым мотопарапланом пастырь Ильинского храма. Летательный аппарат не так тяжёл, умещается в автомобильном багажнике. Подняться на параплане можно и на четыре, и на пять тысяч метров, но это уж чересчур. Лучший эшелон для летающего батюшки 100–150 метров, хотя можно зависать – и надолго – на 70–80 метрах. Чудо! Весь город как на ладони, а впереди три часа наслаждения красотой природы – земли, лесов, лугов и полей. Фотографируй, пой песни, читай стихи, что отец Павел и делает. Любит он в летний день с высоты бреющего полёта отчётливо поприветствовать своих знакомых, отдыхающих на берегу пляжа или на даче. Люди, улыбаясь, ответно машут рукой бородатому пилоту, а он уже летит дальше. И рядом только птицы.

Как относится к увлечению мужа матушка Ирина?

Она улыбается:

– С пониманием.

Отец Павел и в собственном доме заботливый отец; у них с матушкой Ириной четверо детей: сыновья Дмитрий и Кирилл, дочери Екатерина и Ксения. У парней профессии – государственный служащий и химик-биолог, у девушек – врач-стоматолог и преподаватель Высшей школы экономики. Живут дружно, какие только автомобильные путешествия семьями не совершали! Во многих странах Европы (оговоримся – до СВО) побывали, а именно – в Бельгии, Голландии, Италии, Германии, Франции, Австрии...

– У меня девиз в жизни, — говорит отец Павел, — прекрасные слова, сказанные святым апостолом Петром: «Служите друг другу каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многообразной благодати Божией».

Он и сам строит такой дом в лоне православия, за что удостоен трёх высоких церковных орденов. А ещё отец Павел широко известный общественный деятель, ставший почётным гражданином Мичуринска-наукограда, председателем епархиальной комиссии по канонизации и прославлению местночтимых святых, лауреатом литературной премии памяти прекрасного тамбовского поэта Вячеслава Богданова «Светунец». Батюшка успешно ведёт детскую воскресную школу при своём храме, под его неусыпным наставничеством почти четверть века (!) дважды в месяц выходят приложением к городской газете «Мичуринская правда» православные выпуски газеты «Преображение», открыл отец Павел подростковую секцию парашютеристов. И до недавних пор сам продолжал покорять небо, заслуженно гордясь тем, что парашютных прыжков на его счету более 2600!

Есть ли в России ещё такой же летающий батюшка и родного Отечества славный гражданин?

«ДОМ У ДОРОГИ»

Рецензия на театральную постановку

Для постановки спектакля-концерта по лирической хронике Александра Твардовского «Дом у дороги» режиссёру Николаю Елесину не потребовались ни пышные декорации, ни специальные световые и звуковые эффекты, ни экзотическая сценография. Всё решено, как в самой поэзии Поэта, – скупое, точное, впечатляющее, без митингового начала, страстных интимных излияний, искусственных рыданий и задыхающихся от судорожных исповедей героев. У рампы только Автор в исполнении признанного мастера сцены Сергея Дубровского, размышляющего над поэмой. А при «смене кадра» – семья застигнутого войной простого сельского пахаря Андрея Сивцова, в роли которого всегда органичный актёр Павел Шуть достоверен вплоть до владения косой-литовкой. «Коси, коса, пока роса, роса долой – и мы домой». На долгие и беспощадные годы Великой Отечественной будет оторван от родного дома солдат Сивцов, как и миллионы его соотечественников, вставших на защиту Родины.

Муж на войне, а на долю его жены – солдатки Анны, Ани, Анюты, беззаветной труженицы, матери троих детей (а в страшных условиях неволи у неё появится и четвёртый малыш), – выпадет столько бед, несчастий и горя, сколько сможет вынести, пережить, но и выстоять воспетая ещё Некрасовым русская женщина! Насколько правдиво, уверенно, подкупающе в своей искренности передаёт широкую гамму чувств, любви, эмоций главной героини молодая актриса Анна Ширшова, недавно – и сразу с успехом! – влившаяся в состав труппы МДТ, трудно пересказать, её абсолютное перевоплощение в образ хозяйки неказистого, но такого родного для семьи Сивцовых дома у дороги нужно видеть. Удачно сложились воедино красота, обаяние актрисы и её профессионализм. Но и выбор режиссёра безупречен!

Всего лишь сорок книжных страниц занимает – прямо скажем, не очень известная – поэма «Дом у дороги» военного корреспондента фронтовых газет Александра Твардовского. А работал он над ней че-

тыре года, и какие: пороховые – огневые, с 1942-го по 1946-й... Об этом он в самом начале признаётся в стихах, обращаясь к Читателю. В стихах, оборванных нашествием враждебной силы.

*Где пел по вёснам свой скворец
И жил, как все на свете,
Порядком вечным: мать, отец,
Потом скворчата – дети.
Пришла в родную сторону
Чужая злая сила.
И порознь мужа и жену
Из дома проводила...*

Чётко, взволнованно, не декламируя, а по-человечески делясь своими переживаниями со зрителями, читают чеканные стихи Твардовского заслуженные артистки РФ Татьяна Николаева и Ирина Дубровская, их младший коллега по сцене артист Илья Сири́н. И весь спектакль сопровождает безукоризненно подобранная кинохроника фронтовой поры с её трагическими исповедями о первых неудачах в 41-м, горечи плена, отступлениях. Но и накоплением Красной армией боевого опыта, вооружения, ратных сил для того, чтобы пядь за пядью освободить от оккупантов родную землю, а затем и гнать их через всю Европу, вбивая осиновый кол в волчье логово в поверженном Берлине.

Творческий проект театра, посвящённый 80-летию Великой Победы и славным сынам России, принимающим в эти дни участие в Специальной военной операции на Украине, получил мощную поддержку силами камерного оркестра областного колледжа имени В.К. Мержанова и Тамбовского государственного музыкально-педагогического института имени С.В. Рахманинова. Дирижировал прекрасным ансамблем заслуженный деятель искусств РФ, ректор этого вуза, композитор и давний друг нашего театра, откликнувшийся музыкой и в этот раз, широко известный на Тамбовщине и за её пределами талантливый музыкант Роман Бажилин. Исполнители во-

кальных номеров – хорошо известные театральной публике актёры Андрей Широкий, Ксения Воеводина, Елена Обедина, Яна Попова – не только душу и мастерство, казалось, сердце своё вложили в каждую песню. И стоит ли удивляться, что не только женщины-зрительницы (они – откровенно), но и вполне себе состоявшиеся мужчины (те – украдкой) вытирали слёзы под ставшую гимном Тамбовской области песню – походный марш «Прощание славянки», другие лирические песни, рождённые в годы Великой Отечественной войны. А стихи продолжали звучать и будоражить...

*Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем.
Пусть память верную о ней
Хранят, об этой муке,
И дети нынешних детей,
И наших внуков внуки...*

Остались, как завещание потомкам на все времена, стихи великого поэта Александра Трифоновича Твардовского. Создателя бессмертного образа настоящего русского солдата – Василия Тёркина, непревзойдённого главного редактора журнала «Новый мир», известного в планетарном масштабе государственного и общественного деятеля. Человека потрясающей интеллигентности, высочайшей культуры и образцовой скромности.

*Я счастлив тем, что я оттуда,
Из той зимы, из той избы,
И счастлив тем, что я не чудо
Особой избранной судьбы...*

О том, чтобы вечно помнили пережитое отцами, дедами и прадедами, говорит в спектакле залу безмолвный, но такой пронзитель-

ный взгляд старейшей актрисы театра Татьяны Николаевой, не понаслышке знающей ужасы войны и блокаду родного для неё славного города на Неве – Ленинграда. О том, чтобы все мы вечно помнили цену завоёванной народом Победы, говорила после спектакля, представляя зрителям замечательную труппу театра, заслуженный работник культуры РФ, лауреат многих творческих премий, неутомимый труженик на благородной и благодарной ниве искусства директор театра Галина Попова.

Браво, господа актёры, браво таланту режиссёра, браво театру!

*И что мне малые напасти,
И незадачи на пути,
Когда я знаю это счастье –
Не мимоходом жизнь пройти!*

Валентина ДОРОЖКИНА

Они приближали нашу победу

Очерк о тамбовских писателях-фронтовиках

Когда читаешь биографию писателя и встречаешь слова: «участник Великой Отечественной войны», чувствуешь к нему особенное отношение, с волнением открываешь книгу прозы или сборник стихотворений. Есть такое выражение: «Когда говорят пушки, музы молчат...» Нет, не молчали музы, когда гремели пушки. В гуле артиллерийской канонады под Москвой, над Волгой, под Берлином – на долгих и трудных фронтовых дорогах – звучали стихи и песни, сочинённые бойцами-поэтами. Так рождалось фронтовое искусство. Стихи, написанные на фронте, полны веры в спасение Отчизны, в непобедимость советского солдата. Их авторы верили в то, что не будут забыты.

...Строка, оборванная пулей... Сколько строк оборвали пули, сразившие молодых поэтов, не реализовавших свой дар! Но всё-таки они успели создать стихи и песни, поднимавшие дух солдата, помогавшие не только военному поколению, но и послевоенному.

Три поэта с Тамбовщины – Вячеслав Афанасьев, Борис Котов, Валентин Шульчев – три бойца, сражавшиеся «штыком и пером», погибли в 1943 году. Но не только эта скорбная дата объединяет их. Много общего в их судьбах. Короткая, но героическая жизнь каждого из них не могла пройти бесследно. Память о фронтовых поэтах жива в сердцах земляков, жизнь продолжается в стихах. Недаром в стихотворении, написанном в 1941 году, Вячеслав Николаевич Афанасьев (1903–1943) сказал:

*Беспокойное и жгучее –
Что там, в сердце, в глубине:
Или молодость кипучая
Возвращается ко мне?
Что ж, пути ей не заказаны...
Друг далёкий, приходи!
Сколько слов ещё не сказано,
Сколько песен впереди!*

Поэт родился в Тамбове. Здесь прошли его детство и отрочество, здесь он вступил в комсомол, окончил школу и педагогический техникум. Природа родного края пробудила желание писать стихи. Любовь к поэзии сочеталась в нём с любовью к людям. И где бы он ни был потом, он всегда с теплотой и благодарностью вспоминал своих земляков, город, где родился и вырос:

*Только милого, родного
Не могли стереть года.
Я родимого Тамбова
Не забуду никогда.*

Работая на Дальнем Востоке, куда он уехал в 1920 году по комсомольской путёвке, Вячеслав Афанасьев пишет много стихов о Родине, о её сыновьях и дочерях. Лирика поэта отличается глубоким проникновением в окружающую действительность, тонкой наблю-

дательностью. Где, как не в России, подчёркивал он, встречаются такие молодцы: «Ребята – что надо, где лучше и быть: умеют работать, умеют дружить!»

В 1938 году Вячеслав Афанасьев возвращается в Тамбов, где продолжает большую литературную работу: он много пишет и печатается, его стихи известны в столице. Через два года, по приглашению Александра Фадеева, он переезжает в Москву. Здесь и застало его известие о начале Великой Отечественной войны.

Вступив в ряды народного ополчения, поэт участвует в боях с немецко-фашистскими захватчиками на подступах к столице, сражается с врагом в составе партизанского отряда на Смоленщине. В бою за освобождение Смоленска Вячеслав Афанасьев погиб в сентябре 1943 года. После его гибели совсем по-иному были восприняты друзьями и близкими стихи, написанные ещё до войны:

*Застигнутый последней метой
И не успев всего допеть,
Благословлю я землю эту,
Когда придётся умереть.*

Талант Вячеслава Афанасьева только начал набирать высоту, но война оставила многие его песни недопетыми. А то, что успел создать, звучит искренне, вдохновенно. Такой была вся его недолгая жизнь – «жизнь во имя счастья и мечты». В Москве, на мемориальной доске, установленной в Центральном доме литераторов, среди 73 фамилий писателей, не вернувшихся с войны, высечена и фамилия нашего земляка – поэта Вячеслава Афанасьева.

На шесть лет моложе Афанасьева был поэт Борис Александрович Котов (1909–1943), родившийся в селе Пахотный Угол нынешнего Бондарского района, в семье учителей. С ранних лет он тянулся к книге, школьником начал пробовать писать стихи. Работа преподавателем на курсах по ликвидации неграмотности, секретарём сельского совета, позже – на шахтах Украины не только не мешала творчеству, а наоборот, помогала: стихи Бориса Котова были живыми,

трогающими душу читателя, в них – сама жизнь, со всеми её сложностями, радостями и тревогами. Боевитость, высокий гражданский пафос делали строки поэта чеканными, заражающими читателя авторским энтузиазмом. В двадцать лет он уже мог сказать:

*Теперь иные звуки...
Но копь нагрянет враг,
Возьму винтовку в руки
И выровняю шаг!*

Эти строки написаны задолго до начала Великой Отечественной войны, но поэтическое чутьё диктовало одарённому юноше боевые стихи, пронизанные готовностью ценой жизни защищать Отечество.

Судьба наградила Бориса Котова талантом, но обделила здоровьем. По заключению медицинской комиссии, он был освобождён от военной службы. Однако, когда началась война, поэт ушёл на фронт добровольцем, был миномётчиком в стрелковой части. 28 августа 1943 года он написал стихотворение «Последнее письмо»:

*В полночь холодно,
В полночь жарко,
Ветер хочет всю пыль смести.
Остаётся рабочий Харьков
Вехой, пройденной на пути.
Войны слева и войны справа,
В центре – смертная карусель.
И задумчивая Полтава
Перед нами лежит, как цель.*

Видимо, это было не просто последнее письмо, но и последние стихи, потому что через месяц – 29 сентября 1943 года – в бою на Днепровском плацдарме Борис Котов погиб, совершив подвиг. Звание Героя Советского Союза ему было присвоено посмертно.

Младшим братом Вячеслава Афанасьева и Бориса Котова можно назвать поэта Валентина Ивановича Шульчева (1914–1943), уроженца села Староюрьева, прожившего неполных тридцать лет. Как большинство одарённых молодых людей, он участвовал в ликвидации неграмотности в тамбовских деревнях, на его глазах происходили события, нашедшие потом отражение в стихах: «Посреди весны, как на ладони, встал колхоз по имени “Рассвет”».

В 1930-е годы Валентин Шульчев работал учителем русского языка и литературы в родном селе и заочно учился в Воронежском педагогическом институте. Он окончил его незадолго до начала войны. Юноша был уже сложившимся поэтом, в чём убеждают многие его стихотворения, в частности, «Погоня»:

*В рассветные сумерки синие,
В разлёте и гике погони,
Одетые пеной, как инеем,
Вломились безумные кони...
И, ветра свистящего полные,
Их гривы плясали, как пламя,
И длинные, сизые молнии
Кипели, клубясь, под ногами...*

Молодой поэт мечтал об аспирантуре – настолько была велика тяга к знаниям. Но война разрушила все планы. С первых её дней Валентин Шульчев – на фронте: корреспондент газеты «Во славу Родины!», боец отряда Первой Курской партизанской бригады. В сражении под Харьковом он был ранен, попал в плен, но ему удалось бежать. Оказавшись снова в строю, поэт-воин бился с врагом с удвоенной силой. В минуты затишья он писал стихи, песни, частушки, которые заучивались солдатами наизусть и распространялись по окопам. Поэт и во время боёв не расставался с заветной тетрадью, в которой появлялись всё новые стихи, проникнутые жаждой жизни, верой в победу:

*За нашу кровь, за слёзы и за раны
Мы вражьей своре предъявили счёт.
Смелее в бой, лихие партизаны!
За Родину, товарищи, вперёд!*

Валентин Шульчев, как и все, ждал конца войны, мечтал о творческой работе. Но бой 21 февраля 1943 года на окраине Курска стал для него последним: спасая раненого товарища, поэт погиб. На груди у него, под гимнастёркой, друзья нашли ту самую тетрадь, куда он записывал стихи. В ней было начало поэмы «Орловщина», несколько новых стихотворений, в том числе и «Мужество», посвящённое отважному партизану Егору Гайдукову. Строки, выведенные рукой Валентина Шульчева, оказались для него пророческими:

*Может быть, и мне придётся круто.
Повстречавший смертную беду,
Как свою последнюю минуту
Я в бою последнем проведу?
Труден будет этот час суровый.
Но, с врагом сойдясь лицом к лицу,
Вспомню я Егора Гайдукова
И умру, как следует бойцу...*

Пули, сразившие Вячеслава Афанасьева, Бориса Котова, Валентина Шульчева, не смогли оборвать жизнь их творений. Мы читаем стихи и поэмы, чтим светлую память об их авторах. На зданиях школ, где учились Борис Котов и Валентин Шульчев, – в Пахотном Углу и в Староюрёве – благодарными земляками установлены мемориальные доски в честь поэтов-воинов. Памятная доска была когда-то установлена и на доме по улице Московской города Тамбова, где родился и вырос Вячеслав Афанасьев. К сожалению, дом не сохранился, а с ним утрачена и мемориальная доска. Но память уничтожить нельзя, она вечна.

Настоящим подвигом можно назвать жизнь поэта-лётчика Ивана Васильевича Шамова (1918–1965), имя которого носит одна из библиотек города Тамбова. Место рождения Шамова – село Хлыстово Моршанского уезда. После окончания средней школы поступил в Моршанский библиотечный техникум и, получив диплом с отличием, был принят в Московский библиотечный институт. Любовь к книге с детских лет предопределила его литературную судьбу. Но была у него ещё одна любовь и тайная мечта – авиация. Учась в институте, Иван Шамов занимался в одном из аэроклубов столицы. Войну он встретил лётчиком-истребителем и внёс большой вклад в победу над врагом.

После Победы Шамов продолжал службу в авиации. Но 1947 год стал для него роковым: во время очередного полёта в воздухе отказал мотор. Самолёт рухнул на землю, лётчик чудом остался жив. Много времени провёл он в госпиталях, но повреждённый при аварии позвончик так и не позволил теперь уже бывшему пилоту не только подняться в воздух, но и просто встать на ноги. Он оказался до конца дней прикованным к постели. Однако Иван Шамов был не из тех, кто гибнет под ударами судьбы. Он нашёл своё место в жизни, обретая новое призвание. Теперь его оружием стали стихи:

*Пусть недуг в моём бушует теле,
Не могу народу быть обузой.
И сейчас, прикованный к постели,
Я служу Советскому Союзу!*

Так началась поэтическая судьба фронтовика. В 1953 году вышел в свет его первый стихотворный сборник, где явственно слышались мотивы оптимизма и веры в то, что человек в силах преодолеть себя и найти своё место в жизни при любых ситуациях.

Судьба Ивана Шамова схожа с судьбой Николая Островского, мужество которого помогало не одному человеку совершать подвиги. И в стихах, посвящённых любимому писателю, звучит у Ивана Шамова страстное желание жить, бороться и побеждать:

*Когда на душу, как воришка,
Придёт не званная печаль,
Я слышу голос: «Эй, братишка,
Ужель сдаёт на сердце сталь?»
Твои слова, солдат Островский,
Хлестнут по совести, как плеть,
И снова хочется чертовски
Работать, драться, песни петь!*

В 1960-е годы очень популярной была песня «Костры горят далёкие» (в некоторых сборниках она называется по-другому – «На лавочке»). Её с удовольствием пела молодёжь, и немногие, наверное, знали, что слова этой песни написаны нашим земляком, поэтом Иваном Шамовым. Его стихи всегда пользовались любовью читателей. Интересен тот факт, что космонавт Герман Титов, будучи молодым лётчиком, на вечерах художественной самодеятельности в своей части читал стихи Ивана Шамова. У этого поэта и не могло быть равнодушных читателей. Ведь с самого начала своей литературной деятельности он определил себе боевую программу: «Я опять иду на взлёт, стихом и песней бью по цели!»

Тамбовский край – родина многих поэтов-фронтовиков. Среди них – Сергей Голованов и Павел Дорошин.

Сергей Иванович Голованов (1917–1976) родился в селе Зубриловка Пензенской губернии. Окончив сельскую школу, поступил на филологический факультет Волгоградского педагогического института. Когда началась Великая Отечественная война, ушёл на фронт, сражался с врагом с первого и до последнего дня – Дня Победы. С боями дошёл до Праги, не раз награждался боевыми орденами и медалями. С войны привёз Сергей Голованов фронтовые газеты, в которых печатались его стихи. Известный советский поэт Яков Шведов в одном из номеров газеты «За победу!» писал: «В редакцию ежедневно приходят конверты со стихами, написанными в окопах. Рядом с бойцами в строю идут поэты-запевалы, чьи стихи и песни помогают громить проклятого врага... Чаше других печатаются стихи старшего сержанта Голованова. У

него острый взгляд... У него на первом месте – боец со своими думами и чувствами...»

Кроме названной газеты, стихи Сергея Голованова печатались в боевых изданиях «За честь Родины», «На разгром врага», «Суворовский натиск». Здесь же молодой поэт публиковал и очерки о боевых товарищах, о трудных дорогах войны, откуда он вернулся закалённым воином – победителем, поэтом, журналистом, равнодушным человеком.

В Тамбове Сергей Голованов жил и работал с 1945 года. Вполне естественно, что он пришёл в газету «Тамбовская правда», в которой проработал много лет. Здесь публиковались его документальные очерки, воспоминания о суровых днях войны. И всегда на первом месте у автора был человек – красивый, добрый, смекалистый русский человек, остававшийся и в мирной жизни бойцом:

*После битвы святой, суровой
Рад вдвойне трудовому дню.
Как на фронте, стоишь ты снова
По-солдатски – лицом к огню!*

А вот стихотворение «Пехотинец», в нескольких строках которого – и образ бойца, не сломленного врагом, и картины боя, и мечта о мирных днях, ради которых отдано столько прекрасных жизней:

*Вдыхая жаруш копоть,
Гнев пронесил в боях,
Лежал, замерзая, в окопах,
Чтоб люди жили в домах.
Полз под раскаты орудий
К дотам чужим во мгле,
Чтоб снова ходили люди
В полный рост по земле.*

Тема войны была неисчерпаемой в творчестве Сергея Голованова, как, наверное, в творчестве любого поэта, воочию видевшего, испытывавшего на себе весь ужас тех роковых годов. И как непередаваемо радостно было возвращение на родную землю.

Поэт земли и её солдат, как назвала Сергея Голованова Майя Румянцева в предисловии к сборнику «Ветер и степь», он умел находить для выражения своих чувств свежие, именно «головановские» слова, наполнял их запахами и красками, отчего стихи становились нежными, проникающими в душу читателя, они затрагивали самые чувствительные струны сердца:

*Я дождусь рассвета под сосной,
Посижу на корне узловатом...
Листьями смородины лесной
Чай заварен в котелке помятом.
Я бываю здесь и каждый раз
Вот что первым долгом вспоминаю:
К Родине большой любовью у нас
Началась с любви к родному краю...*

Любовью к родному краю проникнуты и стихи Павла Алексеевича Дорошина (1913–1977) – поэта, журналиста, солдата. Он родился в Тамбове, здесь жил и работал, писал стихи, выпускал сборники, занимался с молодыми поэтами. Но до этого – тяжелейшие дороги войны, потери друзей, и – бои, бои... Боец Дорошин знал, что тот, кто воюет за правое дело и погибает за него, – бессмертен. Вот строки из стихотворения «Уходя на фронт», посвящённого дочери Светлане:

*Если я погибну в бою,
Не оплакивай смерть мою:
Потому что в смерти бойца
Есть бессмертье, и нет конца.*

В сборниках Павла Дорошина рядом со стихами о войне – стихи о Родине, о волнующей природе родного края, о любви. И в каждой строчке – тревога за Отчизну, желание мира и счастья на земле:

*Всё стерплю – и горький вкус волны,
И огня последний страшный вал,
Чтоб, рождённый в первый день войны,
Сын мой никогда не воевал.*

Высоким чувством поэта-гражданина проникнуты стихи фронтовика Ивана Сергеевича Кучина (1924–2000). Он родом из деревни Берёзовка Шехманского (ныне Петровского) района. Со школьной скамьи ушёл добровольцем на фронт. Первые стихи Ивана Кучина были опубликованы в 1942 году в армейской газете «Сокол Родины». Уже тогда обозначилась его передовая – и в жизни, и в творчестве (один из своих сборников он позже назовёт именно так: «Моя передовая»):

*Дождь шелестит...
А мы, не уставая, –
Немые тени – движемся ползком...
За нас заговорит передовая
Своим неотразимым языком.*

До конца дней главной своей темой Иван Кучин считал тему войны и подвига бойца. «Рифмы мне подсказала шрапнель, а мотив наиграла “Катюша”», – писал Иван Сергеевич в 1944 году в стихотворении «Что я видел, о том и пою...» Оно вместе со многими другими произведениями вошло в двухтомное собрание сочинений «Три четверти стремительные века...», изданное посмертно к 80-летию поэта. Здесь читатель найдёт стихи о войне, о любви, о родном крае, о несломленном народе, выстоявшем в трагические 1941–1945 годы. Нельзя не заметить жизнеутверждающего мотива всего творчества Ивана Кучина. Много горя пережил народ,

*Но этим горестям безмерным
Жизнь властно руку подаёт.
Навеки – в подвигах бессмертных
В беде не сломленный народ.*

Поэты-фронтовики, вернувшиеся с войны живыми, составляли огромную литературную силу на Тамбовщине. Почти все они работали в газетах, и их поэтическое и журналистское перо всегда было острым. Одним из них был Семён Семёнович Милосердов (1921–1988). Его родина – посёлок Семёновка нынешнего Знаменского района. Позже семья переехала в Тамбов. Здесь будущий поэт окончил школу, поступил в Саратовский государственный университет, но начавшаяся война не дала завершить учёбу. Тяжёлая участь выпала на долю молодого бойца: ранения, плен, побег, партизанский отряд... А после войны – репрессия, которая не миновала, наверное, ни одного человека, побывавшего в плену. Но всё выдержал Семён Милосердов, потому что его никогда не покидала вера в справедливость, надежда на то, что после испытанных им ужасов придёт желанная свобода и возможность заниматься любимой работой. Творчество придавало ему силы. Всё потом нашло отражение в его стихах и поэмах. Всю жизнь неотступно преследовала память о войне:

*Закрываю глаза – на мгновенье
Мне покажется: грохот, война,
Я взрываю кольцо окруженья,
Гимнастёрка обожжена...*

Немало стихотворений Милосердова посвящено Родине, образ которой сливается с образом матери, оберегающей своих сыновей в самые тяжёлые моменты. Характерно в этом отношении стихотворение «Мать-Россия»:

*Я упал в подорожник.
Мне жить – не судьба.
Я лежу, окровавлен, почти бездыханен...
Но Россия перстами касается лба:
– Подымайся, сыночек...*

И боец поднимался и шёл «всё вперёд, всё на запад, круша океанную силу», потому что в его сознании «воедино сливались образ Матери и России...» Особое место в творчестве Семёна Милосердова занимают стихи о деревне, её тружениках, уходивших на войну по тем же дорогам, по которым они ходили в поле на работу:

*Исхлёстанные ливнями тревоги,
Изрытые, в воронках и в пыли,
Всё помнят деревенские дороги,
Которые к победе нас вели...*

Через всю жизнь пронёс боль о погибших товарищах поэт и прозаик Александр Васильевич Стрыгин (1920–1999):

*Фронтовая память побольнее ран,
Оттого не весел старый ветеран.
Часто-часто снятся те, которых нет,
И окоп тот снится вот уж много лет.
Встал живым в окопе только он один,
Страшный бой запомнил до седых седин...
До сих пор окоп тот ездит он искать,
Где хватило б места и ему лежать.*

Автор пишет не просто о безымянном солдате (хотя сколько их, безымянных, погибло на дорогах войны!). В этом стихотворении конкретный, зримо представляемый читателем образ советского бойца. Это, по сути, сам Александр Стрыгин, лежавший в окопах, ходивший в атаки, не раз смотревший в глаза смерти, но веривший в победу и

бессмертие солдатского подвига. «И всё-таки войну выиграла наша пехота», – любил повторять Александр Васильевич. И сколько он посвятил пехоте поэтических строк!

*Одежды твои дочерна пропотели,
В пыли и грязи – лишь сверкают глаза.
Тебя узнаю я по серой шинели –
Здравствуй, пехота родная моя!*

Образ народного героя не раз встречается на страницах произведений писателя. И всегда он говорит о нём с гордостью, с верой в его доброту, во всегдашнюю готовность прийти на помощь, с верой в его твёрдость и мощь:

*Для народа главное –
Дело, а не лесть...
Рядовых Матросовых,
Полководцев Жуковых
У народа нашего,
Сколько надо, есть!*

Значительное место в литературе о Великой Отечественной войне занимает проза тамбовских писателей. Каждая книга, а книга о войне в особенности, – конечно, если её автор – фронтовик, – связана с его биографией, с историей страны, поэтому художественные произведения носят черты документальности. И причина тут не только в том, что называются точные места сражений, включаются сводки Совинформбюро, но и в самом духе повествования, способствующем тому, что произведение о войне воспринимается как очередная правдивая страница истории нашей Родины, ибо в бессмертии героев заключено бессмертие страны.

«Война, война... Сколько плодишь ты скотского, дикого в людях! И как высоко подымается в твоих испытаниях человеческий дух!» Эти слова из романа Бориса Константиновича Панова (1923–2008)

«Посреди степей» как нельзя лучше выражают нравственную сущность Великой Отечественной войны: гибли миллионы людей, но в то же время война учила «рудю дорогую отличать от породы пустой», она ковала характеры для будущей мирной жизни.

Молодого красноармейца Максима Чусова война сразу сталкивает с труднейшими испытаниями. И оттого, выдержит ли он их или смалодушничает, будет зависеть его дальнейшая судьба – останется он просто в живых или навсегда сохранится в памяти уцелевших. Отбившись в ночной стычке с немцами от своих, казня себя за минутный страх, заставивший его при первой же автоматной очереди «шарахнутья вбок, побежать по лесу», красноармеец выходит на дорогу и видит изуродованную полуторку, убитых шофёра и женщину, возле которой возился в тряпье крохотный ребёнок. «В груди красноармейца расплескался палящий жар. Торопливо, трясущимися руками он взял ребёнка, завернул в поднятые с земли простыню и вязаную кофту и быстро пошёл было прочь, но какая-то требовательная сила остановила его, заставила вернуться к женщине».

Советский солдат, подвергаясь ежеминутной опасности, не колеблется в выборе: взять ребёнка или быстрее уйти прочь. Немцы могли появиться в любой момент. Но и в этой ситуации в человеке берёт верх человеческое. Он хоронит погибших и спасает ребёнка. И даже когда его нагоняет грузовик с немцами, он продолжает упрямо идти вперёд, крепко прижимая к себе девочку, «боясь только одного, что не выдержит долго такого шага». Но он выдержал. В поединке между голодным, обессиленным красноармейцем и ехавшими на грузовике сытыми фашистами, хохотавшими над «странным русским солдатом с ребёнком на руках», стрелявшими ему под ноги, чтобы испугать, заставить попросить пощады, – выиграл Человек.

Есть в романе Бориса Панова и ещё один запоминающийся образ – Якова Забелина, вернувшегося с войны инвалидом, но нашедшего себе дело в колхозе. Не такой он человек, чтобы жить за чужой счёт, пользоваться старыми заслугами. А в сорок третьем году Яков, сам того не сознавая, совершил подвиг... Прямо на него шёл немецкий танк. Он был уже метрах в десяти. «Они остались один на один – че-

ловек и броневая грохочущая громадина. Она могла вот-вот раздавить Якова. Но он теперь знал, что не побежит от неё... Это те, кто в танке, должны бояться его, Якова, потому что он сейчас непременно подорвёт и уничтожит их. Он ничуть не сомневался, что всё именно так и произойдёт, и от этой уверенности в нём поднялось злое, беспощадное, торжествующее ликование...»

Вражеский танк был подорван. А кто знает, сколько жизней унесла бы эта машина, если бы её не остановил один человек, «песчинка» на бескрайнем поле войны! Как и Максим Чусов, Яков Забелин вышел победителем из неравного боя – из поединка между добром и злом. На примере этих двух людей Борис Панов показал, как герои войны, совершавшие подвиги во имя долга и совести, и в мирной жизни – люди высокого полёта, честно выполнявшие своё предназначение на земле.

Война, уничтожившая миллионы лучших сыновей и дочерей страны, искалечила многие судьбы тех, кто остался жив, но не смог, в силу разных причин, найти своё место в мирном строю. Немало и таких случаев, когда отчаявшегося человека спасало доброе участие окружающих. У прозаика и драматурга Николая Васильевича Архангельского (1916–2005), бывшего военного хирурга, есть рассказ «Лейтенант Пётр», в котором описан случай из военной жизни, – случай, может быть, и типичный для выдавшего вида военврача. Но тот, кто прочитает этот рассказ, запомнит его на всю жизнь.

«...Ночью на станцию прибыл санитарный поезд. Раненых было много. Все они уже побывали в руках хирургов медсанбатов, полевых и эвакогоспиталей. Такие раненые – сложные люди. За время мытарства по лечебным учреждениям у них порой складывались очень тяжёлые характеры. Это были люди, тяжело переносившие своё моральное и физическое увечье. Люди без угадываемого для них самого ближайшего будущего... Сотрудники госпиталя были подняты по тревоге. Пришла даже Вера, библиотекарьша, жившая с матерью неподалёку от госпиталя. Хрупкая, миловидная девушка лет девятнадцати...»

Особенно тяжёлым оказался молодой лейтенант с забинтованным лицом, который буйствовал, а подошедшую успокоить его Веру даже ударил. С содроганием сердца читатель узнаёт из рассказа, что боец получил чудовищное ранение: «Осколок снаряда лишил его глаз, бровей, щёк, носа, части верхней губы...» Даже хирургу, увидевшему то, что осталось от лица лейтенанта Петра, стало страшно.

Узнав, что он ударил девушку, Пётр приходит в себя, просит прощения у пришедшей к нему, по его настоятельной просьбе, Веры. Постепенно между ними завязываются дружеские отношения. Вера читает ему вслух книги, старается отвлечь его от мрачных мыслей. Но вскоре она сама оказывается на больничной койке: у неё обнаружен туберкулёз, и через несколько дней девушка умирает. Ещё один удар судьбы Пётр переносит тяжело, но мужественно: Вера сумела за короткое время знакомства с ним убедить его в том, что достоинство человека во внутреннем духовном богатстве, и он должен всегда чувствовать себя нужным людям, стремиться в любой ситуации приносить пользу.

Николаю Архангельскому удалось передать психологически тонко и точно душевное состояние двух молодых людей. Сначала просто человеческое сострадание к раненому бойцу, а потом и желание помочь ему поверить в людей, а главное – в себя, сделали своё дело: после смерти Веры Пётр ещё долго лечился, ему удачно сделали пластическую операцию, он окончил педагогический институт и начал работать учителем, оставшись жить с приютившей его матерью Веры. Потеряв дочь, она обрела сына. Оставшись без глаз, Пётр обрёл внутреннее зрение. Так среди ужасов войны прорастали побеги новой светлой жизни...

Отрадно сознавать, что читатели, приходя в библиотеки, спрашивают книги о Великой Отечественной войне. Роман Алексея Емельяновича Шилина (1924–2007) «Четвёртый пагон» зачитан, как говорится, «до дыр». Автор, бывший моряк, прошедший войну, написал книгу, как собственную биографию: здесь всё – правда, суровая, беспощадная правда. Оттого и читается она с неослабевающим интересом.

У героя романа Иванникова было тяжёлое голодное детство, а юность его – краснозвёздная. В годы гражданской войны малогра-

мотный деревенский паренёк, закрутившийся в вихре исторических событий, пытается понять: что же происходит вокруг? Хватит ли у таких, как он, сил отстоять правду? Время ответило на все вопросы... Отгремела гражданская война. Можно было бы облегчённо вздохнуть. Но дальнейшие события исключили отдых и покой. Настоящую школу гражданского мужества прошёл Алексей Иванников в годы коллективизации, в период борьбы с ожесточившимся врагом Советской власти. Только встало родное село на ноги, только окрепли колхозы, как новая беда обрушилась на страну. Война принесла с собой разруху и гибель людей; она испытывала человека на прочность на фронте и в тылу; она сделала несчастной не одну семью: похоронки приходили и на действительно погибших, и на тех, кто остался в живых чудом. Так случилось и с Иванниковым.

...Вблизи рыбацкого посёлка немцы потопили корабль, на котором он воевал. Семьи всех, кто был на корабле, получили похоронки. Тяжело раненный, Алексей Иванников с трудом выбрался на берег, где его подобрала и выходила девушка Инга. Но похоронка уже сделала своё дело: у сына Иванникова появился другой отец – тоже фронтовик, тоже достойный человек, страдавший оттого, что считал себя причиной распада семьи. Но Алексей понимает, что причина трагедии – война, понимает, что надо жить. И жить достойно, так же как достойно воевал.

Иванникова постоянно точит мысль, что он так и не сказал своему уже взрослому сыну, что он его отец. И решившись, наконец, на встречу с ним, с родным домом, понимая, что эта встреча может стать и прощаньем, Иванников подводит итог своей жизни: так ли он прожил, как надо? Юность промелькнула в звоне клинков и свисте пуль, потом – работа до изнеможения, за ней – годы другой войны. И он всегда был там, где трудно. Он делал то, что приказывало время. Он дрался за правду, не щадя ни себя, ни других. И вот теперь ему надо сделать ещё один шаг к правде: рассказать сыну, что это он, Иванников, его настоящий отец. Рассказать... а главное – передать сыну патрон, привезённый с фронта. Передать, как боевую эстафету, чтобы молодые знали, какой подвиг совершили их отцы и деды.

«Жизнь течёт правильно, – думает Иванников. – Дети гордятся подвигами отцов. Гордиться есть чем. И так будет всегда. На этом будет стоять жизнь... А дел хватит для каждого поколения...» Умирает Алексей Иванников, не успев поговорить обо всём с сыном, не успев передать из рук в руки боевой патрон. Но сын уже принял эстафету отца: ему передала её сама жизнь.

Своеобразным продолжением «Четвёртого патрона» является очерк Алексея Шилина «Чайки над фиордом», опубликованный в газете «Правда» 25 августа 1983 года. Автор переносит нас в далёкие военные годы, но как современно звучат антивоенные мотивы, как остро поставлена проблема счастья детей всей земли, независимо от расовой принадлежности. Запоминается эпизод из воспоминаний писателя. Военный катер задержался в Киркенесе, чтобы очистить от вражеских мин фиорды, но неожиданно налетел на мину и получил пробоину. Кое-как добравшись до причала, моряки занялись ремонтом. «Я подошёл к шлюпке, – пишет Алексей Емельянович, – но что-то заставило меня обернуться. Женщина и мальчик стояли на берегу, за хлопьями падающего снега. Женщина держала руку на плече мальчика, и я заметил под снегом кончики её тонких, словно из белого мрамора, пальцев. Другую руку она прижала к груди. И эта её рука снежно белела на чёрном лёгком пальтишке. “Кушать”, – произнесла женщина на ломаном русском языке. Я метнулся на камбуз. И вот уже, словно выстрелы, захлопали дверцы шкафа: мои товарищи брали с полок пачки сахара, хлеб, банки с мясной тушёнкой... Толкаясь, мы поднялись по трапу на причал. Женщина, как в моей деревне... молитвенно сложила на груди руки...»

И через многие годы продолжает видеть писатель глаза норвежской женщины и её сына, и теплом наполняется сердце от воспоминаний о том, как в едином порыве поспешили помочь ей советские моряки. Они и помыслить не могли о том, что женщина и её сын – «чужие», что надо прежде всего заниматься восстановлением катера: ведь шёл только декабрь сорок четвёртого года. С гордостью и восторгом восклицает Алексей Шилин: «Характер у русского человека!»

Процесс становления личности, раннее взросление юношей и девушек в годы войны показаны в произведениях Валентина Петровича Баранова (1924–2004). Точность географических названий, описание конкретных фронтовых событий отличают повесть «В дни грозные». Не случайно она названа автором документальной. Это не только не снижает её художественного уровня, но делает более значительной, дополняя правдивыми страницами автора-очевидца летопись Великой Отечественной войны и истории страны в целом.

В герое повести Валентине Баринове легко угадывается автор книги Валентин Баранов, возмужание которого происходит буквально на глазах читателя. Вот он провожает на фронт отца, зная, что скоро наступит и его очередь. Отец на прощанье отдаёт сыну свои часы со словами: «Сверяй эти часы с часами добрых людей...»

Нельзя не заметить, какое внимание уделяет автор природе: «Странно, но каждый раз, как только на селе провожали мобилизованных, стоявшая солнечная и сухая погода преображалась: день становился хмурым и дождливым...» В повести показаны не только страдания людей, но и деревьев, цветов; с сердечной болью говорит автор о небывало богатом в 1941 году урожае, который некому было убирать. Но, мобилизованные собственной совестью, юноши и девушки, подростки, как-то сразу повзрослевшие, взяли на себя часть общих забот и стали работать за своих ушедших на фронт отцов.

Не оставляет равнодушными читателей и ещё одна книга Валентина Баранова – «Эхо войны». Автор рассказывает в ней о поездках по местам сражений, о неожиданных встречах с людьми, испытывшими на себе тяготы военных лет, о друзьях-однополчанах. Он не скрывает горечи от сознания того, что на дорогах войны потеряны миллионы людей, среди которых были, возможно, будущие учёные, писатели, художники, музыканты. Но страницы книги полны и радостью от сознания величия победы, от того, что вернувшиеся с фронта встали в строй мирной жизни – созидания и творчества. Валентин Баранов тепло пишет о бывших воинах, ставших впоследствии университетскими профессорами, отдавшими много лет воспитанию студенчества; об известном писателе Юрии Бондареве, воевавшем в составе

2-й Гвардейской армии, формировавшейся на Тамбовской земле. Во многих школах области работают музеи боевой славы. Один из них – в школе № 19. Руководитель музея – заслуженный учитель Российской Федерации Ольга Сергеевна Завадская – вела переписку с Юрием Бондаревым, который неизменно тепло отзывался о нашем крае. Его роман «Горячий снег» – весомый вклад в литературу о Великой Отечественной войне.

И через десятки лет после Великой Победы военная тема оставалась и остаётся до сих пор одной из ведущих в нашей литературе. И если писатель из поколения, не видевшего сражений, всё же создаёт произведение о войне, значит, он внутренне причастен к этой суровой теме.

Давно ушли в историю великие и трагические годы – «сороковые-роковые», как назвал их поэт-фронтовик Давид Самойлов. Но они не ушли из памяти. В сердцах людей будут вечно живы те, чьей кровью обильно полита земля. Именно этот мотив, мотив бессмертия, звучит мажорным аккордом в произведениях, посвящённых Великой Отечественной войне.

К 80-летию Великой Победы

Стихи

Однофамилец

Опять – знакомое волнение:
Свет в зале медленно погас.
Я кинофильм «Освобождение»
Смотрю уже в который раз.

...Год сорок третий.
На рассвете
Фашист обрушит шквал огня...
Вот в этом самом, в сорок третьем,
Отца не стало у меня.
Да где же там спастись кому-то,
Когда огонь – сплошной стеной?
И я встаю. Встаю, как будто
Командуют с экрана мной.

Последний танк в атаку брошен,
Снарядом ранена броня.
И рядовой танкист Дорожкин
С экрана смотрит на меня.

Я на него гляжу, как в детство, –
В своё, в прошедшее гляжу...
А может, правда, он – отец мой?
Я даже сходство нахожу.

И каждый раз до слёз, до дрожи
Ему вымаливаю жизнь...
Но крикнул капитан: «Дорожкин!
Держись, товарищ мой, держись!»

А он, не думая о смерти,
Фашистам поддавал огня.
А он в смертельной круговерти
Спасал Отчизну и меня.

И из фашистского капкана
Полуживым, но вышел взвод...
Тревожный голос капитана
Опять Дорожкина зовёт.

И гулко эхо раздаётся,
И снова зов летит во тьму.
Я чуда жду: вдруг отзовется
Дорожкин другу своему?..

Мне всё больней и всё дороже,
Всё памятнее этот миг.
Но не откликнулся Дорожкин
На зов товарищей своих.

Маме

Вдовья доля, как ты нелегка!..
Оставались вдовами девчонки.
...Не надела чёрного платка
После получения похоронки.

Не отгородилась чернотой
От надежды и от ожидания.
К эшелонам, словно на свиданье,
Бегала. И верила: «Живой!»

А потом среди людского моря
Не твоя ль душа рвалась на части?
Глубоко своё запрятав горе,
Ты со всеми плакала от счастья.

Ветер гнал на запад облака,
Словно бы по вражескому следу...
Не надела чёрного платка,
Потому что верила в победу.

Милосердные сёстры

Вновь истории ветер
Запах гари донёс...
Сколько б ни жил на свете,
А не выплакать слёз.

О друзьях, о товарищах
Не забыть до сих пор...
Сколько гибло в пожарищах
Милосердных сестёр!

Шли на подвиг так просто
И не ждали награды...
Милосердные сёстры,
Вам бы памятник надо.

Только знаете сами:
Как творцу ни творить, –
Всё, что сделано вами,
То в металл не отлить.

Вам дано лишь запомнить
Каждый шаг, каждый миг.
Ваша жизнь – это подвиг,
Он в сердцах у живых...

А свинцовые вёрсты
Всё ложатся к ногам...
Милосердные сёстры,
Низко кланяюсь вам.

9 мая 1945 года

Земля уже очистилась от скверны,
Но мы пока не ведали о том,
Какой из дней мы назовём победным,
Какой из них Великим будет днём.

И он настал – девятый майский день.
До самых дальних сёл и деревень
Весть о Победе птицей долетела.
Всё ликовало, плакало и пело –
Поистине, настал Великий день.

И, несмотря на предрассветный час,
Волна победы вынесла и нас,
Детей войны, на улицу со всеми.
Нас опьянил свободный дух весенний...

В то утро к нам опять вернулось детство.
Отцы вот только не вернулись в дом.
Но нам они оставили в наследство
Великую победу над врагом...

А впереди ещё нас ждали беды,
Но знали мы, что нас не побороть:
Ведь слово то прекрасное – ПОБЕДА! –
Вошло навеки в нашу кровь и плоть.

Чтоб не забылись имена...

Над Родиной гроза нависла,
Уже земля была в огне.
С войны в Тамбов летели письма,
Что долгой не бывать войне.

Но впереди – страданий вдоволь
Для генералов и солдат..
И похоронки первым вдовам
Уже вручил военкомат.

Казалось, этим чёрным бедам
И не предвидится конца.
Но вера твёрдая в победу
Была у каждого бойца.

Герои не жалели жизни,
Не дрогнули перед врагом,
Чтоб только матери-Отчизне
Не быть под вражьим сапогом...

Ещё бойцам сражённым падать,
Пока не кончится война.
Но только бы осталась память
И не забылись имена.

* * *

Ни другу, ни врагу не лги.
Возврата сгнули круги...
Перетасованы войною
Потенциальные герои,
Потенциальные враги.

То ли завять, то ли запеть...
Там было страшно умереть.
Но жить страшнее оказалось:
Ведь человек – такая малость
И вечно попадает в сеть.

Осталось что от храбреца?
Шрам от осколка в пол-лица.
А в памяти – такие дали...
От сквозняка звенят медали
На старом кителе бойца.

Не надо никак даров,
А только бы немного дров:
Кофейник на плите тоскует...
А жизнь тасует и тасует
Врагов – друзей, друзей – врагов.

* * *

Я знаю все твои невзгоды,
Все радости, Отчизна-мать...
Прошли сороковые годы,
Но их нельзя не вспоминать.

Мне ль их из памяти изгладить,
Своё сиротство позабыть?
Отец погиб победы ради,
А значит – остаётся жить.

Да, он в победу верил свято,
Отчизну не отдал врагу...
Я – дочь погибшего солдата,
Быть равнодушной не могу,

Когда на чистые рассветы
Вновь посягает вороньё...
Сейчас в опасности планета,
И я в ответе за неё.

За будущее я в ответе.
И в свете Вечного огня
Отец через десятилетия
С надеждой смотрит на меня...

Тревогу бьют и меч, и лира:
Вставайте, дочери, сыны!
Нет ничего важнее мира,
Нет ничего страшней войны.

Вечная память

Как память вечная, стоит солдат.
Откуда он – из Курска? Из Тамбова?
...Начало мая... Праздничный парад,
И радость мы переживаем снова.

Переживаем горечи утрат...
Смотрю я на солдата молодого,
И на меня глаза его глядят –
Не бронзового вижу, а живого.

Сражались от зари и до зари
С проклятым врагом богатыри,
Чтоб нам дожить до этого парада.
Отчизне были до конца верны.
Мы помним вас, о русские сыны!
Мы эту память сохраняем свято.

Александра НИКОЛАЕВА

Поэзии серебряный треножник

Стихи

* * *

*...Война гуляет по России,
А мы такие молодые!
Давид Самойлов*

Словно чёрно-белое кино,
Жизни кадры... Мальчики-поэты,
Разве было вам предрешено
Всё отдать для будущей Победы?

Друг за другом вы на фронт ушли,
Следуя проторенным маршрутом,
Лучшие студенты из ИФЛИ
И студенты из Литинститута,

Из коммунистической страны
На вершине глобуса земного,
Что войной гражданской рождены,
Но для испытания иного.

Пред неотвратимую судьбой
Юные, наивные солдаты,
Как же вы могли представить бой
Смертный не по строкам «Илиады»?

Но, отдавшись яростной борьбе,
Пехотинцы, лётчики, танкисты,
Вы сумели сохранить в себе
Пламень созидательный и чистый.

На защиту Родины своей
Встали вы, и этот час прославил
Вашу доблесть на века,
Сергей,
Михаил, Борис, Давид и Павел.

Старая шкатулка

Посвящается Вере Дмитриевне Орловой

Когда колючая и злая
Зима не пустит из дверей,
Я целый день перебираю
Шкатулку бабушки моей.

Сокровищ небольшую горстку
Достану из неё на свет -
Булавок, пуговиц, напёрстков,
Обёрток дорогих конфет,

Стихов из фронтовой газеты -
И на столе их разложу,
Давно знакомые предметы,
С чем я с младенчества дружу.

И буду искренне дивиться,
Меню сезонное смотря
На жёлтых и сухих страницах
Столетнего календаря.

И, наслаждаясь тишиною
В окне январской полутьмы,
Шкатулку древнюю закрою
Уже до будущей зимы.

* * *

*Подумаешь, тоже работа, –
Беспечное это житьё;
Подслушать у музыки что-то
И выдать, шутя, за своё...*

Анна Ахматова «Тайны ремесла»

Зачем искать мне темы для стихов?
Они меня всегда находят сами.
Лавина мыслей и бессвязных слов,
Преобразившись, предстаёт стихами.

Как тогой обернувшись золотой
Мужскою рифмой и двусложным метром,
Моя душа стремится за сестрой –
Пылающей из космоса кометой.

Пускай легко обжечься об неё,
Порой непредсказуемую гостью!
...И в драме на стене висит ружьё,
Чтоб выстрелить в конце вишнёвой костью.

Не предавая дара своего,
Ты, словно по камням, взойдёшь на гору...
Стихи – спектакль артиста одного,
Но как играть на сцене без партнёров?

И как писать, не ведая любви
К родным и дальним?..
Чудо на крови –
Поэзии серебряный треножник
Там, где растёт сердечком подорожник.

Царскосельская статуя

Царскосельский парк – волшебный сон,
В золото по осени одетый.
Пруд, холмы, над ними – Аполлон,
Бог искусств и солнечного света.

Через термы и роскошный грот
Длинная тенистая аллея
Гостя утомлённого несёт
Вверх по лестнице на галерею

К мраморным и медным божествам
Пантеона Греции и Рима...
То ли это парк, а то ли храм,
Путнику почти неразлично.

И средь лип, как будто между строк,
Видится знакомая картина:

Девушка, утёс и черепок
Некогда разбитого кувшина.

И хотя прозрачная вода
Льётся из него струёй хрустальной,
Юная молочница всегда
Слишком одинока и печальна.

Почему глаза её темны,
Почему из самой глубины
Сердца, как немолкнувшее эхо,
Горькие рыдания слышны
Посреди русалочьего смеха?

Книжному шкафу

О, книжный шкаф! Волшебным миром
Ты оставался для меня,
Пока ремонт мою квартиру
Не изменил при свете дня.

И грузчики, презрев печали,
Работая в густой пыли,
Мой шкаф на части разобрали,
А доски – с мусором снесли.

И покидают с книжным шкафом
Меня герои детских лет –
Так движется за батискафом
В морских глубинах пенный след.

Они вернуться захотели
К эпохам прежним дальних стран,
Где на обломках Ла Рошели
Пирует юный д'Артаньян...

Шкаф увезён легко и споро,
Разрушен памяти кристалл,
Как счастье мальчика, который
Барону Тречу смех продал.

Чайка

Радость ли, крест ли, святыня
Два бесконечных крыла?
В доме над озером синим
Вольная чайка жила

И приходила неслышно
Новое солнце встречать
В сад, где пожухлые вишни
Белыми стали опять,

Чтобы в немом кинокадре
Первой любви и весны
Страстно мечтать о театре,
Будто и ей суждены

Роли, цветы, бенефисы
(Пусть не сейчас, а потом!),
Ведь для великой актрисы
Счастье – в искусстве одном...

Но смертоносную рану
В сердце нельзя излечить,
Если в сюжете романа
Долго приходится жить,

Делать, что хочет создатель
(Словно страданья – пустяк),
Очень известный писатель,
Слишком умелый рыбак...

Чайкой однажды родиться
Было к беде суждено.
...Падает гордая птица
С криком на тёмное дно.

* * *

С природою наедине
В начале марта голубого
К моей зеленоглазой Цне
Я прихожу на берег снова.

Она не тронута весной
И, как в девятом круге Ада,
Одета в панцирь ледяной,
В холодные тиски зажата.

И кажется, что сотни лет
Белёсым необъятным глыбам.
На дно не проникает свет
К уснувшим водорослям и рыбам...

Но тихая река живёт:
Её глубинное течение
Сломает к Пасхе прочный лёд,
Предвосхищая Возрожденье.

И вырвется из-под льда,
Из неживой и мёрзлой плоти
Цны лучезарная вода
Навстречу солнцу и свободе.

Сосед

Была великая пора,
Была Священная Победа.
Но помню, словно из вчера,
Из детства одного соседа.

Он с мамой в коммуналке жил
От нашей комнаты направо,
И вместе с ней гулять ходил,
И в сорок лет всё звался Славой.

В игрушки на полу играл,
Картинки рисовал в тетрадке,
А летом – во дворе скакал
На палке, будто на лошадке.

И лишь боялся поездов
До слёз, до дрожи, до падучей
С тех пор, как на пути в Тамбов
Произошёл с ним страшный случай.

Про тот – про сорок первый – год
Он понимал совсем немного:
Кроваво-красный небосвод
И над железною дорогой

Из чёрных «Юнкерсов» гора.
Что дальше?
Дальше – нет ответа...
Была великая пора.
Была Священная Победа.

* * *

Посвящается 2-й гвардейской армии

Давно для зимнего Тамбова
Привычен безотрадный вид,
Но в эти дни платком пуховым
На тротуарах снег лежит.

Такой же снег под Сталинградом
Был в сорок третьем по зиме,
Когда немецкие снаряды,
Как будто кляксы на письме

Девчонки-школьницы, исчезли,
И возвратилась тишина,
И над руинами воскресли
Их жители и вся страна.

Какою страшной стали школой,
Где лишние – черновики,
Шесть месяцев боёв тяжёлых
У самой царственной реки!

Но у войны – свои законы,
Когда на смерть, как на парад,
С людьми и техникой вагоны
Почти летели в Сталинград.

Затем бескрайними степями
Шли командиры и бойцы,
Своими жаркими губами
Хватая снег, как леденцы...

И память о Тамбовском крае
Жива на волжских берегах:
Была Гвардейская Вторая
Непобедимую в боях,

Под бомбами и под шрапнелью
Среди небесной синевы
И Сталинградской метелью
Не преклонившей головы.

На Петропавловском кладбище

Последний и безрадостный приют
Весной над смертью празднует победу,
И первые подснежники растут
На кладбище у бабушки и деда.

Здесь памятные плиты и кресты –
Урок живым, чтоб мёртвых не забыли...
Но как прекрасны синие цветы
Не в парке, не в саду, а на могиле!

И в самую под сердцем глубину
Подснежники лучистыми глазами
Глядят сегодня, повстречавшись с нами...
И вижу я ушедшую страну.

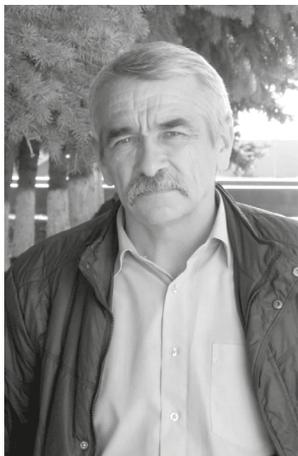
Страна, по зову памяти моя,
Рождалась в Революцию из пепла
И в годы первых Пятилеток крепла,
А с нею вместе – дедова семья.

Наверное, сама судьба свела
Дочь плотника и мельничьего сына
В двадцатые, пока ещё мала
Великих дел кровавая стремнина.

Три города сменив, троих детей
Так горько потеряв в сороковые,
Они трудились для страны своей –
Советского Союза и России.

Несчастный девяносто первый год
Не довелось им встретить в мире этом...
...Но вечна жизнь для бабушки и деда,
Когда подснежник у креста цветёт.

Михаил ВОЛЧИХИН

Зазвенели мечи калёные

Стихи

Главы из поэмы «Русское поле»

* * *

Вспомним давних времен гусяра,
Чье сказание Русь обаяло.
Подспела и наша пора
Встать под вещую песню Бояна.

Как он пел, убыстряя персты,
Как стелился по древу, объемя
Род славянский не за три версты,
Но распятый по княжеским землям.

Слово к слову положим, друзья,
Наш старинный мотив не ломая.

Не по русской породе резня,
Но иначе не сбросить Мамая.

Царь мочил свои ноги в Дону,
Берега примеряя, и люто
Видел Русь уходящей ко дну,
Как ладью неугодного люда.

Встали братья, сорвав пелену,
Преисполнившись ратного духа,
Лишь бы Русь не томилась в плену,
Лишь бы только свеча не потухла.

* * *

Говорил монах Ослябя
Пересвету-удальцу:
«Веру правую ослабить
Русским людям не к лицу.

Чем томление в неволе
Да чужой, поганый быт,
Лучше нам на бранном поле,
Брат, порубленными быть.

С нами Бог и старец Сергий,
Русь святая за Кремлём,
Потому крамольник серый
Будет нынче посрамлён.

Не по нём Непрядва плещет,
Но к нему сзывает медь
Молодым расправить плечи,
Старикам помолодеть».

И доспехами сверкая,
Скачет храбрый Пересвет,
Где от края и до края
Ратной силе счёту нет.

Не за то, что голубее
Чье-то небо, не зазя
Он падёт от Челубея,
Посрамив богатыря.

И уже лежат у Дона,
Как трава посечены,
На краю чужого дома
Басурманские сыны.

* * *

Зазвенели мечи калёные,
Загрели щиты червлёные.
То не Дон застонал от боли.
Уже кровью луга пропитаны,
Уже сбиты холмы копытами.
Уже выгнулось поле.

То не голуби, то не лебеди,
Над Непрядвою бьются в небе те –
Это храбрые русские братья
За семейства свои, за вотчины,
За родимые земли отчие
Бьют поганые рати.

Уже гаснет заря осенняя,
Уже поле костями засеяно.
А за Доном и за Непрядвой
То не ветер играет тучами,

То слетелись полки могучие
На того, кто пришёл с неправдой.

Братья в славе, а ноги в стремени.
Ты терпела, Русь, столько времени,
Извелася в тоске-неволе.
Только, как на неделе пятница,
Так крамольникам твоим пятиться,
Не пройдя Куликово поле.

И бежит Мамай в Лукоморье,
Что искусно в большой крамоле,
Но ответит ему развратник:
«За потуги твои никчёмные
Ты бежал бы в трущобы тёмные,
Царь поганый, бесславный ратник».

Война

Нет худа без добра.
А войны – это худо,
Когда – на брата брат,
А на деревню – хутор.

Нет худа без добра.
Но сколько ж надо худа,
Чтобы его добрать
До прекращения блуда?

Вопрос не в глаз, но в бровь
Мне выдавил Иуда:
А может ли добро
Быть на войне без худа?

Война и мир

Идёт война, где мой товарищ пал.
В салоне Анны Палны бал.
Пока Болконский смотрит в облака,
Мазурка переходит в гопака.

Себя взорвать, но не попасться в плен!
Пленяет прелестью Элен.
Гуляет сплетня: кто с кем переспал.
В салоне Анны Палны бал.

На ратном поле отступает страх.
В салоне пляшут на крестах.
Идёт война. Высок барьер.
В разводе Пьер.

Свеча

Не погашай свою свечу,
Какие б ветры ни случились.
В пространствах мировых училищ
Не погашай свою свечу.

На белый свет не прокричу,
Но прошепчу почти молитвой:
Пред аналоем или битвой
Не погашай свою свечу.

Любая нечисть по плечу,
Любая тьма не беспросветна
Не погасившему от ветра
С небес возжённую свечу.

И даже если к палачу
Погонят с вервием на шее,
Прими как жертвоприношенье.
Не погашай свою свечу.

Ответь в толпу не сгоряча,
Когда окрикнут: как живёте?
– Да вот на вечном эшафоте
Стою, как талая свеча.

Ландыши

Хоть не дыши на это чудо, правда же!
Они невероятно хороши.
Как я люблю в твоих объятьях ландыши,
Как будто свет исходит из души.

Божественного чувства не утратили
О ландышах сказавшие уста,
Что ими стали слёзы Божьей Матери,
Упавшие к подножию Креста.

Осенний свет

Осенний свет – особый свет,
В нём есть угаснувшая мука.
Так может улыбнуться дед
На заигравшегося внука.

В осеннем свете благодать,
И столько светлости в осине,
Как будто старенькая мать
С улыбкой думает о сыне.

Его бы в душах накопить,
Его б рассеивать по семьям.
В осеннем свете, может быть,
Есть иллюстрация спасенья.

Комета

Летишь, как будто лыбишься,
Светящаяся стать.
Таинственное глыбище,
Каких не сосчитать.

Не рыбиной по Ладогe,
Не мышью под кустом –
По долготe галактики
Ударивши хвостом.

Космическая странница,
Как пуля у виска,
Но пролетишь – останется
Неясная тоска.

Читается по-разному,
Но хочется узнать:
А вдруг собрат по разуму
Нам посылает знак?

Рыжий кот

Прощай, мой пришлый.
Прощай, мой рыжий!
Заплакан стих.
Тебя я больше не увижу.
Прости!

Я так пытался, не умевши,
Тебя спасти.
Прощай, мой верный.
Прощай, мой меньший.
Прости!
Зачем мне короли и крали
И шик тряпья –
Как будто душу обокрали.
Мне без тебя
В саду уже невыносимо –
Зачем мне сад,
Где ты валялся апельсином
Три дня назад?
Хожу, прислушиваясь чутко.
Жара иль дождь.
Хожу один и верю в чудо,
Что ты придёшь!

Михаил ГРИШИН

Одиночка: несломленный

Фрагмент романа

Глава 1

Бригаденфюрер СС Клаус Кляйн был невероятно взбешён. Проезжая мимо на легковой машине с усиленным мотором «Хорьх 830», он вдруг увидел на возвышенности пологого холма, беспощадно изрытого, перемолотого взрывами снарядов и авиабомб, островерхий красно-зелёный пограничный столб Советского Союза. Даже на расстоянии ста шагов медная табличка с изображённым на ней гербом, состоявшим из тугих колосьев, серпом и молотом поверх земного шара посредине, увенчанная пятиконечной звездой, сияла золотом, отражая солнечные зайчики.

– Это что? – орал он, брызгая слюной, нервно тыча тонким отполированным стеклом на столб. – Кто разрешил? Убрать! Немедленно!

– Так точно, господин бригаденфюрер! – громко чеканил перепуганный насмерть лейтенант Гельмут Гофман, прибежав на крики высокого начальства. Пуча глаза от усердия, неестественно вытя-

гиваясь, поднимаясь на носки сапог, он держал напряжённую, чуть подрагивающую руку у фуражки с высокой тульей. – Будет сделано!

Лейтенант круто развернулся, чётко стукнул каблуками, бегом направился к группе отдыхавших на обочине солдат. Там он принялся их громко распекать, жестикулируя руками, обросшими рыжими жёсткими волосками. Несколько человек тотчас побросали недокуренные папироски и побежали к столбу, старательно огибая глубокие воронки. На вершине солдаты окружили пограничный столб и принялись его одновременно со всех сторон торопливо выкапывать сапёрными лопатками.

– Ещё раз увижу это безобразие, сам лично расстреляю, – пообещал, уезжая, разгневанный Клаус Кляйн.

Он ещё не знал, что злополучный пограничный столб появляется на этом участке границы с пугающей регулярностью. Его не раз специально валяли бронетранспортёрами, ломали, переезжали танковыми гусеницами, всё было напрасно: он всё время возрождался из небытия и пепла, как мифическая птица Феникс назло фашистским захватчиком. Его пытались даже сжечь, но пропитанный непонятным составом дуб горел плохо и лишь слегка закоптился, а наутро снова стоял на прежнем месте как ни в чём не бывало.

Немецкие солдаты расквартированного поблизости 437-го пехотного полка даже стали делать на него ставки, как в казино, деньгами ли, продуктами или алкоголем, с волнением дожидаясь следующего дня, чтобы в очередной раз убедиться в том, что те, кто опрометчиво ставил на то, что пограничный столб больше никогда не появится, проиграли. Над ними беззлобно, от души хохотали и снисходительно похлопывали по плечам, глядя, как оконфуженные сослуживцы с превеликой неохотой расстаются с припасами, которые ещё вчера считали своей собственностью.

Шёл одиннадцатый день войны, немцы продвинулись довольно далеко, в скором времени уже рассчитывали пройти парадом по Красной площади в Москве. Имея соответствующую военную мощь практически всей Европы, чувствуя за собой несокрушимую силу и безнаказанность, можно себе позволить такую роскошь, как

благодушие. Среди солдат ходил слух, что это дело рук единственного оставшегося в живых пограничника с ближней 12-й заставы, которую они не так давно разгромили, не оставив от непокорной заставы камня на камне. Но в лицо красноармейца никто не видел.

* * *

Его звали Васёк Гвоздев, и был он с виду самым обычным советским парнем. Невысокий и щуплый, он был похож на подростка четырнадцати лет. Васёк сидел на корточках в нише под огромным валуном в непроходимом лесу и в консервной банке кипятил воду, набранную им в озере. Он предусмотрительно выбирал сухие ветки, ломал их на мелкие части, понемногу подкладывал в крошечный костёр, следя за тем, чтобы не было видно дыма.

За полторы недели и без того худощавое лицо парня осунулось ещё больше, пугающе, как у покойника, заострился нос и ввалившиеся щеки обросли жёсткой светлой щетиной, из-под фуражки с замызганным зелёным верхом топорщились отросшие за месяц русые волосы. К тому же галифе и гимнастёрка на нём настолько поистрепались и загрязнились, что Васёк Гвоздев своим внешним видом сильно смахивал на первобытного охотника за приготовлением пищи, одетого в лохматые звериные шкуры, каким его изображали в учебниках истории.

Васёк не ел все эти дни, и как только вода закипела, проворно сунул в крутой кипяток траву зверобой, с волнением наблюдал, как быстро темнеет вода. Едва дождавшись, когда чай немного заварится, он принялся торопливо, обжигая обветренные губы, пить мутную чуть зеленоватую с терпким запахом жидкость крошечными глотками, держал раскалённую банку в зачерствелых ладонях, чувствуя, как с каждым глотком прибывают силы.

Казалось, что он всецело поглощён своим занятием, что являлось, конечно, неправдой. Его большие, сильно оттопыренные уши, которые как бы жили собственной жизнью, настороженно вслушивались в шум ветра в вышине, в разноголосое пение птиц, в тихий

шорох в траве ежей, ужей и других ползучих гадов, стараясь уловить не свойственные природе звуки. Это могли быть негромкое бряцанье оружием или непонятная приглушённая речь немцев, чей язык он для себя определил, как лающий. Но вокруг стояла первозданная тишина, если не считать далёкого рокота танков и пролетающих над головой фашистских самолётов.

Напившись чая, Васёк прислонился потной спиной к прохладному боку камня, блаженно вытянул ноги в заляпанных грязью кирзовых сапогах и тотчас задремал. По тому, как его длинные, выгнутые, как у девушки, ресницы мелко дрожали, было заметно, что он даже во сне находится начеку, а его знаменитые уши продолжают нести свою нелёгкую службу.

На границе Василий находился уже полтора года со дня его призыва в Красную Армию. Для деревенского паренька, ещё никогда не бывавшего дальше своей околицы, здесь было всё внове. Однако тяготы армейской службы он переносил стойко, как и подобает настоящему пограничнику, тем более комсомольцу. За это время рядовой Гвоздев успел поучаствовать в нескольких стычках с финскими диверсантами и даже задержать, находясь в дозоре, одного немецкого шпиона.

События же последних дней произвели на него особенно тяжкое неизгладимое впечатление, заметно сказавшись на его отношении к людям вообще и к фашистам в частности. Буквально за несколько часов он возненавидел их настолько, что без отвращения смог бы любому из них зубами перегрызть горло. Но, тем не менее, приснились ему не те жаркие бои, шедшие недавно на заставе, не война, которая, судя по её началу, будет долгой и ожесточённой, а родная деревня.

Может, это было связано с тем, что он сильно соскучился по матери, а может, по мирной довоенной жизни. Однако снилась ему не мать, как должно, а почему-то дед Трубка. Одной рукой он держал изворачивающегося Васёку за вихор, а в другой пук стрелкачей крапивы, методично охаживал ею десятилетнего мальчонку по заднице и при этом ещё добродушно приговаривал: «Не воруй яблоки! Не воруй яблоки!»

Васёке даже через сатиновые трусы было больно, но он терпеливо сносил наказание, впрочем-то, заслуженное, норовисто закусив губу, стараясь не уронить ни одной слезинки, которые от обиды наворачивались на глаза. Между тем дед Трубка, грозно шевеля лохматыми бровями, тряся космами седой бороды, продолжал деловито наставлять: «Воровать грех. Тем боле у соседей. Я же к вам в палисадник не лазию. Впредь будет тебе наука».

В какой-то момент Васёка, изловчившись, укусил старика за палец, вырвался и, мелькая грязными пятками по картофельным плетям, что есть духу задами понёсся к своему дому.

«От паршивец!» – воскликнул дед Трубка, с любопытством разглядывая пострадавший палец, вертя его перед глазами так и этак, отмечая для себя, как из прокушенной задубелой кожи выступают капельки крови. Потом осуждающе покачал головой и произнёс со вздохом: «Ну, чисто дьяволёнок». В его голосе мелькнули уважительные нотки.

В своём дворе Васёк сразу забрался в кадушку с дождевой водой; отмокая, просидел в ней целый день, дожидаясь, когда утихнет горящая боль в заднице, которая покрылась волдырями, став алой под цвет пионерского галстука.

Дед Трубка в тот день хоть и отчаянно подрался с Васёкой, немилосердно отхлестав его крапивой, матери всё же не наябедничал про кражу яблок и не пожаловался, что её сорванец едва не откусил ему палец. За что уже спасибо.

...Проснулся Васёк оттого, что почувствовал на себе тяжёлый немигающий взгляд чьих-то ледяных глаз. Он осторожно приоткрыл веки: перед ним на камне, широко расставив когтистые лапы, стоял огромный сытый волчище, по всему видно питавшийся мертвечиной, которой нынче было в избытке. Злобно скалясь, приподнимаемая морщинистую кожу, обнажая жёлтые клыки, волчара мрачно смотрел на человека, настороженно ловя каждое его движение.

Васёк видел, как по его крупному туловищу пробегала мелкая дрожь от возбуждения. Потом оно напряглось, что однозначно говорило о том, что не знавший ни страха, ни жалости зверь готовится

к прыжку. Слуха парня коснулся звук царапающих когтей о камень. Единственное оружие, которое сейчас при нём находилось, была сапёрная лопатка. Васёк медленно протянул к лопатке руку, нащупал её тёплый, отполированный множеством рук черенок. Затем крепко сжал пальцы, настолько крепко, что сразу же почувствовал, как они немеют. Парень явственно уловил зловонный запах, исходивший из оскаленной волчьей пасти.

Они смотрели в глаза друг другу, человек и зверь. В какой-то миг Василию показалось, что разинутая пасть, окаймлённая чёрной слюнявой кожей, приблизилась к самому его лицу; он даже смог заглянуть внутрь, где страшно шевелился фиолетовый язык...

Глава 2

– Stehen! – разевая безобразно рот, внутри которого так же болтался фиолетовый язык, орал немецкий унтер-офицер, брызгая слюной. Он чувствовал своё превосходство над пленными советскими пограничниками и от этого ещё больше распалялся: – Russische Schweine! Russische Bastarde!

У фашиста было круглое полное лицо, чисто выбритый скуластый подбородок заметно выпирал вперёд. Его пухлые щёки, кирпично-красные от гнева, студенисто тряслись. Черты лица разъярённого без меры немца не имели ничего общего с арийским типом. Зато под тонким хрящеватым носом, словно грязное пятно, прилепилась щёточка холёных усиков, аккуратно подбритых с таким расчётом, чтобы хоть отдалённо быть похожим на своего фюрера Гитлера.

Немецкий офицер долго ещё выкрикивал на своём лающем языке всевозможные ругательства, однако при этом вёл себя на удивление сдержанно: руками не размахивал и пистолетом не грозил. Неожиданно он умолк, коротко и часто дыша, раздувая ноздри. Оттого, что его габаритная фигура была туго перетянута в пояс ремнём и португеей, пухлая грудь у него не вздымалась, а только равномерно приподнимались и опускались широкие плечи. Фашист вынул из

кармана галифе белый надушенный одеколоном платок, тщательно вытер облюнявленный рот. Затем заложил руки за спину, стал медленно прохаживаться перед горсткой солдат, с чрезмерным вниманием вглядываясь в их осунувшиеся, обросшие жёсткой щетиной грязные лица. Плотно сжатые губы его презрительно кривились, подёргивалась непроизвольно левая щека, а в нагло выпуклых глазах леденисто застыло откровенное отвращение к этим людям.

Советские пограничники в количестве шести человек, чудом уцелевшие после яростной рукопашной схватки с превосходящим по численности врагом, стояли молча. Прямо в лицо им дул тёплый, густо пропитанный гарью и порохом воздух, в который слабыми тонкими нотками вплетался лёгкий аромат лесных фиалок и медуницы, а также нагретых трав, основательно втоптаных в землю сапожищами завоевателей, безжалостно взрытых гусеницами танков и бронемашин, вдавленных колёсами грузовых и легковых автомобилей. Одетые в грязные, в клочья изорванные гимнастёрки и галифе, едва прикрывавшие их смуглые жилистые тела, тяжело раненные, безмерно уставшие за семь дней непрерывных боёв красноармейцы, тем не менее, не выглядели потерянными и морально подавленными. Немецкие автоматчики, стоявшие плотной стеной вокруг крошечной горстки бойцов, с любопытством разглядывая, невольно испытывали перед ними необъяснимый страх. Даже собаки, злобные и безжалостные рослые овчарки, натасканные на людей, и те, чуя исходивший от пограничников невидимый для своих хозяев невероятной мощи поток силы духа, хоть и грозно рычали, натягивая поводки, всё же на всякий случай поджимали хвост.

Старшина Петраков, наискось прошитый автоматной очередью в туловище, истекая кровью, держался из последних сил; ноги у него всё время подгибались, и он обвисал на плечах рядового Володи Кривенцева, который стоял, широко расставив ноги, чтобы самому не упасть. Голова у него была обмотана грязными окровавленными бинтами. Рядовой Коля Часовских, согнувшись и покачиваясь на нетвёрдых ногах, держался правой рукой за живот, зажимая ладонью ножевую рану. Из-под его руки, кровеня некогда белую, а

сейчас густо перепачканную землёй и машинным маслом рваную майку, вниз стекали алые ручейки, напитывая гульфик и пояс галифе чёрной кровью. Младший сержант Серёга Челюстников стоял, гордо выпятив грудь вперёд, заложив руки за спину, глядел куда-то перед собой сурово и неприступно. Пограничная фуражка с зелёным верхом, глубоко надвинутая на уши, надёжно держалась на голове с помощью ремня под подбородком. Гимнастёрка на левом его плече зияла неровным отверстием, клочок был вырван осколком. Рана хоть и неглубокая, но продолжала кровоточить. Только Серёгу это уже ни в какой мере не волновало, потому что скоро и так предстояло расстаться с жизнью.

А вот политрук Гришин, по всему видно, даже в столь безвыходной ситуации чувствовал себя свободно, потому что стоял независимо, с позёрством, отставив ногу вперёд, вызывающе сунув руки в карманы защитных галифе. По его обветренному, грязному лицу блуждала загадочная улыбка; левый глаз, сильно распухший и посиневший от удара прикладом, заплыл, не оставив для обозрения и малой щёлки, а уцелевший правый смотрел на офицера бесстрашно и с озорством. Как будто перед ним находился не фашист, а мальчишка с соседнего порядка, с которым у него предстояла драка один на один. В какой-то момент политруку надоело наблюдать за маячившей перед его единственным здоровым глазом необъятной фигурой офицера, он запрокинул обнажённую голову и, шурясь на солнце, стал смотреть в небо. Тотчас набежавший ветер, играясь и дурачась, закинул его чернявый чуб назад, ласково зашевелил отросшие волосы.

Стоявший рядом Васёк, проследив за его взглядом, тоже поднял глаза к небу. В бездонной бирюзовой вышине величественно плыли светлые облака, полдненное солнце жарко палило сверху, во всём этом ощущалось безмятежное состояние вечности природы, как будто и не было войны, и не они ещё какие-то несколько минут назад не на жизнь, а на смерть отчаянно сражались с противником. От этого несоответствия, происходившего в небе и на земле, Василию на миг показалось, что он видит сон, сейчас проснётся и всё исчез-

нет. И вдруг он мысленно, но это было словно в яви, разглядел в небесном просторе воздушного змея, которого они с друзьями запускали в деревне, и тотчас невольная горестная дума мигом опалила его юный мозг: «Жить бы да жить! Какой только дурак придумал эти войны?» И столько было в его внутреннем голосе горечи и печали, что у него на глазах навернулись слёзы.

Васёк вздрогнул, когда немецкий офицер заговорил по-русски, старательно выговаривая слова:

– Ну, что ж, вот мы и встретились... босота пролетарская. Жизни вам, значит, захотелось новой? Как это в вашей вонючей песне поётся: «Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим: кто был ничем, тот станет всем». Построили? Вы что ж, сволочи, и вправду думали, что вот так безнаказанно можете выгнать из России своих господ, и всё вам сойдёт с рук? Да-да... вы правильно поняли, я тоже русский... Только в отличие от вас холопов, я дворянин. Настоящий дворянин, моей родословной насчитывается боле пятисот лет. Мой дальний предок Борята служил ещё у самого Ивана Васильевича Грозного.

– Что ты щеришься? – спросил вдруг он, заметив ухмылку на лице Часовских, который, превозмогая боль, нашёл в себе силы язвительно поинтересоваться: – Должно быть, на побегушках у него служил?

– Чего ты щеришься? – повторил свой вопрос офицер и, порывисто шагнув к нему, неумело ткнул ему в зубы пухлым кулаком. – Негодяй! – крикнул он визгливо, вспыхив от неуважения к его предкам. – Холоп!

Рядовой Часовских покачнулся, но на ногах устоял; из разбитой губы у него побежала кровь, капля собралась в уголке рта и упала на землю. Николай облизал сухим языком спёкшиеся губы, приподнял голову, ослабил, выказывая розовые зубы, с ненавистью глядя на немецкого холуя.

– Russische Schweine! – по-немецки произнёс офицер, вынул из кармана свой надушенный платок и брезгливо вытер руку. – Недолго вам осталось жить! Время пришло платить по счетам. Я с восьми

лет мыкаюсь на чужбине, когда у нашей семьи отобрали усадьбу. Хорошо, что папа, – он сделал ударение на последнем слоге, как обычно говорят французы, – определил меня учиться в Париже в гимназию. А потом мы переехали в Германию...

Сергей Челюстников, всё это время стоявший с отстранённым видом, внезапно оживился. Поморщившись, пошевелил плечом, которое, очевидно, невыносимо болело, но он продолжал терпеливо ноющую боль преодолевать, метнул в его сторону красноречивый взгляд, перебив, спросил с издёвкой:

– Золотишко-то награбленное у народа небось успел твой папаша с собой прихватить?

Офицер подошёл к парню вплотную, долго смотрел в его мерцающие ненавистью глаза, раскачиваясь с носков на пятки, но всем на удивление не ударил, сдержался, очевидно, не желая снова касаться «холопской морды», пачкать свою дебелую господскую ручку.

– Но теперь в Германии пришёл к власти наш фюрер господин Гитлер, – продолжил говорить офицер, но теперь его голос звучал увесисто, с напором, одновременно с гордостью за свою новую страну и со злорадством о Советском Союзе, который он по-прежнему называл Россией, но уже Советской. Глядя на него, у пограничников сложилось впечатление, что этот без родства и племени человек долго ждал этой встречи с советскими людьми, чтобы всё это высказать им в лицо, при этом не опасаясь быть расстрелянным, как враг народа, или угодить в тюрьму на двадцать пять лет. – День 22 июня 1941 года наши потомки будут помнить вечно, ибо Великая Германия разгромит Советскую Россию, и тогда снова воскреснет наша настоящая православная Россия, все эти годы страдавшая от рук большевиков и евреев. Мы вернём свои поместья и усадьбы, а подлых людишек, предавших свою историческую Родину, повесим на столбах протяжённостью от Москвы до Владивостока. А кому посчастливится остаться живыми, будут вместе со своими щенками работать на нас, как это было в лучшие времена.

– Жила у вас тонка, чтобы одолеть советского человека, – неожиданно подал хриплый прерывающийся голос старшина Петраков,

тяжело дыша, выдувая на губах кровавые пузыри. – Придёт время... а оно придёт, поверь мне. И таких, как ты, обязательно будут казнить на площади, на радость народу. Будь уверен. Вот вам, а не усадьбы! – выкрикнул он, собравшись с силами и, откачнувшись от товарища, вскинул вверх согнутую правую руку, обрубив её левой рукой по локоть. – Уши вам на холодец!

Володя Кривенцев не успел его подхватить, и Петраков упал ничком, уткнувшись лицом в мягкую землю, взрыхлённую взрывом снаряда.

Офицер натужно захохотал, далеко запрокидывая голову, показывая, насколько ему весело; заплывший жирком острый кадык бегал по толстой шее вверх-вниз. Офицер подошёл и пнул носком сапога уже практически бесчувственное тело, сказал, с отвращением выпятив нижнюю губу:

– Через неделю ваш Сталин сбежит из Москвы за Урал. Только наш легендарный разведчик Отто Скорцени найдёт его и там. Не того вы человека себе в вожди выбрали... Сын сапожника не может руководить страной. Его удел – класть заплатки на обувь да пасти скот.

– Ты товарища Сталина не трогай, – угрюмо процедил сквозь зубы политрук. – Ты его мизинца не стоишь. Прихвостень фашистский, предатель трудового народа.

– Что ты сказал, кретин? – взревел офицер, шагнул вперёд, с угрозой заглянул в правый уцелевший глаз политруку. Приблизив своё румяное щекастое лицо едва ли не вплотную к его лицу, на котором не дрогнул ни один мускул, не шелохнулся ни один живчик и даже не изменились черты его грязного, измождённого, но по-прежнему красивого лица, что без слов говорило о том, что политрук Гришин не испытывает перед ним ни малейшего страха, немецкий офицер, дрожа полными губами, отчего его щёточка аккуратных усиков смешно шевелилась, словно усы у таракана, зловеще сказал, отделяя каждое слово: – На колени... стервец. Ты... у меня... мразь... сапоги... сейчас... лизать... будешь...

Не дав ему договорить, политрук весело взглянул на него своим единственным здоровым глазом и, неожиданно подавшись вперёд,

не вынимая рук из карманов, от души смачно плюнул в его холёное, багровое от гнева лицо.

– Другого ты не заслуживаешь, – с наглой ухмылкой объяснил политрук Гришин свой вызывающий поступок.

Жидкая слюна, стекая, замочила чернявые усики растерявшегося в первую минуту офицера, но приглушённые смешки автоматчиков, с любопытством наблюдавших за разговором, которые, по всему видно, предателей тоже не особо жаловали, быстро привели его в чувство. Судорожным движением офицер выхватил из кобуры вальтер и практически в упор выстрелил в грудь Гришину, в то самое место, где билось горячее сердце до конца преданного своей социалистической Родине её верного сына.

Мощный удар отбросил исхудавшее тело назад, опрокинул на спину. Но и умирая, политрук нашёл в себе силы, опираясь на локти, приподняться и ещё раз плюнуть в сторону своего палача, по злому течению обстоятельств оказавшегося соотечественником. Затем локти у него ослабли, парень плотно прижался потной спиной к нагретой солнцем траве, и его голова с русым чубом безжизненно откинулась, упала стриженным затылком в мелкую поросль ромашек и васильков, изо рта бугристым валом выползла чёрная густая кровь.

– Расстрелять! – расшвыряв, отрывисто бросил офицер, потомок русских дворян, который носил теперь новое, придуманное себе имя Христиан Хольмстон.

– Schnell, schnell! – тотчас озабоченно заорали автоматчики и, подгоняя прикладами, повели едва державшихся на ногах пограничников к ближайшей глубокой воронке, взрытой артиллерийским снарядом. – Russische Schweine!

Двое фашистов подхватили под руки беспомощно обвисшее тело старшины Петракова и бесцеремонно поволокли следом. Его голова безвольно свисала вниз, болталась из стороны в сторону, алая дорожка тянулась за ними по траве. Первым и спихнули в воронку тряпичное тело старшины, расстреляв его сверху из автоматов. За ним настал черёд умереть Коли Часовских. Он двигался к воронке

петляющими шагами, по-прежнему держась двумя руками за вспоротый штыком живот. У могилы он с трудом выпрямился, закусив губы от невыносимой боли, хотел было обернуться, чтобы сказать слова поддержки товарищам, но шедший позади него автоматчик с лицом, похожим на собаку колли, что-то крикнул на своём лающем языке и дал по нему очередь в упор. Часовских выгнулся в пояснице, всплеснул руками и свалился в яму лицом вперёд.

– Гнида ты белогвардейская! – успел громко крикнуть рядовой Володя Кривенцев Христиану Хольмстону. – Шакал, питающийся объедками с чужого стола!

От напряжения у него вздулись на шее синие вены. Он покачнулся, собрался ещё что-то крикнуть обидное и злое в адрес предателя, но его быстро ударил один из автоматчиков стволом «Шмайссера» в рёбра с такой силой, что у пограничника от резкой боли перехватило дыхание, он только и смог сделать, что с презрением плюнуть себе под ноги. Раздались разом несколько выстрелов, и Володя Кривенцев, засеменя ногami, обутыми в пыльные сапоги, неловко, как-то боком подвинулся к краю воронки, стенка её обвалилась, и он упал вниз, распластавшись на дне, остро провонявшем сгоревшим порохом.

– Васька, беги! – внезапно заорал младший сержант Серёга Челюстников.

Он стремительно развернулся и кинулся на беспечно шагавшего следом за ним молодого автоматчика. Вцепившись двумя руками в «Шмайссер», Серёга изо всех сил пытался вырвать оружие у фашиста, который от неожиданности хоть и растерялся, но расставаться с автоматом не собирался, потому что тоже вцепился в него двумя руками. Несколько долгих мгновений каждый из противников с переменным успехом тянул автомат к себе.

– Беги, Васька! – опять заорал Серёга, носком сапога ударил солдата в промежность, и пока тот корчился от боли, быстро стянул с него ремень автомата, поспешно открыл огонь по фашистам. – Русской земли вам захотелось? – страшно скалясь, орал он, поливая вокруг себя смертоносным огнём. – Ну так жрите! Сволочи!

Дикий, прямо нечеловеческий крик, резанув в уши Гвоздеву, подстегнул его к немедленному действию. Он с разворота залепил ближайшему немцу в глаз небольшим, но твёрдым, как свинчатка, кулаком, второго ударил сапогом под коленную чашечку и, оттолкнув третьего, проворно сиганул в кусты. Ломая на своём пути сучья, не разбирая дороги, понёсся по лесу с такой прытью, которую за собой не замечал даже на спортивных соревнованиях между заставами. По его лицу немилосердно хлестали упругие ветки, в оттопыренных ушах свистел встречный ветер. Но даже сквозь этот шум он всё же смог на слух определить, что через минуту произошло: вначале перестал строчить Серёгин автомат, потому что у него закончились в рожке патроны, а потом сквозь звуки других выстрелов до Василия донёсся предсмертный крик верного товарища, геройски павшего в бою с превосходящими силами противника. Гвоздев ещё успел подумать о том, что этот щемящий, выворачивающий душу крик будет его преследовать до конца жизни (если ему, конечно, повезёт остаться живым после кровопролитной войны), как вдруг услышал позади грозный, предостерегающий лай немецких овчарок и отдалённые взволнованные голоса автоматчиков.

«Сволочи, живого человека собаками травить!» – сначала отвлечённо подумал Васёк, а потом его мозг, и без того занятый сумбурными мыслями, вдруг опалила другая мысль, настолько жуткая, что он содрогнулся, представив как вскоре его тело станут рвать на части эти злобные твари, натасканные на людей. Не успел он так подумать, как ноги сами собой понесли его быстрее, хотя, казалось бы, уже и сил никаких не осталось.

Он ловко перепрыгнул через поваленный бурей толстый ствол сосны, сбежал по пологому склону оврага вниз, напрасно надеясь найти на его дне хотя бы самый захудалый ручеёк, чтобы, пройдя вдоль него, сбить собак со следа. Но здесь, в низине, хотя и было довольно сумрачно, пахло гнилью и сыростью, всё же ручеёк отсутствовал, лишь росли высокие лопушистые папоротники. Васёк с шумом пронёсся по папоротникам, грудью раздвигая широкие ребристые листья, цепляясь за мокрую траву и влажные осклизлые ко-

ренья, проворно взобрался наверх и снова понёсся по густому лесу, вспомнив, что в трёх километрах отсюда находится глубоководное озеро Кирвиль. Под его крутыми, заросшими вёслами и плакучими ивами берегами можно было надёжно спрятаться и переждать погоню. Беспокоило одно: соревноваться в скорости с собаками, у которых четыре ноги, а не две, как у него, – занятие практически бесперспективное. На секунду даже мелькнула слабовольная мыслишка: забраться на высокую сосну и затаиться в её раскидистой кроне. Только вряд ли обманешь таким примитивным способом собак, которые человека за версту чувят. Поэтому единственным его спасением, несомненно, оставалось озеро.

Гвоздев на бегу оглянулся, пересёк крошечную поляну и сходу вломился в непроходимые дебри. Пробираясь через сухостой, поваленные там и сям сосны, стараясь не наступить на острые, как шило, колки, оставшиеся от сломанных бурей сосёнок и ольхи, пограничник принялся старательно вспоминать карту пятивёрстку, чтобы определить своё местонахождение и выбрать наикратчайший путь до спасительного озера. И лишь когда он миновал густой, топорщившийся, как гребёнка, сухой обгорелый ельник, выбравшись по другую его сторону, где на сто шагов раскинулось зелёное луговое пространство, разделявшее чёрное безмолвие и мелколесье, внезапно вспомнил, что ступил на минное поле. На миг Васёк застыл на месте с поднятой ногой, словно цапля. Но услышав позади приближающийся яростный лай овчарок и увидев две метнувшиеся к нему серые тени, он с отчаянной решимостью кинулся вперёд.

«Уж лучше я на своей пехотной мине подорвусь, – подумал от безысходности, скачками преодолевая опасное пространство, с замиранием сердца ожидая каждую секунду смертоносного взрыва, – чем меня эти твари разорвут». А ещё он подумал о том, что жизнь стоит того, чтобы за неё бороться.

С каждым метром хриплый сап и грозное рычание за спиной становились всё отчётливее, всё ближе становился глухой звук соприкосновения тяжёлых лап сытых овчарок с твёрдой землёй. Васёк не видел, как первая овчарка, догнав его, изготовилась к прыжку. По

её мускулистому телу пробежала нервная дрожь, оно напряглось, и собака, готовая кинуться ему на плечи, пружиняще оттолкнулась от земли. Раздался одновременно взрыв и предсмертный визг.

Неведомая сила тугой волной ударила парня в потную спину, приподняла в воздух. Суматошно размахивая руками, Васёк метров пять пролетел вперёд, затем плашмя упал на землю, зарывшись лицом в траву.

В эту минуту вторая овчарка испуганно отскочила в сторону, тоже наступила на мину, и её взрывом подбросило вверх, разорвало на куски. Сверху на голову Гвоздеву посыпались ошмётки окровавленного мяса и влажного чернозёма вперемешку с дёрном. Васёк потерял сознание.

Глава 3

Вертялая сорока, сидевшая на вершине сосны, стремительно спикировала к земле, где, распластавшись, уже долгое время неподвижно лежало человеческое тело. Опустившись на спину мёртвого солдата (трупы теперь валялись повсюду), она смело принялась по нему расхаживать, громогласно стрекоча на весь лес. Заметив валявшийся на спине небольшой кусок красного мяса с рваными краями, небрезгливая птица прижала его подушечками растопыренных чешуйчатых пальцев к грязной гимнастёрке, стала умело рвать его мощным клювом на мелкие части и жадно сглатывать.

Неожиданно человек зашевелился, и сорока, испуганно чечекнув, поспешно взлетела. Снова расположившись на вершине сосны, время от времени взмахивая крыльями, чтобы удержать равновесие на тонких гибких ветках, сорока с любопытством стала наблюдать за ожившим вдруг человеком, сверху взирая на его беспомощные движения то одним своим хищным круглым глазом, то другим.

С трудом разлепив потяжелевшие, запорошенные сырой землёй веки, Васёк увидел прямо перед глазами серую, с вкраплениями корешков изнанку перевёрнутого дёрна, в ноздри ударил тёплый пряный запах взрыхлённой земли. Несколько мгновений он с недоуме-

нием смотрел на неё, потом перевёл затуманенный взгляд немного вверх: над его головой, влекомые низовым горячим ветром, слабо покачивались метёлки цветущего пырея.

Он смотрел на них, на стебли других травинок, а перед его мысленным взором проплывали до боли родные лица товарищей, которых уже никогда не вернуть. Курил, пыхтя как паровоз, пускал к небу сизый дым старшина Петраков; улыбался рядовой Володя Кривенцев; что-то с воодушевлением рассказывал рядовой Коля Часовских, блестя весёлыми глазами; от души залиvisto хохотал, запрокинув голову, младший сержант Серёга Челюстников; прищурился умные глаза, тая на лице улыбку, внимательно смотрел на него политрук Гришин.

Всё это проплыло перед глазами Гвоздева настолько явственно, что он от бессилия что-либо сделать протяжно застонал; затем, ощерился и зубами прихватил ком земли, принялся с хрустом жевать, чтобы унять душевную боль. Через несколько минут он грязным языком выдавил изо рта слюнявый, изжёванный ком, вытер тылом ладони испачканные губы, опираясь растопыренной пятернёй в рыхлую податливую от взрыва землю, тяжело перевернулся на спину. В голове гудело, монотонно, на одной ноте, как будто пищал комар, только очень громко.

В пронзительно голубом небе неподвижно стояли редкие белые облака, словно скупно раскиданные чьей-то неведомой рукой невесомые рваные лохмотья пушистой ваты. Солнце, перевалившееся на западную окраину небосвода, припекало с такой силой, что у парня мгновенно высохли повлажневшие от воспоминаний о товарищах глаза, сморщились ссохшиеся губы. Васёк медленно облизал их шершавым сухим языком, чувствуя, что с каждой минутой пить хочется всё больше. Он обессиленно прикрыл веки, как будто устал глядеть, и тотчас провалился в звенящее забытьё.

В чувство его привёл новый звук, который ворвался в его сознание рёвом нескольких двигателей. Гвоздев, словно от неожиданного толчка, резко распахнул глаза: шестёрка «мессершмиттов» на бреющем полёте пронеслась над ним, скрывшись где-то за лесом. Спустя немного с той стороны ветер донёс частый, похожий на трещотку стук авиа-

ционных пулемётов и глухие разрывы. Васёк приподнял голову, прислушался, и сразу же память его вернула на несколько дней назад, в тот страшный день, когда фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз...

– Товарищ лейтенант, наряд для охраны Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик построен...

– Вам приказываю выступить на охрану... Вид наряда...

Начальник заставы лейтенант Тюрякин был, как всегда, подтянут, говорил торжественно... и весело. Но как он ни старался казаться перед своими подчинёнными суровым, опытным командиром, его юный двадцатидвухлетний возраст выдавали по-мальчишески звонкий голос и вздёрнутый, как у девчонки-проказницы, нос картошкой. Два месяца назад молодой офицер досрочно окончил Саратовское пограничное военное училище и заметно стеснялся своих подчинённых, которые в большинстве своём были старше него. Для того чтобы выглядеть перед пограничниками мужественно и независимо, он даже отпустил чернявые усики, опускавшиеся краешками на уголки нарочно сжатых плотно губ. Усы ему очень шли, но, к сожалению, солидности всё же ничуть не придавали.

Наряд в составе младшего сержанта Челюстникова и рядового Гвоздева ушёл в дозор на свой участок границы.

Проводив их пристальным взглядом, лейтенант Тюрякин приказал остальным пограничникам занять свои места согласно боевому расчёту. Политрука Гришина он направил на правый фланг заставы, старшину Петракова – на левый, сам остался в центре. Накануне на заставу из отряда прибыл посыльный, вручил пакет от коменданта. В нём капитан Горбанюк приказывал усилить наряды, не сводить глаз с сопредельной стороны, ещё раз проверить, в каком состоянии находятся дзоты, окопы, щели и траншеи.

Летняя короткая ночь, которая в другое время пролетала незаметно, сегодня, в ожидании провокаций, тянулась нескончаемо долго, как глухая дорога в степи. Уже погасли перед рассветом звёзды, набравший с востока свежий ветер качал верхушки высоченных сосен, бесшумно взмахивая крыльями, куда-то пролетели длинноклювые валь-

дшнепы, следом, негромко курлыча, кулики, смутно различимые на фоне светлеющего, с розовым подбоем пористых облаков неба. Широкая, необъятная тишина сковала лесной край.

Тюрякин вышел из своей засады между огромными валунами, заросшими вкруговую кустами орешника, где он таился, наблюдая за стереотрубу за сопредельной стороной, поправил на плече ремень винтовки и направился проверить наряды. Обутый в увесистые хромовые сапоги, он, тем не менее, ступал тихо, практически бесшумно, ни одна сухая ветка, изредка попадавшая ему на пути, не треснула, под ногами не шуршала трава. И всё же подходя к месту, где в засаде находились пограничники, его каким-то шестым чувством заметили, окликнули:

– Вы, товарищ лейтенант?

– Как на той стороне? – шёпотом поинтересовался Тюрякин, опускаясь на траву.

– Ничего подозрительного, – так же шёпотом ответил младший сержант Челюстников, невольно подвигаясь. – Пока тишина.

Лейтенант прилёг рядом. Взял из его рук бинокль, принялся внимательно всматриваться в сомкнутый плотной стеной лес напротив, на расстоянии километра-полтора. Кроны деревьев, курчавившиеся резными листьями, мирно шевелились на ветру, выказывая бледную изнанку, кое-где под подолами раскидистых сосен виднелись коричневые шершавые стволы, в низине клубился белёсый с лёгкий налётом фиолетового цвета полупрозрачный туман. Заметно не было, чтобы на сопредельной стороне что-либо происходило. Покой и умиротворение наблюдались в природе.

Тюрякин с облегчением вернул младшему сержанту бинокль, поднялся на ноги.

– Продолжайте наблюдение, – наказал он уходя.

Вскоре его крепкая, ладная фигура скрылась за деревьями. Пристраивая окуляры бинокля к глазам, опираясь влажными от обильной росы локтями в землю, Челюстников, искоса блеснув на товарища синеватыми белками, сожалеюще сказал осипшим от утренней прохлады голосом:

– Ни днём, ни ночью нашему лейтенанту покоя нет. Они там, небось, дрыхнут, как сурки в норе, а он волнуется, переживает. Всё боится, что опять учинят провокацию. Как думаешь, Васёк, осмелятся они ноне границу нарушить? Или в носу у них не кругло?

– Пускай только попробуют, – многообещающе процедил сквозь зубы Гвоздев и сделал такое зверское выражение на лице с ввалившимися от чрезмерного ночного бдения уставшими припухлыми глазами, что младший сержант не удержался и прыснул, невнятно пробормотал: – Ты эти угрозы прибереги для супостата.

Рассвело окончательно. И как только первые лучи, касаясь макушек деревьев, скользнули с восточной стороны, жёлтым медовым цветом осветив сверху одну треть плотной стены на сопредельной стороне, лес, до этой минуты как будто вымерший, если не считать одинокого голоса далёкой кукушки, оживился разноголосым птичьим гомоном. Теперь уже и без бинокля можно было всё чётко разглядеть на той стороне, где по-прежнему мирно трепетали на свежем ветру листья, морскими волнами колыхалась высокая трава, отягчённая искрившимися каплями росы.

– Напрасно лейтенант беспокоился, – негромко произнёс Серёга Челюстников, отслонил от лица бинокль, тылом ладони приподнял чёрный блестящий козырёк пограничной фуражки, слегка запрокинул её назад. Мерцая в тени деревьев смеющимися глазами, взглянул на Гвоздева, неловко повернув голову, прижимаясь правой щекой к влажной траве. – Днём-то они побоятся сунуться. – И зашёлся довольным глуховатым смехом, вздрагивая крупным телом. – Я же говорю, в носу у них не кругло.

Встретившись с ним взглядом, Васёк тоже засмеялся, щедро выказывая ровную подковку кипенно-белых молодых зубов. Он лежал, широко разбросав ноги, держа перед собой пятизарядную винтовку Мосина с примкнутым штыком. Поглаживая с любовью и видимым удовольствием отполированный сотнями рук приклад, сказал:

– Слабаки они супротив нас.

Младший сержант Челюстников утвердительно кивнул:

– Верное слово.

Смахнув ладонью прилипшую к отлежавшей щеке мокрую травинку, он взял бинокль, снова принялся внимательно разглядывать участок леса на противоположной стороне. Васёк вздохнул и тоже устремил свой взгляд на ту сторону, до рези в глазах всматриваясь в кроны деревьев, отмечая для себя даже самое малое изменение в природе.

Заслышав через несколько минут странный басовитый звук, который, нарастая, приближался, превращаясь в низкий густой гул, хватающий своим противным завыванием за душу, он локтем толкнул товарища:

– Слышишь?

Челюстников опустил бинокль, прислушался.

– На самолёты похоже.

Пограничники поспешно подняли головы, настороженно шаря глазами по небу. Не прошло и минуты, как из-за леса появилась армада немецких бомбардировщиков с чёрными крестами. Их было столько, что они своими грозными крестообразными тушами закрывали едва ли не всё небо, которое мигом стало не мирным и голубым, а мрачным, словно на восток внезапно надвигалась огромная тёмная грозовая туча. Они шли мощным строем, нагоняя страх на всё живое не только в небе, но и на земле.

– Один, два... тридцать восемь... семьдесят пять... сто двадцать... двести один, – младший сержант сбился со счёта и матюгнулся, что для него было несвойственно. – Неужели война, Васёк? – спросил он осекавшимся голосом, объятый тревожным ожиданием, продолжая завороченно глядеть в небо, где непрерывной лентой двигались самолёты, и которым, казалось, не будет конца.

Гвоздев долго сглатывал застрявший в горле сухой ком. Еле справившись с ним, он в смятении чувств с трудом выдавил прыгающими, серыми от волнения и тревоги губами:

– М-может, провокация?

– Н-не похоже, – глухо ответил Серёга Челюстников, который ещё не знал, что жить ему отмерено судьбой всего ничего. – Это война, Васёк, – сказал он через минуту обречённо. – Ты бы метнулся к Прухину на наблюдательный пункт, пушай он свяжется с дежурным по заставе.

Не поднимая головы, Гвоздев немного отполз назад, поднялся и проворно побежал, скрываясь за деревьями. У подножья трёх высо- ченных сосен, на вершине которых была оборудована площадка из тё- санных плах, где круглосуточно находился пограничник с телефонным аппаратом, он остановился. Дыша часто и отрывисто, запрокинул голову; придерживая рукой фуражку, негромко свистнул, подражая иволге: «Фтиу-лиу, фтиу-лиу!» Ветки, маскирующие вышку, тотчас раздвинулись, и оттуда выглянула озабоченная физиономия погра- ничника.

– Прухин, – взволнованной скороговоркой зачастил низкорослый Васёк, непроизвольно подпрыгивая от нетерпения, – немедленно свя- жись с заставой, узнай, что происходит. Очередная провокация или уже и вправду война? Да не тяни время, чёрт этакий, скорее звони!

Между тем с той стороны, куда нескончаемым потоком двигались самолёты, донеслись приглушённые расстоянием выстрелы. Это от- крыла заградительный огонь зенитная батарея старшего лейтенанта Комлева.

– Слышал? – не таясь, сверху заорал ефрейтор Прухин, страшно вы- катив белки и без того выпученных от рождения глаз, бешено вращая тёмными зрачками. – Война это! Понимаешь? Война! Я уже связывался с лейтенантом Тюрякиным!

В просвет между кронами Васёк заметил, как один из самолётов, внезапно отделившись от строя, стал пикировать на разделительную полосу границы. Не прошло и несколько секунд, как из подбрюшья бомбардировщика, словно большие чёрные капли, вниз посыпались бомбы. Они с пугающим свистом приближались к земле.

– Бомбы! – истошно завопил Гвоздев и, не медля ни секунды, мет- нулся к вырытой у основания могучего дуба открытой щели. С разбегу прыгнув в неё, он плотно прижался спиной к прохладной земляной стене; сжавшись в комок, охватил голову руками, с ужасом и тоской дожидаясь взрывов.

Через мгновение крупно вздрогнула земля под ногами, зашевели- лись, словно живые, стенки укрытия, сверху посыпался за шиворот су- хой лесной суглинок, мерзко холодя потную кожу. Васёк нагнулся ещё

ниже, невольно затаил дыхание, чтобы казаться незаметнее. В какой-то момент ему даже захотелось провалиться сквозь землю, так вокруг грохотало, сея наверху смерть и разрушения. Неожиданно наступила гнетущая тишина. Переждав некоторое время, Васёк с опаской выглянул из своего убежища: на том месте, где минуту назад росли три сосны и находилась пограничная вышка, зияла глубокая, сизо дымившаяся воронка. На её взрыхлённом, почерневшем от разрыва авиабомбы краю валялись кирзовые сапоги, из рваных голенищ торчали окровавленные ноги, оторванные до колен. Труп самого же Прухина не было видно. То и дело сглатывая пересохшим вдруг горлом, напрасно дёргая кадыком, Васёк заторможенно повёл вокруг потемневшими от тоски и боли глазами, страшась увидеть всё остальное. Вскоре его потухший взгляд наткнулся на правую руку ефрейтора, которая валялась в траве неподалёку от воронки. Смуглая кожа на руке была тёмной от грязи и пороха, отчего выглядела неестественной, словно искусно сделанной из ненужных старых тряпок.

Это была первая смерть товарища на войне, которая произошла практически на его глазах. Она настолько потрясла парня, что он надолго замер, не сводя замороженного взгляда с человеческих останков. Прошло минут пять, прежде чем он пришёл в себя. Вытерев тылом ладони дрожавшей от волнения руки сочившийся по лицу пот, Васёк с трудом выбрался из щели, огляделся по сторонам и было направился к оставленному в дозоре Серёге Челюстникову, как внезапно по ним ударила дальнобойная гаубичная артиллерия противника. С противным воем, с шорохом вспарывая тугой прохладный воздух, невидимые снаряды стремительно неслись на территорию Советского Союза, с грохотом разрывались, с удивительной частотой вздымая землю.

Васёк вздрогнул, круто развернулся на одних каблуках и стремительно скатился в спасительную щель. Забившись в угол, он, как и давеча, замер, на всякий случай выставив перед собой винтовку с примкнутым к ней штыком. Но теперь ни в его облике, ни в его горячем сердце не было того первозданного страха, который он испытывал минуту назад, когда в первый раз попал под бомбёжку. Что-то в характере пограничника неуловимо изменилось.

Наталья ДЖУРОВИЧ

Перебираю соцветия – цветок к цветку

Стихи

Дед

Герой в летах, в окладе бороды,
Идет по кромке вспененной воды,
В камнях свои прокладывая тропы.

Тут живописный берег, там – пейзаж.
У дедушки давно «пейзажный стаж»,
Да только чаще был пейзаж окопный.
Как будто в латах в космах он седых
И, слава Богу, ходит на своих,
И всё ещё как будто на подхвате.
Проверку полигонами прошёл,
И в лёгких воздух дышит – хорошо!

2.

Поберечь бы головы вам впредь,
Чтоб не стали порченным товаром.
Мы не только косами звенеть
Можем и косить – не только травы.
Ты чужих подсолнухов не рви,
Не топчи в чужой земельке зёрен,
Выстеганным будешь до крови
И своей же шелухой оплёван.
А не то тебе же на беду
Вырастут, затоптаны стократно,
Да такую мощную грядку
По груди твоей проложит трактор!
Неспроста подсолнухи цвели,
Колотушками играли дети.
Ведь впитались в плоть родной земли
Кровь и пот дядь-Васи и дядь-Пети.
Не задаром бабушка моя,
Прозванная за красу «чубарой»,
Ездила в суровые края
С выстраданным, взрощенным товаром,
Боль и страх за пазухой тая.

Коля

Выжив после танкового боя,
Не сдалось родное деревцо,
И луганский мальчик из детдома –
Это новый Николай Рубцов.

Ветром надувается рубашка,
Сноса нет, нерасторжима связь.
Коля петь захочет о ромашках,
Над тетрадкой школьной наклонясь.

Жизнь пройдёт, гармонь своим уроком
И страдать научит, и терпеть.
Отзовётся Коле Заволокин –
Одному всех бед не перепеть.

Слышишь, гулкой песней кто-то славит
Мира долгожданного творцов.
Ветер это? Мальчик? Или память?
Или снова – Николай Рубцов?..

* * *

«Бродяга, судьбу проклиная...»

«Вот это виды! Каково!» –
Котомка с буквой «V» заплечная.
Бродяга, дав чистосердечное,
Идёт с сумой на СВО.

На автотрассе «Еланцы»,
Вблизи Куркутского залива,
Высматривает перспективу
Для тех, кто наложил в штанцы.

Они – «особый контингент».
Вновь актуальны «ОзерЛаги».
Двуцветные облезли стяги –
Не тот пошёл «интеллигент».

Не поп, не Ваня, не Эфрон,
За что боролся – не узнает.
Он, видно, перепутал фронт,
А правда вышла – не смешная.

А правда – наша! На крови.
Запомни, если кто не знает.
Идёт бродяга с буквой «V»,
Судьбу и «ридну» проклиная.

* * *

Простор и ширь веками скорби стоили,
И я боюсь, что на полях умру.
Мне слышен над оврагом, возле стойла,
Рябиновый акафист на юру.

Как много тех, кому потребна исповедь –
Не от больших грехов – от многих слёз.
А как лечили сердце своё испокон?
Да только так – под шелестом берёз.

Судьба страны – как нить берёзок тянется,
Стократно перевязанная нить...
Рассказывала бабушка-печальница,
Как страшно младших братьев хоронить...

* * *

Зарождалась жизнь в пещерном брюхе,
Не была пещера ей мала...
На пригорке в ветхой развалюхе
Бабушка безродная жила.
Сердце её было необъятно,
Как до революции поля,
Говорила тихо и невнятно,
Забавляла нас: «Каля-маля!»
В двух шагах от старых, ветхих брёвен
Высилась крапивой благодать.

Поведёт старуха Анна бровью:
«Щё-то ягод нынча не видать...»
По углам, как в старой доброй сказке,
По сусекам поскребёт – и вот,
Не прося ни хлеба и ни ласки,
На порог наш посидеть идёт.
Находила где для нас гостинцы?
– Точно ангел дал ей из горсти.
Мы к тебе слетались, словно птицы,
На твоём на ангельском пути.
Чем богаты, тем кормить и рады
Эту Анну бабушка и мать...
Схоронили прямо у ограды –
Что ж, ходить поближе поминать.
Так в миру страдает гость незванный.
Но несёт как дар из хрусталя
Божия раба старуха Анна
Крендель да своё «каля-маля».

* * *

Сын заснул с капризами, за полночь –
Я всё пела, пела с хрипотцой.
И тогда пришёл ко мне на помощь
Грустный мальчик, Николай Рубцов.

Каждый шаг ко сну ребёнка – бдение,
Взгорье, холм, покатый бугорок.
И какие тихие видения
Ты тогда для встречи приберёг?..

Сёмушку, Николу и Алёшеньку
Успокоить некому порой,
Сны их под завалами раскрошены,
Смыты не морской – взрывной волной.

Спи, сынок, учусь скрывать тревоги я,
И лишь с книгой ими я делюсь.
Вот глядит опять она, убогая,
Со страниц, моя Святая Русь,

Где всё больше колыбелек брошенных
И до срока выросших парней:
Николаев, Сёмушек, Алёшенек –
Из гранита, бронзы и камней.

Нет, не завтра состоятся проводы,
Спи, мой сын, Россия велика.
Спишь под одеялом ты суконным,
И Сухона – движется река...

Ноет сердце, как ребёнок крутится,
Рвётся, как в траве речная нить.
Рвётся сердце – мальчика приютского,
Коленьку,
Усыновить.

* * *

Стояла одиноко и ждала,
Когда другая рядом восхолмится...
Обычная тамбовская земляца,
Мне было здесь предписано родиться,
И вот – стоят теперь, как два крыла,
Раскинутые с севера на юг,
Крестов резных надтреснутые брусья.
Здесь, только здесь так остро пахнет Русью,
Сырой землёй и болью от разлук.

Был за оградой прежде огород,
На нём работа день и ночь кипела.
Но умершее огорода тело
Теперь в себя берёт – за родом род.
За рядом ряд. Растёт трава, чтоб таять.
Шуршат венков поблёкшие цветы.
И как цветок сюда приходишь ты,
Живая, подрастающая Память.

Ты вслушаешься в эту тишину,
Прадедушке расскажешь про войну,
Где непременно победили наши.
Тебя по праву внучки обниму,
И ты поймёшь, что в цвет травы окрашен
Твой самолёт, и маме он не страшен –
Благодаря ему!

* * *

Перебираю соцветия – цветок к цветку.
Как полотнище – плащ-палатку тку.
Чтобы цветы с кипятком заваривать,
Как эликсир вам давать от аварий –
На М-7, на АЭС, крымских мостах,
В самых опасных, холодных местах.
Рву-собираю да приговариваю,
Слова молитвы как чай завариваю.
Полынь с чабрецом, и горит свеча:
Молитва вечерняя, строчки да чай.
Снова цветок к цветку, венки –
Не на кресты – на чело вам, сынки!

Елена ЗАЙЦЕВА

Пока горит окопная свеча

Стихи

Георгиевская лента

Чтоб защитить свою семью, отца и мать,
Идут мужчины за Отчизну воевать.
Им ордена даны за ратные труды,
За тяжкий путь в огонь и дым, огонь и дым.
Цвет ленты орденской напомним о войне,
Горящей ночи и тревожном чёрном дне.
Она сама – как отражение беды,
Как тень войны – огонь и дым, огонь и дым.
Который век, Святым Георгием ведём,
Российский воин защищает мирный дом.
В борьбе со злом он славен подвигом своим.
К победе сквозь огонь и дым, огонь и дым!

Держитесь, парни, пусть вам в битве повезёт!
Тем, кто прошёл её пылающей стезёй,
Ещё рассказывать об этом молодым –
Про жизнь и смерть, огонь и дым, огонь и дым.
Во все века пусть будет проклята война!
Пусть только в памяти останется она.
Нам не забыть и не стереть её следы –
Огонь и дым, огонь и дым, огонь и дым.

Августовские звёзды

Лелеет нежный август яблоки на ветках,
Закаты пламеннее, холодной роса.
И лета, жарко отгоревшего, приветы
Тревожным взглядом замечаешь в небесах.
Там звёзды светом налились, их только тронешь –
Точь-в-точь плоды земли, созревшие в садах.
Качнётся в небесах и упадёт в ладони
Душистым яблоком горячая звезда.

* * *

Паденье в осень – как полёт
Без парашюта и страховки.
Без сожалений и рисовки
Уходит лето в прошлый год.
Паденье в осень – ветра свист
В ушах от скорости потери.
В зенит захлопнутые двери,
Багровый календарный лист...
Паденье в осень... На ветру
Кленовой пятерни прощанье –
Небрежным жестом, обещаьем
Вернуться в мае поутру.

Тревожно сердце засбоит
На разогнавшихся качелях.
Закружат в будущих метелях
Снега-предчувствия твои.
Паденье в осень – без надежд
На завершение полёта.
Несостоявшееся что-то
Вот-вот предстанет без одежд.
И станет жаль, и станет больно...
Сердечный ритм перехватив,
Сквозь сон услышанный мотив
К утру забудется невольно.
Паденье в осень... Не спеши.
В поспешности немало боли.
В плену невыученной роли –
Порывы раненой души.
Вот-вот настанут холода,
Замёрзнет память лёгкой зыбью.
Смиренье – маленькая гибель...
Паденье в осень – навсегда?

Февральский лес

В пушистой хвойной пряже спицей
Луч солнца холодно блеснёт.
Тетенькнет звонкая синица,
Сосна высокая качнёт
Приветно, сонно лапой снежной.
И воздух сумрачный лесной
Чуть уловимо, тонко, нежно
Запахнет будущей весной.

Примавера

Два-три солнечных дня – снова зябкая хмурость,
Словно тёплый апрель далеко впереди.
Будто, время тесня, осень в город вернулась
И не хочет никак из него уходить.
Ожиданьем живёт город сонный и серый –
Ожиданьем весны, предвкушеньем тепла.
На подмостки его вместо Вас, Примавера,
По-хозяйски, всерьёз непогода пришла.
Ваш чудесный дебют, несравненная прима,
Пеленой облаков утаён от меня.
Ну, хотя бы, когда Вы проходите мимо,
Подарите ещё два-три солнечных дня!

Скрипка Амати

Легковесна занавеска
В низком цокольном окне,
И с ключом скрипичным фреска
На пустующей стене.
Там, под сводами подвала,
В потаённой тишине
Скрипка трепетно звучала
В давней-давней той весне...
Сердце дрогнет в такт сонате,
Птицу-память оживит.
Плачет детище Амати
О несбывшейся любви.
Мягкий свет из узких окон
Чертит по полу узор.
Тонкий пальчик крутит локон,
Карих глаз задумчив взор.

На ресницах тают слёзы,
Дрогнет кисточка в руке.
Вот она, твоя заноза –
В двух шагах и вдалеке.
Всей волшбы твоей не хватит –
Хоть зови, хоть не зови...
Плачет детище Амати
О несбывшейся любви...

* * *

Поезда длинный хвост
Будет потом, потом.
Сладко зевает мост
Хищным зубастым ртом.
Это не ночь – сплошной
Шитый дождём рассвет.
Это не сон, а твой
Вечный вопрос – ответ.
Мне помолчать с тобой,
Ветра успеть глотнуть,
Встретить рассвет с Невой,
В поезд – и в дальний путь.

* * *

О, не молчи! Страшней всего
Мне немоты твоей проклятье,
Души, изорванной, как платье,
Бессмысленное естество.
О, не молчи! Не оставляй
Меня в пустых ночах без света.
С безмолвным криком без ответа
Уходит из-под ног земля.

Где голос, что упорно звал
И напевал чуть слышно строки,
Мне в тишине давал уроки,
Раскрыв начало всех начал?
Ты щедро предлагал ключи
От кладовых, пока сокрытых,
Неведомых, полузабытых...
Прошу тебя: о, не молчи!

* * *

Пока горит окопная свеча,
Очерчивая круг тепла и света,
Летящая в безмолвии планета
Ещё жива, жива и горяча.
Горит в ночи окопная свеча,
Любовью бесконечной согревая,
И память поколений – нить живая –
Соединяет нас, в сердца стуча.
И не имея права пренебречь
Чужой бедой, и гибелью, и болью,
И небом, что кровит не над тобою, –
Своей душе и Богу не перечь.
Пока стремимся к правде изначальной,
Пока не снята дьявола печать,
Горящая окопная свеча
Лишь только б не сменилась поминальной.

Михаил БЕЛЫХ

Герой Советского Союза Николай Бобин

Военно-исторический очерк

Имя на обелиске

Долгие годы в нашей стране День Победы был обычным выходным, а в некоторые годы и рабочим днём. И только накануне 20-летия окончания Великой Отечественной войны стали задумываться о придании этой дате статуса всенародного праздника.

Накануне той знаменательной даты все газеты – от центральных до районных – публиковали воспоминания ветеранов, заметки краеведов, посвящённые малоизвестным страницам Великой Отечественной. Не осталась в стороне и городская газета «Мичуринская правда».

Историей Героя Советского Союза Николая Бобина (1914–1943), похороненного на территории воинского мемориала возле мичуринского аграрного университета, заинтересовал учёный-филолог Василий Попков. Герой-лётчик не местный уроженец, чем знаме-

нит, почему похоронен в Мичуринске? Этими и другими вопросами молодой педагог задавался не раз. Ответы на них он и решил найти.

Рыбинск – родина героя

В далёком 1964 году Василий Попков трижды посылал запросы о неизвестном для Мичуринска герое-фронтовике в Рыбинский горвоенкомат – место его призыва. На родине, полагал молодой учёный, должны знать о подвиге земляка и о том, где он похоронен.

Вскоре Василий Попков получил письмо от заведующей школьным отделом Рыбинского горкома комсомола Людмилы Забелиной. В своём письме она сообщила, что Николай Бобин их земляк и мичуринский запрос передан совету дружины городской восьмилетней школы № 42.

Как следует из материала, опубликованного в «Мичуринской правде» летом 1965 года, рыбинские пионеры увлеклись сбором материалов о герое, связались с его сестрой Анастасией Алексеевной Богдановой, у которой долгие года бережно хранились личные вещи брата-фронтовика. Так жители Мичуринска смогли узнать историю подвига военного лётчика, командира отряда 53-й авиадивизии дальнего действия, Героя Советского Союза Николая Бобина.

Крылья Родины

В Ярославской области на берегу реки Сить стоит деревня Петраково. Там Николай Бобин родился и окончил семилетку. Потом работал кочегаром и слесарем силовой установки на рыбинском машиностроительном заводе, обучался в вечерней школе и планерном кружке Осоавиахима, затем на отделении пилотов в местном аэроклубе.

К началу Великой Отечественной войны Николай Бобин был зрелым, опытным командиром, получившим боевое крещение в советско-финской войне, кавалером медали «За боевые заслуги». Там, на Карельском перешейке, в сводной эскадрилье бомбардировщиков-ночников раскрылся его лётный талант.

Выполнено на отлично

В годы Великой Отечественной войны экипаж капитана Бобина неоднократно вылетал на боевые задания по уничтожению вражеских самолётов и складов с горюче-смазочными материалами. Безусловно, все ночные вылеты были опасны: зачастую на аэродром бомбардировщик возвращался с пробитыми баками и повреждённым рулевым управлением.

В октябре 1941 года экипаж Бобина производил доставку танкеток под Мценск. Причём боевые машины вместе с экипажами сбрасывались без парашютов во время захода на посадку, а самолёт не касаясь земли, уходил в воздух. В ноябре 1941 – январе 1942 года в составе полка участвовал в доставке грузов и продовольствия в осаждённый Ленинград.

Боевые подвиги Николая Бобина и его героического экипажа зачастую находили отклик в местной прессе. Вот что писала «Рыбинская правда» в феврале 1942 года: «Возле станции Н. немцы сосредоточили запасы горючего. Восемнадцать армейских складов горючего, эшелонов с бензином и нефтью зорко охранялись немцами. Однажды ночью Бобин, как заместитель командира эскадрильи, получил приказ – взорвать склады во что бы то ни стало. Задание командования было выполнено на отлично. Пылающая нефть растеклась во все стороны. Пожар бушевал восемь дней. Огромный урон понесли немцы в результате этого налёта советских бомбардировщиков».

Ночной бомбардировщик

Грозный ТБ-3, на котором летал экипаж Николая Бобина, навёл ужас на врага в районе Орла, Брянска, Курска, Белгорода, Харькова, Касторного.

Как указано в наградном листе героя-лётчика, за первый год Великой Отечественной войны он совершил 127 ночных боевых вылетов, все задания командования выполнил успешно. Из них 80 вылетов Николай Бобин совершил на проведение бомбардировок объектов в

глубоком вражеском тылу, 15 вылетов – на разгром фашистской авиации на аэродромах, 30 – на выброску десанта и боеприпасов.

Родина высоко оценила подвиги советского лётчика. В декабре 1942 года Николай Бобин был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Последний полёт

В ночь с 15 на 16 мая 1943 года экипаж гвардии капитана Николая Бобина выполнял задание по бомбардировке железнодорожной станции Снежецкая в районе Брянска. После выполнения задания самолёт возвращался на аэродром в Мичуринск, но в районе станции Телегино (близ Ельца) был атакован двумя вражескими истребителями: оба мотора советского бомбардировщика получили повреждения, а командир Николай Бобин и бортовой техник Иван Марков – ранения.

«С первого захода вывели из строя второй мотор и, как потом выяснилось, повредили первый (оба – на одном крыле!), – вспоминал впоследствии штурман экипажа Леонид Агеев. – Ночь была лунная, и нас хорошо было видно. А экипаж в том вылете у нас был сборный, не слётанный. Хвостовой стрелок, второй лётчик и борттехник первый раз в нашем экипаже летели; помборттехника – из наземных специалистов, вообще первый раз в воздух поднялся. Если бы экипаж был наш, постоянный, мы бы в подобную ситуацию не попали. Да и стрелки, если бы не расслабились после отхода от цели, могли бы истребители заметить.

Со ШКАСами¹ нам бы пришлось плохо, но Иван Зарезаев своим УБТ² «Мессершмитты» отогнал, со второй атаки они уже стреляли не прицельно. Пустили очередь – и та мимо прошла. Ваня Зарезаев огонь вёл – весь самолёт дрожал: чувствовалась сила оружия!

Когда нас атаковали, я увидел трассу и подумал, что это со стан-

¹ ШКАС – 7,62-мм авиационный скорострельный пулемёт Шпитального-Комарицкого.

² УБТ – Универсальный пулемёт Берёзкина.

ции Телегино по нам стреляют. И тут у меня на пульте боковой наводки загораются три лампочки. Обернулся и вижу, что второй лётчик Юра Волков мне руками показывает: «Стреляй!» Я – к пулемётам, но увидел только хвост истребителя. Спустился назад к себе в кабину. И опять заметил моргание лампочек. Открыл дверь, чтобы выйти на мостик, и вижу, что Коля (Николай Бобин) сидит на ступеньке, держится рукой за штурвал перестановки стабилизатора, и голова опущена. Я думаю, что он уже собирался ко мне идти отдохнуть, и если бы в момент атаки не встал со своего места, то, скорее всего, остался жив.

Перенёс его к себе в кабину. Никак не могу рану у него найти: воротник весь кровью пропитан и... светится. Видимо, с разбитого прибора фосфор на его воротник осыпался».

Агеев бросился за аптечкой. В центральной части фюзеляжа на своём рабочем месте увидел раненного в спину борттехника: оказал ему первую помощь. «Из аптечки взял йод да бинты, вернулся в свою кабину, “переноску” зажёл и вижу, что у командира выражение глаз изменилось. И кончики ногтей синеть начали. Мёртв был уже».

«В это время у меня на пульте опять загораются три лампочки: второй лётчик, Юра Волков, вызывал к себе. Подложил Коле под голову свой парашют и пошёл на мостик. Юра показал рукой на командирское место – просил помочь в управлении самолётом. Пригодились теперь мои лётные навыки. Занял место командира. Хорошо, что мы с Колей были одного роста – педали подгонять не требовалось», – вспоминал Леонид Агеев.

Из-за повреждения двигателей в воздухе создавался разворачивающийся момент. Чтобы скорость полёта не упала ниже критической, экипажу пришлось добавить оборотов первому мотору, у которого, как позже выяснилось, был пробит водорадиатор. После линии фронта лётчики, чтобы не подвергаться излишнему риску при атаках истребителей, шли на высоте всего 200 метров.

Впереди показался Мичуринск, близ которого располагался аэродром 7-го полка. В это время на мостик выбежал помборттехника и сообщил, что крайний левый мотор перегревается и может закли-

нить. Если бы это произошло в воздухе, самолёт рухнул бы на город.

«Стали блинчиком разворачиваться в обход города. Самое неприятное было то, что разворот приходилось производить в сторону неработающего мотора», – делился воспоминаниями Агеев.

Подходя к аэродрому, полагалось дать красную ракету – сигнал о том, что самолёт терпит аварию. Но штурман, это делавший, управлял самолётом. Может, потому находившиеся на аэродроме не поняли тех манёвров, которые проделывал подбитый врагами тяжёлый бомбардировщик.

Николай Бобин считался мастером пилотажа, заходивший же на посадку ТБ-3 шлёпнулся на полосу с высоты около одного метра. Левый крайний мотор моментально заглох, и корабль, разворачиваясь в левую сторону, покатился в направлении стоянки самолётов. Лишь чудом он не врезался в находившиеся на аэродроме бомбардировщики...

Память

Похоронили Николая Бобина в Мичуринске на братском кладбище героев гражданской и Великой Отечественной войн.

В подшивках газеты «Мичуринская правда» сохранилась заметка, посвящённая этому событию.

«...Утром 16 мая 1943 года у драмтеатра, где был установлен гроб с телом лётчика, собралось много жителей города Мичуринска. Они слышали, что этот человек проявлял чудеса героизма, не раз летал в осаждённый Ленинград, сбрасывал жителям продовольствие и медикаменты, беспощадно уничтожал врага под Сталинградом и Орлом и уже в 1943 году, находясь в авиации дальнего действия, летал вглубь Германии, выполняя задания командования. В почётном карауле у его гроба стоят его воспитанники. Близкие друзья в 15:00 берут гроб на плечи и несут на могилу, на площадь, где покоятся борцы за дело революции».

Спустя годы память о лётчике бомбардировочной авиации даль-

него действия Герое Советского Союза Николае Бобине продолжает жить. Его имя занесено в областные энциклопедии и справочники, на мичуринском мемориале установлен памятный постамент.

Имя Героя высечено на памятнике на Аллее Славы в городе Рыбинске, а на здании педагогического колледжа (бывшей школы № 2), где учился Николай Бобин, установлена мемориальная доска.

При подготовке материала использованы публикации газеты «Мичуринская правда» от 15 мая 1943 года и 11 июня 1965 года, а также статья В. Раткина: Командир корабля Николай Бобин и штурман Леонид Агеев. – Мир Авиации, 1994, № 2.

Станислав ЧЕРНЯК

Субботины

Военно-исторический очерк

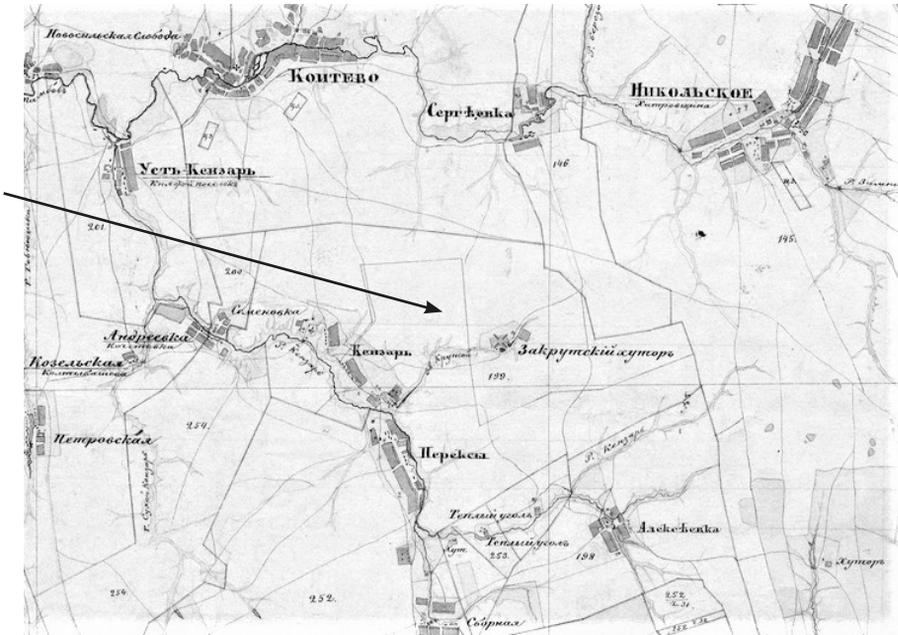
*Посвящается моим героическим дедам
по материнской линии:*

Субботину Александру Фёдоровичу (1914–1979),

Субботину Ивану Фёдоровичу (1918–1992),

Субботину Леониду Фёдоровичу (1922–1944)

На берегу Крутого ручья, весело и звонко несущего свои воды в речку Кензарь, уютно расположилась деревня Крутая Вершина. До революции носила она название Закрутская (именно так она обозначена на карте Тамбовского уезда 1883 года). На более ранней карте 1862 года, составленной командой известного российского картографа генерал-лейтенанта Александра Ивановича Менде (Мендта) по заказу Русского Географического Общества, Военно-топографического депо Главного штаба и Межевого ведомства для исправления планов генерального межевания, созданных ещё в начале XIX века, населённый пункт и вовсе указан как Закрутский хутор.

Карта А.И. Менде 1862 года.

По епархиальным сведениям, в 1911 году было в деревне 95 дворов, проживало 287 мужчин и 291 женщина. И вот в одном из этих дворов, ничем не выделявшимся среди прочих, проживала большая семья Субботиных. Глава семьи – Фёдор Кондратьевич, его супруга – Ефросинья Гавриловна и шесть их детишек: три брата – Александр, Иван, Леонид, и три сестры – Марфа, Екатерина и Нина. Ефросинья – от греческого «euprosupe» – радость, веселье, да только веселия было мало, ибо, спасаясь от тягот жизни и вечной нужды, подружился глава семейства с «зелёным змием» и даже, несмотря на суровый нрав супруги, частенько злоупотреблял и терял над собой контроль. Бывало, поедет Фёдор в Рассказово продавать овощи, а домой к назначенному времени не возвращается, и только когда стемнеет, умная и послушная лошадка привозит его почти бездыханное тело на телеге домой.

Родился Фёдор Кондратьевич в 1889 году, был крестьянином, потом ушёл солдатом на Первую мировую войну, после которой вновь вернулся в родную деревню, где и пережил вместе с семьёй лихие годы гражданской войны. Обычная история того времени, судьба миллионов. Да вот только ушёл Фёдор Кондратьевич рано, загубив себя тяжёлым крестьянским трудом и беспробудной пьянкой. Мне сложно назвать точный год его смерти, примерно начало 1930-х, то есть умер он довольно молодым человеком – сорока с небольшим лет. Сейчас даже тяжело представить – насколько было трудно Ефросинье Гавриловне поднимать одной своих чад. Благо старшие дети уже подросли и в меру своих сил старались помогать матери по хозяйству.

*Субботин
Фёдор
Кондратьевич*

В 1935 году Александра призывают в армию, а двадцатитрёхлетняя Марфа выходит замуж за гостя Тамбовщины, приехавшего из солнечного Узбекистана, случайно познакомившись с ним в Рассказово. Новоявленный супруг увозит её в Бухарскую область Узбекской ССР, откуда она шлёт письмо матери, приглашая её с детьми переехать поближе к ней, расхваливая тёплую погоду, обильную еду и разнообразие фруктов.

Так семья Субботиных на время оказалась в посёлке Хаудаг Сурхандарьинской области. Рабочий посёлок около одного из первых нефтяных месторождений возник совсем недавно. Из первой пробуренной скважины глубиной 187 метров в феврале 1934 года внезапно забил фонтан нефти, да какой – 130 тонн в сутки, к декабрю 1934 года объём нефтедобычи увеличился ещё в шесть раз. Срочно нужны были рабочие руки. После армии сюда приезжает и сын Александр, который, устроившись работать водителем и

получив первую солидную зарплату, приглашает в Хаудаг молодую жену Марусю с маленькой дочкой Валентиной. Жизнь в Хаудаге, помимо описанных ранее Марфой преимуществ, имела и отрицательные моменты. Дикая жара, песок, который во время частых песчаных бурь буквально засыпал жилища, несмотря на плотные шерстяные одеяла, которыми затыкали окна. Змеи, скорпионы, фаланги, тарантулы...

Для молодой Маруси главным наказанием было отсутствие ароматной тамбовской картошки и свиного сала, на котором она обожала её жарить. Ржаного хлеба, понятно, тоже было днём с огнём не достать. А потому в 1940 году семья Александра и Марии возвращается назад на родную Тамбовскую землю, а точнее – в село Покрово-Пригородное по приглашению бывшего сослуживца Александра Фёдоровича. Глава молодой семьи получает работу водителя грузового автомобиля в песчаном карьере. В Узбекистане остаются Ефросинья Гавриловна с младшим сыном Леонидом. К этому времени Иван уже был призван на службу в армию. Он служил в конной артиллерии на территории современной Украины, где его и застала Великая Отечественная война. Старший брат Александр был мобилизован в конце июня 1941 года, в первые дни войны.

*Субботин
Александр
Фёдорович*

Александр Фёдорович начал войну рядовым в составе 55-й механизированной бригады, которая позднее приказом НКО № 14 от 09.01.1942 г. была преобразована в 12-ю гвардейскую механизированную бригаду. Всю войну он прошёл водителем советской боевой машины реактивной артиллерии БМ-13 (ЗИС-6) («Катюша»). Водителей «катюш» называли смертниками. После реактивного залпа позиция подвергалась шквальному огню со стороны немцев, необходимо было срочно сниматься и менять местоположение. Машины часто застревали, и сделать это порой было очень сложно.

БМ-13 – наиболее массовая советская боевая машина реактивной артиллерии периода Второй мировой войны. В России широко известна под народным прозвищем «Катюша», солдаты нацистской Германии называли её «орган Сталина» из-за звука, издаваемого оперением ракет. Ещё в 1939 году советским конструктором Владимиром Николаевичем Галковским было проведено усовершенствование и создана установка МУ-2 с 16-ю направляющими, которая после успешных испытаний и была принята на вооружение под названием БМ-13 («боевая машина, калибра снаряда 13 см»). В этом же году в закрытом НИИ-3 были разработаны 132-мм реактивные осколочно-фугасные снаряды М-13, созданные на базе реактивных снарядов для авиации РС-132 класса «воздух-земля» и РС-82 класса «воздух-воздух». К концу 1942 года разрабатывается более мощный и дальнобойный реактивный снаряд М-31. В апреле 1944 года на вооружение был принят реактивный снаряд М-31УК.

ЗИС-6 – советский трехосный (6 × 4) четырехтонный грузовой автомобиль повышенной проходимости с двухскатной ошиновкой задних мостов. Он был создан на базе грузовика ЗИС-5 (4 × 2). Это была вторая по массовости «трёхоска» (после ГАЗ-ААА) в Красной Армии в 1930-е годы и в начальный период Великой Отечественной войны. С декабря 1933 до 15 октября 1941 года на автомобильном заводе имени И.В. Сталина было произведено 21 239 единиц ЗИС-6. В 1939–1941 годах сотрудниками РНИИ под руководством Ивана Исидоровича Гвая были проведены работы по созданию на базе ЗИС-6 установки для реактивных снарядов БМ-13 («Катюша»). 21 июня 1941 года (то есть ровно за сутки до начала Великой Отечественной войны) БМ-13 была принята на вооружение РККА. Установка БМ-13 полностью соответствовала двум главным требованиям: массивность и внезапность. Немаловажен был и психологический эффект: во время залпа все ракеты выпускались практически одновременно – за несколько секунд землю в области цели буквально перепаживали реактивные снаряды. Подвижность установки позволяла быстро менять позицию и избегать ответного удара противника. К концу 1942 года в составе Советской армии было уже четыре гвардейские

миномётные дивизии, восемь полков, 72 отдельных дивизиона, а к 1945 году – семь дивизий реактивной артиллерии, 11 бригад, 114 полков, 38 отдельных дивизионов.

Грузовик ЗИС-6 был далеко не идеальным вариантом в условиях бездорожья и межсезонной распутицы. Проводились эксперименты с грузовиками ЗИС-151, ЗИЛ-131 и ЗИЛ-157. Была даже выпущена экспериментальная партия «Катюш» на базе танка Т-60 с гусеничным шасси СТЗ-5, однако этот вариант был признан слишком сложным и дорогим. Ближе к концу войны базовым вариантом стал комплекс на базе американского грузовика «Студебеккер» ЮС6, массово поставлявшегося в нашу страну по ленд-лизу после войны, начиная с 1948 г., – на базе отечественного ЗИС-150.

Продолжительность залпа у БМ-13 (16 снарядов) – 7–10 секунд, время заряжания – 5–10 минут. Запуск производился рукояточной электрокатушкой, соединённой с аккумуляторной батареей и контактами на направляющих – при повороте рукоятки по очереди замыкались контакты и в очередном из снарядов срабатывал пусковой пиропатрон. Экипаж БМ-13 (ЗИС-6) состоял обычно из 5–7 человек: командир орудия – 1, наводчик – 1, водитель – 1, заряжающий – 2–4 человека.

Советское командование прекрасно осознавало мощь и значимость реактивных машин в ходе войны. Поэтому если в 1941 году было выпущено всего 593 «Катюши», то всего за годы войны их выпуск превысил 6250 единиц. Основными производителями этой серии реактивных боевых машин стали заводы «имени Коминтерна», «Компрессор», «имени Колющенко», «Уралэлектроаппарат». Позже к выпуску присоединились заводы Екатеринбург, Пензы, Челябинска.

Кстати, об этом мало кто знает, но у русской «Катюши» был и старший брат «Андрюша». 17 июля 1942 года в районе села Налючи раздался залп 144 пусковых рам-станков, оснащённых 300-мм реактивными снарядами – М-30. Это было первое применение несколько менее знаменитого родственного оружия – «Андрюши», как шутливо называли его создатели и бойцы.

Со своей «Катюшей» Александр Фёдорович дошёл до Чехословакии, получив орден Отечественной войны первой степени и несчётное количество медалей, которыми мы – его внуки – с удовольствием игрались в детстве. Дед не любил рассказывать о войне. Ему чудом удалось избежать тяжёлых ранений, но он очень сильно застудил седалищный нерв, и порою боль бывала настолько сильной, что бабушка прятала в доме все ножи, чтобы он не покончил с собой.

Когда деда Саши не стало, мне было всего шесть лет. Что я мог понимать в таком возрасте? О чём мог спросить у деда? Однако, возможно, уже из более поздних воспоминаний мамы, хорошо запомнил одну историю, когда в болотистой местности после выполнения

боевого задания «Катюша» деда заглохла и не хотела заводиться. Осмелевшие немцы уже подбирались со всех сторон, явственно была слышна приглушённая немецкая речь, а дед, лёжа в грязной зловонной луже, подстелив моментально промокшую фуфайку, лихорадочно пытался починить свою машину. И когда надежды уже почти не осталось, что-то зазвенело, заскрежетало, и «Катюша» завелась. Александр Фёдорович спас не только свою жизнь, но и жизнь всего экипажа, но, возможно, именно тогда дед и получил свою болезнь, которая ужасно мучила его до конца жизни. В архивных документах стоит дата совершения подвига – 1 мая 1945 года. Какого подвига – я так и не узнал, одно могу сказать точно – совершён он был на территории современной Чехии, где дед Александр встретил окончание войны. После войны жил с семьёй в Тамбове, работал водителем. Вырастил трёх прекрасных дочерей, успел застать всех пятерых внуков.

*Субботин
Иван
Фёдорович*

8 июля 1941 года под Винницей Иван Фёдорович получает тяжелейшее ранение, после которого несколько месяцев восстанавливается. Затем его переводят в войска связи в качестве специалиста полевых кабельных линий, назначив командиром отделения. Второе ранение он получает 15 июля 1942 года, когда фашистские самолёты разбомбили наш воинский эшелон. Третье серьёзное ранение он получил в Пскове 5 июня 1944 года во время бомбёжки города, четвёртое, самое тяжёлое, – 1 октября 1944 года в районе г. Рига при обеспечении наступающих частей связью. После излечения в марте 1945 года Иван Фёдорович

прибыл обратно в часть, где и служил до окончания войны. Таким образом ему удалось за время войны принять участие в действиях четырёх фронтов: Южного, Западного, 2-го и 3-го Прибалтийских.

Иван Фёдорович был награждён орденом Красной Звезды, а также орденами Отечественной войны второй и первой степени, многочисленными медалями. После войны переехал в Днепропетровск, где и жил со своей семьёй мирной, спокойной жизнью, работая сначала проводником, а потом рабочим на мясокомбинате. У Ивана Фёдоровича два сына и две дочери, а также многочисленные внуки и правнуки.

*Субботин
Леонид
Фёдорович*

Младший брат Леонид Фёдорович был призван в армию в 1941 году Джар-Курганским РВК Бухарской области Узбекской ССР. После окончания Сасовского лётного училища в 1943 году он был командирован в 222-ю авиационную дивизию дальнего действия, которая в соответствии с Приказом НКО СССР № 138 от 26 марта 1943 года за мужество и героизм личного состава в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками была переименована в гвардейскую и вошла в состав 4-го гвардейского авиационного корпуса дальнего действия. Дивизия выполняла боевые вылеты в глубокий тыл противника, нанося бомбовые удары

даже по Берлину и Лейпцигу. Дивизия активно участвовала в Курской битве, в боях на полтавском направлении.

В Брянской наступательной операции полки дивизии поддерживали войска Брянского фронта, в Духовщинско-Демидовской наступательной операции действовали в полосе Калининского фронта. Участвовала дивизия и в операциях по освобождению городов Мерефа, Брянск, Демидов. За отличие при освобождении города Брянска дивизии было присвоено почётное наименование «Брянская».

Гвардии ефрейтор Леонид Субботин служил воздушным стрелком на американском бомбардировщике Б-25, полученном Советским Союзом от США по программе ленд-лиза. Прототипом самолёта Б-25

была модель NA-62, разработанная фирмой «Норт Американ». В серии было выпущено 184 бомбардировщика B-25 с моторами «Райт» R-2600 (1700 л.с.). Наше правительство остановилось именно на этой модели бомбардировщика, так как самолёт был довольно простым в пилотировании и обслуживании, цельнометаллическим.

Крыло получило модный в то время ламинарный профиль. Вдоль задней кромки крыла сделали утолщение, для того чтобы самолёт имел очень низкую скорость сваливания, что позволяло ему приземляться на ограниченных в длину взлётно-посадочных полосах. В крыльях установили топливные баки, кроме того, предусмотрели дополнительный подвесной бак, чтобы увеличить расстояние вылета. Хвостовое оперение оборудовали концевыми шайбами. Шасси убиралось с помощью гидропривода. Пилоты в кабине сидели рядом, из кабины открывался хороший обзор, штурман-бомбардир сидел за кабиной пилотов, в центральной части фюзеляжа находился бомбоотсек. Самолёт получил автоматический радиокompас SCR-296A, две радиостанции для связи с землёй и связи между самолётами, а также внутреннее самолётное переговорное устройство. В хвосте самолёта располагался фотоаппарат с хорошим разрешением для ведения авиаразведки местности. Экипаж защищался броней 9–10 мм, которую позже увеличили ещё на 1 мм. Кабины отапливались, комбинезоны экипажа были с возможностью электроподогрева. Бомбардировщик развивал скорость 534 км/ч. Предельная дальность полёта составляла 3812 км. При бомбардировке наземных целей самолёт брал 100 десятикилограммовых бомб, которые опускались на парашютах, покрывая большую территорию.

В СССР бомбардировщики серии B-25 получили дополнительно систему заполнения топливных баков нейтральным газом. Вместо бомбоприцела «Вампир» D-8 ставили отечественные: дневной ОПБ-1 и ночной НКПБ-7. Запас бомб для бомбометания был увеличен до 1300 кг. Поначалу B-25 в нашей армии применяли как фронтовой бомбардировщик, что было нерационально, так как самолёт был довольно инертен и легко подбивался вражеской зенитной артиллерией. Когда самолёт перевели в части дальней авиации, дело пошло

на лад. Вот как вспоминал об этих самолётах сослуживец Леонида Фёдоровича Субботина дважды Герой Советского Союза Александр Иванович Молодчий: «В августе 1943 года наш полк впервые получил бомбардировщик американского производства. Мне, как командиру эскадрильи, пришлось осваивать его первым. Вскоре мой экипаж успешно овладел новой машиной. Постоянного правого лётчика у нас не было. И вот почему. На боевое задание мы на этом месте взяли стажёра – или штурмана, или лётчика. Вначале новых самолётов было мало. Да и поступали они по одному-два. Поэтому командование полка поставило перед нами задачу: переучивание на новую технику производить, не прекращая боевой работы на старых самолётах. Задача, нужно прямо сказать, не из лёгких. Но мы её решили успешно, с минимальными затратами времени и материальных ресурсов. К тому же для тех, кто летал на Ил-4, для опытных экипажей, практическое освоение нового аппарата особой сложности не представляло. Делали по несколько полётов в районе аэродрома, а боевое применение осваивали, как я уже говорил, методом подсадки к другому экипажу. Так в рекордно короткий срок эскадрилья, не прекращая боевой работы, переучилась на новый самолёт. Теперь трудно себе представить практическую сторону этого дела. Много требовалось от людей энергии, напористости, выносливости, чтобы решать одновременно две такие трудные задачи. Но факт остаётся фактом».

Ночью 28 июня 1944 года экипаж советского бомбардировщика Б-25 выполнял боевую задачу по фотографированию вражеского аэродрома возле г. Осиповичи, после чего взял курс на Барановичи, чтобы соединиться со своей эскадрилей, выполнявшей бомбардировку фашистских объектов города. Над территорией Кореличского района Гродненской области самолёт был подбит вражеским истребителем. За воздушным боем наблюдали местные жители и партизаны бригады «Комсомолец». Свидетелями катастрофы стали: Николай Феофанович Павлюковский из деревни Синявская Слобода и Владимир Владимирович Смолянко, житель недалеко расположенной деревни Рудьма. Они и показали поисковикам приблизительное место падения самолёта.

После целенаправленных поисков удалось найти не только место падения, но даже и некоторые детали самолёта, которые в настоящее время хранятся в комнате Боевой Славы Лукской средней школы. Владимир Смолянко поведал о том, что однажды ночью в конце июня 1944 года услышал приближающийся рёв подбитого самолёта. Вскоре наступила тишина, а затем начали раздаваться взрывы. Как только рассвело, он отправился к месту падения, где увидел одного выжившего лётчика, который рассказал, что самолёт был подбит немецким истребителем. Экипаж самолёта состоял из шести человек, трое из них выпрыгнули с парашютом. К сожалению, из-за малой высоты два лётчика разбились, а парашют третьего зацепился за верхушку дерева, благодаря чему он остался жив. Партизаны под обломками самолёта нашли ещё три обгоревших тела.

Погибшие лётчики были похоронены партизанами и местными жителями в лесничестве Хидры (Хидарь). Затем уже в мирные годы их перезахоронили на партизанском кладбище в д. Синявская Слобода. На фундаментальном памятнике-обелиске восьмиметровой высоты написаны фамилии и имена всех погибших при освобождении Кореличского района – как партизан, так и штатных военных, в том числе и фамилии лётчиков. В состав экипажа входили: гвардии старший лейтенант Косов Константин Евгеньевич, командир корабля, заместитель командира эскадрильи, 1912 г.р.; гвардии майор Щербаков Сергей Васильевич, инструктор по радионавигации, заместитель штурмана полка, 1914 г.р.; гвардии старшина Бухонов Александр Тихонович, воздушный стрелок-радист, 1919 г.р.; гвардии младший лейтенант Соснин Сергей Константинович, 1922 г.р.; гвардии рядовой Трусеев Николай Григорьевич, воздушный стрелок, 1925 г.р.; и мой дед – гвардии ефрейтор Субботин Леонид Фёдорович, воздушный стрелок, 1922 г.р.

Выжившим лётчиком был майор Сергей Васильевич Щербаков, который прошёл всю Великую Отечественную войну. Он был инструктором по радионавигации, штурманом полка. Сам ещё не садился за штурвал крылатой машины, делал всё возможное, чтобы она вышла точно на цель. Особенно важно это было в ночных выле-

тах, которых во фронтовой биографии героя было немало. За время войны был пять раз сбит, но всегда возвращался в строй. Именно после описанных событий в июне 1944 года его жене даже ушло извещение о том, что муж не вернулся с боевого задания, то есть пропал без вести. А в это время гвардии майор Щербаков оказался в партизанском отряде на территории Кореличского района. После освобождения района Сергей Васильевич вернулся в свой полк и продолжил летать. Всего он совершил 219 боевых вылетов, из них 183 – ночью. Указом Президиума Верховного Совета от 15 мая 1946 года за образцовое выполнение заданий командования майору Щербакову Сергею Васильевичу присвоено звание Героя Советского Союза. После Победы ещё больше 10 лет герой-фронтовик служил в авиации. После увольнения в запас жил в г. Николаеве Украинской ССР. Ушёл из жизни в 1973 году.

Ефросинье Гавриловне сообщили о гибели её младшего сына вскоре после войны. В Тамбов однополчане Лёни даже прислали его вещи, среди которых были шлем лётчика и кожаный планшет. Однако точного места захоронения сослуживцы Леонида не знали. В 1967 году в ответ на запрос Ефросиньи Гавриловны пришло письмо из Кореличского военкомата за подписью райвоенкома подполковника Анучина. В нём он и сообщил данные о месте захоронения. А в 1970 году пришло письмо от руководителя местного отряда красных следопытов Александра Константиновича Рокача, который не только подтвердил данные о местах гибели и захоронения юного Леонида, но и попросил мать рассказать о своём сыне в целях увековечивания памяти о нём.

Впервые материал о гибели самолёта Б-25 был опубликован в 1978 году на страницах газеты «Полымя», которая издаётся в городском посёлке Кореличи. В середине 1990-х годов в газете «Аргументы и факты» была опубликована большая статья «Помнить всех поимённо», рассказывающая о мужественном экипаже, погибшем в ночь с 28 на 29 июня 1944 года.

Минуло 80 лет после той страшной войны. Нет в живых моих дедов-ветеранов. Нет и самой деревни Крутая Вершина, которая

Кореличский районный
военный комиссариат
16 марта 1967 г.
№187
гп Кореличи
Гродненской области

Исп.вх. № 222

Гражданке СУБВОТИНОЙ ЕФРОСИИНЫ ГАВРИЛОВНЕ
гор.Днепропетровск, п/о 71
Бемафорная 20/25

Уважаемая Ефросинья Гавриловна !

В Кореличском райвоенкомате рассмотрено Ваше письмо. По данным райвоенкомата значится погибшим 28 июня 1944 года рядовой-воздушный стрелок 22 авиационного полка дальнего действия СУБВОТИН Леонид Федорович. Год рождения неизвестен. Мать СУБВОТИНА Ефросинья Гавриловна в 1944 году проживала по адресу: Сурхан-Дарьинская область Джар-Курганский район, колхоз совхоз "Сурхан".

По рассказам местных жителей советский самолет после выполнения боевого задания был поврежден немецкой зенитной артиллерией, загорелся и стал терять высоту. Не желая попасть в немецкий плен, летчики долго не покидали горящий самолет, пытались вывести его на большой лесной массив.

Это им удалось, но самолет потерял высоту и летел над самыми верхушками деревьев, когда трое летчиков выбросились из самолета с парашютами, высота была небольшая, парашюты не успели раскрыться и все трое погибли. Вот их имена:

- рядовой СУБВОТИН Леонид Гаврилович *Федорович*
- младший лейтенант СОСИН Сергей Константинович
- рядовой ТРУСЕЕВ Николай Григорьевич.

Летчиков подобрали наши партизаны, которые находились в этом лесу и похоронили с отдаением воинских почестей на партизанском кладбище в лесничестве "Хидарь" бывшего Мирского района, Барановичской области, а ныне Кореличского района Гродненской области.

После войны останки погибших воинов и партизан были перенесены на военное кладбище в дер.Сивязская Слобода, Кореличского района, Гродненской области. На кладбище поставлен фундаментальный памятник-обелиск высотой 8 метров. На памятнике записаны фамилии захороненных воинов и партизан. Надмогильные плиты зацементированы. Кладбище огорожено оградой, обсажено деревьями, посажены цветы.

Ежегодно 9 мая в день Победы над немецко-фашистскими захватчиками на кладбище проводятся митинги всех трудящихся Кореличского района, к памятнику и на могилы возлагаются венки.

Кладбище всегда поддерживается в образцовом порядке.

КОРЕЛИЧСКИЙ РАЙВОЕНКОМ
ПОДПОЛКОВНИК

/АНУЧИН/

УВАЖАЕМАЯ ЕФРОСИНЯ ГАБРИЛОВНА, ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Извините за беспокойство, которое мы принесем Вам своим письмом потому, что вы его получите от незнакомых людей.

Мы, красные следопыты Еремичской средней школы, недавно установили, что в 1944 году 29 июня над нашей местностью был подбит немецким стервятником наш советский самолет, который упал в лесу, в котором располагались партизаны.

Партизаны, увидев падавший горящий самолет, бросились к месту катастрофы. Когда они подошли к этому месту, то недалеко нашли летчика майора Щербакова, который выпрыгнул на парашюте с горящего самолета.

Он потом рассказал, что с ним было еще пятеро летчиков.

Партизаны начали искать остальных, надеясь, что может еще кто-нибудь выпрыгнул на парашюте и блуждает в лесу.

Но вскоре под сожженным самолетом нашли останки трех сгоревших летчиков, а недалеко от самолета ещё два трупа летчиков, которые выпрыгнули без парашютов и разбились.

Майор Щербаков С.В., ныне Герой Советского Союза, проживает в гор. Николаеве по проспекту Ленина, дом 2 кв.51.

Мы с ним установили переписку, но он отвечает, что остальных членов экипажа самолета не знает.

И вот после долгих поисков нам удалось установить остальных членов экипажа, среди которых и был ваш сын - воздушный стрелок гвардии ефрейтор Леонид Федорович, 1922 года рождения.

Мы решили сообщить Вам об этом потому, что вы может ничего не знаете, где покоится прах вашего сына, отдавшего свою молодую жизнь за освобождение нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков.

Мы твердо не надеемся, что наше письмо найдет адресата, но если найдет, то напишите нам свои воспоминания о сыне.

Пишите по адресу: БССР, Гродненская область, Кореличский район, Еремичская школа.

Руководитель красных следопытов РОКАЧ Александр Константинович.

1 марта 1970 года.

Письма, которые получила мама Ефросинья Фёдоровна в 1967 и 1970.

решением исполкома Тамбовского областного Совета № 132 от 11 февраля 1975 года была исключена из перечня населённых пунктов Тамбовской области. Но живо и продолжает расти мощное древо семьи Субботиных, регулярно пополняясь праправнуками дедов-героев. И пусть у новых членов семьи сегодня разные фамилии и разные места проживания, главное, что продолжается жизнь, а значит, смерть Леонида Субботина и все испытания, выпавшие на долю Ивана и Александра Субботиных, были не напрасны.

Автор выражает благодарность: руководителю по военно-патриотическому воспитанию государственного учреждения образования «Лукская средняя школа» В.В. Матусевичу (Республика Беларусь), а также членам поискового клуба «Витязь». При подготовке материалов использованы материалы Центрального архива Министерства обороны РФ, сайта «Память народа», документы и фотографии из семейного архива.

Только вернись...

Стихи

22 июня. Первый день

День вновь сменяет ночь –
Души сметает маятник,
Память их не порочь,
Все мы – им вечный памятник.

Утро. Ужасный вой.
Бомбы, огонь, кресты.
Яростный ближний бой,
Крики до хрипоты.

Кровью залитый Брест,
Киев и Минск в огне,
Гибель любимых мест,
Смерти детей во сне.

Танк, раздавивший мир,
Свастика, словно нож...
Дикий, кровавый пир,
Прошлого не вернёшь.

Злая фашистов речь,
Пытки, петля, расстрел.
«Хоть бы детей сберечь», –
Раненый прохрипел.

Печи сожжённых хат,
Выжженная земля,
Первая боль утрат,
Смерть и концлагеря.

Зарево деревень,
Правда войны страшна.
Это был первый день.
Дальше была война...

Молох войны

Разметался в мареве пространства,
Но стакан воды достать не смог,
Проклиная боли постоянство,
Русский парень без обеих ног.

Он метался на постели смятой,
Он стонал, подушку прикусив.
Вечный крест российского солдата,
Жертва во спасение Руси.

А по жизни парень был не промах.
Впереди лежало сто дорог...
Запах распустившихся черёмух
И фантомом боль обеих ног.

Личный крест и личную Голгофу
Не смягчит обилие наград...
Сила воли с искушением штофа,
Вечный бой! И вечный Сталинград!

Только вернись

Только вернись из последнего страшного боя,
Превозмоги сумасшествие жутких атак.
Друг, нас ведь двое. Душою всегда я с тобою.
Выше наш флаг. Впереди ждут нас май и Рейхстаг.

Будут девчонки встречать с полевыми цветами.
Ждут новоселье, учёба, семейный уют.
Счастью пора, наконец, познакомиться с нами!
Всё впереди, если только сейчас не убьют...

В топи болот, средь хоров комариного писка,
Мин лабиринтов, бесчисленных ран и потерь,
Верь, что Победа, мой друг, удивительно близко.
А нам с тобой ни к чемуobeliski, поверь!

Кровь с молоком, что разбавлена горечью водки,
Сила молитвы, направленной в синюю высь...
Мы в одной лодке с тобою, ведь мы одногодки,
Только вернись из последнего боя. Вернись!

Дорогие мои мальчишки

На страницах любимой книжки
Степь и Волга, шумит ковыль...
«Дорогие мои мальчишки».
Автор повести – Лев Кассиль.

За рекою войны раскаты.
Всё игра? Вам взростеть пора...
Здесь надёжные все ребята.
Взять – что юнги, что мастера.

Мельхиора и Амальгама,
Неуступчивый Фанфарон...
А вокруг всё страшнее драма,
Смерть и ужас со всех сторон.

Только сказка была недаром,
Правды с вымыслом вышла смесь.
С Капитоном и Изобаром
Синегория нынче здесь!

И назло всем ветрам и бедам
Поднимается вся страна,
Чтобы вновь обрести Победу,
Как и в старые времена.

Лодки, старенькие пальтишки,
И баркас, что был сдан в утиль,
Дорогие мои мальчишки,
Превратившие сказку в быль...

Ивангород и Нарва

Ивангород и Нарва разорваны временем,
Здесь сотня метров пропитана вечностью.
Два разных племени, сшитые бременем,
Звёздочки красной пятиконечностью.

Андрес с Андреем и Тийна с Татьяной,
Что наполняет глаза ваши грустью?
Западный ветер – холодный и пряный,
Плач фортепианный над матушкой-Русью?

Два разных берега, ночь так уютна,
Общие страхи, совместные беды.
А потому в этот день многолюдно
На берегах нашей общей Победы.

Внукам эсэсовцев нынче не спится,
Их бесконечная ненависть душит.
Бесят счастливые русские лица,
Корчит от звуков бессмертной «Катюши».

Оба народа единой семьёю
День этот славный встречать будут вечно.
Нарва, не бойся! Пой вместе со мною!
Мне положи свои руки на плечи!

Наш генетический код

В каждой слезе генетический код поколений:
Все революции, Берия, Сталин и Ленин.
Яркие всполохи и непроглядные тени.
Вверх и вперёд! Без сомнений, унынья и лени.

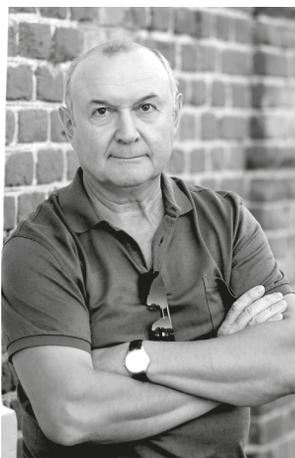
Рёв Маяковского, вечно весенний Есенин,
В преодолении подвиг народа священен.
Нынче наш выход. Мы главными будем на сцене!
Лучшее в нашей истории не обесценим!

Песни Высоцкого с хрипом звучат и надрывом,
Мы над обрывом, весь шарик земной над обрывом.
Но среди всех разрушений, из мрака и гари,
Детской улыбкой нам вновь улыбнётся Гагарин.

Новое время и новые юные лица,
Есть нам что помнить, и есть, чем совместно гордиться –
Туполев, Павлов, Попов, Королёв и Капица,
И Менделеев с приснившейся ночью таблицей...

Песни Великой Победы. Смеёмся и плачем...
Память и гордость – а разве могло быть иначе?
В каждой слезе генетический код поколений,
Нашу страну не поставить врагам на колени!

Юрий МЕЩЕРЯКОВ

Двадцать четыре часа войны

Рассказ

Лунный свет обволакивал горные хребты, обрывистые скалы, горбы и шершавые грани камней, скрывал от случайного взгляда капканы узких расщелин. Нереальный, мистический пейзаж завораживал, он был безрассудно красив и при этом так холоден, как будто в нём умерла жизнь. Под рассеянными лучами простиралась афганская terra incognita, горный океан, обещавший всем пришельцам войну.

Пятая рота вот уже восемь часов без остановок мерила хребты шириной армейского шага в полном безразличии к окружающему ночному обману. Усталость безжалостно валила солдат с ног, но командир сказал, что нужно идти, и этот сухой приказ был уже частью реальности. Приказы не обсуждаются – таково главное правило, и они его твёрдо усвоили за месяцы войны. Вот и теперь, выполняя разведывательно-поисковые действия, рота шла в указанный квадрат в районе ущелья Хисарак, где должна была выбрать выгодную позицию и там дожидаться рассвета. Дальше – ещё

один день войны, седьмой в этом рейде, задача будет уточнена по ходу развития обстановки.

Сегодня после полудня командира роты с подозрением на тиф отправили вертушкой в госпиталь, исполнять его обязанности остался лейтенант Ладыгин. Среднего роста, коренастый, с хорошей физической подготовкой, в свои двадцать два года он выглядел определённо старше, но это война наложила на него свой грубоватый отпечаток, она же закалила характер и научила думать на несколько шагов вперёд. Сам Ладыгин просто исполнял свой долг, свою службу, невольно исходя из старой истины – лучше быть, чем казаться. Вот и пришло это время быть. Когда его вызвал командир полка и поставил задачу, обозначив на карте конечную точку пути, он задал только один вопрос – кто из соседей будет на флангах? Справа, по гребню другого хребта, выдвигалась разведывательная рота, и это было хорошее известие, левый фланг оставался голым, если не считать, что где-то южнее работает спецназ, вот, собственно, и все соседи. Ладыгину предстояло действовать самостоятельно, а если сказать точнее, то в отрыве от своего батальона и от главных сил полка. Всё это каким-то образом вписывалось в общую картину боевых действий, поэтому вопросов у молодого офицера больше и не было. Приказы не обсуждаются.

Шли вверх по скатам в обычном ритме, молча, не останавливаясь и не замедляя шаг, чтобы не сбить дыхание, расслабишься – и идти будет ещё труднее. К закату преодолели уровень в четыре тысячи метров у Пизгаранского креста, прошли перевал и уже начали медленный спуск по гребню, когда их встретил протяжный рокот крупнокалиберного пулемёта. Звук стрельбы был приглушённым, били издалека – и первая пристрелочная очередь легла с большим недолётом. Второй ждать никто не стал, и когда она через пару секунд вспахала самый гребень, солдаты уже скатывались по обратной стороне хребта. Спуск в долину ещё и не начинался, а их встречали. Дальше шли по обратной скалистой стороне, без тропы, перепрыгивая с глыбы на глыбу, но это и успокаивало, потому что под ногами точно не могло быть мин.

После полуночи спуск в долину завершился. Полная луна, единственный свидетель и разведчик, внушала тревогу. Над землей висела замогильная тишина, негромкий стук, почти шорох их ботинок, казалось, разлетался эхом по всему ущелью. У Ладыгина с его звериным чутьём на опасность покоя не стало вовсе, спинным мозгом лейтенант чувствовал, что душманы, духи, где-то рядом, ведут роту к удобному рубежу... И только одно обстоятельство неуверенно, робко пыталось успокоить его – то, что его солдаты в этот неурочный час походили на тени и призраки из чрева ночи и сами внушали страх.

К часу ночи рота вышла в свой квадрат, поднялась на отрог хребта – в этом был залог безопасности: кто выше, тот контролирует обстановку. Выставив посты охранения, Ладыгин занялся связью, он должен был доложить о выполнении задачи, но главное – получить дальнейшие указания. Ротный связист рядовой Иван Заломов после нескольких попыток пожал плечами – связь с полком отсутствовала. «Урал-57» упорно молчал. В ответ на их запрос слышалось только негромкое, дремотное шуршание и потрескивание ночного эфира. Подошёл Миронов, командир первого взвода.

– Рота в полном составе, дежурство организовано, все спят. Что со связью, Серёга?

– Там тоже спят, – это раздражение было реакцией на накопившуюся усталость, – и дежурный связист спит, кажется, про нас забыли.

– Что будем делать?

– Утром разберёмся. Да, Денис, распорядись, тому, кто будет дежурить под утро, меня разбудить в пять часов.

Сон пришёл быстро. Но в последние мгновенья сознания он услышал отчётливый металлический звук падающей пустой консервной банки, доносившийся с противоположного хребта. Она, постукивая, катилась по камням, а он улыбался в полусне: там, в двух километрах отсюда, разведрота. Ему и в голову не пришло, с чего собственно разведчикам в такой звенящей тишине разбрасываться банками? Ладыгин уже крепко спал.

Будить ротного не пришлось. Сознание само вернулось к нему, когда стрелки приближались к пяти часам.

– Иван, подъём, давай на связь.

– Есть, – ещё толком не открыв глаза, связист надел наушники и монотонно заладил своё: – «Урал-57», я – «Яуза», «Урал-57», я – «Яуза», прием! – Иван, настоящий солдат, выносливый, как чёрт, хорошо знал своё дело, никогда и ни на что не жаловался, в его фляжке всегда была вода. Но сегодня с утра у него ничего не ладилось.

– Переходи на дежурный приём, побережём батареи. – Командир роты начал беспокоиться, сейчас, на рассвете, нужно действовать, нельзя терять инициативу, а рота не знала своей дальнейшей задачи. – Таценко, поднимай людей, всем завтракать, получаем команду – сразу снимаемся. Всё, выполняй.

Ещё несколько раз Иван пытался выйти на связь, и только через три часа радиоволны прислали ответ:

– «Яуза», доложи, где находишься, – Ладыгин сразу же бросился к радиостанции.

– «Урал», мои координаты... – По кодировке он назвал место своей дислокации.

– Ты что там делаешь? Как ты туда попал? – Было ощущение, что у начальника связи полка поднялись на голове волосы, его нервный голос неприятно звенел в ушах.

– Я выполнил поставленную мне задачу.

– Какую задачу? Весь полк в другом районе!

– «962-й» лично обозначил её на моей карте, – Ладыгин отстаивал своё решение, карта – это документ, и командир полка на ней отметил. Высказать ротному хотелось многое и по поводу связи, и по поводу взаимодействия, ещё никто не знал, кому и во что обойдётся эта накладка. – В час я вышел на связь, мне никто не ответил.

– Этого не могло быть. Ладно, потом разберёмся, у нас тут такое... Какая обстановка?

– Обстановка нормальная. Моя дальнейшая задача?

– Подожди, доложу «962-му».

За две минуты ожидания Ладыгин вряд ли смог понять эмоции своего корреспондента, но они отчётливо привносили напряжение в это тревожное утро. Откуда ему было знать, что ночью шестая рота их батальона в открытом скоротечном бою столкнулась с моджахедами. Или ошибся ротный, или духи оказались более удачливыми, но в том бою рота потеряла девять человек убитыми. Эти цифры легли на предыдущие, и общий итог потерь, которые полк понёс в последние дни, стал чёрным.

– «Яуза», я – «962-й», как меня слышишь, приём! – Командир полка тоже нервничал, но старался говорить спокойно.

– Я – «Яуза», слышимость нормальная.

– Ты должен был оставить это место ещё ночью, что произошло?

– Я не получал распоряжений.

– Что значит, не получал распоряжений? – После недолгого молчания командир продолжил: – По прибытии в полк доложишь рапортом. А теперь слушай мою команду. Выдвигаешься по ущелью до Хисарака и поворачиваешь на север по ручью, встречаемся в квадрате... И ещё, будь осторожен, побереги людей. Конец связи.

Многое показалось странным в том, что услышал Ладыгин, но долго размышлять ему не пришлось. Командир приказывает – надо выполнять. Через минуту дозор начал движение вниз, в долину, ещё через минуту, когда ротный и его связист двинулись следом, им почти тут же в спину ударили подразделение несколько автоматных очередей. Пули брызнули по камням, резкие отрывистые хлопки выстрелов, визг рикошетов пронзили сознание, и всё встало на свои места.

– Ложись! За камни! – Команда была излишней, солдаты, как муравьи, рассыпались по щелям, от неожиданности и страха их бил озноб, и ротный это видел.

– Товарищ, лейтенант, с хребта бьют, выше нас метров сто! Всего один ствол.

– Пожалуй, один. Наблюдатель хренов, проспал нас ночью, а теперь и попасть не смог, – это успокоило, но ненадолго, пули про-

должали беспорядочно сечь камни – путь вперёд роте был отрезан.

– Иван, прикрой дозорных, пусть отходят, а я попробую достать его из подствольника.

Заломов из-за валуна короткими очередями начал обрабатывать гребень отрога, потом в работу включился и Ладыгин. Пять или шесть гранат, методично выпущенные из подствольного гранатомёта, глухо разорвались наверху, и духовский стрелок замолчал.

Они подождали некоторое время и поднялись на прежнюю позицию, чтобы прийти в себя и разобраться, как быть дальше. Но передохнуть им не пришлось.

– Серега, в ущелье духи, человек двадцать пять-тридцать, может, больше. – Миронов тяжело дышал, но его глаза горели. – Мы долбанули по ним, двух-трёх зацепили.

– Стой-стой, давай по порядку.

– Когда у тебя там началось, мы стали осматриваться. А они как раз спустились с соседнего хребта, метров семьсот от нас. Ну, я с тремя бойцами из моего взвода... Кузьменко, правда, не стал стрелять, говорит, вдруг это свои. – Его возбуждённое полноватое лицо слегка скрадывали очки, и сейчас Ладыгин с удивлением смотрел именно на них, как будто видел впервые.

– Денис, ты что наделал, по ним всей ротой надо было бить сосредоточенным огнём, наверняка, чтобы ранеными и трупами руки им связать. Ты даже прицел людям не назначил! Ты что наделал? – Впервые за время службы и дружбы два лейтенанта-погодки оказались разделены. – Нам это может дорого стоить, где они сейчас?

– На наш хребет поднимаются, они налегке.

– Нас зажмут, будет жарко. Готовь оборону на своём фланге. Я доложу «Уралу».

Теперь Ладыгину стало понятно, чей наблюдатель бил им в спину и откуда ночью катилась консервная банка.

Доложить командиру у него так и не получилось. Минутами позже началась такая свистопляска, что все формальности отошли на задний план. Вокруг визжало, пело, грохотало, скрежетало, как

будто все громы небесные с озлоблением обрушились на этот маленький клочок гор. Перекричать чудовищный гвалт он не мог, но самое главное всё-таки расслышал, по цепи командиры передавали, что потерь нет. Рота, хорошо укрытая в расщелинах, перенесла яростную обработку без надлома. Остервенелый огонь продолжался недолго – Ладыгин успел выкурить только две сигареты подряд, но потом в течение полутора часов душманы вели методичный одиночный огонь, стараясь случайным попаданием или рикошетом кого-нибудь зацепить. Они не давали поднять головы, но – и это важно – они ничего не предпринимали.

Рота не отвечала ни одним выстрелом. За два последних боя солдаты истратили в среднем по одному боекомплекту, оставался ещё один, гранат и патронов хватило бы на приличную драку, но был ли смысл высовываться под пули? Смысла не было. Каждый вёл наблюдение в своём секторе, это единственная задача, которую поставил ротный, ни один душман не должен был приблизиться на бросок гранаты. Пусть они подумают, что берут верх, а заодно облегчат боезапас – Ладыгин удивлялся своему спокойствию, у него определённо поднялось настроение. Наконец-таки он смог доложить «962-му» о том, что ведёт бой, что потерь нет. Такой доклад обычно слушают затаив дыхание, а дышать начинают после последних слов «потерь нет».

Потом всё стихло. Час или больше ни один звук не напоминал о близком присутствии врага. Время медленно перевалило за полдень.

– Серега, они уже долго молчат, что думаешь?

– Если ничего не изменится, продержимся до темноты и уйдём выше в горы. Там у нас будет шанс. Где-то здесь в долине у духов начинается укрепрайон, долиной мы не выйдем, к ним придёт подмога. Если бы знать, что они задумали...

– Может, у них раненые, и они ушли?

– А как проверить? Напоремся на кинжальный огонь, здесь и похоронят. – Но, подумав, добавил: – Впрочем, есть одна идея.

Идея нашлась не из учебника, и позже сам себя он называл последним дураком. Ладыгин встал во весь рост на большом валуне. Мод-

жахеды должны увидеть его кокарду на панаме и офицерские звёзды, значит, будут стрелять. Первый выстрел смажут, а второго шанса он им не даст. Он продолжал стоять, осматривал местность, чувствовал, как тревожно посасывает под ложечкой. Но были в этом испытании неизвестный ему прежде кураж, бесовская уверенность в своём превосходстве над духами, над смертью. И через три минуты, и через пять минут тишина осталась нетронутой.

– Кажется, ушли. Докладываю в полк.

Ладыгин говорил ровно, даже уверенно, и может быть, поэтому в штабе неправильно оценили ситуацию и подтвердили прежнее распоряжение идти к Хисараку. Его указания роте были краткими.

– Все без исключения ведут наблюдение, дистанция в колонне пятнадцать шагов, снять оружие с предохранителя, патрон в патронник не досылать. И главное – будем идти по сухому руслу, там почти нет укрытий, каждый должен заранее видеть свой камень.

Состав обстрелянного дозора менять он не стал, сегодня дозорные чуть не распрощались с жизнью и будут очень осторожны.

– Время четырнадцать часов пятнадцать минут. Ну, всё. Вперёд!

Спустя полчаса колонна пятой роты почти полностью вытянулась на дне ущелья, только группа замыкания во главе с Мионовым ещё не начинала движения. Собственно в этот день, одиннадцатого сентября, в рейде рота насчитывала тридцать два человека, из которых двое чуть старше двадцати двух лет, возраст остальных, как и положено, не превышал двадцати. Но в массе своих солдат Ладыгин всегда рассчитывал только на десять или двенадцать, которые сами могли бы постоять за свою жизнь, остальных он относил к большим детям, к переросткам. Вот они все и были пятой ротой, которая теперь медленно двигалась по песчанику сухого русла, напряжённо оглядывая скаты двух хребтов.

Первым шёл Аверичев, пулемётчик, он должен немедленно, не прицеливаясь, открыть огонь по всему, что шелохнётся, – только у него, единственного, патрон дослан в патронник. Вторым шёл Виваль, третьим – Мельник, четвёртым – Ладыгин. Висела звенящая знойная тишина, солнце палило соответственно тридцатиградусной жарой, но тревожное ожидание заслоняло собой всё.

Внезапно Мельник обернулся. Его огромные круглые глаза, бесшумно шевелящиеся губы и следом – резкий взмах рукой...

– За камни-и-и!!! – Ладыгин дико заорал на всё ущелье и сам рухнул под ближайший валун. Эхо от его крика ещё не успело отразиться, а небо с бешеным грохотом уже лопнуло, распоротое косой костлявой старухи, сотни пуль мгновенно усеяли русло сухого ручья, всё продолжали сыпаться, как из неистощимой грозовой тучи. Его била крупная дрожь. В мозгу застряла только одна мысль: успели – нет? Мельник, Мельник... Он нас всех спас. Солдат-то непугёвый совсем, нелепый. Он всех спас!!! Непрерывный, сплошной вал огня не останавливался. От его валуна летела каменная крошка, вокруг взлетали бурлящие фонтаны песка, рикошеты визжали, надрывая душу. По дну ущелья сквозняк гнал взбитую пулями пыль, она превратилась в тяжёлое серое облако. Сколько бьёт стволов? Сколько у них патронов? А он всё слушал и слушал, боясь услышать истошный человеческий крик. Но спустя какое-то время и слева, и справа к нему пришла весть: потерь нет! Костлявая промахнулась. Мельник...

После первой затяжки сигареты где-то у сердца ослабла струна, стало легче, он чувствовал, что приходит в себя, а ещё почувствовал, что можно жить дальше. Неожиданно к нему под валун свалился Иван.

– Ты откуда? – Вот глупый вопрос.

– Вы же без связи. Ну, я и прибежал. — Иван тяжело дышал и еле выговаривал слова, а Ладыгин смотрел на него ошеломлёнными глазами и никак не мог поверить в такую преданность и бесстрашие.

– Давай, связывайся.

У «962-го» началась истерика, он сразу понял, что происходит, и его захлестнули эмоции. Голос командира полка срывался, он то и дело переходил на нецензурную брань, и забывал о дисциплине связи, и только в конце переговоров запросил координаты моджахедов, т.е. координаты целей. С этого надо было и начинать, – о чём ещё мог подумать ротный?

Район целей от места расположения артиллерийской батареи находился почти на предельной дальности стрельбы, около пятнадцати километров, рассчитывать на точность попаданий не приходилось. Присутствовало и ещё одно обстоятельство. Хребет, совершенно изрезанный расщелинами и скалами, давал противнику множество укрытий, и стрельба по площади эффективной здесь быть не могла. Описав крутую траекторию, первый пристрелочный снаряд разорвался на обратном скате. Ладыгин дал артиллеристам корректировку, и шапка второго разрыва поднялась ближе к гребню. «"Аргус", я – "Яуза", давай залп! Приём». «"Яуза", понял тебя, принимай подарки». Буквально это означало: наблюдай и корректируй, а заодно берегись осколков своих снарядов. Треск рвущегося железа и густые клубы пыли повисли над горами. Моджахеды прекратили стрельбу после второго разрыва, но теперь свои же осколки не давали роте сдвинуться с места. Ещё два залпа накрыли хребет, в ущелье стоял раскатистый гул, оно словно стонало от выпавшего на его долю испытания. Ладыгин же хорошо понимал, что два десятка снарядов результата не дадут, нужно прямое попадание, только одно, но это – слепой случай.

Пыль осела, а в ушах на высокой ноте всё ещё звенел надоедливый комар... Духи о себе не напоминали, и рота после подтверждения команды рывками от камня к камню начала осторожное перемещение вперёд. Она смогла пройти не больше ста метров, когда автоматная дробь забарабанила снова. Интенсивность огня снизилась, и лейтенант взялся спокойно оценивать ситуацию. План командира полка терпел неудачу, роте здесь не пройти, а эта дурная истерика только раздражала. Возвращаться назад было невысказанно, за их спинами лежала открытая песчаная местность, немногим меньше километра. Дилемма казалась неразрешимой.

Под большим, вставшим на дыбы валуном вместе с Ладыгиным собралось ещё шесть солдат, ненадолго этот валун стал им всем убежищем, родным домом. Страшно умирать в одиночку, а здесь, в тесноте, они чувствовали себя почти в безопасности. Здесь был ротный, он должен был что-то придумать.

И Ладыгин думал. На часах стрелка перевалила за шестнадцать, до темноты ещё далеко, духи не дадут им уйти, значит, бой неизбежен. Дилемма разрешилась неожиданно. С того направления, куда по мысли командира полка направлялась рота, ударил крупнокалиберный пулемёт, долго же молчала эта огневая точка в ожидании, когда они войдут в зону её действительного огня. Свинцовые горошины легли с недолётом, в стороне (слишком велика дальность), но если дать расчёту пристреляться?

– Ребята, надо уходить, иначе нас достанут. Надо снова пройти этот чёртов песчаник. Другого варианта нет. – Командир говорил медленно, чтобы они сами осознали, что от каждого из них потребуется подвиг. Ни больше, ни меньше – победить страх. Они слушали молча и почти не дыша, как если бы им зачитывали слова приговора. Ладыгин обратился к Абуеву, самому дерзкому своему солдату:

– Абу, ты пойдёшь первым, ты – чеченец, ты крепкий и ты должен это сделать.

– Я смогу, товарищ лейтенант. Я смогу!

Они смотрели друг другу в глаза, и первая растерянность на лице Абуева постепенно сменилась отвагой и гордостью – он готов к бою, а значит, готов ко всему.

– Автомат – за спину, затяни ремни, ты должен бежать лучше, чем Валерий Борзов на Олимпиаде. За тридцать метров до следующего камня заорёшь, чтоб тебе освободили место, на отдых у тебя будет не больше десяти секунд – ты освободишь место Ткачеву, я отправляю его сразу за тобой. Следом, с интервалом, пойдут все остальные: Виваль, Мельник, Аверичев, последними – Заломов и я. План простой: мы рассередоточим внимание, собьём с толку, они не смогут вести плотного огня по одной цели, а при быстром беге они не возьмут упреждение для стрельбы.

Абуев принял положение для низкого старта, упёрся ногой в ногу Ладыгина.

– Готов?

– Готов! – По его грязному от пыли виску, по небритой щеке медленно стекала капля пота, глаза горели диким огнём и пожира-

ли камень, видневшийся метрах в ста, – теперь он стал целью всей его жизни. Либо «да», либо «нет» – третьего не дано.

– Абу, запомни, впереди – жизнь, смерть – сзади. Пошёл! – Тело солдата разжалось, как пружина, и стремительно рванулось вперёд. Это был прекрасный, мощный бег, ноги нещадно терзали песчаник, каждая мышца работала на своём неизведанном пределе... В полутора метрах сзади Абуева вспухли десятки фонтанов, песок приподнялся и ожил, несколько автоматов били в одинокую несущуюся цель и не попадали. Какими долгими были эти секунды... Фонтаны догоняли Абуева и вот-вот могли настигнуть, он не успевал. Между его пятками и свинцовой строкой оставались считанные сантиметры.

– Ткачёв, пошёл!

Это казалось странным, но когда тот вылетел из-за камня, секунды три или больше вообще никто не стрелял, моджахеды словно растерялись от неожиданной дерзости. Тут же бешеная стрельба началась снова. Шла охота, как на волка, и азарт мешал стрелкам – эти двое избранных бежали через красные флажки. Абуев выдыхался, его силы иссякали, но ему уже освободили место под камнем, рота поняла своего командира, и живая цепь начала работать.

Один за другим ушли Виваль и Мельник.

– Товарищ лейтенант, – Аверичев окликнул Ладыгина, – я не смогу, меня ноги не слушаются. – В его глазах было мокро.

– У нас нет другого выхода. Надо постараться, Коля, надо очень постараться.

– Я знаю, но у меня колени не гнутся. Можно я поползу? Там ложбинка есть. – На лице солдата отразились все его терзания, уговаривать не имело смысла, он сам выбрал себе путь, и только ему предстояло его пройти.

– Коля, до мёртвой зоны здесь метров пятьсот-шестьсот, ты понимаешь? Если что случится, мы тебя не вытащим.

– Я доползу.

И он ушёл в свою собственную неизвестность. Наблюдать за ним было большее и тяжелее, чем за Абуевым. Если там буря энергии,

азарт, то здесь медленная-медленная казнь. Духи заметили Аверичева не сразу, но вот и вокруг него стали подниматься фонтаны. Кто-то методично, пуля за пулей, вёл по нему огонь. А он полз, вжимаясь в свою ложбину и не останавливаясь, и в этом проявлялась его невероятная сила воли.

Умчался и Иван. Теперь Ладыгин остался один, за его спиной больше никого не осталось. Он сам – последний. Пора. Первый отрезок – самый большой и опасный, дальше будет легче. Ну, пошёл! В лицо ударил ветер, не стало ни мыслей, ни чувств – только ритмичный мощный стук огромного сердца. Слышались свист и шуршание пуль, но встречный ветер относил их куда-то назад, за спину. Вот и Аверичев. Ползёт – жив. Держись, Коля-я-я! И снова ветер. Он видел, как несколько солдат из-за укрытий ведут огонь по духам – прикрывают, не дают командиру пропасть. Ветер выдавил из глаза слезу и тут же её высушил. Вот он, камень. Ладыгин рухнул под него, ощущая, как горят лёгкие, какими тяжёлыми стали ноги...

Потом он преодолел ещё несколько таких же отрезков, и вот, наконец, попал в мертвую зону, здесь не достанут. К нему бросился Миронов, схватил за плечи.

– Серёга, как ты? Я же всё видел.

– Ничего... Обошлось... Сейчас отдышусь... Что рота?

– Все в сборе, целы, нет только Аверичева.

– Он ползёт. Не смог бежать. Давай снайперов и пулемётчиков, пусть бьют по всему гребню, иначе мы его не дождемся никогда. Сержанта Таценко, ко мне.

– Я здесь, товарищ лейтенант.

– Забирай свой взвод и быстро вверх, – он показал рукой на дальний хребет, – чем выше поднимешься, тем лучше, выбирай позицию – прикроешь нас, пока мы будем внизу. Мы пойдем следом минут через двадцать, дождемся Аверичева. Когда будешь на самом гребне, соберёшь всю роту. Мы с Мироновым пойдём последними.

Взвод Таценко начал подъём, а им ещё предстояло ждать отставшего товарища. И он добрался. Аверичев, белый, как полотно, уставший, как вся рота вместе, прислонился к скале, сил на то, чтобы распла-

каться от счастья и от охватившей слабости, у парня не осталось. Его вещмешок в нескольких местах был пробит, пачки патронов, сухой паёк разворочены, а фляга с аккуратными дырочками стала теперь ни на что не годна. Пули брили его по самой спине, и он всё стерпел...

– Ты – молодец! Ты смог..

Командир роты подбадривал своего солдата, а может быть, и себя самого. После стольких испытаний, выпавших им сегодня, в роте нет ни одного раненого, словно их, неверующих, берёт Господь.

В спешном порядке рота начала оставлять дно ущелья. Один за другим солдаты карабкались по крутым сыпучим скатам, одолевали высоту, но двигались вверх они тяжело и медленно, отчего у ротного, смотревшего им вслед, саднило сердце. Он торопил и подгонял отставших, кричал на них, всё то же звериное чутьё подсказывало ему, что ещё ничего не закончилось. И как в подтверждение, как в назидание, где-то в самой середине ротной колонны начали хлопать тяжёлые разрывные пули, поднялось голубое облако. «Засекли, гады, – Ладыгин выругался себе под нос, – когда же этому придёт конец?» Но тут же, словно отвечая на вопрос, в нескольких сантиметрах от него самого шарахнула другая очередь, его осыпало осколками разрывных пуль, щебня. Он ящерицей скользнул между камней и впервые за последние сутки испытал страх, били совсем с другой стороны, откуда никто не ждал. Всем рассредоточиться и не останавливаться. К моджахедам всё-таки пришло подкрепление, капкан захлопнулся, но они опоздали и теперь срывали злость, расходуя всё новые и новые пулемётные ленты. Тяжёлые пули крошили щебень, отражались от базальтовых скал, но в цель не попадали.

Солдаты расплозились по всему склону, и каждый своей тропой уходил к гребню хребта. Два офицера ползли последними, точно соблюдая неписаное правило: сзади никого из солдат остаться не должно. Уже начинало смеркаться, и через полчаса духи не смогут вести прицельный огонь. Так и вышло, ещё с десяток длинных неразборчивых очередей лёг на склоне, а потом всё стихло.

Внезапно опустилась ночь. Она была первым и главным признаком спасения, осталось только выбраться на вершину. После утоми-

тельного дня восхождение давалось особенно тяжело, ноги проваливались в осыпях песка и щебня, гудели от напряжения, по спине, несмотря на прохладу, стекал пот. Хотелось лечь на камни, забыть про всё и провалиться в сон. Судя по тому, как долго они поднимались, перевал находился не так и далеко. Стояла абсолютная тьма: ни луны, ни звёзд; неразличимой оставалась и граница между землёй и небом. И вдруг там, наверху, красно-оранжевой строкой вонзилась в темноту трассирующая очередь. «Таценко даёт подсветку, нервничает, тяжело отвечать за всех. Ну, теперь не заблудимся», – Ладыгин удовлетворённо вздохнул, его сержант проявил инициативу, сумел принять решение – это важно само по себе.

Вымотанные, обессилившие, офицеры выбрались на хребет. Таценко их ожидал с нетерпением, на его лице даже в темноте сияла счастливая улыбка.

– Товарищ лейтенант, рота в полном составе, посты охраны выставлены, командиру полка я уже доложил. Нам поставлена задача – возвращаться на базу.

– Всё правильно сделал, молодец. – В груди командира стало теплее, в пятой роте появился ещё один настоящий сержант.

– И вот в котелке каша с мясом, горячая, разогрели.

– Спасибо, это то, что нужно. Сейчас отдышусь. – Он поднял к глазам часы, за разбитым стеклом ничего не было видно. – Сколько на твоих часах?

– Ровно полночь. Что сказать роте?

– Всем готовиться к выходу. Скоро сворачиваемся и к рассвету вернёмся в полк.

Через пятнадцать минут колонна пятой роты неутомимым призраком двинулась в следующие сутки войны.

Татьяна КУРБАТОВА

Мелькали тени сновидений

Стихи

День Победы

Сорок первый и сорок пятый –
В сердце врезаны эти даты.
Бухенвальдским гремят набатом
Сорок первый и сорок пятый!

Это вечная наша память,
Это пулей пробитое знамя
Над рейхстагом в руках солдата.
День Победы! Май! Сорок пятый!

Вечная память

Вечная память павшим.
Пусть им спокойно спится.
Время листвой опавшей
На плечи им ложится.

Время стирает даты.
Где вы, родные лица?
Братья, сыны, солдаты!
Пусть вам спокойно спится!

Укрытый складками столетий...

Укрытый складками столетий,
Спал город. В свете фонарей
Кружились листья. Стылый ветер
Листал листву осенних дней.

Мелькали тени сновидений,
Мгновенья бодрости и сна.
Плыла над городом луна,
Сплетая снов полночных звенья.

На мягких лапах тишина
Вползала в окна. Шёпот, шорох...
Там старых писем пыльный ворох
И сонное дыханье сна.

До дна испить печаль разлуки,
И радость встреч, и боль потерь.
Не бойся, не проси, не верь!
Не протянуть навстречу руки.

Да, было, было – и прошло.
Всё унесло осенним ветром.
Дождями смыло наше лето,
Смеялось лето над поэтом.

Не повезло... Иль повезло...?

Откройте дверь

Откройте дверь!

Впустив любовь и свет.
Пусть ваш рассвет к закату не стремится,
Листая дней прочитанных страницы,
Не разрывая будней вереницу,
Продолжив увлекательный сюжет.

Откройте дверь!

Не говорите нет!
Вам этот сон не раз ещё приснится.
И наяву в реальность воплотится,
И юный принц вдруг на коне
примчится,
И бросит даме розовый букет.
Корнет учтив, ему так мало лет.
Ему любовь ЕЩЁ лишь только снится,
И свет зари ложится на ресницы,
И всё случится, всё ещё случится,
На все вопросы он найдёт ответ.

Старик ворчлив.

Ему немало лет.
Ему любовь УЖЕ лишь только снится.
А вдруг что снилось – всё-таки случится?
И что ж, тогда прикажете жениться?
А он давно не мальчик, старый дед.

Чадит кадило. Ни огня, ни света.
То дождь, то ветер –
 не разжечь костёр.
Безжалостное время, словно вор,
Украло годы.
 Где ты, юность, где ты....

Хотя бы искру... тает уголёк,
Но срок истёк. Ни пламени, ни света.
В холодный сумрак погрузились лето,
Уже зима нажала на курок.

Судьба над счастьем призрачным смеётся.
В конце туннеля не заметен свет.
Любовь была – и вот её уж нет,
А кто ушёл, тот больше не вернётся.

Холодный дом. Остывшая постель.
Метёт метель. Всю ночь метёт метель.
Откройте дверь!
 Пусть свет любви струится!
И сумрак ночи
 в утро превратится!

За околицей лица

За околицей лица – лик.
За крутым крылом крыльца – крик.
А за хрупкой скорлупой – хруст.
Храм скрывает крик сотен уст.

А в протянутой руке – грош.
Жалость жжёт. Каждый жест – ложь.
На лице гримасы грим – смех.
Зависть жалит. Здесь успех – грех.

Здесь у каждого своя роль.
В пене славы плещет голый король.
Сквозь века сквозит насмешки привет –
Торг восторга. Кто больше монет?

Наверху не видна нагота.
За околицей лица – пустота.

Бессонница

И ни души, и тишина, и ночь
С бессонницей, сestroю вдохновенья,
Мучение полночного забвенья,
Затменья ли, прозренья? – Но невмочь

Без сна, где явь, как сновиденье, –
То позовёт, то гонит прочь
В холодный сумрак тьмы осенней,
Не в силах разуму помочь.

И ни души, и тишина, и свет,
Струющийся сквозь звёздные ресницы.
За мной в рассвет бессонно время мчится
Эпиграфом, рождающим сюжет.

Нет ни души, лишь тишина и боль
За всё и всех, кто рядом и далече,
Но, догорая, догорают свечи,
Когда свою доигрываем роль.

И боль, и ночь, и тишина, и дом –
Он всё вздыхает, жалуясь на старость.
И ко всему живому в мире жалость,
Как плач между бессонницей и сном.

А что у нас сегодня?

А что у нас сегодня? – Облака...
Они плывут и тают за рассветом.
Моя печаль плывёт издалека,
Подхваченная предрассветным ветром.

А что у нас сегодня? – Тихий день...
Тень облаков ложится на поляны,
А я бреду сквозь синие туманы
И всяких слов, и мыслей дребедень.

А что же будет завтра? – Суета...
Она нас поглощает ежечасно.
А я всё жду,
 жду каждый день напрасно,
Что сбудется заветная мечта.

Она всё не сбывается, хоть плачь,
Уже который год, десятилетия.
Но верим мы в неё, совсем как дети, –
Весною вновь ведь прилетит знакомый грач.

А что у нас сегодня? – Будет дождь...
Он смоем все следы, и солнце снова
Повесит радуги звенящую подкову,
И ты сквозь дождь под радугой пройдёшь.

Мой старый друг

Мой старый друг, заветного стиха
Стекает мысль. А мы с тобой в разлуке.
И время гасит лиры моей звуки.
Забвенья речь спокойна и тиха.

Мой старый друг, пишу издалека
Сквозь дней несуетливых расстоянье.
Неспешно льётся лёгкая строка
И не таит намёка на признание.

Мы дружим старомодно и светло,
Хотя, признаюсь, к Вам меня влекло
И Ваш приход я радостно встречала.
Начало так осталось лишь началом
И в омут никакой не увлекло.

Ну что ж, спасибо. К худу иль добру
Пока не разберу, тону в сомненье...
Спасибо за источник вдохновенья,
Работу давший сердцу и перу.

И дрогнет лист...

И дрогнет лист, и наземь упадёт.
И дрогнет мир, и небо снег уронит.
Воспоминаний горечь похоронит
И холодом забвенья обожжёт.

Уносит в осень, не слышны шаги.
Листва листаёт дней моих усталость.
А впереди так мало дней осталось,
Друзей всё меньше, круг теснят враги.

И дрогнет нерв, и сердца аритмия
Окрасит кровью гаснущий закат,
Я не последний на войне солдат,
Придут на землю новые мессии.

Песчинка или капля бытия
Опять исчезнет в чреве океана.

Вселенский разум поздно или рано
Сотрёт с Земли понятие Земля.

И дрогнет лес. Я, словно лист, лечу,
Уносит лист в безвременье и небыль.
И дрогнет мир. И снег уронит небо.
Всё спрячет снег. Я плачу и плачу.

Странник

А странник, устав от пространства,
От странствий безмерных устав,
От готики и ренессанса,
От блеска и праха держав,

Как схимник, скитаясь в пустыне,
Сквозь сонмы летящих теней
От вехи креста и доныне
Един на иконах церквей.

Безвестно, безмолвно по свету
Сквозь ветер летящих веков,
В лохмотья столетий одетый,
Минуя вертеп городов.

Минуя безликие лица,
Пустыню остывших сердец.
Из чаши в руках не напиться...
Кто снимет терновый венец?

И все мы неумолимо,
Не ведая смысл бытия,
В забвение канем незримо –
Осколки вчерашнего дня.

Зинаида КОРОЛЁВА

Милосердная сестра

Очерк

Фронтовая жизнь тяжела для всех солдат, но во много раз тяжелее для женщин. Им приходилось приспосабливаться к походной жизни. Я вспоминаю рассказы Марии Ивановны Бурдулли, сестры милосердия, как она называла себя, прошедшей с госпиталем по военным дорогам Великой Отечественной с первого дня и до победного конца. Она говорила так:

– Война не приспособлена для женщин. Взять хотя бы одежду: начиная с нижнего белья – сами всё шили, особенно в первый год войны. Хорошо тем, кто в авиационных частях служил – списанные парашюты в дело шли. А какой материал прекрасный – и носится долго, и сохнет быстро. Придёшь с дежурства, от напряжения руки дрожат – столько перепестуешь раненых солдатешек, но чуть отдохнёшь и начинаешь шить, да стараешься, чтобы шовчик ровненький, незаметный был, а шили-то всё вручную.

А то возьмём что-то домашнее приготовим, например, блинчиков напечём и раненых накормим. Они довольные, и мы рады. А то как-то

в распутицу хлеб неделю не привозили. Начальник госпиталя к нам с просьбой: «Девчата, кто умеет хлеб печь? Нам муку вместо хлеба завезли». Я шаг вперёд: «Давайте попробую». Хотя я и самая старшая была по возрасту, и семью имела, но ржаной хлеб не пекла, его в магазинах предостаточно. Правда, другая выпечка у меня удавалась. Заставила санитаров сложить плиту во дворе, замесила тесто, да такой хлебушек получился, что даже в дивизионный госпиталь для начальства возили.

Вот говорят: «Награды, награды». Их на всех не хватало. Но не было бы победы без самоотверженного труда второго эшелона, тружеников трудового фронта. Вот был у меня случай: повезла я раненых в эвакогоспиталь. Везти-то всего несколько километров, да и раненых мало – положили их в сани, я рядом иду, вожжи на руку накручены. Впереди бревенчатый мост – только мы на него заехали, как с того берега появились танки и через речку ниже моста по льду пошли. А у меня конь-то в упряжке из только что прибывших на фронт, не привык ещё к технике, вот и погнал вперёд. Я от неожиданности упала, каким-то чудом перевернулась на спину и все брёвна и ледяные глыбы пересчитала. А вожжи так и не выпустила, сумела остановить коня.

Когда меня подняли, то полушубка на спине не было, а кожа вся ключьями. Раненых отправили на станцию в эшелон, а меня – в лазарет для перемещённых лиц, который располагался в каком-то то ли сарае, то ли бараке. Бросили охапку сена на доски, положили на живот, и неизвестно сколько я так пролежала. Заграничные названия я трудно запоминала, языка не знала, и потому мне трудно было. Как же я рада была услышать родной русский говор и увидеть своих девчат из госпиталя! Оказывается, они объехали все близлежащие поселения и, в конце концов, разыскали меня. Моментально доставили в наш госпиталь. Там меня и вылечили. А девчата ещё долго приставали ко мне с расспросами и своими сетованиями: «Маруся, ты же героизм совершила, раненых солдат спасла с риском для собственной жизни. Тебе же орден положен. Вот бы нашего поэта сюда, он бы стихи о тебе написал в газете».

О поэте ещё раз зашёл разговор с Марией Ивановной, когда в день её восьмидесятилетия я прочла посвящённое ей стихотворение.

Память

Память, моя память –
Что поделать с нею?
Возвращает в юность,
Где я молодею.

Вновь иду полями
В сапогах кирзовых.
Вновь лечу словами
Я солдат бедовых.

«Штопаю» им раны...
Ох ты, мать родная.
Сколько их на бранном
Стонут, умирают!

Пела я им песни,
Души согревала,
А в палатках тесных
Ночью я рыдала...

Нелегка дорога
В юность огневую.
– Пожалей немного
Голову седую.

Ох, года-листочки,
Быстро отшумели.
Рано ставить точку –
Песни все не спели.

Мария Ивановна прослушала, а потом говорит изменившимся голосом:

– Точно ты подметила. А знаешь, у меня на фронте была встреча с настоящим писателем – поэтом. Вошли мы в одно село и стали оборудовать госпиталь в пустой избе, а меня всегда пугает пустота, я сразу вспоминаю свой осиротевший дом. Вслед за нами в дом зашёл военный в очках, с тонкими чертами лица. Он сказал, что из газеты. Именно он первым увидел в углу куклу, быстро её взял, а потом прижал к себе и повернулся к нам: в глазах слёзы блестят, а в голосе дрожь: «Хотите, я вам стихотворение прочту? Оно называется “Кукла” и посвящено моей дочке. Как-то они там?»

И он стал читать: «Ни слова сквозь грохот не слышно...» А когда прочитал последние строки: «Я кукла. Чего мне бояться? // Меня не убьют. Я мертва», – я не выдержала и расплакалась, потому что эту куклу я тоже заметила и сразу вспомнила сынишку, его игрушки. Кто-то из сестёр сказал: «Она двоих детей похоронила». Он быстро подошёл ко мне, положил руки на плечи: «Я понимаю вашу боль. Мужайтесь. Надо жить. Хотите, я вам ещё почитаю?» Со всех сторон зашумели: «Читайте. Читайте!» И он ещё долго читал. Я попросила его написать слова «Куклы». Он, положив лист на планшетку, написал слова, поставил подпись «Кедрин». Я хранила его вплоть до пожара, когда всё сгорело.

Да, Марии Ивановне довелось много переживать не только на войне, но и до её начала. Об этом рассказывается в моём рассказе «Котька». В конце этих заметок я привожу его полностью. Но видно, у Марии Ивановны судьба была со щербинкой: после войны ей вновь довелось хватить лиха. Возвратившись с войны, она стала работать в своём же госпитале. Раненые любили её очень – укол начинала делать с прибаутками, с улыбочкой, да к тому же рука была у неё лёгкая, как говорят в народе. Там и пожалела одного лётчика с тяжелейшей раной и контузией головы, приняла его в дом. И пришлось ей ухаживать за ним не только на работе, но и дома. Но недолго он прожил, вновь она осталась одна.

А тут навалились одна напасть за другой: то обворовали, то пожар случился, который уничтожил всё до тряпочки. В кооператив вступала без гроша за душой: взяла кредит в кассе взаимопомощи, заня-

ла у знакомых. И потом, оформив пенсию, она продолжала работать и расплачиваться с долгами. И сколько же было радости, когда она вошла в квартиру со всеми удобствами, когда выгадывала гроши на приобретение вещей.

Когда в конце восьмидесятых годов ветеранам дали возможность заказывать в мастерских пошив одежды по сниженным ценам, то наши фронтовички принарядились, ходили гордые, довольные. Но слишком поздно это произошло, да и унижительная последующая перестройка не дала им возможности порадоваться. Мария Ивановна очень бережно относилась не только к своим вещам, но и ко всему окружающему: она любила ходить в лес, под своим балконом сажала цветы и, будучи уже тяжело больной, после операции, она копалась на грядках, разговаривая с цветами, как с живыми существами.

Котька

Рассказ

Мария Ивановна задумчиво смотрела в окно, а руки разглаживали невидимые складочки на халате. Руки у неё со шрамами от осколков, один палец перебит. Уже девятый десяток пошёл, можно бы и отдых дать им, но не привыкла она к безделью: кто попросит сделать укол – бежит, хотя и нет прежней быстроты. Беспокойная и безотказная душа у неё. Даже на другой конец города бегала... «А как же, – говорит, – людям помогать надо, я же сестра милосердия».

А уж хлопотунья такая – напечёт фирменные пироги и угощает своих знакомых. Вот и сейчас: пришла сделать укол и принесла пирожки на пробу. Выполнила свою благородную миссию и присела. Поговорить. Дома-то одна-одинёшенька. Жалуетя:

– Совсем заели меня стены. Я уж и с цветами говорю, и с кошкой Муркой. Да ведь они безъязыкие, не отвечают мне, хотя всё понимают: с цветочками поговорю, и они быстрее растут. А уж о Мурке и тем паче: ляжет под батареей, растянется вся от удовольствия и дремлет. А мне скучно. Обращаюсь к ней: «Чего лежишь-то? Ишь, вельможа какая, даже встать лень. Взяла бы да поиграла со мной,

старой». И что вы думаете? Она встаёт, подходит ко мне, смотрит в лицо и – «Мрыу, мрыу». Всё, мол, понимаю, да сказать не могу.

Тут на днях взбрыкивать стала – загуляла, на улицу просится. Я цыкнула на неё, думала, остановится, ведь старуха совсем – двенадцать лет, во рту один зуб торчит. Какое там! Бегает по комнате, меня за ноги царапает и орёт густым басом: «Аум! Аум!»

– Ах ты, гулёна! – говорю. – Я тебе дам «Наум!» Опять хочешь притащить мне пегих котят? Иди вон к Ваське в подвал: он красивый и домовитый, всех мышей в сараях разогнал. А Наум твой бестолковый, совсем дома не живёт, хозяйка замучилась, устала искать его...

Мария Ивановна задумалась на минутку, пригладила свои седые волосы и продолжила с грустной улыбкой:

– Вот поди ж ты – животные, а совсем как люди: и болячки у них такие же, и переживают так же. Отберёшь у неё котят, а она, сердечная, мечется по комнате, ищет их, все углы облазит. Только не могут терпеть и скручивать себя в бараний рог, как женщины. А так всё одинаково – и глупые есть, и умные. Но умней нашего Котьки я не встречала – уж сколько кошек прошло через мои руки, а он запал в мою душу на всю жизнь. Вот я расскажу о нём сейчас.

Её серые моложавые глаза затуманились, углубились, как бы ушли в прошлое.

– Было это перед самой войной. Год выдался для меня таким трудным, что даже не знаю, как и пережила. Сначала-то складывалось всё удачно. Жили мы с мужем душа в душу. Я в больнице медсестрой работала, мужу звание капитана присвоили. Сын – утеха наша – подрастал, второго ребёнка ждали. Свёкор ко мне как к дочери родной относился. Только бы жить да радоваться. Да, видно, в жизни всё так гладко не бывает – радость и горе рядышком бродят.

Сыночек заболел дифтеритом. Не смогли спасти, задохнулся. Похоронили мы его. А уж коль пришла беда – отворяй ворота. Не прошло и сорока дней, как свёкор умер от инфаркта. А через месяц у меня родился ребёночек мёртвый. Казалось, уж всё, хлебнула горюшка полной чашей. Да, видно, ещё не до краёв она была. В начале

июня простудился муж и получил двустороннее воспаление лёгких. За неделю сгорел – тогда же не было антибиотиков.

И остались мы вдвоём с Котькой – серым котом. А кот необыкновенный был: глаза голубые, ушки белые с чёрными кончиками. Такой хитрован – диву давались. Бывало, наш Лопушок увидит Котьку – рот до ушей сразу. И идёт к нему навстречу, растопырив ручонки. А этот бесёнок спрячется за угол дивана, высунет свою хитрющую моську, пошевелит усами – и опять в укрытие, только хвост мелькает, как метла в проворных руках дворника. А то выйду утром, а он сидит на крыльце, довольный такой, а рядом с ним штук десять мышей, сложенных горкой.

– Котька, молодчина ты у нас, хорошо поработал, – говорю ему. – Только не носи ты их сюда для доказательства, я тебе и так верю.

И ведь понял он – больше не таскал к дому. Вот такой умница он был. А в те дни приду с работы, сяду на крыльцо и сижу, а в дом заходить не могу: всё голоса родные слышатся. А Котька ещё у калитки встретит меня, доведёт до порога, сядет рядом, смотрит в глаза и выводит своё «Мяу-у, мяу-у...» – как бы говорит, что проголодался. Делать нечего, кот не виноват в моём горе, надо кормить его.

– Ну, пойдём, Котька, накормлю тебя. – Открываю дверь и впускаю в дом.

А он-то уж доволен! Глядя на него, весело вылизывающего тарелку, и сама поем. А затоскую когда, уйду в свои невесёлые мысли, Котька опять к моим ногам липнет, трётся об них, мурлыкает: «Мур-р, мур-р!» Это он меня успокаивает.

– Понимаю всё я, Котя, – говорю ему, – понимаю, что их не поднять уже, да и сама туда живой не ляжешь.

Он в ответ: «Мр, мр...» Значит: «Правда, правда». Залезет ко мне на колени, свернётся клубочком и заснёт. Я так всю ночь порой и просижу, чтобы его не беспокоить. Так бы и жила, привыкая к горькому одиночеству, да судьба приготовила ещё одно испытание, беду страшную – началась война.

На второй день получила повестку. Попросила золовку, жившую через стенку, кормить Котьку, собрала мужнин вещмешок, закрыла дом и пошла в военкомат.

Котька как чуял, что ухожу надолго, – побежал провожать меня. У калитки прыгнул на забор и бежал по нему до самого угла. И всё жалобно мяукал. Дошла я до углового дома, оглянулась, а он всё сидит на заборе. А до этого дальше калитки не бегал. Сердце сжалось от тоски: кроме кота, и проводить некому – золовка не в счёт, нелюдистой она была. А Котька за свою преданность ещё ближе, роднее стал, и тем труднее прощаться с ним.

В военкомате толчея, плач, гомон. Формировался новый госпиталь, и пришлось ждать до утра. Ещё с двумя девушками сели в уголке двора, да так и просидели всю ночь – спина к спине. А утром нас построили со вновь прибывшими с районов девчатами и приказали идти к зданию школы, расположенной через квартал от военкомата.

В школе нас встретил седовласый капитан, уставший, с выступившей щетиной на щеках, с чёрными кругами под глазами. Ворот гимнастёрки был расстёгнут, пот ручьями катился по лицу. Посмотрел он на юбочки наши, платица ситцевые и за голову ухватился.

– Девоньки, да во что же мне вас одевать-то? Обмундирование ещё не получено, завтра только обещают. И кормить вас нечем. Вы вот что, красавицы мои, кто местный – идите домой до утра. А завтра получим всё – и в эшелон.

Пришла я домой – никто не встречает, тишина... Поднялась на крыльцо, ключ вставила в пробоину, но тут почувствовала, что кто-то смотрит на меня. Я обернулась – нигде никого нет. Посмотрела наверх – в лазу над дверью сидит Котька и наблюдает за мной. Глазищи – одни чёрные зрачки торчат. Я обрадовалась, крикнула громко: «Ко-отька-а!»

Он как-то тревожно, призывно мяукнул и прыгнул ко мне под ноги. Только упал он не мягко, как всегда падают кошки, а камнем, и даже подпрыгнул. Упал и лежит, не шевелится. Я села перед ним, глажу его, глажу, приговариваю:

– Котя, да ты что, глупенький? Вот и пришла я. Правда, ненадолго, только на сутки. Мы сейчас обед приготовим. Вставай, Котя, вставай.

Подошла золовка.

– Никак слез? Ты гляди-ка! После твоего ухода он забрался туда и не спустился ни разу. А уж мяучил-то – как ребёнок рыдал. И так весь

день и всю ночь. Всю душу вымотал. Ведь ты уходила на дежурство на сутки – и ничего. А тут как чуял, что можешь не вернуться. Я уж выходила, пугала его. Увидит меня – замолчит, а уйду – опять за своё. Тут слышу – замолк. Я к окну, а это ты идёшь. А чего это он лежит-то?

– Да вот упал и не встаёт.

Золовка потрогала его руками, попробовала поднять, потом опустила на пол, брезгливо отряхнула руки.

– Маруся, да он же мёртвый...

Мария Ивановна посмотрела на меня виновато-грустным взглядом, сняла очки, смахнула слезинку с покрасневших глаз, смущённо произнесла:

– Видать, от разрыва сердца умер, не перенёс внезапной радости. Вот я какую историю рассказала. Пойду, а то Мурка заждалась меня, наверно.

Она встала и медленно пошла к входной двери.

Николай НАСЕДКИН

Письма из Москвы

(1989–1991)

Писатель Николай Наседкин учился на Высших литературных курсах при Литературном институте им. А.М. Горького в 1989–1991 годах. За два года жизни в столице им было написано жене Татьяне Михайловне 26 писем. Сейчас они читаются как своеобразные документы истории, свидетельства очевидца о литературной, политической и повседневной жизни Москвы (да и страны в целом) в эпоху разгара пресловутой «перестройки», последних месяцев жизни СССР.

* * *

1 сентября 1989 г.

Здравствуй, Таня!

Хорошо, что сразу не накатал тебе письмо – оно вышло бы чересчур мрачным. Москва встретила меня пасмурностью, дождём, суетой и грязью. Общежитие, как уже сказал, поразило своим неуютом. Грязь – невероят-

ная. Сначала меня вселили в 724-ю комнату, которая находится рядом с холлом, а там – телевизор, лифт и телефон. Но, слава богу, не успел я толком расстроиться, как кто-то постучал в дверь и крикнул: «Коля, открывай!» Оказался – Владимир Славецкий, который учился с Володей Пирожниковым, который сам из Липецка и которого я узнал в Дубултах на последнем семинаре критиков. Он меня быстренько устроил в свою бывшую комнату. Тоже не бог весть что, но, по крайней мере, тишина и спокойствие. Но и всё равно – комнаты отвратные. Оказывается, нет даже раковины, как говорится, все удобства во дворе, то бишь – в коридоре. Кухня тоже общая и такая грязная, что готовить в ней душа не лежит. В своей комнате я уже второй день убираюсь. Вчера смёл первый слой грязи и паутины, сегодня отмывал всё уже капитально. Но всё равно – ужас. Особенно после нашей чистой и милой квартирки. Мебель здесь – из фантастического сна, столько в ней пыли и ветхости. Короче, сама со временем всё увидишь.

Насчёт денег ты меня сегодня поразила. Ты что, не представляешь, как в Москве вообще деньги летят, а в первые студенческие дни особенно. Я уже купил тряпку, тарелки, стаканы, ложки, тазик и т.п., и т.д. Надо ещё миллион мелочей – щётку для одежды, щётку для обуви, веник, чайные чашки, зеркало, утюг, кастрюлю и т.д., и т.п. Одним словом, когда я узнал, что стипендию нам дадут только 25 сентября, я чуть в обморок не упал. Придётся временно ничего из нужных мелочей не покупать. Единственное – меня поддержало известие, что вышел сборник с моей статьёй³ и в конце сентября дадут деньги. Как-нибудь протяну. Но самое главное, конечно, чтобы за выходные от тебя пришли 50 рублей – мои экземпляры надо выкупить срочно в понедельник. А тут ещё проблема: ведь паспорт и военный у меня на прописке, так что придётся упрашивать выдать перевод по удостоверению Союза журналистов.

Очень меня тревожит – что с Алёшкиным⁴. Никак не могу дозвониться, а Павел Горелов⁵ уверяет, что Пётр должен быть в Москве.

³ Сборник «За строкой учебника» (М.: Молодая гвардия, 1989), в котором опубликовано исследование «Герой-литератор в мире Достоевского».

⁴ Алёшкин Пётр Фёдорович, писатель, издатель, уроженец Тамбовской области, близкий товарищ автора.

⁵ Горелов Павел Геннадиевич, литературный критик, составитель сборника «За строкой учебника».

Завтра, если не дозвонюсь, поеду на дом, может, у них что с телефоном случилось.

Выяснил по карте, что Моргуны⁶ живут рядом с нашим общежитием, полчаса, не больше, пешим ходом. Через недельку пойду к ним с визитом.

Сегодня были первые две лекции. Очень интересно видеть себя снова в роли школяра. Правда, в числе ВЛКашников немало мужиков седей меня, уже явно пятидесятилетних (почти). Я пока ни с кем не познакомился. А следующие занятия только во вторник в 11:30.

Ну вот пока и все новости. Хотя нет, забыл тебя порадовать: когда тащился с вещами и уже добрался до самого общежития, меня при переходе через улицу совсем уже было сбил «Москвич», но в самый последний момент он ткнулся в мой набитый чемодан и замер. В тот момент я окончательно понял, что нахожусь в столице и надо темп жизни менять.

Из наставлений мужа жене я забыл прописать один пункт: а именно – когда т. Акул. (фамилию не расшифровываю из-за конспирации) передаст тебе две банки «жидкости», запечатай их стеклянными крышками. Зачем же добру пропадать!⁷

И ещё пожалуй: оказывается, у нас будет иностранный язык, так что придётся перебазировать сюда словари и долбить проклятый дойч.

Ну всё. Жду денег, жду писем, жду пересылок писем. Запомни и запиши: в экстренных случаях можно позвонить на вахту общежития по телефону 202-13-01 или в учебную часть курсов – 202-48-60 и попросить написать на моё имя короткую записку типа: «Срочно позвони» и т.п.

Очень надеюсь, что ты живёшь там спокойно, соблюдаешь первый пункт наставлений и скучаешь по мне. Я, кстати, соскучился!

Целую один раз.

Муж Николай.

⁶ Моргун Михаил Борисович, журналист «Комсомольской правды», однокурсник автора по факультету Журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова.

⁷ ...т. Акул. – Акулинин Александр Михайлович, тамбовский писатель; речь идёт о самогоне, весьма ценном продукте во времена горбачёвского сухого закона.

21 октября 1989 г.

Таня, здравствуй!

...Мы-то здесь, в столицах, позагружены заботами и беготнёй. Даже вот позвонить некогда – рядом автоматы не работают, а в центре надо ещё время выбрать... Настроение не компанейское, особенно после поездки в Тамбов. Мы ведь практически не общаемся, сидим по своим комнатам – работаем или спим. Правда, как я уже говорил, ко многим наезжают гости – этим и живы.

Взяла ты или нет билет? Времени-то уже осталось всего ничего. Выехать тебе надо в пятницу 3-го. А с обратным пока не торопись – здесь решим.

Я уже взял билеты в один из самых модных театров Москвы – под управлением Спесивцева – на 5-е ноября на «Плаху». Вчера ходил в этот театр на разведку – на спектакль «Москва-Петушки» по запрещённой 20 лет повести В. Ерофеева. Признаться, такого ещё на сцене не видел и не слышал – маты, ругательства, голая баба и призывы типа: «Даёшь революцию!», «Долой прежнюю революцию!» Мало этого, во время спектакля прямо в зале случился пожар, так что чуть паника не возникла. Поговаривают, что это сделано специально – для эпатажа и славы. Короче – готовься к зрелищу. Попробую к ним же достать билеты на «Осень патриарха» по Маркесу – там, говорят, такое показывают, такое показывают!.. Открыты сейчас в Москве и сногшибательные выставки – есть что посмотреть. (Реклама!)

С Петром Алёшкиным виделся три дня назад на собрании членов Правления Московской писательской организации. Избирался главный редактор к нему в издательство, где он – директор, а также – главный редактор нового журнала «Московский вестник». Последнего избрали – им стал мой руководитель семинара на ВЛК Владимир Иванович Гусев. А вот Петру помощника не избрали – ни один из претендентов не набрал положенного количества голосов.

Из литературных новостей ещё: у нас на семинаре были прозаик Руслан Киреев (он ещё в Тамбове тогда был, помнишь?) и критик Вадим Кожин – автор «Тютчева». Я им подбросил много вопросов,

так что даже, наверное, надоел. А вот в ЦДЛ лично познакомился с Владимиром Орловым (автор «Альтиста Данилова»), Петром Красновым (у нас лежит его книжка «Высокие жаворонки» – лидер молодых) и Юрием Доброскокиным (тоже один из лидеров 30-летних). А последнее «знакомство» – с Сашей Макаровым⁸. Он приехал на две недели, живёт здесь же на 3 этаже. Вчера сам нашёл меня на ВЛК, очень обрадовался встрече – поговорили с ним о Тамбове и тамбовской литературе. Кстати, Акулинин так и не дал о себе знать, а съезд ихний поди закончился.

Что-то плохо у меня с глазами (это я уже не о возвышенном!), до праздников, наверное, дотяну, а там пойду в больницу. Тем более, что нас лечат в больнице Литфонда, которая славится специалистами...

Не забудь прислать или привезти то, что напишет Дорожкина⁹ о сборнике, хотя я шибко сомневаюсь, что напишет...

14 ноября 1989 г.

Таня, здравствуй и салам!

Вот, в отличие от тебя, не успел приехать, как сразу же – за письмо к тебе. Кутерьма!

Ехал ужасно. Тринадцатое число вполне себя оправдало. Те соседи, что сели напротив в купе и выставили початую бутылку водки, уже до Мичуринска перепились в стельку (два мужика), и один особенно оказался невыносим – плевался, матюгался, кричал, что он большая шишка в МПС и может перекрыть железнодорожный путь в Крым, так как работает «стрелочником» в Джанкое. Оказывается, это два брата, которые похоронили в Тамбове мать 84 лет, и с ними ехала сестра этой матери, старушка, которая от их поведения и потом защищая их от наказания чуть не отдала Богу свою старенькую душу. А дело в конце концов дошло до того, что пришёл бригадир поезда,

⁸ Макаров Александр Михайлович, тамбовский поэт, студент-заочник Литературного института им. А.М. Горького.

⁹ Дорожкина Валентина Тихоновна, тамбовский поэт, критик, краевед. Речь идёт о рецензии на сборник «Молодая проза Черноземья» (Воронеж, 1989), в котором опубликована повесть автора «Стройбат» («Казарма»).

начал с ними выяснять отношения и началась тут же драка, потом приканали два мильтоши молодых, ещё два или три проводника, но ничего с ними так и не смогли сделать. Короче, я угрозами склонил нашу пышную проводницу к любовному акту: а точнее говоря – заставил её полюбить меня (не без помощи удостоверения члена Союза журналистов СССР) и перевести на другое место. Ехал на 24-м месте в глубине вагона. Чуть поспал.

Сегодня в ЦДЛ увидел на бегу Петра Алёшкина – он тоже в шоке. Оказывается, они с Татьяной в субботу сидели на нашем тамбовском вокзале шесть часов и просились на проходящие поезда – еле уехали...

А в ЦДЛ уже второй день идёт Пленум Союза писателей РСФСР. И, уж разумеется, первого, кого я увидел там, – В. Герасина. А потом и Акулинина. И вообще там знаменитостей хватало – впервые близко увидел В. Белова. Рож знакомых много. Меня узнают, кроме тамбовских, пока ещё только Пётр, Иван Панкеев (из «Лит. России»), Саша Фоменко (из «Молодой гвардии»), та самая Баранова-Гонченко («Современник»), Павел Горелов да Юрий Доброскокин. Видел редактора «Урала» Лукьянина, хотел подойти поинтересоваться, что же случилось с теми рассказами, которые выслал я ему в прошлом году, но он так был полусогнуто занят беседой с кем-то из «седовласых», что я не решился его беспокоить.

Там же сегодня подписался и на «Московский литератор». Кви-танций они не дают, так что приходится верить на слово...

Ну всё, буду закругляться. После этого 651-го да ещё с такими соседями в сон клонит. К тому же я уже сделал уборку, постирушку провернул и сейчас быстренько ужин сварганю.

Сегодня выяснил интересную и полезную вещь. Оказывается, междугородные автоматы работают и без монеты около трёх секунд. Я, набирая четыре раза номер, надеюсь, успел тебе сообщить, что добрался нормально и что у меня для разговора нет пятнашек? Если бы ты, отравя, была у меня посообразительнее, я бы успел тебе и в любви объясниться, но ты всё кричала: «Колечка! Ты меня слышишь?.. А, Колечка?..» Приходилось и мне драгоценные секунды тратить на ор:

«Слышу!» Мне 15–60 копеек не жалко, но у нас такая дикая почта, что могут вывесить объявление (как сегодня), что монеты не меняются из-за отсутствия работников. Так что в следующий раз я после первого набора скажу: «Это я!», после второго: «Всё нормально!», после третьего: «Люблю!» А ты только поддакивай: «Слышу, дорогой!» Гут?

В эту пятницу едем на экскурсию в Загорск...

Дядя Коля фон студент, муж и пассажир 651-го безобразия.

27 ноября 1989 г.

Таня, здравствуй!

...Я же почему пишу редко (скопилась куча неотвеченных писем) – застрял с повестью и статьёй. Идёт такая страшная правка повести, что некоторые страницы, уже отпечатав, приходится выкидывать. Полностью отпечатал пока только 130 страниц. Будет ещё страниц 70–80. А статью пишу уже на 10-й странице, тоже идёт туго, мыслей много и хочется написать эпохально.

Позавчера перевозили на новую квартиру Владимира Славецкого, для которого я как раз и пишу статью, – зав. отделом критики «Литературной учёбы». Мы с ним окончательно стали друзьями и, что самое главное, – единомышленниками, вернее, не стали, а выяснили это до конца. Он, как и я, в принципе центрист, но сочувствует «русским». Написал статью, дал мне её прочитать, и я подтвердил его опасения, что статья наделает шуму и врагов ему как из того лагеря, так и из этого. А мысль статьи в том, что хватит, ребята, грызться, пора начинать писать, создавать настоящую литературу.

Подробности в разговоре, а пока – о квартире. Это – кошмар. Его взяли на работу в июне, а уже в сентябре выдали ордер на эту квартиру. Единственный пока недостаток – далековато, но уже заканчивают строить метро. И ещё – подъезды и лифтные площадки обособленнее и криминогеннее, чем в нашем доме, – тёмные, изолированные закоулки. Но зато – квартира! Трёхкомнатная, 46 метров, коридор метров 15 со встроенными шкафами, лоджия метров 15 со сливами и швеллером поверху (тоже, как у нас кирпичная стенка, но сверху

– железный швеллер для крепости), полы паркетные, ванна и санузел выложены плиткой голубой, кухня тоже, обои, двери, окна – всё сделано на ять. Только завидовать остаётся. Единственное, во всей квартире торчали голые провода, без патронов и лампочек. Володя был в трансе – как же быть? И когда он узнал, что я могу сделать свет и действительно сделал в двух комнатах, ванной и прихожей, Володя чуть не обалдел и потом весь вечер твердил, что я – гений в быту и жизни. А потом добавлял – и в литературе.

Благодаря этому переезду я сдружился крепче не только с Володей Славецким, но и сошёлся с Андреем Новиковым, поэтом, пятикурсником Литинститута и липчанином. Хороший парень. Особенно интересен тем (кроме поэзии, а поэт он, действительно, неплохой), что является эпилептиком, как Достоевский...

...Теперь, пока не забыл, о Кашпировском. Сегодня в «Правде» (27 ноября) есть отчёт о заседании философского общества, где обсуждались проблемы с Кашпировским. Я и раньше слышал, и вот опять зашёл об этом разговор, что толком никому не известно, как его воздействие на телезрителей скажется через год, пять лет, сорок... Оказывается, в Венгрии проводили в 70-х годах подобные телесеансы и очень скоро проявился взрыв болезней и смертей. Короче, последний раз тебе говорю – брось Кашпировского!

Теперь о – Божеском. За это время были две экскурсии и обе – чудесные. Первая – в Загорск. У нас учится болгарин Валентин Гачев, который лично знает первого секретаря Загорского горкома партии. Валентин ему заранее позвонил, и нас встретили так, что слов нет. Нам показали то, что никому и никогда не показывают. Даже открыли для нас летний Успенский собор, провели в музей лавры – нам показали знаменитый и уникальнейший оклад с иконы Андрея Рублёва «Троица», словами это не передать. Нас водил по музеям и по всей Лавре инок, который буквально заражал своей верой, он столько рассказал – я, к примеру, слава Богу, на тридцать седьмом году жизни научился ВИДЕТЬ иконы, понимать, что такое иконостас, его символику и содержание... Одним словом, уже вот только за одни такие поездки можно быть благодарным ВЛК до конца жизни.

А в эту пятницу состоялась экскурсия по древней Москве. И главные объекты – Свято-Данилов монастырь и Новодевичий монастырь. И как я не догадался свозить тебя в Данилов монастырь, который, как ты знаешь, был пять лет назад отдан Русской православной церкви и стал резиденцией патриарха. Расписывать не буду, в феврале вместе съездим, послушаем службу, всё поглядим. А в Новодевичьем монастыре, оказывается, – резиденция епарха Московского и Коломенского Ювеналия. Там тоже стоит провести целый день. Хотя на выставки русских изразцов (куда нас водили) и русского оружия (куда нас не смогли провести) попасть невероятно трудно. Потом мы пробежались по кладбищу, но так как началась метель, ничего хорошего из этого не получилось.

А потом (кончаю о божественном) мы поехали получать стипендию, и там я получил хороший заряд бодрости. Дело в том, что мне выдали стипендию в размере 74 руб. 50 коп. А когда я пошёл в бухгалтерию выяснять сей казус, мне объяснили, что с меня, оказывается, забывали брать за бездетность по шесть рублей, и вот теперь высчитали сразу за три месяца 18 рублей. Как ты понимаешь, настроение у меня получилось не праздничное. Жду с нетерпением завтрашнего дня, пойду к главному бухгалтеру и задам всего один вопрос: «Если мне как бездетному платят на пятьдесят рублей меньше, чем другим, то почему высчитывают ещё и эти несчастные шесть рублей?» Хотя, в принципе, мне, конечно, выступать не стоит, дело в том, что нашего милейшего проректора В.В. Сорокина, который, практически, меня и взял в обход всех инструкций, избрали освобождённым секретарём Союза писателей РСФСР. Правда, он нам позавчера сказал, что, узнав, кого прочат на его место (фамилию он не назвал), Валентин Васильевич заявил, что будет совмещать две должности за одну зарплату, но ВЛК евреям не отдаст. Вот пока мы и надеемся, что он действительно сможет тянуть две лямки, а иначе новый проректор вполне может поинтересоваться: почему это Наседкин, имеющий высшее образование и не член СП, занимает у нас место?

Ладно, хватит о возвышенном. Билет я купил, но это – анекдот. Пришёл за 44 дня в кассу и прошу одно купейное на 31-й до Тамбова. Отвечают:

только боковые плацкартные. Следом за мной человек просит купейное на 31-й до Тамбова на послезавтра – пожалуйста! Короче, я решил себе кровь не портить и попросил на 29-е декабря купе на любой поезд. Мне дали на 13-й саратовский. Выезжает он из Москвы в 15:30 дня, и в Тамбове я буду в час ночи. Я уже на этом поезде однажды приезжал.

...Да, совсем забыл сказать, что Пётр Алёшкин прочитал мою статью «Подпольный человек Достоевского как человек», восхитился и сказал, что она будет опубликована в ИХ журнале.

Насчёт кепи ты меня, естественно, убила: я ношу головные уборы типа кепи как раз 58 размера, и очень жаль теперь искать подобное в Москве.

Кстати, в Москве до Рождества (25 декабря) должны открыться широкие прилавки какой-то итальянской фирмы по производству одежды, которая поклялась, что за приемлемые цены обеспечит ВСЕХ жителей столицы и даже гостей самыми необходимыми модными шмотками. Ждём!

Что касается французских духов, то здесь на ул. Горького открылся магазинчик западной парфюмерии – австрийской, канадской, бельгийской, французской. Цена духов (размер флакона – с кукиш мальчишка пяти лет) – 120 рублей. Буду думать.

Насчёт пеноплена (я не знаю, что сие такое) думай сама. Я повторяю, после того, как увидел квартиру Славецкого, стал ипохондриком – разве нам не могли отделать квартиру?

...Здесь у нас ударила зима, и я всё представляю, как в январе будем шастать по окрестностям Тамбова на лыжах...

Муж Коля фон Наседкин.

8 декабря 1989 г.

Таня, здравствуй!

Случилось страшное несчастье!.. Только что в книжном магазине возле общежития я хотел купить открытку, чтобы поздравить тебя, отраву, с первым днём рождения. Полез в карман! А кошелек нету!!! Вот тебе и троллейбус! А ещё – Москва!..

Слава Богу, там было всего несколько рублишек (правда, последних!), талон на сахар и транспортные талоны штук пять. Всё равно

жалко! Придётся сейчас ехать в сберкасса – подпитываться. Вот такие радости жизни.

Получил от тебя послания из журнала «Москва» (вполне нормальное, иного я и не ждал) и из Библиотеки «МГ», которое меня оторопило (от слова «оторопеть»). Кому ни дам почитать – все в транс, что до сих пор такое возможно в нашем книгоиздательстве. Никак не могу встретиться с Лыкошиным¹⁰, чтобы он оскорбился лично (ведь, в первую очередь, все оскорбления в этой бумажке метят в него) и что-нибудь предпринял. Хотя, с другой стороны, я думаю, что, может быть, сие – перст Божий. А вдруг у меня в «Современнике» всё же возьмут рукопись, а бывали случаи, что выкидывали из плана рукописи, которые публиковались прежде в Библиотечке «МГ». Короче – ну их к...!

Сообщаю тебе две приятные новости подряд. 1. Полностью закончил «Казнить нельзя помиловать». Вчера отвёз Петру. Ночевал у него. Татьяну он проводил в Уваровщину, ездил с ней до Тамбова. Рассказывал, как вечером ходил возле нашего дома (в воскресенье 3-го), но не решился зайти, чтобы я-де не взревновал потом. Чудак! Короче, повесть я ему отвёз, но он сейчас так загружен собственными делами, что неизвестно когда будет читать. Тем более у него температура за 38, не дай Бог, разболеется. Одним словом, надо ждать.

Зато у него я увидел штучку, которую нумерую цифрой 2. А именно – он мне показал вёрстку нового российского альманаха «Глагол», и там в редакционной коллегии значится и – НИКОЛАЙ НАСЕДКИН. А содержание такое, что за этим томом будут ломиться толпы – воспоминания Пуришкевича об убийстве Григория Распутина, матершинные частушки, собранные Николаем Старшиновым (Я лежала с Коленькой / Абсолютно голенькой, / Потому что для красы / Он стянул с меня трусы!..), стихотворение сестры Николая II, написанное ею накануне смерти (казни), и, главное, – книга

¹⁰ Лыкошин Сергей Артамонович, первый заместитель председателя Союза писателей России, критик, литературовед, один из руководителей Всероссийского семинара молодых критиков (Дубулты-1986), участником которого был Наседкин. Он прочитал рассказы начинающего писателя, одобрил и предложил их для издания отдельной книжкой «Библиотечке “Молодой гвардии”», редакцию которой ранее возглавлял.

Аркадия Аверченко «Дюжина ножей в спину революции». Страшная вещь!

Сразу и скажу, что я приготовил тебе подарок к годовщине нашей свадьбы. Разумеется, не пошлые духи, а – рукопись (сам перепечатал) страшной книги, верней – статьи Владимира Солоухина «Читая Ленина». Теперь, прочитав её, я наконец-то начал кое-что понимать и расставил точки над *i*. Как приеду, буду читать тебе вслух и по слогам...

...Сообщаю откровенно, что я тут занялся развратом в смысле видео. Одним словом, я увлёкся видеофильмами и уже посмотрел штук десять. Кошмар! Такого ужаса и такой порнографии, как кричат наши защитники морали, действительно в советском кино нет. Для расширения кинокругозора думаю посмотреть ещё фильмов с десятков, правда, и цены кусаются.

К врачу я пока не ходил – нет времени. Вот сейчас ещё статью для «Литучёбы» напишу, съезжу в Тамбов, а потом уже, в феврале, пойду по больницам...

...Да, совсем забыл – Пётр выяснил, что Патриарх всея Руси Пимен родом из Уваровского района Тамбовской области и сейчас там живёт его родная сестра.

...Твой муж – Коля.

19 декабря 1989 г.

Таня, здравствуй!

...Коротко о делах. «Казнить нельзя помиловать», как я тебе вроде уже писал, закончил и вручил Петру, но он, ревизионист, занят своей рукописью и мою не читает. Сегодня буду ему по уговору звонить, так как на завтра пока предварительно намечено обмывание новых книг его и Валеры Козлова¹¹ в ресторане ЦДЛ. Они меня приглашают. Узнаю и про рукопись.

Зато вчера прорвался к Лыкошину. Как и ожидалось, прочитав отлуп из «Библиотечки “МГ”», он вскипел, начал туда звонить. На

¹¹ Козлов Валерий Борисович, московский писатель.

главного негодяя – зав. редакцией Жеглова – не попал, но круто поговорил с сотрудником («Вы что там! Это талантливый писатель молодой пришёл к вам с моей рекомендацией, а вы его отфутболиваете с такой наглой отпиской?! Чтобы немедленно мне Жеглов позвонил!..») и, чувствуется, оскорбился всерьёз. Позвонил он затем и в «Современник» Барановой-Гонченко¹²: «Лариса, как там дела с рукописью Коли Наседкина? Ещё смотрите? Лариса, очень тебя прошу: человек талантливый, надо поддержать, внимательно отнестись. Это не в порядке дружеского давления, но просьба очень и очень большая!» Теперь надо ждать, чем всё это закончится.

Закончил я и статью в «Литучёбу», сейчас понесу туда. Называется «Границы провинции», толщиной в 19 страниц и напичкана пафосом, негодованием, страстностью и, чего уж скромничать, талантом. По крайней мере, читал Олегу Игнатьеву¹³, и он визжал и плакал от восторга.

Сейчас задумал статью под названием «Контраст» с подзаголовком «Кропоткин и Солженицын: эффект параллельного чтения». Тема капитальная: как в царских тюрьмах «издевались» над революционерами и как политические «отдыхали» в тюрьмах и лагерях при Советской власти. Буду работать дома, и за январь надо её оформить.

Купил за последнее время две хорошие книжки: «Потешки. Считалки. Небылицы» и «О любви» Стендаля. Но упустил прекрасный том Розанова – не хватило денег.

Ах деньги, деньги! Их кошмарно не хватает, и я уже устал думать о том, где их доставать. Щиплю потихоньку сберкнижку, тем и живу, не шибко выделяясь из толпы остальных молодых литераторов.

...Вчера был на чудесном вечере в Колонном зале Дома союзов, посвящённом Некрасову. Я впервые был в этом великолепном зале, где в 1880 году проходили основные торжества Пушкинского праздника и где Фёдор Михайлович Достоевский своей знаменитой ре-

¹² Баранова-Гонченко Лариса Георгиевна, критик, зав. редакцией по работе с молодыми авторами издательства «Современник».

¹³ Игнатьев Олег Игнатьевич, поэт, сокурсник по ВЛК.

чью о Пушкине потряс тысячный зал. Во вчерашнем вечере принимали участие Егор Исаев, Виктор Боков, Сергей Викулов, Татьяна Глушкова, Алексей Марков, Геннадий Серебряков, Юрий Прокушев, наш Валентин Сорокин, Николай Старшинов. Потом выступал священник (я не расслышал – какой) и хор Московской Патриархии. Направленность вечера была в русле «Нашего современника» и «Лит. России».

Вот несколько штрихов. Виктор Боков закончил речь тем, что Ленин, как и Некрасов, безумно любил русского крестьянина. Я ему послал записку: «Прежде чем говорить о любви Ленина к крестьянам, почитайте его статьи 1916–1922 гг. или, по крайней мере, – статью В. Солоухина “Читая Ленина”. Пора повзрослеть».

Прекрасно выступил проректор наших ВЛК В. Сорокин, сорвал бурные аплодисменты. Пафос такой: доколе, Русская земля, будут топтать тебя иноверцы?! Он напомнил, что как раз в этот день (18 декабря) в Москве открылся съезд сионистов (!).

Отлично выступил до этого незнакомый мне Г. Серебряков. Особенно одно его стихотворение о том, что корабль наш тонет, в команду затесались какие-то странные матросы со странной кровью, а капитан на мостике почему-то делает довольный вид, – вызвало шквал аплодисментов. Священник говорил о том, что вера спасает и соединяет, сплачивает людей. И ещё сказал, что он слышал выступление Бжежинского и поразился его словам, что Россию может спасти только соединение Церкви и Армии, значит, резюмировал отец, видите какой силой обладает вера, церковь...

А уж про песнопения церковные я и говорить не буду, можешь представить себе, на каком уровне это было, какой транс.

...Не был я на похоронах Сахарова, но событие было грандиозное и массовое.

Муж Коля, знаменитый потом писатель...

12 февраля 1990 г.

Таня, здравствуй!

...Сегодня я ходил в куртке и без шапки – было плюс пять днём. А ходил я в «Современник» на первую встречу с редакторшей моего сборника критики. Трещины: Светлана Анатольевна Ростунова оказалась молодой и привлекательной девушкой! Впрочем, сразу спешу тебя успокоить – она, оказывается, родная дочь Анатолия Петровича Ланщикова¹⁴, так что я смотрел на неё почтительно и деловито. Она мне сказала немало хороших слов о рукописи, но по-прежнему считает, что много довольно-таки необходимо выкинуть. Окончательно вопрос решится с объёмом рукописи и её участи месяца через два. Опять надо ждать и надеяться!

Теперь новость похуже. Рукопись прозы из «Современника» мне, увы, вернули на том основании, что-де на неё получена отрицательная рецензия. Рецензентша, некая Л. Нешкова, начала за здравие («Наседкин умеет увлечь читателя, захватить его, повести за собой... читая его рукописи, нелегко оторваться» и т.п.), а кончила за упокой – и с тем она не согласна, и с этим... Сочиняю по этому поводу едкое письмо Барановой-Гонченко: рецензентша зачастую не согласна с тем, с чем были согласны Ланщиков, Лыкошин... Впрочем, дело не в письмах, а в том, куда рукопись влечь. Пётр Алёшкин обещал мне дать совет, но всё нам некогда встретиться и поговорить. Я до сих пор даже книги Акулинина ему не передал.

Пётр вообще сейчас страшно занятой человек. Издательство [«Столица»] заселилось в помещение, в котором находилась редакция «Московского литератора». Но там тесно, и Петя выбивает новое помещение, мотается в командировки за бумагой и т.д. Я с ним один только раз и поговорил на ходу. Сегодня вечером буду звонить.

¹⁴ Ланщиков Анатолий Петрович, критик, литературовед, один из руководителей Всероссийского семинара молодых критиков (Дубулты-1986), участником которого был Наседкин.

Но самое главное, что я уже познакомился с редактором своей книги (будущей!). Это писатель Анатолий Кончиц (такая вот фамилия!). Мы с ним уже разобрали все его замечания – их масса, но все они мелкие, только по языку и стилю. Я не с каждым замечанием согласился – искали компромисс. Сейчас я уже закончил правку и теперь остаётся только молиться Богу, чтобы ничего не помешало выходу книги. Только, Таня, – никому ни слова! Тайна сия велика есть! Поняла?..

Ну вот, пока письмо пишу – и легче стало. А тут ещё прервался и попил чайку с вишнёвым вареньем. Совсем, как дома. Особенно – если глаза закрыть и не видеть этой грязи и нищеты общежитской, а представлять, что сидишь в кухне (на кухне?) родного дома. Хорошо, уютно...

...К слову, до какого же позора с едой мы докатились в России! Это я о «Макдональдсе» вспомнил. Представляешь, теперь вся правая часть Пушкинской площади перекрыта ограждениями, закрыто движение транспорта и пешеходов по части Большой Бронной (по которой – самый короткий путь на ВЛК), и всё из-за срамной очереди в несколько сот голов, выстраивающейся к «Макдональдсу», чтобы сожрать бутерброд за четыре рубля. Владельцы этой харчевни, опешив от дикости россиян, даже ввели необыкновенное для своих «Макдональдсов» правило: в одни руки отпускаются только... 10 (десять) фирменных бутербродов! Это сделано потому, что с первых же дней их начали перепродавать на чёрном рынке по двойной цене... Нонсенс какой-то! Я когда в первый раз эту очередь «мавзолейную» увидел – чуть не заплакал. Стыдно! Сам я, конечно, не попробую этот дурацкий «мак» до тех пор, пока всё не войдёт в берега цивилизованного приличия.

Закругляюсь. Не забудь сообщить о моих материалах у Начаса и Овсянникова¹⁵. А самое главное – о книжке воронежской...

Николай-муж.

¹⁵ Начас Евстахий Ярославович, поэт, ответственный секретарь областной газеты «Наедине»; Овсянников Иван Игнатьевич, журналист, зав. отделом культуры «Тамбовской правды».

3 марта 1990 г.

Таня, отравенция, здравствуй!

Пишу тезисное письмо, дело в том, что Пётр посоветовал мне в тот сборник, который я понесу в «Советский писатель», включить и «Казнить нельзя помиловать», и вот я теперь уже неделю сижу за машинкой и долблю как дятел. Отдолбил только половину.

У Алёшкиных был в то воскресенье. Познакомился там с другом Петра из Харькова – писателем Андреем Коновко (он о нём часто поминал и у нас). Парень хороший. Тоже по заказу Петра сотворил детектив, но, видимо, слабее моего, так как Пётр возвращал его ему на переработку.

Судьба моей повести будет окончательно решена к маю, когда редсовет утвердит её в плане. Моли Бога!

Что касается статьи в «Литучёбу», то Славецкий вроде бы сказал, что пойдёт. Но не забывай, что над ним есть ещё начальники – всё зависит от них.

Гусев¹⁶ повесть мою так до конца и не может дочитать. Нехороший он человек! Правда, говорят, у него не клеится дело с журналом – ещё ни одного номера не вышло.

Была у нас на ВЛК опять встреча с Кожиновым¹⁷. Он сказал, что написал книгу о семи гениальных поэтах русских XIX в. и предложил угадать их имена. Изю всех вээлкашников я один составил правильный список – Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Баратынский, Некрасов, Фет, Кольцов. Кожинов сказал – есть вкус у Наседкина. Гордись!

Если бы ты видела «Архипелаг ГУЛАГ»! Какое шикарнейшее издание – репринтное с французского. Но главное, конечно, содержание! Я уже дочитываю первый том, хотя после десяти страниц уже хочется удавиться. Готовься – пока не прочитаешь весь «Архипелаг ГУЛАГ», ни единой книги я тебе не дам читать. Это – правда о Советской власти за все её 70 лет!

¹⁶ Гусев Владимир Иванович, критик, литературовед, профессор Литинститута, руководитель семинара критики ВЛК, главный редактор журнала «Московский вестник».

¹⁷ Кожинов Вадим Валерианович, литературовед, критик, публицист.

У нас рядом с общежитием на остановке развешаны листовки «Памяти»¹⁸. Приедешь – почитаешь. Очень интересные факты.

Теперь о покупках. Деньги, как я уже говорил, ещё не пришли, но они пока и не нужны. В магазинах ничего нет. Висит, правда, болгарское пальто в ёлочку, серое, но тонковатое и стоит всего 130 рублей – видимо, тряпка. Но я к тому же решил, что надо покупать не «ёлочку», так как в таких ходят уже седые мужики, а – всё же хорошую плащёвку. Так что торопиться не буду – летом легче купить.

Штанов хороших или моего размера тоже нет. Да и меня отговорили покупать в кооперативе. Оказывается, время от времени продают импортные варёнки. Надо ловить. Таня Петру купила за 120 на Кузнецком мосту.

Но я уже решил пока вместо пальто или брюк купить магнитофон-диктофон типа «Легенда». Он стоит-то всего 139 рублей и всегда лежал навалом во всех московских магазинах. И что же? Кинулся в один, другой – шаром покати. Есть магнитофоны, но громоздкие и дороговатые. Впрочем, мне и по магазинам сейчас бегать некогда, да и по грязи не хочется. Приедешь – вместе пробежимся...

...Лёня Шорохов¹⁹ пока улетел в Ташкент, домой, где ожидаются беспорядки, и он решил защищать стариков родителей от погромов.

...Только что позвонил Пётр (с помощью записки), и они с Таней пригласили меня на шесть вечера в ресторан ЦДЛ на лёгкий ужин. Точно даже не понял, по какому поводу. А уже без четверти пять...

Мужик Коля.

П.С. У нас намечаются две бригады на поездки – в Румынию и в Забайкалье. Буду пробовать пробиться куда-нибудь.

2 апреля 1990 г.

Таня, это – я! Здравствуй!

Длится какой-то кошмар! Бог, судьба или что там ещё – мешают

¹⁸ «Национально-патриотический фронт (НПФ) „Память“», также известный как Общество «Память» – русская ультраправая националистическая организация.

¹⁹ Шорохов Леонид, русский писатель, живущий в Узбекистане, сокурсник по ВЛК.

мне увидеть первую мою книжную публикацию. Нет бандероли! Нет до сих пор! Не знаю, что и думать. Мне, самое главное – посмотреть, правили или не правили. Душа изболелась!²⁰

Со «Столицей» я тебе по телефону уже говорил вкратце. Короче, в пятницу отдал рукопись последний раз и сказал Петру, что больше ни словечка в ней не поправлю. Кстати, 5-го апреля будет заседать Правление московской писательской организации и утверждать план издательства «Столица». В этот день, я думаю, окончательно решится судьба моей гениальной (!?) рукописи.

Теперь о сущем. Вчера провёл преотличный день. Впервые пересилил свою работящую натуру и решил в выходной отдохнуть. Сразу после завтрака поехал в город. От площади Маяковского пошёл пешком до парка им. Горького (1,5 часа!), там проходил День смеха. Но, увидев толпы неимоверные и цены входные – 1 (один) руб. (а во времена моего студенчества вход в парк по праздникам стоил 10 копеек!), я из принципа решил не расставаться с рублём, а пошёл дальше. И на пути встала та церковь (рядом с Октябрьской площадью), которую я тебе, отравя, всё хочу показать. А сам там ни разу не был. И зашёл. А она открыта, только вход, оказывается, с другой стороны. Так вот, красивее её поискать надо! Называется – церковь Иоанна Воина на Якиманке, построена в 1712 году, первый взнос на неё – триста рублей золотом – сделал Пётр Первый. Я зашёл – там шли занятия воскресной церковно-приходской школы в одном углу, а в другом происходило таинство крещения младенцев. Лицеизрел. Всё это для меня страшно в новинку.

Затем я направился далее и, проходя мимо «Ударника», увидел, что в нём проходит неделя итальянских фильмов. Наудачу зашёл и, представляешь, – есть билеты на фильм «Город женщин» Феллини! Я обалдел до фильма, а после сеанса ещё больше. Я только теперь понял, КТО такой Феллини. Фильм – из разряда необыкновенных.

Но того чище, до сеанса было время, я пошёл в Театр эстрады и купил свободно билет на 5 апреля на творческий вечер Клары Новиковой и Ефима Шифрина. Вот уж насмеюсь и нарегочусь!

²⁰ Речь идёт о сборнике «Молодая проза Черноземья» (Воронеж, 1989) с повестью «Стройбат» («Казарма»).

Одним словом, с весной и настроение бодрее, и Москва веселей.

В «Рекламе» было объявление частное о продаже 17 томов Достоевского – то, что я ищу. Но не успел – уже продали. На случай, если такое объявление будет в Тамбове, – учти. Сразу покупать!

Был в музее Горького. Потом расскажу. Это – кошмар!..

Николай Николаевич Наседкин.

6 июня 1990 г.

Таня, физкульт-привет!

Письмо оперативное получил – спасибо! Жду теперь длинного и многосодержательного письма о Тамбове, тебе, родственниках и прочих, как говорит наш доцент Смирнов, колониальных товарах...

...Деньги (начал о предметах скучных) пока не доставлены на мой счёт²¹. Проживаю остатнее. Вчера виделся в ЦДЛе с Петром: увы, он настолько занятой товарищ, что уделил мне толечко минуты три. И то во время принятия пищи. Советует ходить мне самому в его бухгалтерию и торопить. Ничего себе! Правда, обрадовал одним: сказал, что, может быть, уже в конце месяца будет вёрстка моей книги. Так что мне надо иметь в виду, что по дороге в Абакан или на обратном пути мне придётся задержаться в Москве дня на три – вычитывать вёрстку...

...Вчера в ЦДЛ набрался смелости и подошёл к Гусеву. Он сидел и, как всегда, клялся со своей бандой по «Московскому вестнику». Я суровым голосом спросил: какова же судьба моей рукописи? Владимир Иванович мне с готовностью отвечает: «От вашей повести я не в восторге (я слотнул ком в горле), но мы её опубликуем в июне-июле следующего года». Я хотел сесть, но пол в верхнем буфете ЦДЛ был настолько заплёван, что я устоял. И сказал: «Мне сие приятно слышать, В.И., но дело в том, что повесть моя уже выходит в издательстве “Столица”. Готовлюсь вёрстку читать». Он был настолько поражён, что даже протрезвел. И сказал: «Это – не проблема. Мы всё равно

²¹ Аванс по договору из издательства «Столица» за книгу «Казнить нельзя помиловать».

опубликуем!» Но я решительно занял противоположную позицию: «Нет, Владимир Иванович, это – не серьёзный разговор. Давайте лучше так: я заберу у вас повесть, а взамен предложу вам новый свой рассказ “Осада” и парочку прежних в придачу». Он сказал – о’кей! Теперь я срочно заканчиваю «Осаду» и ещё дам ему «Встречи с этим человеком» и «Супервратаря». А что? А вдруг? Ставь свечки в нашем Тамбовском храме.

Там же, в ЦДЛе, купил первый номер – исторический – «Московского вестника». Читаю – Гусев мне всё понятнее.

А только что дочитал книгу, которую купил по дикой случайности по госцене в нашем (около общаги) магазине. Авторы – два венгра: Ласло Велади и Тамаш Краус. А книга называется – «Сталин». Это – биография его через историю СССР. Читается мгновенно.

Ездили на экскурсию в Ростов Великий. Получилось не очень – дождь лил весь день. Завтра утром едем в Звенигород. Потом в – Поленово, а затем в – Калугу...

...Ну – всё. Если обнаружишь, что о «Молодой прозе Черноземья»²² не было ни строки в газетах, – передай им всем моё огромное «фи!». Особенно таким товарищам, как: Кулин, Овсянников и Дорожкина. Дождутся они от меня ещё доброго неискренного слова!..

Муж.

25 сентября 1990 г.

Таня, здравствуй!

Письмо – штука страшная. Пишущий находится в одном настроении, читающий – совершенно в другом. Это угнетает и сдерживает...

...А тут ещё пошли один за другим щелчки судьбы – вернули рукопись из «Московского рабочего», в «Литературной учёбе» в самый последний момент редактор снял мою статью, Петра в Москве не было аж до 17 сентября (они с Татьяной были в отпуске), и я не знал, что с моей книгой... Добавить ещё, что в Москве чуть ли не

²² Сборник с повестью «Стройбат».

настоящий голод, были даже перебои с хлебом, а мясо и в кулинарии исчезло, плюс ко всему собачий холод и отвратная погода...

...Хандра моя продолжается, и не знаю к чему всё это приведёт. И, как назло, мелочи громоздятся на мелочи, отравляя повседневность так, что хочется кашлять. Пропал у меня, к примеру, ножик, и теперь я опять мучаюсь со здоровенным кинжалом. Приказал долго жить заварной чайник, в магазинах их нет, и теперь я чай завариваю в стеклянной банке. Питаюсь картошкой да остатками риса и вермишели, которые сохранились с весны. Скоро кончатся и – голод. Даже в нашей студенческой столовой мясо исчезло, есть только сосиски, сварганенные неизвестно из чего. Первые дни (когда и хлеба не было) я питался в кафе и ресторанах, но быстро выяснилось, что это пока мне не по карману. Вот такие пироги. Вернее – их отсутствие...

Да, одна радость всё же случилась, но при нынешнем моём настроении в полной мере насладиться ею я не могу. Тем более, что перестал чему-либо верить. А дело в том, что на предыдущем семинаре я спросил Гусева, что там с моими рассказами? Он меня оγοрошил: «Я ваших рассказов не видел, они где-то там у моих ребят». Что ж, пора привыкать. Однако на следующий день меня разыскала лаборантка с его кафедры и сказала: «Владимир Иванович просил вам передать, что ваш рассказ идёт в журнале и есть уже гранки!» Какой рассказ (я ему давал три), пока неизвестно – завтра, надеюсь, на семинаре он скажет. И то, если это всё не недоразумение...

Николай.

15 декабря 1990 г.

Таня, здравствуй!

...Сегодня уже суббота, письма от тебя нет. Я же все эти дни с утра до вечера пропадал на съезде²³. Он еле-еле завершился вчера в девять вечера.

²³ VII съезд Союза писателей России проходил в декабре 1990 г. в помещении театра Советской Армии.

Самое главное событие съезда, разумеется, – телепоказ по программе «Время» Николая Наседкина. 11-го, в день открытия, меня показали сначала сидящим в зале, потом во время перерыва, когда брали интервью у Рытхэу²⁴, мы с Бигельдином маячили на втором плане все пять минут. А вчера, в день закрытия съезда, меня опять показали сидящим в зале, на первом месте от прохода на третьем ряду. Если ты умудрилась ни разу меня в телевизоре не увидеть – развод!

А вообще побывать на съезде было интересно и поучительно. Были и скандалы, и даже небольшие драки с толканием и тычками в грудь. Интересно было находиться рядом, перекусывать в буфетах, писать, извини меня, в туалете рядом с Астафьевым, Распутиным, Бондаревым, Михалковым и т.п. Не изжито во мне ещё провинциально-детское преклонение перед знаменитостями.

Самые интересные для меня лично выступления были Лыкошина, Астафьева, Распутина, Глушковой, Жукова, Горелова, Бородина, Туркова, Македонова, Паламарчука, ещё два-три. Все они будут опубликованы в «Лит. России», так что читай внимательно.

От Тамбова вначале примчались аж пять человек, но уже на третий день самогонка у Акулинина и Кравченко кончилась, и они смотались обратно. Остались Герасин, Полякова и Герасимов из Мичуринска. В первый день съезда выступил отец Антоний из Англии. И он (русский по национальности), и многие участники пустили слезу. На третий день работы съезда в конце, видя уставший, измотанный вид Виктора Петровича Астафьева (он все дни маялся в президиуме), я послал ему записку: «Виктор Петрович! Спасибо, что Вы есть! Не бойтесь, пишите! Н.Н.». Бигельдин отнёс её и вручил ему в руки. Он прочитал и заметно повеселел.

Ещё от съезда, кроме путаницы, неразберихи, скандальности и шума, осталось неприятное впечатление в связи с буфетами. Сами они были и не плохи (бутерброды с отличной ветчиной, колбасой, сыром, сосиски, мясной бульон, кофе, чай, вода пяти сортов, пирожные пяти сортов), но уж больно нагло обсчитывали буфетчицы, дескать, писатели мелочиться не будут. В результате я проел за четыре

²⁴ Рытхэу Юрий Сергеевич, советский чукотский писатель.

дня чуть не двадцать рублей. Да ещё на тридцать с лишним накопил прекрасных книг. Больше ничего не продавалось...

...Ну всё. Иду сейчас с Бигельдином играть в теннис. До этого уже написал половину статьи «Литературный вопрос»²⁵, сделал уборку, постирался, сварганил обед-ужин, почитал. Так что, в отличие от некоторых, я живу здоровой трудовой жизнью...

Муж Николай, участник VII съезда писателей России.

16 февраля 1991 г.

Таня, здравствуй!

...А вообще, без шуток, настроение – дрянцо. Погода мерзкая, здоровья нет, хандра, неважное отношение к питанию, угрюмость и грязь общежитские, неопределённость в жизни и судьбе. Откель настроению-то взяться?

Самое главное, конечно, предложение Петра Алёшкина. Он, как всегда с напором, налетел на меня с речами, что-де нет ничего проще, как создать новую всесоюзную газету типа «Лит. России» и стать её главным редактором²⁶. Больше того, он меня таскал к какому-то важному господину из Верховного Совета СССР (вроде – заместитель заведующего отделом культуры), который в прошлом был тамбовчанином. Мы имели с этим господином частную беседу, он дал своё добро. А толку?..

...Одним словом, не очень я пока верю, что с новой литературной газетой что-либо выгорит. Тем более, что сам Пётр обмолвился, что с нового года уже не будет работать в «Столице». Но так как я настроил себя ещё в Тамбове, что редактором быть не хочу, из Тамбова уезжать не хочу и раньше времени умирать тоже не хочу, то сейчас буду относиться ко всему спокойно. Всё в руках Божиих. Аминь.

Теперь о делах повседневных. ВЛК совсем оборзел (или – оборзели): уже полторы недели занятия идут, а приехало всего человек 15 из

²⁵ ...написал половину статьи «Литературный вопрос»... — Эта статья под названием «Да что там говорить!» опубликована в газете «День» (1991, № 19).

²⁶ О проекте издания новой газеты и «главноредакторства» в ней – подробнее в повести «Литлабиринты».

40. Но это бы ещё ничего, однако и приехавшие не ходят в школу – сидим в аудитории по два-три-пять человек. А ведь новые преподаватели у нас интересные – критики Сурганов, Золотусский, Олег Михайлов, театровед Вишневская. Даже неудобно сидеть, хотя, в принципе, чего-нибудь нового и интересного на ВЛК не услышишь. Тут я себе противоречу, но да – весь мир противоречив. Тем более у всех упадническое настроение, что стипендию не дают, а жизнь резко дорожает. Я если бы не получил несчастный гонорар за «Супервратаря»²⁷ – не выжил бы. А так и тебе, отраве, подарок приличный к 8-му марта (не каждой жене муж дарит французский дезодорант!), и сам в первые дни масленицы в ЦДЛ смело кушал в буфете. А там, кстати, появились бутерброды с икрой, осетрина, кета и прочие деликатесы, плюс к этому в три раза подорожали веселящие напитки. Короче – живи и радуйся. Придётся скоро помирать от голода и жажды. Впрочем, ной не ной, а вскоре советские деньги (ходят слухи) вообще приниматься к оплате не будут, так что хранить их смешно и грустно. Будем деньгами обклеивать стены в комнате, а обои продадим за валюту на рынке...

...Ещё вот такая новость: Абдуллина бросила ВЛК, Николаева где-то пропала, Габдуллин не подаёт о себе знать, монгол – ни приветов и ни гу-гу. Таким образом, нас в семинаре у Гусева осталось пока два человека и как бы этот самый семинар не прикрыли.

9 февраля я в храме Большое Вознесение (там, где Пушкин венчался) поставил три рублёвых свечи: рабам Божиим Вере, Михаилу и Фёдору. Реставрация храма движется что-то не очень, видимо, ждут лета.

Купил хорошие книжки: сборник русских писателей «Дуэль», путеводитель по литературным местам Москвы и «Глагол», альманах, членом редколлегии которого я значусь. Вышел 4 том Даля, ещё не купил.

Приобрёл ещё одну важную покупку, а именно: 0,5 килограмма грецких орехов на Центральном рынке. Стоят 15 рублей и – отборные. Думаю, вполне терпимо, если ещё не повысят. А по два ореха каждый день згрызать сам Бог велел.

²⁷ Рассказ «Супервратарь» опубликован в журнале «Физкультура и спорт» (1990, № 8).

Ещё купил в фотомагазине две матовые лампочки аж по триста ватт. Врубил их, да ещё одна на 150 – чуть не солнце в комнате. Правда, и жара такая началась, что одну пришлось вырубить. Тем более, что и батарея как кипятик, а всё грозили на зиму холодом задавить...

Остаюсь твой обзлѐнный муж Николай.

24 февраля 1991 г.

Таня, здравствуй!

...Я сегодня в философском настроении не случайно. Увы, чего я опасался, то и произошло: кресло под Петром зашаталось и довольно резко. Он укатил в Польшу на неделю, а тут без него, оказывается, подготовили пленум правления Московской писательской организации, чтобы свалить его. Скорей всего – это интриги В. Гусева. Помнишь, он сказанул тогда ещё, что надо с Алёшкиным разобраться? И теперь, когда у него власть, угрозу свою выполняет. Я звонил Петру, он якобы ещё не приехал из Польши (хотя я знаю, что приехал), Татьяна же сказала, что все интриги расплетутся, но голос у неё был такой, что – заупокойные молитвы только читать. Короче, Таня, ты понимаешь, что ни о какой газете я уже не думаю (хотя как дурак половину воскресенья того составлял её программу). Теперь осталось молиться только за то, чтобы вышла книжка. Очень мне хочется надеяться, что её не успеют выбросить из плана. Хотя, с другой стороны, ты знаешь мой характер и характер Петра: может, я всё преувеличиваю, и он действительно выпутается. Но и опять же, как я не раз тебе говорил, директорство его меняет как человека, так что, может, всё и к лучшему. Пойду завтра свечку ставить – это у меня обращается уже в обыкновение.

Кстати, о свечах и храмах. Был сегодня в районе Красной площади – поток жертвователей на Казанский собор иссяк, дела на стройплощадке тоже пока не видно, разве что стену дома реставрируют, к которому Казанский собор будет примыкать.

А на Манежной площади как раз проходил митинг в поддержку Ельцина. Я, ты знаешь, не любитель попадать на митинги, тем более что

сегодня толпа собралась громаднейшая, милиции – тоже целые роты, по радио, оказывается, воззвание было: особо гражданам не высовываться на улицу, ибо могут случиться беспорядки. Но я, правда, уже в самом начале митинга, когда начали орать: «Даёшь Ельцина! Долой Горбачёва!» – отправился восвояси по Никольской вверх, прогулялся по двум-трём улицам и – нах хаус.

Приехал Бигельдин, навёз всяких вкусных вещей из дома, всякие казахские деликатесы. Угощал, мы с ним попиروвали, а теперь вошли в повседневную колею – теннис, теннис и теннис.

Двухтомник Бабеля ты купила, уж прости меня, – зря. Здесь я видел в магазине однотомник за три рубля, в котором все основные вещи Бабеля есть, но мне даже в голову не пришло его покупать: это не тот писатель, которого лично я хочу перечитывать. Вот и – выговор!

Иконы святых мучеников Ирин, Вячеславов и Клавдий будем покупать вместе, если приедешь на 8 марта. А если я в Тамбов поеду – видно будет. Надо же опять в Свято-Данилов монастырь ехать, а сие – далеко, а пока им всем (нашим святым, включая и Зинаиду) – большие от меня приветы...

...С одеждой у меня всё нормально – помёрзнуть почти не успел. Уже хожу третий день в шляпе и лёгком шарфике. Одна беда – перчатки слишком тёплые, приходится ходить вообще без них.

Во вторник иду к зубному, но боюсь – как бы СПИД не подхватить, хотя, надеюсь, в этой поликлинике порядок держат.

Забыл написать, что на первом (вернее – втором) семинаре обсуждали мою статью «Литературный вопрос». Мнение всех – написана прекрасно, но публиковать нельзя да и не опубликуют. Так что попытаюсь ещё в газету «День» предложить и положу в стол. Её время придёт!..

Николай.

26 февраля 1991 г.

Жёнка, здравствуй!

...Но ты, моя умная и разумная, правильно написала в первом ещё письме, что надо думать не о шмотках (в данном случае – книгах), а

о том, что все мы под Богом ходим. Я, откровенно говоря, спокоен: как будет – так и пусть будет. Но то, что редактором газеты я не буду, – это уж точно, даже если всё возвратится на круги своя. Во-первых, ты права, – Москва мерзка и безобразна, в ней только жизнь сокращать...

Сегодня, кстати, на ужин впервые решил приготовить ту самую кашу из пакета. Написано, что залить содержимое кипятком, десять минут подождать и – наворачивай. Дудки! Через десять минут в кастрюле у меня как была сырая крупа, так и осталась. Пришлось добавлять воды и ещё двадцать минут варить. Получилось кушанье, которое с помощью хрена и хлеба я запихал в свой бедный желудок, но всё же лучше эту кашу использовать в качестве гарнира к мясу, да ещё полить её томатным соусом. Что мы и сделаем при первой же возможности.

А в магазинах что творится! Прилавки ломаются от вкунотищи. В соседнем магазинчике продают и кету, и форель, и севрюгу, и консервы осетровые и шпротные. Никто не берёт! Зажрались уже. Цены вполне «божеские»: форель, к примеру, стоит «всего» 36 (тридцать шесть!!!) рублей килограмм.

Жалуюсь на быт: лампы 300-ваттные, которыми я хвалился, приказали долго жить. Оказывается, они рассчитаны всего на несколько часов. Сижу в полумраке, печатаю это письмо, можно сказать, вслепую. Так что за опечатки – не ответчик.

Дрейн передай мои искренние поздравления – это для неё сказочный сон, о котором она лет пять назад и мечтать бы не смела. Вот что значит – пути Господни неисповедимы. Я, честно, рад за неё. Хотя газета, естественно, развалится очень даже вскоре до конца²⁸.

...Насчёт 8 марта трудно сказать. Сейчас что решится со «Столицей», как пойдут в связи с этим дела и т.д. и т.п. Короче, если я решу приехать, я тогда позвоню. Вообще, конечно, хотелось бы окунуться в лоно любви, заботы, уюта и всех прочих прелестей домашней жизни. К тому же, здесь в связи со всеми этими протуберанцами творческая

²⁸ Дрейн Галина Юрьевна, журналистка «Комсомольского знамени», ставшая и.о. редактора. Вскоре, в начале 1992 г., газета действительно прекратила своё существование.

работа не идёт на ум. Написал за все дни всего несколько страниц²⁹ – чего же время зря терять. Правда, висит на мне ещё этот Сажин с Иваном Игнатьевичем вкупе – надо встречаться, писать³⁰. Попытаюсь на днях исполнить это слово...

Николай Наседкинус – приват-доцент ВЫЫЛКА.

23 марта 1991 г.

Таня, приветик!

Поздравляю тебя с громадным событием в твоей жизни – ты выиграла более тысячи рублей! Твоя мечта сбылась: на тебя деньги упали прямо с неба, то бишь – из Кремля. Ведь сегодня объявили, что все вклады увеличиваются на сорок процентов. Глупые советские люди (вроде моей жены) будут этому радоваться и славословить наше доблестное свинячье правительство, ибо не помнят, что их грабят повышением цен на 100–300 процентов, а взамен бросают в виде подачки всего 40 процентиков. А мне сейчас особенно обидно, так как по милости Петра я вообще потерял тыщи полторы: ведь если бы книжка моя вышла до Нового года, гонорар как раз бы уже лежал на книжке и благополучно вырос бы на сорок процентов. Так что Пётр у меня теперь в капитальных должниках.

Кстати, я с ним не виделся, в «Столицу» не ходил, но по телефону узнавал у редактора Кончица – новостей нет. 1 апреля поеду в Тверь и поставлю точки над «и» и над прочими буквами.

Из приятных новостей: по телефону уже говорил – вроде бы (тьфу! тьфу!) взяли в журнал «Литературное обозрение» статью, которая лежала полгода у Петра в «Воскресении». Обещали очень быстро опубликовать и заказали журналистско-критическо-публицистический материал – о современной рядовой районной библиотеке. Дело мне знакомое – попробую. Звонил в «Современник» насчёт моего сборника

²⁹ Речь идёт о повести «Муттер».

³⁰ По просьбе завотделом культуры «Тамбовской правды» И.И. Овсянникова автор должен был встретиться в Переделкино с известным советским писателем П.А. Сажиним (1906–1993), имеющим тамбовские корни, и написать о нём очерк. Этот материал был опубликован уже в «Тамбовской жизни» (1991, 26 июля) под названием «Я – коренной тамбовчанин...».

критики. Меня и огорчили, и чуть обнадёжили: они уже почти всем авторам вернули рукописи в связи с тем, что современную критику издавать перестали, но пять-шесть рукописей оставили пока, в том числе и мою. Это не значит, что она будет обязательно издана, но если появится хоть малейшая возможность – не исключено. Надо молиться Богу и надеяться.

Несколько книжных приобретений. Купил Овсянникову первый номер журнала «Русский архив», прочитал его и вцепился – не отдам. Очень много уникальных материалов, особенно – история коронации русских царей...

...Сегодня ездили с Бигельдином в Книжную лавку писателей. Он набрал книг на сто рублей, я же, к сожалению, не так богат, да и более придирчив в выборе – купил всего две книги, но – прекрасных: отлично изданный томик И. Бунина с его «Окаянными днями» и малоизвестными статьями, и чудесную книгу о Москве – с громадным количеством подлинных фотографий. Ещё мне одну книжку подарили, а одну – М. Бахтина – обещали продать с рук по госцене. Прямо и не знаю, как потом все эти книги тартать домой – руки оторвутся.

Ну – всё. У нас здесь в самом разгаре соревнования общезнания по настольному теннису. Я, как ты догадываешься, претендую на призовое место. А в качестве приза, говорят, будет целая булка хлеба и десять кусков сахара. В наше голодное время – приз царский. Иду играть очередной раунд.

Кстати, вчера по случаю отхватил пачку на 800 граммов рыбы-копчушки и теперь отвариваю картоху и объедаюсь фосфором. В столовой пока можно на полтора рубля прилично поесть. Что будет после 2 апреля³¹ – думать боязно и неохота. Нашим ребятам добавляет по сто рублей Литфонд, а мне – шиш с маслом, вернее – без оного. Ты письма, которые будешь мне писать, помазывай сливочным маслом, я здесь буду облизывать и запивать чайком – всё какие-никакие калории в желудок попадут.

До свидания и побачения!

Муж Николай.

³¹ Речь идёт о денежной реформе и резком повышении цен.

1 апреля 1991 г.

Таня, здравствуй!

...Только что приехал из Твери (сейчас времени – полдесятого вечера), без задних ног, голодный и с больными глазами – пять часов в электричке читал Бунина, а по Твери шастал в очках, так что глаза мои гудут. Тверь город, может быть, и неплохой. По крайней мере, побольше Тамбова и постариннее. Видел церквей десять (особенно много их на Левобережье Волги), но благолепием не поражают. Много в центре и старинных зданий, а целая улица сделана, как и у нас, пешеходной, только прозывается она в Твери именем Урицкого. Но портило впечатление время года – всё серо, грязно, зелени нет. Но ещё более противное впечатление оставила материальная сторона городской жизни. Впрочем, и в Москве последние три-четыре дня перебои с хлебом, а уж в Твери мне пришлось ходить голодным: в столовых нет ни хлеба, ни мяса – съел тарелку манной каши, кусочек пересолённого омлета и выпил стакан компота. За такой «обед» содрали два рубля. Эх, яблочко, куда ты котишься?!

Но всё это по боку. Главное то, что я отыскал типографию, прорвался в производственный отдел, где меня несколько успокоили: книжка моя (тьфу! тьфу!) через две недели должна быть полностью набрана – то есть будут гранки. Если это не первоапрельская шутка, то дела не так плохи, как я ожидал. Правда, надо всё время твердить, что всё ни к чёрту, не везёт и т.п. Не надо гневить Бога.

Кстати, о Нём. В день памяти матери опять посетил храм Большое Вознесение и поставил толстую свечу за упокой. Ну а в эти дни (Вербное воскресенье, Страстная суббота, Пасха) не знаю, что и как делать, поэтому особо таскаться по церквям не буду. Да в общем-то и сильно таскаться и праздновать охоты нет. Времена грянули трудные, завтра все ждём с замиранием сердца.

И вот тут совершенно кстати же подниму, моя дорогая, ненаглядная, один деликатный вопрос. Дело в том, что, забыв про удорожание сильное жизни, я совершил покупательский подвиг и купил за сто рублей (всего за сто!) подписку на 15-томник Достоевского. Один наш парень

предложил мне эту сделку, и я, не раздумывая, согласился. Восемь томов уже вышли, их я получил в натуральном виде, и стоят они сорок рублей. Так что сверху я отдал всего шестьдесят рублей – невероятно задаром. Остальные тома буду выкупать уже непосредственно сам. Но так как сто рубликов – большая часть моей стипендии, я и остался слегка нищим. И дело ещё вот в чём: я, наверное, на 13 апреля домой не поеду (пока предварительно так думаю), так что если вздумаешь мне на день рождения прислать рублей 25 – я буду рад такому подарку. Или чуть больше. Как говорится, щедрость человека зависит от величины его души. Если бы не проклятое повышение цен, я бы выкрутился...

...Снова кстати: дозвонился я наконец до Сажина. Он, слава Богу, разговаривает и ходит, но недавно перенёс инфаркт и при сей часной весенней мозглявой погоде чувствует себя неважнецки, мы договорились с ним, что я буду звонить ему в середине апреля: если он сможет – я подъеду в Переделкино с магнитофоном и мы полчаса побеседуем. Я сейчас напишу записку Овсянникову – обязательно передай ему...

Я.

28 мая 1991 г.

Татьяна Михайловна, здравствуйте!

Буду теперь помнить о том, что в письмах ёрничать не след, и посему письма мои отныне приобретают стойкую окраску официальности.

По порядку и по пунктам. Итак, первое, что надо сообщить, – на улице сейчас (21 ч. 40 м.) гроыхает гроза, сверкают молоньи, ахает гром и плещет ливень. Все дни стояла жара, так что – хвала Господу и Природе.

На Троицын день я зашёл в церковь Большое Вознесение и поставил две свечи, совершив при этом тяжкий грех, а именно – ввёл во Храм мусульманина, то есть Бигельдина. Грех это или нет?

Впрочем, хватит болтать. Как уже сообщал, поимел я наконец удовольствие прочитать собственную повесть в гранках. Пришлось дописывать пять страниц. Теперь другой конец, очень загибулистый. Сама потом прочитаешь. Один экземпляр вёрстки мне подарили, так

что если даже книга и не выйdet, я всегда могу похвастаться, что чуть ли не стал в поздней молодости писателем.

Гусев обмолвился, что-де мой рассказ в «Московском вестнике» идёт, но я никак не могу добиться точного ответа – в каком номере? Тем более, что у них шесть номеров за тот год сгорело безвозвратно.

Продолжая о Гусеве, ещё раз заикнусь, что возобновлён разговор об аспирантуре. Я уже собираю документы. Надо до осени представить реферат, и если он пройдёт творческий конкурс, надо будет сдать три экзамена, и если этот этап конкурса будет пройден, тогда комната и 180 руб. стипендии (с перспективой её повышения). Этот вариант надо пока держать как один из крайних: лучше быть аспирантом в Москве, чем безработным в Тамбове. Короче, не будем пока загадывать, тем более что поступить в аспирантуру очень трудно.

Володя Пирожников прислал мне из Перми бандеролькой газеты, которые он редактирует, но самое главное – томик американских детективов, шикарно изданных издательством, которое он организовал и возглавил. Володя – молодец. Обещается приехать на днях в Москву, поучусь, пораспрошу, как быть в наши дни деловым человеком.

Ходили с Бигельдином на «Унесённые ветром». Вынужден признаться, что я тебе тайно изменил – влюбимшись в Скарлетт-Ли. Даже и Бигельдин в неё влюбился, а уж он считает азиаток выше всех. Взяли мы с ним билеты в студенческий театр МГУ на нашумевший спектакль «Вальпургиева ночь», где, говорят, бедные студентки весь вечер бегают по сцене нагишом. Дети до 18 лет на этот спектакль не допускаются. Так что напоследок прикоснёмся к тлетворному влиянию раскованного искусства³².

³² «Вальпургиева ночь» – Пьеса Венедикта Ерофеева «Вальпургиева ночь, или Шаги командора» (1985). Впечатления от этого спектакля отразились позже в повести «Сто двадцать лет спустя»: «Как испытал я уже лет двадцать тому первый шок на спектакле “Вальпургиева ночь” по Веничке Ерофееву, так до сих пор невольно вздрагиваю и морщусь от каждого услышанного со сцены-экрана или увиденного в книге мата. Публичное демонстративное хамство тогда, в 1991-м, особенно поразило ещё и потому, что творилось-свершалось на сцене театра МГУ, который располагался в здании факультета журналистики в стенах университетской церкви Святой мученицы Татьяны... Меня особенно, помню, потрясло как подчёркнуто лихо и смачно матюгались на сцене девушки-актёрки – это было так отвратно... Мы ушли, не дождавшись перерыва...»

...Будут у нас ещё две турпоездки: в Истру и в Александров. Это – вместо традиционной поездки в Киев или Ленинград. Ветшает жизнь!

Много хожу по Москве, открываю уголки, которые никогда не видал, хотя вроде бы весь центр исходил вдоль и поперёк. Сегодня наконец-то побывал в здании, где училась мать. Это шикарное трёхэтажное жёлтое здание с десятью колоннами на Остоженке. Теперь здесь – Государственный лингвистический университет. В этом доме родился историк С.М. Соловьёв, учился восемь лет И.А. Гончаров. Внутри своды, пол из металлических плит, перед зданием здоровенные деревья, которые, наверняка, росли уже при матери... Очень сильные впечатления! А что будет, если увидеть Забайкалье? В повести «Муттер» я уже написал три листа, пишется не ровно, не постоянно, урывками и периодами. Когда (тьфу! тьфу!) книга первая выйдет, тогда и вдохновение прибодрится.

Николаус-супругус.

П.С. У нас тоже отключили горячую воду и наступили грязные унылые дни. Нет в жизни счастья!

П.П.С. Завтра будешь, родная моя, балдеть в кафе на торжествах Яковлева³³? Вот так, да? А я, между прочим, живу здесь скромно, пью только чай, кофе и компот!

12 июня 1991 г.

Здравствуй, супруга! Здравствуй!

...Теперь о деле. Меня поставили в тупик, фразировали и оторопили (от слова «оторопеть») твои жуткие повести о земледельческих страданиях на плантации, обладательницей которой по твоей милости стала вдруг наша семья. И так, я, проезжая порой мимо полей, где, встав в некрасивую и неэстетичную позу буквой «Г» чего-то делают с землёй потные пейзажи, всегда с облегчением и самовозвышающей гордостью думал: слава Богу, хвала Всевышнему, я ушёл от этого, поднялся до высот цывылызацы... И вот мне сообщает родненькая

³³ Яковлев Евгений Анатольевич, тамбовский писатель, автор многотомной «Ярмарки»; речь идёт о презентации очередного тома.

моя, почти что единственная, – а может быть даже и ненаглядная жена, что, дескать, Коля, барство твоё кончилось! Вот тебе и тру-ля-ля! А для чего мы тогда власть в 17-м брали? Для чего работать отвыкали? Нет, долой! Никакой частной собственности на землю! Долгой жён-эксплуататоров!!!

Уф, выплеснулся весь по этому страшному вопросу.

Впрочем, хватит балагурить. Пора о серьёзном. И тут я спешу тебе сообщить жуткую новость. Меня обокрали. Вернее – обокрали нас с тобой, ибо имущество и ценности у нас общие. Украли у нас тысяча пять, а то и шесть. И сделало это подлое издательство «Патриот», которому я предлагал повесть «Казарма». Они мне её вернули. Собаки нечестивые! Но ты бы, Таня, видела (и увидишь!), что они написали в сопроводилровке: дескать, очень талантливо, интересно написано, но я слишком мрачно описал армию, а они, дескать, выпускают книги для призывников, и кто это, рассуждают они, пойдёт служить, прочитав мою повесть. Как это тебя фразпирует, а? А ещё нас обокрал журнал «Новый мир», но полегче – тысячи на полторы: вернул мои рассказы, но опять же с припиской: написано хорошо. Вот такие пироги, пирожки и пышки. А ты всем кричишь, что муж у тебя гениальный писатель... Правильно – гениальный. Но чем кричать без толку на всех углах – по приезде в Москву возьми мою тяжёлую сковороду и пойдёшь по редакциям бить редакторов и рецензентов. По головам. С размаху и без пощады. При этом – прихекивая.

Теперь уж, правда, о деле. Съездил сегодня в Переделкино к Сажиным. Не очень удачно. Овсянникову скажи обязательно: день рождения у Сагина – 30 июня. Пусть планирует: небольшой (строк 150–200) материал с фото. Он будет доставлен ему 26 июня утром. Я ему потом сам объясню, почему большого материала не получилось. Да больше и не нужно.

В Переделкине – церковь, у которой два купола копируют купол Храма Василия Блаженного. Впервые такое видел.

...Ездили на экскурсию в город Истра, в тамошний (как любят выражаться наши русофилы) монастырь. Завтра едем в город Александров. Последняя экскурсия на ВЛК.

Выпускной вечер – в ЦДЛ 20 июня. Не знаю, что получится: записались двадцать человек и пригласили двадцать преподавателей. Надо полагать, что получится весьма скромное застолье. Но дело не в том. Надо...

Мужик.

Евстахий НАЧАС

Весной не прилетели трясогузки

Стихи

* * *

Бьют по Донбассу натовские пушки –
то киевский режим крушит Донбасс,
по школам бьют, по детсадам, игрушкам,
осколки долетают и до нас.
Хоть киевский режим – одно название,
давно там заправляет Белый дом,
И по его прямому указанию
бьют пушки по Донбассу день за днём.
Ютятся семьи там в сырых подвалах
с притихшею от страха детворой.
Там солнца нет и света очень мало,
там не хватает воздуха порой.
Там позабыли про густые росы,
как тихо тают градинки в горсти –

Господь Всемиловитый их не бросил,
а натовцев, я верю, не простит!

* * *

От сна проснулись Пониз и Вершинка,
ночь в Тулиновке дню сдала свой пост,
а на травинке лишь одна росинка
осталась от ночных июльских рос.
Средь веточек лаванды ранним утром
росинку я заметил невзначай,
она сияла каплей перламутра,
и свет как будто просьбу излучал.
Как будто что-то важное искала,
то, без чего не стоит больше жить,
пульсируя, она всю сверкала,
чтобы земле подольше послужить.
А может быть, сигналы подавала,
Их кто-то во Вселенной принимал?
А может, так росинка умирала,
Но только мир об этом не узнал.

* * *

Гляжу на внука младшего Егорку,
как он спешит встречать своих друзей,
и на душе становится так горько –
ведь Землю превратили в Колизей.
Где на потеху Запада славяне
друг друга истребляют день за днём,
и киевский режим в слепом дурмане
бьёт по Донбассу натовским огнём.
Охотно Штаты «Хаймарсы» подкинут,
те снова школы наши сокрушат...
Другую я оставил Украину,
и у меня о ней болит душа.

Теперь потомков славных запорожцев
в неонацистов Запад обратил,
России с ними вновь пришлось бороться,
уж видно, так Господь ей положил...
Друзья Егорки не одного роста,
зато у них желания одни,
чтоб не сидеть, играют в прятки просто,
когда повиснут на столбах огни.
Друзья Егорки – пацаны что надо,
у каждого родительская статья,
жаль, что под грохот дальней канонады
приходится им нынче подрастать.
У каждого из них своя дорога,
и вырастут хорошими они.
Молюсь за них и всё прошу у Бога:
«Спаси, Господь! Спаси и сохрани!»

* * *

Шагаю тихо по тропинкам узким,
вокруг ручьи, спокойно не пройти...
Весной не прилетели трясогузки,
случилось, видно, что-то по пути.
Иль «Хаймарсы», иль натовские пушки
их отпугнули грохотом своим,
присели птички на лесной опушке,
биение сердечек затаив.
И не смогли полёт они осилить,
пылающие в небе рубежи...
Я вспоминаю – как они носились
по огороду, крылышки сложив.
Клевали что-то слева, как и справа,
как кланялись друг другу и земле,
я любовался этой юркой парой,
и в мире становилось всё теплей.

Мне тяжело избавиться от грусти,
Она не отпускает и давно,
что трясогузки больше не вернутся,
их мне увидеть вряд ли суждено.

* * *

Дети в школе, тихо на Вершинке,
школа хорошо с неё видна.
Прилетели первые снежинки,
но не задержалась ни одна...
Гасли на земле под небом мглистым,
время для зазимка не пришло,
и везде лежали тихо листья,
согревая мир своим теплом.

* * *

Боюсь, Планета превратится в прах –
коварный Запад Мир весь донимает...
Племянники остались в Шенгурах,
о их судьбе я ничего не знаю.
– Звоните во враждебную страну, –
из СБУ мне кто-то отвечает,
и, вслушиваясь чутко в тишину,
он «Слава Украине» добавляет.
И Миргород, Полтава, как и Львов,
вовсю Бандеру прославляют хором,
неонацисты маршируют вновь
и свастики рисуют на заборах.
А может быть, в контрнаступе шальном,
кляня свою судьбу и всё на свете,
под Купянском уснули вечным сном,
и жёны их оплакали, и дети...
Тут очень постаралось ЦРУ,
чтоб Киев стал враждебной столицей,

чтобы не смог приехать я к Днепру,
как и могиле брата поклониться.
Родные мои, Саша и Владлен,
я верю, что себя вы не сгубили,
что вы сдались спокойно нашим в плен,
ведь среди наших вы своими были.
Не раз вы приезжали к нам в Тамбов,
где Бог послал мне Родину вторую,
где встретил я судьбу – свою любовь,
её не променяю на другую.
Ты был своим в Москве, трудяга-Владик,
чтоб прокормить семью и двух ребят,
работал ты в строительной бригаде,
и уважали русские тебя.
Злой Запад Украину испоганил –
он навязал ей киевский режим,
и тот теперь вовсю воюет с нами,
теряя и людей, и рубежи.
А ваш приезд в Тамбов не за горами,
душой здесь отдохнёте от тревог,
Победа будет всё-таки за нами –
не в силе Бог, а только в правде Бог!

* * *

Погасну, как былинка мироздания,
как капелька росы на стебле ржи,
застынет пульс, и лишь моё сознание
какое-то мгновенье будет жить.

И я пойму: мой путь земной оборван,
который я так искренне любил,
он был не звёздным и не очень ровным,
но главное не в том, а в том, что был.

И ты была завещана судьбою,
а ведь могла бы, милая, не быть,
ведь лишь с тобой я стал самим собою –
ты так умела жертвенно любить.

И в тот последний миг, я знаю точно,
я не сумею боль свою унять:
как в этом мире лживом и не прочном
ты будешь жить, родная, без меня?!

Василий КРАСНОВ

«Россия начинается с меня...»

Стихи

* * *

Чёрной краской белый свет рисую.
Иногда оттенки нахожу.
Я, наверно, всё-таки рискую –
Обо всём бесхитростно сужу.

Не угодник, и не проповедник.
Ни умом, ни духом не ослаб.
Поражений и побед наследник.
Манускриптов и архивов раб.

По эпох скитаясь переулкам,
Разгребая вековую пыль,
Не стесняюсь выражений гулких,
Но душе не позволяю штиль.

Тьма и свет перемешались густо.
На скрижалях правды ни на грош.
И твердят печатно иль изустно
Лжепророки избранную ложь.

Откровеньям их не веря всеу,
Всё равно по-своему сужу:
Чёрной краской белый свет рисую –
По стеклу толчёному хожу.

* * *

Россия начинается с меня,
С друзей моих, суровых и не близких.
Россия начинается с огня,
Горящего у скромных обелисков.

Но сколько бы в любви ни клялся ей,
Ты должен уяснить себе от рода:
Россия начинается с людей,
А люди именуются народом.

* * *

Господи, сказал бы ты родным,
Чтоб не ждали без вести пропавших
С той войны, где миллионы павших,
Превратились в предрассветный дым.

Господи, шепни их матерям,
Что живут с упавшими плечами:
Сыновья бессонными ночами
Иногда приходят к их дверям.

Господи, за что им эта боль –
Вечное, сжигающее пламя,
Так напоминающее знамя.
Снизойди, иль объяснить изволь.

Троица

Перекрестившись, кружку кваса
Он залпом выпил, а потом
Потрогал кисть, поправил рясу
И страх оставил за бортом.

Доска, пропитанная грунтом,
Девицей красною ждала.
Вся без задоринки, без шпунта,
Тиха как ангел, и светла.

И было первое касанье,
Мазок – божественнейший вдох.
Бессмертное произрастанье
Творения сквозь тьму эпох.

Монахи в келью заходили.
Шептались за спиной, дивясь,
Тому, в какой тогда был силе
Андрей – иконописи князь.

А он, измученный постами,
Стеснялся лишний раз вздохнуть,
Между землёй и небесами
Прокладывая людям путь.

* * *

Его убили на войне
За то, что русский он.
Что в Богом проклятой стране
Однажды был рождён.

Его не будет хоронить
Вся президента рать.
Но вечно помнить и любить –
Семья, друзья и мать.

Свою жестокую судьбу
Он делит со страной.
И вот в запаянном гробу
Лежит передо мной.

Салют рванётся к облакам,
И он с его огнём
Сойдёт туда, где пополам
С разлукой чернозём.

А мы утопим боль в вине
Под материнский стон.
Его убили на войне
За то, что русский он.

Прощение

Прощаю всех, кто разлюбил
Или гневил меня.
Тех, кто души тепло дарил,
Сгорая от огня.

Прощаю тех, чей гордый вид
И раскалённый взор
Оплавить мог любой гранит,
Мне был, как приговор.

Нет права у меня винить
В своих обидах их.
Я умоляю извинить
На миг, хотя б на миг.

И только самому себе
Событий не прощу,
Когда бы мог сгореть в борьбе,
Но – обронил пращу.

* * *

Я скользил по лезвию ковида.
Я дышал наверно через раз.
В полушаге стоя от Аида,
Вспоминал твоих сиянье глаз.

Надо мною ангелы кружили,
Вороньё сгущалось всё сильней.
Не они судьбу мою вершили,
А дыханье нежности твоей.

Мне совсем немного оставалось:
Нить дрожала и почти рвалась.
Но упрямо сердце не сдавалось,
И молитва к Господу неслась.

* * *

Были вишни. Состарились. Вымерзли.
Потихоньку сошли на дрова.
Будто люди матёрые вымерли,
О которых гуляет молва.

Отзвенели гармошками улицы.
Обвалились колодцы до дна.
Лишь ветла растопыренной курицей
За околицей сохнет одна.

Неужель моровое поветрие
Над отчизной опять пронеслось?
Непростая судьбы геометрия
Подкосила отечества ось.

В бубны били, на съездах куражились.
Утверждали и совесть, и честь.
Только правде в глаза не отважились
Поглядеть и озвучить, как есть.

Умерла моя родина малая,
И большая давно не в чести.
Как тропинка весенняя, талая
Растворилась – её не спасти.

Но в саду доживает антоновка,
А в молочном разливе тиши
Речка Шинкость младенчески тоненько
Убаюкивает камыши.

Можно выть на луну от бессилия
Перед ликом вселенского зла.
Вряд ли вспомнит Краснова Василия
На меже сенокосной ветла.

И красавица-девица павою
По мостку не пройдёт за водой,
Где склонялась ольха раскудрявая,
Как Алёнушка перед бедой.

Здесь от мостика хрупкого, шаткого
Не осталось и пары жердей.
Словно кто-то невидимой жаткою
Стёр деревню, а с нею людей.

Лишь на фото, потухшем от времени,
С неземным выраженьем лица
Смотрит мальчик из местного племени –
Так похож на меня и отца.

* * *

Грачей новгородское вече на ветках.
И небо над родиной в мелкую клетку.
И дали укрыты манящею дымкой.
И кажется сердце испорченной симкой.
А может быть, это не клетка, а сетка,
В которую души врезаются метко.
И бьются, как глупые певчие птицы,
Привыкшие к вешнему солнцу стремиться.
Словесный пассаж – не на фото виньетка.
Скорее, заблудшей души оперетка,
Уставшей по ряби сомнений метаться,
На углой лодчонке судьбы извиваться.

Такое бывает весною нередко.
Желанья по капле, что дождь из пипетки.
И падает решкой всё время монетка,
Как взгляд на летящую фею-соседку.

Двоевластие

Всё явилось будто ниоткуда.
Ширь небес и дали глубина –
Непередаваемое чудо,
Без границ и мыслимого дна.
Свет дневной божественно струится,
Плавно перекрашиваясь в ночь.
Лебедь чёрный, лебедь белый – птицы,
Два крыла познания точь-в-точь.
В двоевластье их неутомимом
Мирозданья плещется река.
Необъятна и неповторима,
Как любовь, как вечность, как строка.

* * *

Когда придёт познанию предел,
Вдруг станет всем опомнившимся ясно:
Не обойтись без лука и без стрел,
Хотя недавно жизнь была прекрасна.

* * *

Споткнулось лето о сентябрь,
Слегка запутавшись в тенетах.
Но вряд ли стало меньше света –
Лишь зорь кипучей киноварь.

Да неба колокола высь
Того гляди стеклянно треснет,
Да лета бабьего предвестник
Клин журавлиный. Оглянись
И взором чистым обведи
Земли изменчивые виды.
Забудь упрёки, сгладь обиды.
Там – жизни осень впереди.

* * *

Я прожил два возраста Христа.
Не стяжал ни славы, ни богатства.
Жизнь – не коломенская верста,
Не коммунистическое братство.

Может, только ангела полёт
Над страной загадочной и дикой,
Где кукушка перепелом бьёт
И крушиной пахнет земляника.

* * *

Едва закат присел на корточки,
Кипящей лавою дыша,
Ко мне с небес впорхнула в форточку
Отца умершего душа.
И стало мне немного боязно,
Когда, поправив нимб-венки,
Она спросила как-то горестно:
«Ну что, соскучился, сынок?»

Юрий ПЧЕЛИНЦЕВ

Осень, соль и текила

Стихи

* * *

И богатый умрет, и бедный.
Перед Господом встанут оба.
Чан с грехами один. Медный.
На телах – грубоотканая роба.

А Он спросит, пронзив взглядом:
– В чем отличие, человече?
Вот стоите совсем рядом,
Только души у вас далече.

Ты просил небольшие суммы.
У него – чуть побольше расценки.
Один прост, а другой – хитроумен.
Но вы оба просили деньги.

Один маялся от обжорства,
Второй в шахте плевался кровью.
Отдать должное, без притворства,
Оба равно просили здоровья.

За детей вы молились тоже,
Когда редко ходили в храмы.
Не читали Закон Божий,
Но вы оба любили маму.

Только крал бедный уголь да мыло.
Для другого – в чести миллионы.
Было стыдно? Конечно же, было,
Когда взгляд ниспадал на иконы.

И богатый умрет, и бедный.
Перед Господом встанут оба.
Чан с грехами – один. Медный.
Из одежд? Груботканая роба.

* * *

У тебя шелковистые волосы.
Раз, два, три... Шаг налево, вперёд.
Твои косы затянуты в колосы.
Мы с тобою танцуем фокстрот.

Гибок стан и не слышно дыхание:
Растворилось на линии уст.
Между нами оно – без названия,
Ну то самое чувство из чувств.

Ты и я, и неспешная музыка.
Мир двоих, на двоих, для двоих.
Мы друг друга опутали узами
И так рады не скидывать их.

Зазвонил maitre de danse в колокольчик,
Объявляя недолгий антракт.
Я держу твои пальцы за кончики
И шепчу что-то важное в такт.

У тебя шелковистые волосы
И два солнца искрятся в глазах,
Твои косы затянуты в колосы.
Только жаль, что мы в разных мирах.

* * *

– Сигарету?
За углом,
там, где в арках ждут дворы,
Мы покурим. Что потом?
А потом опять миры
В каждом сердце, в каждом новом
Положении часов,
В ярком всполохе бордовом,
Когда солнце на засов
Закрывает окна на ночь,
Приглашает тишину.
А уложенные навзничь
Сны буравят глубину.
А ещё, шаги услышав
В наклонённости теней,
Этим чудом город дышит,
Тем живёт.
Подсчётом дней
Только разрушают люди
Ход и плавность бытия.
То, что было, то, что будет.
Этим всем грешу и я.

Что картины? Точки, точки,
Непонятные мазки.
Я рисую на листочке
Неприятие тоски.
Карандаш тупит немного,
Солнце толстое, как блин.
А бескрайняя дорога
Тянется среди рябин.
Нарисую. Очень нужно.
Просто чувствую душой
Мой посыл. Он весь воздушный,
Что всё будет хорошо!

Пусть ещё так мало света
В череде январских дней.
Дни бегут, и скоро лето.
Я художник, мне видней!

* * *

Слились в единое дома,
Дороги, облака, афиши,
Февраль, который еле дышит
И белым сводит нас с ума.
Глядятся окна друг на друга,
И сквозь занудную метель
Срывает форточки с петель
Скользящий ветер.
Он по кругу
Летит туда, где и не ждут,
И где чердачные пространства
Спят в закоулках постоянства,
В сетях задумчивых минут.
И меркнут целые кварталы

В ночном безгласии зимы.
Вот в этом всём живём и мы,
Глядя то сны, то сериалы.
А по утрам – следы с порога
Куда-то молча поведут,
Где есть движение минут
И есть знакомая дорога.
И это жизнь. Что говорить?
Февраль – одно из многоточий.
Он прежний, старый, новый, прочий,
Такой, который должен быть.

* * *

– Ты меня слышишь?
– Я тебя слышу.
Вечер опять зацепился за крыши,
Солнце в закате пурпурностью дышит.
Тихо шуршат предстоящие сны.
Окна включают цветные гардины,
Свет где-то белый, где жёлтый, где синий.
Пахнет эклерами и кофеином,
Пахнет началом весны.
Где-то по звёздной колючей дорожке
Бродят весенние рыжие кошки,
А в твоей нежной холодной ладошке
Два лепесточка лежат.
Красный – от розы, белый – ромашки.
Бросим их в чай. Я достану две чашки.
Вроде горячий, но всё же мурашки
По всему телу снежат.
Я тебя чувствую. Я тебя слышу.
Звёзды на небе всё выше и выше,
А между нами, как тихие мыши,

Души летают людей.
Мыши и кошки, конечно же, дружат.
Их небосвод над планетами кружит.
Всё отражается в тающих лужах
Солнечных красочных дней.

* * *

Тает снег на ладони,
Превращается в воду.
Город в белом. Он тонет.
На него с небосвода
Парашюты снежинок,
Ну таких белых, белых.
Мне не видно морщинок
И волос... поседелых.
Я поймаю губами
Парашютов ватагу,
Подарю с поцелуем
Эту снежную влагу.
Всё тебе, моё счастье.
Для тебя, моя нежность.
Я как будто причастье
В эту белую снежность
На двоих ощущаю.
А мой голос простужен.
И снежинки всё тают.
Этот снег, он так нужен.
Пусть кругом замело,
Но тепло есть на свете.
И всем снегам назло
Мы останемся в лете.

Хризантемы на белом.
Мир, где счастье наружу.
– Ты чего-то хотела?
Чтобы не было стужи?
Мне не видно морщинок
И волос поседелых,
Состоящих из льдинок,
Не холодных, но белых.

* * *

История апрельских первоцветов
Вросла корнями в пористость весны.
В леса пришла уже частичка лета,
Там, на пригорках, чуть в тени сосны.

А на поляне, где опять валежник
Восстал из-под зимующих снегов,
Ласкает солнце бережно и нежно
Оттаявшее царство пауков.

Встречая голубые одеяла,
Пройти неспешно, лишь бы не память.
Для настроенья надо очень мало:
Вот эта голубая благодать.

А за весною скоро грянет лето.
Пейзаж и жизнь вдруг поменяют цвет.
И станет ночь прислугой для рассвета,
И люди сбросят вновь по десять лет.

Осень, соль и текила

– По пути?
– По пути.
Улыбаешься мило.
– Ты с собойхвати
Соль, лимон и текилу.
– Ты в конец сентября?
Боже правый, я тоже.
– Там тепло, говорят.
– В сентябре? Быть не может!
– Нет спасенья в вине.
– Есть спасение в чае.
– У меня на окне
Синий вечер скучает,
Когда солнце уснёт
И на время погаснет.
– Скоро снег. Скоро лёд
Всю округу украсит.
Отнесу, положу
На стеллаж свои мысли.
– Я с тобою дружу.
– А лимон очень кислый?
– Всё, пока.
– Да, пока.
Завтра встретимся в восемь?
Как ледышка рука...
Значит, всё-таки осень.

Лариса ПОЛЯКОВА

Елегечев Иван Захарович (1927–2011)

Статья

И.З. Елегечев родился в Томской области и с полным основанием считается «сибирским» писателем, так же как, впрочем, и «тамбовским». Член Союза писателей России, окончил сценарный факультет ВГИКа, работал редактором Томского книжного издательства, около десяти лет руководил Томской областной писательской организацией. В Тамбове живёт с 1976 года. Автор книг «Див-корень» (1963), «Тунгусский бор» (1965), «На Чулым-реке» (1965), «Остров» (1976), «Таёжники» (1978), написанных и изданных в Сибири, в Тамбове создал произведения на историческую тему («Мангазея», 1982, «Зима», 1984, «Губернатор», 1987, написал пьесу «Что есть истина?», поставленную Тамбовским областным театром, «Голгофа», 1998, другие произведения). В 2000 году написана драма о гибели подводной лодки «Курск» «На дне». В 2002 году в Тамбове издано собрание сочинений И. Елегечева в двух

томах [1]. В Тамбове И.З. Елегечев подтвердил и раскрыл своё ре-
номе писателя-историка.

Большой интерес у читателя и в критике вызвал роман «Мангазея», написанный в 1982 году и изданный в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве (Воронеж) в 1984 году. Посвящая произведение Мангазее, куда в XVII веке бежали от опричнины и за «мягкой рухлядью», за драгоценными камнями русские люди из центра Руси, а вослед им спешили царские воеводы со стрельцами и казаками, чтобы не упустить ясак и подати, автор не называет роман историческим. Хотя, на наш взгляд, он отвечает всем требованиям именно этого жанра. В основе сюжета действительные исторические, довольно крупные события, если учесть, что Мангазея, расположенная в Западной Сибири на реке Таз, на протяжении целых восьмидесяти лет была центром русской колонизации Севера. В романе действуют в основном реальные исторические лица, ярко написаны массовые сцены, к примеру крестного хода или осады воеводской крепости, воспроизведены детали быта того времени. Впрочем, это, можно сказать, – особенность творческого почерка писателя. Например, явно исторический роман о предводителе крестьянского бунта периода гражданской войны на Тамбовской земле А.С. Антонове Елегечев не называет историческим романом.

Но, очевидно, у автора «Мангазеи» относительно жанрового обозначения произведения есть свои соображения. Ведь он коренным образом «изменил» судьбу Мангазеи, её историческую перспективу. Художник не принимает гипотез историографической науки о гибели Мангазеи в связи с закрытием в 80-х годах XVII столетия мангазейского морского хода и оскудением соболиной охоты. Художественная интуиция и логика осмысления исторических реалий приводят его к выводу о продолжении жизни в Мангазее. Ибо не мог кануть в Лету легендарный город, на протяжении почти целого столетия служивший хозяйственно-торговым форпостом Русского государства на северо-востоке страны.

Писателя интересует прежде всего мангазейский житель, человек Мангазеи. А это были не только мечтатель Вторушка, до поры до вре-

мени носивший в кармане кусочек берёсты с чертежом новой земли, но и Ярко Хабаров, кузнечный подмастерье, возвращавшийся на Русь, домой, после пожара в Мангазее и готовый вновь двинуться на восток, «встречь солнцу». По сути, в Мангазее начинался Ерофей Хабаров, великий землепроходец, именем которого назовут город и станцию на крупнейшей Восточно-Сибирской магистрали.

Наиболее крупные удачи Ивана Елегечева в романе «Мангазея» связаны, думается, прежде всего с разнообразием и выразительностью характеров, человеческих и социальных типов, созданных пером, бесспорно, интересного писателя-историка.

Сильны в своих страстях Авдотьица и Вепрь. Потрясает не только жизнь, но и смерть их. Елегечев намеренно в связи с Вепрем вводит в роман мотив горьковского Сокола. Когда Вепрь догадался о кончине Авдотьицы, он бесстрашно взобрался на утес, где сидел с подбитым крылом сокол. Сокол и человек не хотели неволи. «К тебе иду, Дуняша, к тебе, неразлучны мы с тобой вовеки!» – крикнул Вепрь и нырнул с высоты, будто в омут...» Романтический колорит обогащает не только стиливую палитру произведения, но и его социальное, гуманистическое содержание, открывает художественную перекличку не только образа, но и эпох, человеческих характеров и настроений.

Впрочем, И. Елегечев сильными страстями наделяет не только представителей низов, посада. Активна, целеустремлённа жена воеводы Кокорева Мария Семёновна. Пожалуй, это наиболее впечатляющий образ романа. Она беспощадна в своём стремлении к наживе, к власти, беспощадна к служилым людишкам, сама присутствует в «пытошной», диктует и ужесточает приёмы пытки и казни. Не менее беспощадна она, но теперь уже по отношению к себе самой, в своей любви к кузнецу красавцу Ярко Хабарову. Она готова себе надеть сырую пеньковую верёвку на голову – самый жестокий и тяжёлый способ пытки, лишь бы забыть Ярко...

Запоминается и ещё один тип, созданный талантливым пером художника, – палач, заплочных дел мастер Архип, усердно прислуживающий воеводам. Только этот человек может пережить страшные сцены в пытошной избе, в сыром подвале, где постоянными свидетеле-

лями происходящего остаются вылезавшие из своих убежищ хомяки. В кожаном фартуке, с татарским колпаком на голове, он ласково взирает на очередную жертву, зная, что его работа богато оплачивается. А живёт этот человек в соответствии со своей «философией» человеконенавистничества. «Люди завсегда, госпожа, гибнут, – говорит он Марье Семёновне. – И на потехах гибнут, и на настоящих войнах. А ежели они, госпожа, не будут гибнуть, то их расплодится множество, тогда государю с ними не управиться. Пусть гибнут».

Есть в романе ещё один запоминающийся образ – подьячий Третьяк, который, «невзирая на события, охватившие Мангазею, остаётся прежним – степенным, строгим, замкнутым и властным». Он уверен, что он – власть. «Воеводы уже много лет подряд приходят и уходят, а он, Третьяк, остаётся неизменно. Он – власть». Кокорев и не знает, что подьячему Третьяку уже давно известны замыслы воеводы о бегстве за границу, что он уже послал скорохода Полимпуло с грамотой в Тобольск на имя воеводы князя и господина Алексея Никитича Трубецкого, где просил вслед за льдом послать в Мангазейское море стрелецкую заставу. Иначе убежит Кокорев большим морем за рубеж и увезёт с собой, изменник, гору мягкой награбленной рухляди. А богатства те должны принадлежать Руси. Власть должна служить отечеству. Для того он и прислан в Мангазею, для того он и останется в ней.

Загадка Мангазеи, «кормёжного» дальнесибирского царского воеводства, остаётся и по сию пору. Она привлекает внимание не только учёных, но и художников. Широко известны, например, стихи Леонида Мартынова, посвящённые мангазейскому «Лукоморью». Предлагает свою историко-художественную гипотезу и Иван Елегечев. Им поднят огромный фактический материал, изучена география Мангазеи, исследованы нравы, обычаи, язык той эпохи. Историческая проза этого писателя интересна именно его догадками, историческими версиями. Это в полной мере относится и к роману «Губернатор».

Как уже говорилось, в мае 1988 года в Тамбове проходило выездное заседание совета по прозе Союза писателей РСФСР. Тогда в общем положительную оценку Сергея Есина получил роман Ивана

Елегечева «Губернатор». Московский прозаик отметил, что произведение написано с любовью автора к своим героям, со знанием истории, что в романе господствует стихия просвещения, радуют этнография и язык текста. Вместе с тем московский писатель говорил и о некоторой эскизности характера Державина, о нарушении чувства меры в использовании языка отдалённой от нас эпохи, о приглушённости звучания наиболее актуальных сегодня вопросов чести, совести, нравственности, в силу чего роман, по его мнению, сохраняет лишь краеведческое значение. Со стороны присутствующих в зале были предприняты попытки оспорить последнее положение Есина. И, конечно, эти попытки небезосновательны.

Работа тамбовского прозаика вызывает споры. Ряд вопросов к автору можно выстроить достаточно внушительный. Надо ли было, к примеру, столь очевидно, как это сделано в романе, – и есть ли для этого бесспорные исторические основания, – раскрывать царистские иллюзии Державина? Куда девался купец Бородин, столь ярко заявивший о себе с первых страниц романа и появившийся вновь лишь к концу произведения? Можно ли «Губернатора» назвать «исторической хроникой», как он представлен в издательской аннотации? Как вообще можно написать исторический роман на основе столь ограниченного географического и хронологического отрезка и менее чем трёхлетнего пребывания Державина в должности наместника на Тамбовской земле? Эти и другие вопросы – знак сложности, многомерности авторского замысла, но вовсе не слабости его художественного исполнения.

В том-то и особенность романа «Губернатор», что на полянке жизненного материала распахано романное поле, на сугубо краеведческой основе создано произведение о России 80-х годов XVIII столетия. Действие переносится в самые разные концы империи, вплоть до Сибири, прочные нити связывают «забытый богом» Тамбов со столицей, раскрыты нравы двора. Произведение явно написано с проекцией на современность. В полный голос звучит тема истинного, действенного патриотизма. И здесь фигура Державина оказывается наиболее удачным материалом для писателя.

Подняты в «Губернаторе» вопросы государственной совести, совести власти. Разве случайны в нём авантюристы и взяточники Бородин и Ушаков? Последний ради жестоких козней против Державина идёт на откровенное преступление, на организованное убийство Любиньки. Разве случайно появляется на страницах романа такое явление, как куровщина, в полной мере воплощённое в образах генерала Загряжского и его окружения? Деспотичный, в высшей степени непорядочный, взяточник и взятокодатель, безнравственнейший правитель, существо богомное и развращённое, Загряжский – это страшная, зловещая сила. Этот вихрь куровщины выметает с Тамбовской земли Державина, а вместе с ним с корнем вырывает первые ростки просвещения и культуры, нравственного и хозяйственного оздоровления края. И мы понимаем, как уместен мотив паутины, введённый в роман с самого начала и, потерявший лирический аккорд, зазвучавший ещё слышнее в конце.

«Оккупация»

Проживая в Тамбове, писатель с историко-художественными пристрастиями не мог не откликнуться на события, связанные с крестьянскими выступлениями в Тамбовском крае в период гражданской войны. Им посвящены замечательные страницы романов И.З. Елегечева «Голгофа», «Оккупация», пьеса «Антонов» и другие. Роман «Оккупация» (Тамбов, 1990) датирован самим автором 1988–1990 годами, и хотя авторское жанровое обозначение – «роман», произведение в достаточной мере, как и «Мангазея» или «Губернатор», может претендовать на «исторический роман» или «историческое сказание», «историческое повествование». На его страницах рассказывается о подлинных исторических событиях, связанных с гражданской войной, на территории некоторых уездов Тамбовской губернии. С одной стороны, продрозвёрстка во главе с посланцами партии большевиков и государственной власти (председатель губисполкома А.Г. Шлихтер, губпродкомиссар И.П. Воллк, руководитель губчека Траскович, руководитель армии Тухачевский

и многие другие), с другой, – начальник штаба армии повстанцев, командующий войсками А.С. Антонов. События, составляющие сюжет, имеют исторически достоверные географические обозначения.

Правда, степень исторической достоверности произведения проходит, можно сказать, массированное испытание условной художественностью, введением ирреальных явлений и героев. Её значительно снижают и два персонажа, имеющие загадочные генетические истории. Главной фигурой, концентрирующей события, обстоятельства, отношения героев, является, пожалуй, сам автор произведения, которому самим же автором вручена роль не только ведущего оценщика событий, но и судьбы, вершителя человеческих судеб. В самом начале романа, в главе «Киноиллюзион», в центре с прорицателем Шкирятовым происходит диалог между Ильей Ефимычем Шкирятовым и Апостолом, который спрашивает прорицателя: что тот увидел в той сумке с сухой летучей мышью, за которой как знаком судьбы по наводке прорицателя ходили в тайгу Апостол и Швиндя.

– Где-то есть, слышно, центр земли. Растёт, говорят, там дерево. А изнутри – дупло. А в дупле висит летучая мышь. Сухая. Стоит завладеть – сделаешься провидцем, то есть будешь видеть во времени и в пространстве.

«Это было в восемнадцатом, в мае, за месяц до офицерского бунта, за два месяца до нахлынувшей на Тамбов холеры...» – уточняет автор. Какая хронологическая пунктуальность!

В ответ на вопрос Апостола Шкирятов объясняет:

– ...Я слышал шум и ропот вечного леса, голоса людей... Я заглянул глубже, в сумрак лет грядущих. Я увидел Дуню, дочь Петрована, взрослой. Замужем. В горестях. Молодой вдовицей. О двух сыновьях. Одному из них, меньшому, Ване, бог дарует талант слова, и он, к старости лет, накопив умение, и про Каракуша, и про сухую летучую мышь, и про тебя, Апостол, и про твои деяния, и про меня, Илью, и про нашего славного Швиндю, и другое, чему суждено произойти на Тамбовщине скоро, сложит сказания и поведает людям...

Только через семь лет родится сказитель. Никто о том не знает, а нам уже известно. Вот что такое летучая мышь, которую вы добыли в Западной Сибири, близ Оби, на Каракушинке (с. 36, 37).

Автор не скрыл своего года рождения – 1927-й, «спустя семь лет от 1920-го».

Ещё раз появится автор на страницах романа в сцене, произошедшей после того, как Апостол спрятал, для потомков, большевистскую прокламацию о жестоком подавлении кулацко-бандитского мятежа. И именно Апостол сообщает Марусе, что ему «как-то ночью довелось заглянуть в будущее. Оно гласит: наши с вами бумаги угодят в руки Ивану, сибиряку, он родится лишь через семь лет. А сыщёт он эти бумаги в старости...» (с. 193). Именно автор играет в произведении конструктивную роль. Именно в его, авторском, понимании события, которые происходили в тамбовской деревне, следует считать оккупацией со стороны государственной власти. Таким образом название романа отзывается в писательской исторической концепции. Елегечев предпринимает решительную попытку выверить существующую историческую концепцию событий 1919–1921 годов в тамбовской деревне, точно так во время работы над романом «Мангазея» (1982) он коренным образом «изменил» судьбу Мангазеи, её историческую перспективу, подверг сомнению известную историческую гипотезу о судьбе земли, куда в XVII веке бежали от опричнины и за «мягкой рухлядью», за драгоценными камнями русские люди из центра Руси, а вослед им спешили царские воеводы со стрельцами и казаками, чтобы не упустить ясак и подати. В своей реалистической прозе Иван Елегечев намеренно соединит социально-конкретное и фантастическое начала. Так он фиксирует право на субъективную, свою оценку описываемых исторических событий. Именно автор проведёт прямые параллели между случившимся в 1920 году и событиями 1988 года. Именно историческая концепция автора интересна читателю.

Не только прорицатель Шкирятов наделён в романе провидящим оком, но и Апостол, учёный и уникально образованный библиотекарь в облике кота, в чём бесспорно сказалось влияние кота Бегемота, кота-оборотня и любимца Воланда из «Мастера и Маргариты»

М.А. Булгакова. Иной, чем в булгаковском романе, смысл образа умного кота, дьявола, сатаны, «князя тьмы» подчёркнут Елегечевым внешним портретом: елегечевский кот принципиально не чёрной окраски. Он «молод. Красив. Шерсть пушистая, трёх цветов – желтый, с голубоватым отливом и белый. Усы длинной ости, но мягкие. Глаза, как у выходцев из далёкого Сиама, светло-туманные с синевой. Мур с раскатами, голос с баритоном. Подчиняясь кошачьей природе, по-человечески не говорит. Но изъясняться с ним можно на самые различные темы. В соответствии со своей высшей организацией организма, предположительно можно указать и на магнетические силы, Апостол посредством мурлыканья выражал свои мысли, и они постигались сознанием тех, кто изволил внимать учёному коту» (с. 32).

Запоминающиеся исторические и социально-бытовые картины на страницах произведения связаны, во-первых, с жизнью «срединного старинного города Тамбова» с июня 1919 года по конец лета 1921-го. Первая глава, обозначенная автором как «Вместо вступления», называется «Сиреневый город». Противоречивостью жизни («В стране революция, междоусобная бойня, а лавки-прилавки на тамбовском торге ломятся...») Тамбов Елегечева ничем не отличается от городского портрета, скажем, «Города Градова» Платонова, однако в романе современного тамбовского писателя свой колорит, свои знаковые обозначения. Весьма колоритны сцены и гибели белой лебеди от хитрой собаки посреди базарного моря на Базарной площади, и пение плакальщика Ходи. Именно плакальщик и создаёт портрет многоликого Тамбова, «большого прекрасного города» над Цной, защищённого от возможных пожаров многочисленными кустами сирени. С другой стороны, конкретно-исторический антураж романа художественно адекватно передан ярче всего в жизни тамбовской деревни периода военного коммунизма и продрозвёрстки, в деятельности войска и жизни его предводителя – Александра Степановича Антонова. Вот один из его портретов и запоминающаяся сцена: Антонов, командиры, атаманы «держат между собой военный совет», «в центре внимания – начальник штаба армии повстанцев, он же командующий войсками Александр Степанович Антонов.

Уподобляясь далёкому собрату Стеньке, он сидит на понравившемся ему, взятом напрокат у амазонок, раскладном шестиногом стуле. Перед ним на походном столике топографическая трофейная карта. Рядом с ним его ближний сподвижник, командующий 2-й армией Пётр Токмаков. На военный совет позваны полковые командиры, их четверо: Хребтюгин (3-й Кирсановский полк), Капустин (4-й Низовой), Орликов (8-й Пахотноугловский) и Субчик-Луп-Постоянный (Семёновский полк). Главный идеолог движения Иван Ишин в нетях: выполняет задание Антонова. С докладом об оперативной обстановке Пётр Токмаков» (с. 263).

Здесь узнаваемый театрализованный почерк писателя И.З. Елегечева: подробная расстановка героев, подробное описание антуража, всей обстановки, словно действие происходит на страницах не повести, а сценария, сориентированного на сценическое воплощение. Не случайно в 1993 году написана пьеса Елегечева «Антонов», а ранее на сцене Тамбовского областного театра ставился авторский сценарий по роману «Губернатор» – «Что есть истина?».

Творческий почерк писателя отмечен явными удачами в создании женских образов. На страницах «Оккупации» создан блистательный запоминающийся портрет Маруси Косовой, подлинного исторического лица. В начале романа с ней, представительницей кавэскадрона им. тов. Троцкого, знакомится И.П. Воллк. Губпродкомиссар обратил внимание, что Маруся, как и он сам, в студенческие годы интересовалась путешествиями Вальтера Ралея. «В душе, как я склонна о себе думать, я – романтик. Одно это, пожалуй, привело меня на службу в Красную Армию, – говорит она. – Я так про себя рассудила: я ещё молода, учение от меня не уйдёт, а гражданская война не вечная. Как бы после не пришлось пожалеть, что упустила такой счастливый момент и осталась в стороне от главнейших событий века». И Воллк признаётся, что в Тамбовскую губернию он, словно Вальтер Ралей в Эльдorado, прибыл на передний край борьбы за хлеб – «проверить свои теоретические изыски на практике»: «Как он, Ралей, так и я, Илларион Петрович Воллк, мы оба с ним пустились в опаснейшее предприятие не из корыстных побуждений, а из желания принести

посильную пользу обществу. Преодолевая неизведанные пространства, одолевая опасные встречи с дикарями, Вальтер Ралей стремился к достижению своей цели, не считаясь ни с чем. Я тоже намерен ни с чем не считаться» (с. 48).

Этой встрече Маруси с Воллком предшествует описание портрета губпродкомиссара, со ссылкой на архивные материалы за 1920 год: роспись его лихая, с чёртиком, хвостиком и какой-то залихватской кавычкой. На мандате, выданном Иллариону Петровичу, значится – коммунист-большевик, 27 лет, и является Чрезвычайным Уполномоченным Комиссаром по осуществлению мер военного коммунизма и направляется для работы в Тамбовскую губернию. «Короче, тоскливо Воллку в Тамбове».

Следует колоритное описание Базарной площади. Воллку предстояло постичь тамбовский смысл названия Эльдorado, куда для знакомства отправились в воскресный день посланцы советской власти. Здесь Воллк и понял, почему тамбовские купцы-воротилы называли местность на берегу канала Эльдorado. Жил в XVII столетии английский писатель и государственный деятель Вальтер Ралей, он и «разыскал» для своего короля страну в Южной Америке под названием Эльдorado. Там повсюду, как булыжник, рассыпано золото. Вот и тамбовская степь богата неслыханным золотом, чернозёмом, образец которого выставлен даже в Париже. «Тамбовская губерния в настоящее время, – уточняет Воллк, – является для нашей страны сказочным Эльдorado, переполненным золотом, благодаря которому можно спасти революцию и державу. Возродись, к примеру, из прошлого Вальтер Ралей, он, будучи предприимчивым человеком, отправился бы на кораблях не в далёкую Гвиану, а в страну холода и мрака – Россию...» (с. 43, 44). И опытный, и практичный А.Г. Шлихтер, обращаясь к Воллку, просит: «Помогите нам – и перед вами, молодой человек, откроются сияющие перспективы. Нам крайне нужно золото тамбовского Эльдorado, в противном случае мы задохнёмся» (с. 45).

По предложению Волка, Маруся поступает на работу в продорганы. Позже она вместе с котом-библиотекарем, философом и архива-

риусом Апостолом будет защищать интересы крестьян и при пытках погибнет. Много интересной информации о разгромной деятельности Красной Армии в тамбовской деревне периода июля 1920 года содержится на страницах введённого в роман дневника Маруси Косовой (с. 77–84). И признание героини: «Нет! Нет, я не только не чувствую морального удовлетворения от той, как меня убедили, необходимой работы, которую я исполняю, наоборот, я крайне смущена душой и удручена сердцем и, кажется, кроме отчаяния, не испытываю ничего...» (с. 81).

Своеобразно композиционную роль в романе Елегечева играет глава «Сон». В ней рассказывается о жизни в избе на берегу исторического Ржавца, что на Астраханке, в глухом проулке Овинном, прорицателя Ильи Ефимовича Шкирятова, Швинди и Апостола. У каждого из них – свои задачи. Шкирятов толкует сны, вглядывается в будущие и предбудущие времена. Апостол, будучи просвещённым учёным, мыслит про себя о великом и вечном, ведёт внимательное обследование чердаков тамбовских улиц. Горбатенький Швиндя ищет по городу выгодных клиентов, и он знает, что «ныне в Тамбове самыми богатыми являются главные начальники», «первый из них – тов. Шлихтер, второй – Павлов, третий – тов. Волк». И вот какой «чудный» сон приснился Волку: «Будто по воле сверхъестественных сил превращён он, тамбовский губпродкомиссар, в англичанина Вальтера Ралея, верно-подданного короля Иакова. Вызван Вальтер Ралей, или Волк, в королевский тронный зал, коленопреклонно поставлен перед владыкой и повелителем Великобритании. Изволит знать несравненный король Иаков, сможет ли он, Вальтер Ралей, отправиться в дальний морской ход к берегам Гвианы, где необходимо отыскать сказочную страну Эльдорадо, кипящую золотом?.. Шествует во главе с Ралеем по глубинной стране Гвиане войско. А впереди конной рати, зародившись в сторонних селениях, во все стороны глубинного Эльдорадо разлетается зловредный слух: оккупанты, оккупанты пришли с севера. Выученное войско. И пушки, и винтовки при них. Грабители пришли. Прячься, ребята, кто может! Прячь от разбойников пищу. Зарывай в земляные ямы зерно! Хорони от разбойной силы драгоценности! Всё

от них прячь. И детей прячь, и девок, и женщин!.. Алчность обуяла Вальтером Ралеем. Забыл он обещание, данное королю Иакову, дела по завоеванию новых владений для Англии вершить добром, велит:

– Взять его! Содрать с него золотые пластинки, соскоблить позолоту и зубилом выломать зубы!

Бросились, как свирепые псы, воины короля Иакова на короля Моксо, сдирают с него одежду... Скребут ножами и ноги, и руки, и спину... И недоумевают: что за диво? Минуту назад золото было. Блестело. Горело. А схватили в руки – не золото, а деревяшки...» (с. 73–75).

И прорицатель дал толкование сна, которое вскоре сбылось: ординарец навсегда расстался с Воллком; Воллк пойдёт против народа, а в битве схватится с домашним котом специальной породы и в том бою потеряет ухо. Собственно, эта условная картина содержит схему основных сюжетных событий произведения и предопределяет их исход. Сразу после описания сна следует глава «Явь» с подзаголовком «Из дневника Маруси Косовой», и сюжет романа стремительно пойдёт к своему финалу.

Елена ЧИСТЯКОВА

Зинка да Терентий и их святой долг

Самобытное повествование

*Худое бывает и само приспеет,
доброе же не всякого согреет*

Пролог

Верь не верь, а ведь это было. Поведаю историю, которая тронула всех тех, когда-либо слышавших её. Душевно проникнувшись трагизмом сюжета, пересказали своим близким и знакомым. Теперь и Вы послушайте.

Произошло это запомнившееся многим событие в тысяча девятьсот шестидесятом году. Однако начну с предыстории. Так вот.

Зинаида Сарайкина, женщина возрастом около сорока лет, проживала одна в небольшой избёнке на краю деревеньки Овражье. Сама-то деревенька возле леса, вдоль глубокого оврага, небольшая, дворов поди пятнадцать-двадцать, да имелось ещё с десяток некогда кирпичных, да и рубленых, а теперь заброшенных и разрушенных

ветхостью. Со стороны, особенно в ночи, казались эти руины страшными пристанищами нечисти. Частенько там, в крошечной темноте, что-то выло, поскрипывало, ухало да постанывало.

Народ, живший ранее в этих домах, кто поумирал, а кто-то и сбежал от однообразия, отдалённости, короче говоря – из глухомани.

Имелся один магазинчик, в котором весь товар вместе, от конфет до керосина. Правда, автолавка, бывало, добиралась до Овражья, привозила всякую необходимую в хозяйстве мелочь.

Жители деревеньки Овражье – старики да вдовы бабы, в основном. Чтобы попасть в больницу, к примеру, в церковь или в сельский совет, а может, и за какой другой нуждой, необходимо по колдобинам раздолбанной дороги пройти километра три-четыре до трассы и там «голосовать», авось кто подберёт и довезёт до большого села, райцентра. Дети из Овражья, коих не много, в интернате при школе всё учебное время проживали. Матери да бабушки о них сильно скучали, плакали, пряча слёзы свои от мужчин, «зарываясь» лицами в фартуки. А на вопрос «Чаво такая стряслось, а? Об чём ет мы сырость разводим?» шмыгнув носом, решительно утеревшись, вскинув бровки и наигранно улыбаясь, отвечали: «Да ничаво! Распотелася здесь у зявля* печнова, да и в глаз, видать, соринка влятела!»

Давненько когда-то деревенька процветала и дорога была прямоезжая и прямохожая. И даже кино «крутили» в клубе, теперь развалившемся. Его не ремонтировали, клуб тот, видимо, полагая, что нечего туда и таскаться, пусть дома сидят старики, а молодёжь целой оравой дойдёт до села и обратно с шутками-прибаутками и смехом, то есть дорога им скучной да длинной не покажется. Зимой молодёжь пляшет «матаню», «голосит» частушки под баян и озорует, нахально цепляет девок в избе тётки Акули. Та их за определённую мзду в виде сальца, яичек, ломтя пирога пускает, так сказать, «посогреться чуток».

Население кормится своим хозяйством в Овражье, даже хлеб сами пекут и гордо заявляют, что ни в чём не нуждаются, мол – «сами с усами».

А коль так говорят, то и нет им ничего! Про Овражье в райцентре забыли напрочь! Даже в памяти не держат, что инвалидам-фронтовикам и вдовам погибших на фронте мужиков надо бы помогать, да и в больницу, и в храм не находишься на службу, далековато. А душа-то жаждет вознести молитву о павших своих, да и рассказать Богу про своё сиротское житьё-бытьё, а может, и радостью какой поделиться.

Сарайкины

Муж Зинаиды Савелий Сарайкин героически сложил свою головушку на фронте, точнее сказать – в лазарете уж помер, сильно его покалечило в бою, пронзило пулями да посекло стальными осколками. Из военкомата привезли и передали вдове его, Зинаиде, награды мужа – три медали и орден. Это уж позже, а сначала принесла почтальонка похоронку, и от жуткой новости рухнула Зинаида на пол без чувств. Но на этот случай у почтальонки припасён был нашатырь и валерьянка. Подняли молодуху, очухалась* она.

Ощущение беспросветного горя пришло уж потом, позже, когда осознала, что одна-одинёшенька в целом свете.

А поженились Сарайкины как раз перед самой войной. Можно сказать, они даже не смогли прочувствовать что к чему, насладиться любовью друг друга, понежничать, нацеловаться от души, вдоволь поваляться на духмяном сене.

По первости вдовая Зинаида была робкой, милой и очень трудолюбивой молодой женщиной. Вот трудолюбие с годами у неё только и осталось, из приятности. Входя в лета, характер от её одинокой, вдовьей жизни сильно испортился. Она, как, обсуждая её, бухтели бабы, сделалась шумоватой и неуживчивой.

Видать, эти перемены в ней произошли от безысходности, одиночества и бездетности. Конечно, забота о ком-то смягчает характер. Вот потютешкалась бы с младенцем, или муж приобнял, приласкал бы, или доброе слово родители сказали за заботу о них постоянную – глядишь, и смягчилась душа. А так-то отчего же ей мягчить, раненой душеньке той?

Теперь домишко её чуток припал на бочок, соломенная крыша почернела и местами кое-где провалилась. Лохмотья той соломы свесились до махоньких оконеч и застили частенько свет. Сарай да клетушки животине – те вообще беда бедовая. А плетень местами рассыпался, местами скособочился, и Зинаида его палками подпёрла. Да что говорить, изба эта ещё при царе ставлена родителями мужа её.

Сама-то Зинаида сирота была, у дальней родственницы приживалкой существовала. Горек сиротский хлебушек-то, да и рукам волю родственница частенько давала, была тем, что под руку подвернётся. Родители маленькой тогда ещё Зиночки померли от холеры. Так-то. Приголубить дитя было некому.

Старики же Савелия, безземельные крестьяне, ещё в конце девятнадцатого века намыкавшись по людям, по богатеям, отправились всем семейством в Туркестан. Работали на хлопковых плантациях, на ватной фабрике трудились вместе с детьми своими. Питались в основном одним рисом. Отваривали, потом заливали кипячёной водой, чуток подслащивали и хлебали, обманывая тем самым, наполняя жидким, желудки свои. Или тюрю, мурцовку* из воды, лука да кусочков ржаного хлеба, сдобрив всё конопляным маслицем, маленечко, чтобы золотистые пятнышки хоть реденько плавали. Присаливали и сёрбали* за моё-моё, только чавканье да сопение раздавалось. Правда, ребятишки «на подножном корму» пробавлялись, рты у них не закрывались. Уж чего-чего, а абрикосов, арбузов и дынь наедались вдоволь.

Труд на плантациях тяжкий, да и непривычно знойно, жарко, но денег накопили на своё жильё. Вернулись обратно, привезя с собой по мешку кураги да урюка. Хоть тесная изба, где спали вповалку, но своя. Так же продолжали работать «в людях», столовались и спали на сеновалах хозяйских, только в зиму, когда работы не было, тогда уж в дом родительский возвращались. Позже дети поразъехались, пристроились кто где, ушли на «вольные хлеба», а младший сын Сарайкиных, как в пору вошёл, женился. Жить отправился в примачки,* в избу жены. Да что ж поделывать, коль своего жилья нету? Вот у

него-то и супруги его родился Савелий, будущий ненаглядный Зинаиды. А уж когда старики Сарайкины ослабли да поумирали, то по решению всего их рода в избе дедовской стали проживать Савелий и Зинаида, да счастье недолгим было, осталась там одна вдовица.* Короче говоря, никакой радости не видела Зинаида – сиротство да вдовство, откуда ж доброму, весёлому нраву взяться? А вот, однако, слушайте дальше.

Странник

Как-то ближе к ночи, поздним вечером, когда Зинаида, не балуя себя, ужинала кружкой молока да ломтём ржаного хлеба, за окном метнулась чья-то тень. Вскоре во входную дверь будто поскреблись, робко так, постучали. Насторожившись, пошла Зинаида в сени и спросила неприветливо:

– Кто ета, а?

– Открой Христа ради, милая, – раздался старческий голос, – впусти в избу. Силушек больше нету, да и голодом сильно маюсь. Сейчас свалюсь здесь.

Не сомневаясь, не раздумывая, отодвинула засов и открыла дверь Зинаида.

В сени, прихрамывая, вошёл, опираясь на клюку, старик. Пока Зинаида закрывала дверь на засов, да ещё и на щеколду, он молча стоял в сторонке, ждал. Раскрыла хозяйка дверь в самую избу, и на странника пахнуло теплом печи, запахом обжитой избы, ржаного подового хлебушка да стойким берёзовым духом.

– Ну, и чаво замер, входи давай, а то избу выстудишь мене, – попеняла старику Зинаида и слегка подтолкнула его к порогу.

Оказавшись внутри, он сдёрнул затасканную кепку с взлохмаченной седой головы и поклонился хозяйке.

Присев на табуретку, она спросила, намеренно грозно сдвинув брови:

– Ну-у, и как жа тебе звать-величать, а? Откуль будешь? Чаво ноцию шастишь по дворам?

– Да я, – хриплым, простуженным голосом ответил странник, – хо-жу-брожу, побираюся. А звать меня Терентий, по батюшке ежели – Петрович, по фамилии Осокин я. А жил далечко отсюда, там, где леса – непроходимые чащи, много болот, лугов, да вот забрёл в ваши края.

– Ладно, – Зинаида хлопнула себя ладонью по колену и решительно поднялась с табуретки, – как сказывают, соловья баснями не кормють. Давай, Тярентий Пятрович, сымай с сабе тряпьё, да кидай в уголок, посла сожжём в пячи. Иди к рукомойнику, тама и мыло ляжить и утирка чистая. Счас тёпленькой водицы налью – ополоснися.

Старик, зажмутив глаза, прежде понюхал розовый кусочек мыла и выдохнул:

– Ягодкой пахнет, земляничкой!

Он мылся и с наслаждением фыркал, намыливал руки и лицо по несколько раз, пока Зинаида не пошутила, засмеявшись:

– Будя, будя уж табе, а то, гляди, вороны утащуть, чистава такова.

Утеревшись, разгладив руками пышную, белопенную бороду и расчесав растопыренными пальцами пятерни волосы на голове, незванный гость повернулся, и Зинаида увидела вдруг пожилого человека приятной наружности, улыбчивого, с добрыми лучистыми глазами.

– Скольки ж табе годков, старинушка Тярентий Пятрович?

– Да шестьдесят один год. А покуда не стукнуло семьдесят, так просто – Терентий, я уж и отвык, чтобы по батюшке величали. А цифра шестьдесят один мне самого себя напоминает: будто я горбатенький, точно шестёрочка, да с посохом, единичкой то есть!

– Шутник, однакось! А ведь и верно, похо-о-о-же! – вздохнула, улыбнувшись, Зинаида, – а мене все просто Зинкою кличуть. Запаятовала тож, как с отчеством-та. Быва-а-ить. Ну вот и раззнакомилися.

Зина пригласила старика к столу.

– Ноня, уж не взыщи, молоком с хлебушком обойдёсси, да вон с медком, ежели пожалайшь, а завтра из утря кулеш я задумала, поишь тады как надоть.

Скользнув быстрым взглядом по избе и приметив в красном углу иконку с мерцающей перед ней лампадкою, Терентий, подойдя ближе, трижды размашисто перекрестил лоб и уж тогда присел к столу. Это

понравилось Зине, и она, опустив голову, тихо и откровенно, как не позволяла себе никогда и ни с кем, вдруг проговорила:

– Эта по Савелию, супругу моему, гяройски павшему на войне, лампадка всягда возжена, церква-та от нас далёко, не находисси. – И пробормотала, напонила, видно, сама себе: – Надоть лампаднева маслица подлить маненько.

Вдруг, встряхнувшись, произнесла буднично:

– Я тебе, старинушка, матрасик кину на полати у пячи, посогрей тама свои косточки, одеялу ватнею тожа, подушечку-думочку пока што, боюся, каб не воши у тебе, прости Господи. Завтря голову намоим, обстрягу твои кучери, тады уж пуховаю, набивнуя, пожалуй, дам.

Выглянув в тёмное оконце, покачала головой Зинаида сокрушённо:

– Гляди, тама, кажись, дождик сбираица, выгонка штоль тащица завтря куды-та? Живи, покуль не окрепнишь. Места у пячи не жалко мене. Коль надоть будить по нужде,* так в сенцах поганая вядро* с крыжачкаю. Вона и чуни* стоять, обуй тады да ступай.

Терентий ничего на это не ответил.

Ночью Зине спалось плохо. Она всё думала, ворочаясь с боку на бок: «И откеда принясло к моёй двяри етова старца? Ну видать, многонько горюшка хлябнул на своём вяку. Глаза добрыя, мудрыя, да в их, в тех глазах – тоска беспросветная. Вота мене такого тятеньку, совет ба дельнай дал, как жить-та – горямычнай бабе?» – Она всхлипнула и тут же «задушила» сжавший горло плач, уткнувши лицо в подушку.

На следующее утро потихоньку встала и, набрав в печурочке прохшего уже берёзового, берестяного розжига, затопила печь. Поставила кастрюлю большенькую, с половинкой курицы, чтобы сварить похлёбку с пшеном к обеду, как накануне обещала.

Да известно ведь: нет ничего более постоянного, чем временное. Короче говоря, стал старик Терентий жить у вдовы. Она его, как уж смогла, привела в божеский вид. Постригла чуток волосы ему, как просил, по ухо только, бороду он сам маленько подровнял. Нагрела Зина два ведёрных чугуна воды, холодной тоже приготовила, принесла корыто, мочалку и чистую смену белья, которое осталось после свёкра да мужа, что уж подойдёт. Лежали вещи в самом низу сундука, да вот

пригодились доброму человеку. Сама же ушла в хлев, чистить за овцами, подумав: «Справица, поди. Ещё я чужова мужука не намывала! Щас прям!»

Он справился и к приходу Зины был словно начищенный до блеска бронзовый подсвечник. Правда, вещи родных Зины висели на нём, будто на вешалке, рукава длинные, штанины «гармошкой» лежали на полу возле ног его. Да неважно! Главное – отмылся и за собою всё прибрал. На другой день Зина всю одежду подрезала, подшила, подогнала, и Терентий, выйдя к избе такой чистый, опрятный, присел на завалинку. Бабы его сразу и приметили. Что тут началось!

– А-а-а! – горланила одна. – Глядитя, бабы, вот вить чаво! Наша праведница Зинка, глядитя, полюбовника сабе приобряла, кажися!

– Ой-ёй-ёй! – верещала другая. – Вот жа чумурудная* баба! Старого побирушку пригрела у сабе в избе! Боля, поди, некова!

– И не говоритя, девки, – взвизгнула старуха Силовна, – толку от яво ни-ка-ко-ва, что от козла молока! Ни приголубить, ни помочь оказать не смагёт, потому как немочнай! Ха-ха-ха, ха-ха-ха! Вот же чумурудина Зинка!

– За первыя порты уцапилася! – хихикала соседка Маня. – Хахаль што надоть, вот вить чаво! Зинк, а Зинк? Поделисси работничком? Можя, и мене чаво прибьёт, смастетерить в избе и всякая другая прочия? Я согласныя, аж терпяжу у мене нету!

Зина «огрызалась», как могла, а убегая в дом, там плакала навзрыд:

– Бястыжия! Хабалки* мерзкия! До всяво им дело, вездесущия выискалися! Кто об чём, а етим тока б зубоскалить, тьфу!

Терентий спокойно ей объяснял:

– Вездесущ один Господь, а эти – срамницы, да и только. Не сердчай на них, Зина, они несчастные, одинокие и от того злые. Хочешь – я уйду? Может, тебе тогда легче станет жить?

– Ну куды ж ты пойдёшь-та? Зима вскорости лягить. Живи и ни об чём не думай. Заткнутца! Как притомятца, так и заткнутца. А на мене не гляди, я угомонюся, пройдё-ё-ть, всяко бывало ранее-та. Мене ой как забижали, однакось пе-ре-мог-ла.

– Ну, гляди сама, да знай – Господь всё управит. Будет и у тебя в душе радость, будет и покой, и благодать, всё проходит, голубка, пройдут и эти невзгоды. Верь и надейся.

И так после этих слов Терентия становилось у Зины на душе тепло и радостно, что посетила мысль – уж не Божий ли он посланник? Не утешитель ли страдающих душ?

Зимние вечера

Прошёл, набуянил, нахулиганил зазимок, будто шутки ради пригрозив и попугав людей. Мол, держитесь! Скоро, скоро завьюжит, заметёт! Но через несколько дней выглянуло солнышко, с крыш закапало и снег растаял.

– Ах, чтоб тебе, – ворчали люди, – только грязя развёл, а поначалу-та напужал!

Однако вскоре с тихим, «пуховым» снегом, с лёгкими морозцами легла зима настоящая. И это уже не были шутки погоды, а всё по взаимодашнему.

Зимними вечерами Зинаида и старик Терентий сидели на низеньких скамеечках у печи. За открытой дверцей буянил всполохами огонь, выдавая приятный жар, а из-за приотворенного поддувала что-то неведомое пело, подвизгивало и бурчало печным ветродуем. Зинаида вязала старику очередную пару шерстяных носков, а он, Терентий, сквозным швом, шилом и дранкой подшивал следующую пару сношенных валенок, ремонтировал чуни, поршни да коты.*

Делал это на загляденье умело, а на вопрос Зины, откуда он знает, как нужно тачать да подшивать обувь, уклончиво говорил:

– Жизнь, она всему научит.

Они разговаривали много и подолгу. Терентий открывал неведомый для Зины мир интересных событий, о которых она и слыхом-то не слыхивала. Увлекал её, рассказывая о житие святых, об открытиях учёных, о разных дальних странах. Только вот про себя, семью и Родину свою ни разу ни обмолвился.

Прошла зима, немного подсохло и наступили посевные работы в огороде. Старик помог, как уж смог, посадить картошку на вспаханный плугом огород, вскопал грядки для моркови, лука, капусты и вдруг засобирался.

Неожиданный уход Терентия

– Чаво случилось? Куды тебе так спешно надоть-та? – разволновавшись, донимала его вопросами Зина.

– Надо, надо поспешать мне, – отвечал он торопливо, – вдруг не успею?

– А я как жа здесь, мене-та как одной жить теперя? – плакала привыкшая к нему Зина, поверившая, что на света есть добрые люди, расположившись душой к старику.

Но он был неумолим. Однако твёрдо обещал к зиме вернуться и попросил даже не сомневаться, верить. И смехом приказал на его долю сажать капусту, а уж картошки и моркови много надо будет, так как есть он горазд!

– Ну-ну, – усмехнулась Зина, – клюёшь, что воробушек, едо-о-о-к!

О желании старика уйти она размышляла ночью: «Можить, чем не потрафила,* можить, обиду нанясла?» Но размышления её ни к чему не привели. «Не-е, здесь чавой-та другога, да Бог с им, знаить чаво де-лаить».

Собрав котомку со сменным бельём и кое-какими съестными припасами, как-то ранним утром, тихо прикрыв дверь в избу, ушёл Терентий.

– Ах ты, Боже ж мой! Как жа мене жить одной-та! Оставил, бросил! Он жа слаб здоровьем, как ба дорога яво не уморила, как ба не помер! – рыдала, причитала Зинаида, полюбившая старика пришлого, как родного отца, которого даже не помнила.

Вот уж бабы Овражьевские над нею потешались, насмехались зло, не пощадили.

– Вот чаво! Дажа трухлявай пянёк и тот от ней убёг!

– Нету уж! Лучше никакова, чем такой сядой да согнутаи, с бадиком!

– Он у ней не сядой, а отроду блондинистай! И ня старой вовси, а мудрай, бабы! – ёрничала, похохатывая, соседка.

Зинаида молча разворачивалась и уходила в избу, плотно прикрыв дверь. Она уже на нападки соседок так явно не реагировала. Терентий отучил её рыдать да нервничать по этому поводу.

Лето промчалось в трудах и заботах. Урожай собрала Зинаида хороший с огорода, да и яблоньки порадовали на диво наливными яблочками. Осенью другие хлопоты – капусту рубить, яблоки мочить, картошку да морковь со свёклой, да редьку с репой ссыпать в погреб. Огурцы в кадке засолила, помидоры тоже. Чего ж не жить? А какая радость так жить, коль одна-одинёшенька и нет рядом доброй души, Терентия? Как-то на исходе осени, взяв большую корзину, отправилась Зинаида в ближний лесок по грибы.

– Вот, – размышляла она, – набяру грибов многонько, насолю, снизочками развешаю, насушу и стану Терентию зимою похлёбку с ими варить, ох, да со смятанкой! За ухами пищать станить от скудости. Сгибни* с картошкой да грибочками спяку, а солёненькия да в вяршках сливошных, да с пярловаю, праховаю* кашаю – тож ничаво! А ещё ж с капустай томлёнаю в пячи, да и пряженцы* грибныя с луком. Тока иде ж он запропастился, сердешнай!

Так она рассуждала, а руки только ножичком чик да чик, подрезала грибные ножки, аж хруст стоял. Незаметно «наметелила» полную верхом корзину, даже в платок с головы пришлось класть.

– Будя-будя, баба, остановися! Ты гляди, захапистая какая, аж самой соромно, – отчитывала себя Зинаида. – Надоть вяртаца, куры уж поди присели на насест, а я здесь всё валандаюся.*

С грехом пополам взвалив корзину, перекинув через плечо ременьную шлею и с трудом выпрямившись, потащилась к деревне. Увязая под тяжестью корзины ногами в песке, Зина, тяжело дыша и утирая пот с лица, вышла наконец на косогор и, приложив ладонь козырьком ко лбу, обвела глазами деревню.

– А-а-а, вон и моя избушка, крайняя! А што ето? Неужто дверю я не притворила,* – показалось, что, уходя, дверь в избу не закрыла на щепочку. – Да нешто я совсем очумела?

Как могла быстрее она ринулась по тропинке к своей избе:

– Так и есть! Входи кто хошь, бяри чаво надоть!

Да кто зайдёт к ней? Кому она нужна-то? Но почему же так неспокойно, так волнительно колотится её сердце – вещун! К чему бы это?

Возвращение. Исповедальный рассказ Терентия

Вбежав в сенцы, Зинаида резко распахнула дверь и остановилась в изумлении! На полу, посреди горницы, два больших брезентовых мешка. Тут же саквояж, корзина, а спиной к ней, у икон стоит кто-то незнакомый в чёрной рясе, на голове его скуфья, седые волосы размётаны по плечам. Он творит крестное знамение, молится! Человек завершил молитву поклоном и обернулся.

– Тя-рен-ти-и-й Пятрович, ты ли? – Зина бросилась к старику, обняла, прижалась. Она целовала его и плакала от счастья. – Возвратилси, родимай! Я уж заждалася, вся душа об тебе изболелася, а ты вона какой – ба-а-тюшка! Я так и полагала, уж больно складно ты об жизни святых старцев мене сказывал.

Терентий вытер слёзы со своих глаз, растрогался:

– Я ж тебе обещал, что зиму станем вместе коротать. Ну как ты тут, всего назапасила? Нам предстоит с тобою, Зина, большие хлопоты. Завтра подробненько расскажу, сейчас отдыхать, отдыхать. Хоть признаюсь, – ногами не шёл, подвозили люди добрые. Однако ох и намаялся я!

– Ну што жа, завтра, так завтра, больше ждала, – успокоенно выдохнула Зина и отправилась ставить чугунок на плиту, варить картошку «в мундирах». А уж к ней, к картошке той, найдётся много чего вкусного, да вот хоть те же жаренные грибы с луком, да и солёности, и сало.

На следующий день, посадив Зинаиду за стол напротив себя, Терентий поведал ей свою историю:

– Окончил семинарию духовную, рукоположен был в сане священника к служению в храме. Жил с женой, матушкой Прасковьей – женщиной скромной, чадолюбивой, мудрой – и тремя детками: дву-

мя сыновьями – Александром да Николаем и доченькой Екатериною. В одном небольшом селе недалече от Брянска жили мы. Есть такой замечательный город, через него дороги ведут в Белую Русь. Места наши лесистые, заповедные, красоты необычайнейшей. Видно, поэтому, к нашему счастью, и не добрались в пору гонений, до церкви этой не добрались. Схоронившись в лесной глубинке, осталась нетронутой она, церковь Воскресения Христова. Сама деревянная, резная, вычурно-узорчатая, можно так сказать. Небольшая, но стройная, стремящаяся вверх, к небесам маковкой своею, очень древняя, судя по редким иконам в нашем храме.

А потом началась война, Великая Отечественная. Наш Брянск, после многострадальной Белоруссии, стоял на пути фашистов, вот уж поиздевались, поизгалялись* над беззащитными людьми враги. Единожды «отведав» крови человеческой, с каждой новой победой больше зверели фашисты, с каждым сельцом или городом. Руки по локти в крови. А ведь это ещё сорок первый год! Впереди были тяжёлые бои. Лютую смерть люди принимали. Но мы пока были чуток в сторонке от их пути, надеялись, что сия участь минует нас. Авось не приметят в лесной глуши маленькое сельцо, так надеялись люди. Тщетны были надежды! Как-то мне Прасковеюшка и говорит: «Батюшка, беженцы из Брянска сказали нашим-то, что в эту сторону войска двинулись немецкие, надо бы ценные иконы и книги из церкви куда-нибудь спрятать». «А куда ж спрячешь-то, матушка? Всё могут пожечь. Вон слышали, что где они проходят, там пепел да зола. И людей в живых не оставляют». А она, светлая душа, и вразумляет меня: «Надо в лесу найти укромный уголок и закопать церковную утварь да остальное всё ценное, и приметить где. Место такое выбрать».

Я согласился и сказал, чтобы она не мешкала, быстро вещи самые нужные собрала, а детям мешки за спины. Они у нас подростки уж были в ту пору. Говорю я ей: «Время тянуть не надо, будем уходить в леса, дальше, дальше. Я-то, с Божией помощью, иконы, кресты, ценные лампадки, книги сложу в брезентовые мешки и поташу, заступ возьму и закопаю, а вы, – говорю, – быстро приходите во-о-н к той ели вдальке, ждать там буду. Часа два, верно, есть у нас на сборы, но

не больше! Поторопитесь, Христа ради, не мешкайте! Мы-то пешком, а они-то на машинах».

Бежал я к церкви и народу встречному внушал: «Всем передайте! Убираться надо подобру-поздорову, поспешайте! Скажите, пусть не держатся за добро, наживём ещё, главное – себя да деток спасти. Старики, знаю, упёртые, волоком их выводите в леса, скоренько! Да поможет нам Господь, только сами уж не оплошайте!»

– Мешки, вот эти, что тут стоят, – показал на них Зине Терентий, – я поволок к лесу. Они тяжеленные! Иконы в окладах, кресты – серебро! А книги – библия, заветы, поучения святых старцев, псалтырь – как оставить на поругание? О-хо-хо! Я складывал, и плакал, и просил прощение, что всё не дотащить мне, а всё ведь дорого сердцу. Помощи ждать было не от кого, все метались на своих подворьях, не до меня им. Потяну-у-у-л, где волоком, где на горбу. Один оттащу шагов на двадцать, за другим ворочаюсь. Так и подтаскивал мешки, мелкими перебежками, как говорят. Увидел приметный валун, вот возле него и вырыл яму и опустил туда ценную ношу свою. Земля песчаная, рыхлая, глубокая яма вышла. Приметил место и бегом к ели. Сердце колотится, обливаюсь потом, но бегу, ждут же! Надо сказать, что люди в деревне не очень-то спешили уходить, «метались» мыслями. Всё ж свои родовые дома, могилы предков опять же рядом, да и кое-какая живность у каждого в хлеву. Надеялись – авось мимо пройдут немцы, не приметят наше сельцо. Что им от него проку? Взять с нас нечего! Не додумались, что им от нас-то ничего не надо, им самих нас стереть с земли необходимо было!

Подбежал я к ели той – никого! Как так? Я с такими тяжестями успел, а они...

И вдруг услышал рокот моторов и тут же жуткие крики, плач, визг, не проходящий людской вой, лай собак, выстрелы! Боже правый! Всё похолодело внутри у меня, аж волосы встали дыбом! Бегом ринулся к селу и носом учуял запах гари. Это немцы! Они жгут наши дома! А вышло-то куда как хуже!

Я с пригорка увидел, что горит старая рига. Огнём полыхает со всех сторон! А из неё, из той риги, крики, мольбы о помощи,

детский визг – множество голосов слились в жуткий вопль. Фашисты, хоть по-осеннему и свежо, однако красномордые, рукава закатаны, уверенные в своей безнаказанности. Ржут, как стоялые жеребцы. Картина гибели сельчан и самого села до сих пор перед моими глазами. Немцы окружили с автоматами в руках запертую эту постройку и того, кто пытался вылезти сам, или ребёнка которого, сделав подкоп, выталкивали родители в надежде так спасти его, тут же прицельно убивали, расстреливали. Там, внутри, осознавали, что происходило снаружи, и истощный вой нарастал с новой силой.

Старик умолк, чтобы перевести дух. Да, тяжёлые воспоминания.

Зина сидела не шелохнувшись с остекленевшими глазами, а слёзы двумя ручейками текли из этих глаз. Самого батюшку Терентия трясло, но он говорил, говорил, снова переживая весь этот ужас.

– Я упал под молодыми ёлочками, жал в кулаках песок! Что мне делать? Выскочить и ринуться на врага? Да я только появлюсь – срежут очередью автоматной ещё на подходе! А и теплилась маленькая надежда, что, возможно, мои родные прижукли где-то в кустах, просто до ели не успели дойти. И если спаслись, то как им дальше быть без меня в лесу?

Потом голосов, криков становилось меньше, меньше, тише, глуше, лишь пламя страшным огромным факелом бушевало и гудело, поднимаясь в небо.

Я лежал, зарывшись в песок, и видел, как фашист, видимо, командир, гортанно что-то крикнул, все быстро сели в машину и на мотоциклы. Колонна тронулась дальше, только несколько немцев, прежде чем уехать, пробежали по селу с факелами и подожгли дома.

Животные, которых хозяйева успели всё же выпустить и, видимо, пытались гнать от домов, упорно ломались обратно. Теперь же, выпучив глаза в ужасе от выстрелов и криков, обезумевшие коровы, бычки, овцы и козы устремились к дороге и тут же, с хохотом, были убиты фашистами. Недобитые животные, истекая кровью и пронзительно, душераздирающе ревя, убегали к лесу. Кур, гусей, мечущихся беспорядочно по селу, отстреливали и собирали в ко-

ляски мотоциклов. Вот уж у фашистов «Валтасаров пир» будет! Но Господь зрит и воздаст изуверам по подлым делам их!

Собаки, которых хозяева спустили с цепи, те похитрее – сразу бежать от домов. Участь ужасна тех, привязанных, смерть их была страшна.

Наша милая сердцу и свята душе церковь Воскресения Христова пламенела обречённо поднимающимся к небесам ярким огнём свечи, а вокруг стелющимся пожарищем догорали подворья жителей нашего сельца, души которых уже вознеслись в муках и, наверное, достигли теперь царствия Божия. Надежда на то, что мои родные спаслись, рухнула!

Я стоял на коленях и молился, молился и, скорее всего, я был один, кто мог бы видеть это преступление, стать очевидцем, свидетелем зверств и проводить души погибших людей на небеса.

Поначалу-то я намеревался бежать к риге, пытаться выломать дверь и вытаскивать людей. Но жар был такой, что даже приблизиться невозможно. И над всем этим ужасом – звенящая тишина! Только с гулким, огненным, звериным рёвом хрипел и подвывал огонь, потом провалилась внутрь крыша, подняв в небеса столб огненных искр. Стали заваливаться деревянные, насквозь прогоревшие стены риги, осыпая всю окрестность пеплом от тел погибших. Я рыдал, орал, рвал на себе волосы, в одночасье поседевшие, царапал лицо. Весь в пепле, в золе, смешанной с моей кровью, видимо, был ужасен. А вокруг ни одной живой души! Никто ко мне не вышел. Не соображая ничего, побрёл прочь куда глаза глядят. Внезапно понял – я онемел, решил дар речи от ужаса увиденного, от воплей своих! Потом долго ещё заикался, однако постепенно, только года за два примерно, восстановилось всё.

Последующее время я места себе не находил. Метался, как подстреленный зверь, по России-матушке. Приходил в монастыри, скиты, которые уцелели, брался за любую работу, но вдруг поднимался с уже немного насиженного места и несло меня куда глаза глядят. Был санитаром в тыловом госпитале, работал в поле, рук-то мужских не хватало.

Многое познал, во многом и разуверился. Надорвался в трудах, пытаюсь приглушить душевную боль, сгорбился, да так и не обрёл я

ни смысла в жизни, ни покоя своему сердцу. Возвращаться в те места не мог, раны души моей кровоточили.

Позже я много думал и пришёл к выводу – Господь отвёл от меня смерть в адском огне, видно, не случайно. Выбор Бога пал на меня, именно на меня возложена им эта праведная миссия! Я должен вспомнить всё и помочь увековечить память о погибших, не оставить их безымянными, а души их не успокоенными! Вот оно! Не случайно Господь водил меня долгими годами по России, наверное, чтобы я сам осознал это.

И только здесь, в такой же деревеньке, как и наше сельцо, себя почувствовал уютно, обрёл некий покой, и мудрость бытия открылась мне, постиг её.

Скажу честно тебе, Зинаида, только теперь, пройдя тяжкий путь, я обрёл и возлелеял в своей душе истинно Бога. И кажется – вот только сейчас я настоящий священник, правда, не имеющий храма. Прошлой зимой, сидя за этим столом и посматривая на устаревшую газету, я зачем-то потянулся к ней рукой и стал перелистывать. Всё обычно, как в любой газете. Однако я чего-то ж в ней искал! Вдруг обратил внимание на небольшую статью, в которой рассказывалось о зверствах фашистов на Брянщине и о том, что в нашем погибшем, так и не возродившемся селе создаётся мемориал Памяти! Просят всех, кто что-либо знает о страшных событиях и о преступлениях фашистов, или имена, фамилии погибших людей может вспомнить и сообщить, или, если сможет, то приедет пусть по адресу, указанному в статье. Меня аж в жар бросило! Вот она, подсказка! Именно мне и именно о нашем селе! Это не случайно.

Мои мысли заработали, я прозрел, спать спокойно не мог. С утра и до ночи думал, думал и твёрдо решил ехать. Я нужен, и пусть память о всех погибших поимённо будет увековечена. Я понял, в чём моя миссия! Я-то, как священник, знал каждого в селе. Кого крестил, кого венчал, кто исповедовался, приходя на службу, да и так, по-соседски, помнил всех. Да к тому же – там моя семья, мои роденькие!

Сидя в поезде, я вспоминал фамилии, имена и отчества жителей нашего села, записывал. Перед моими глазами, за тёмными стеклом

вагонного окна проплывали образы, лица, часто улыбающиеся. Ночью, во сне покойные приходили ко мне и, толпясь, пытались напомнить о себе, показывали своих деток, мол – не забудь и их! Стариков видел такими, какими я их знавал при жизни. Знаешь, Зина, это было ужасно! Казалось, схожу с ума!

Я кричал во сне, и когда ехал, криком своим будил весь вагон, просыпался мокрый, обливаясь потом. Я вспомнил всё, что мог, и всех, кого знал. Мои милые, родные были в их числе, правда, никогда не приходили и я их не видел во снах. А так хотелось! Наверное, Бог ведал, что о своих-то я не забуду. Вот думаю – и как у меня сердце не разорвалось на кусочки от душевных мук!

Я очень боялся увидеть село, трепетал просто, в глазах темнело, но местность изменилась очень, что совсем не помогало мне в воспоминаниях!

Короче говоря, я помог, как уж смог. Со мной работали. За мной записывали и задавали вопросы. Надо было вспомнить, как стояли дома, но это было невозможно! Всё убрали и грейдером разровняли большую площадку для возведения мемориала. А потом помог опять случай – или Господь?! Я споткнулся и увидел кусочек приметного фундамента церкви, и уж от него вспомнилось и расположение улиц и дома, стоящие напротив друг друга.

В моё распоряжение предоставили машину с водителем. Решил этим воспользоваться и поискать зарытые мешки.

Долго пришлось искать приметный валун, я уж побоялся, что его нет, однако он был и значительно подрос, как мне показалось. Прошло-то после войны более пятнадцати лет! Вместе с водителем мы откопали мешки, достали богатства нашей церкви.

Конечно, утаить их я не мог, те богатства, но и мемориалу они были не нужны. К тому же серебро почернело, позеленело, оклады на иконах тоже. Но я-то знал, что это дело поправимое! Не имеет значения, где молиться о погибших людях, главное – молиться и помнить. Я решил привезти всё сюда.

– Так у нас-та нету церкви, дажа часовенки нету, – горестно покачала головой Зинаида.

– Будет, обязательно будет, – заверил её батюшка Терентий, – ты помоги мне, Зинаида, собери народ, бей в тот кусок рельса, что скликает на пожар, а я с ними поговорю, расскажу, что задумал. Бог даст – смогу убедить.

Так и поступили.

Святой долг

Народ удивлённо и взволнованно прибежал на небольшую площадь и с удивлением узнавал в человеке, облачённом в священнические одежды, стоящем там, старика, который ранее жил в избе Зинки Сарайкиной.

Батюшка Терентий поведал собравшимся о себе и о событиях военных лет – кратко, конечно. Но женщины всплакнули, услышав о гибели людей и о судьбе семьи батюшки. Наконец он перешёл к основному вопросу:

– В Овражье проживает много вдов, а также ветеранов войны и инвалидов, а храма, так необходимого страдающим душам, нет. В районный центр не наездиться. Дорога, прямо сказать, ужасная. Вот я и подумал предложить вам, чтобы мы сами построили часовню, своими имеющимися силами. Молодёжь, думаю, поможет, старики – будут «на подхвате». Старшие школьники тоже, надеюсь, не останутся в стороне.

– Эта понятно, да иде же нам денег взять? – раздался вопрос из толпы.

– Оглянитесь по сторонам, – сказал Терентий, – сколько старых, полуразрушенных, заброшенных домов стоит. Я насчитал десяток, да в каждом – ещё и печь. Кирпич старой кладки крепок, огнеупорный, стойкий кирпич. А уж который кусками – тот на фундамент пойдёт. Я к тому, что сами, по своим силам часовенку сложим, да заодно и Овражье от руин очистим, жутковато так жить.

– Скласть-та мы складём, конешна, а как по шапке получим за самоуправство-та? Чаво, батюшка, скажишь на ето? – выкрикнул старик.

– Чтобы церковь возвести, милые Вы мои, конечно, надо разрешение, а вот часовню, к примеру, кладбищенскую, поминальную, в которой нет алтаря и службу, литургию, где участвует не только священник, но и другие священнослужители не отправляют в часовне – это совсем другое дело. В ней, в той часовне, будут иконы, каждый может войти, помолиться, возжечь свечу – это не возбраняется. Будем память об ушедших хранить. А уж на службу праздничную – тогда, конечно, в храм.

– Ой, батюшка! – толпа загудела, загомонила и раздался голос: – Прямо утешение в души нам! Осилим, чаво уж, превозмогём, пожалуй.

– Я съезжу в райцентр, в храм, всё уточню. Надеюсь, и Господь нам поможет, – осенив себя крестным знамением, промолвил отец Терентий. – Возведём часовню, оштукатурим старый кирпич, известью выбелим. А всё железо соберём, выправим да и выкрасим, окошечко и дверь с крылечком поставим. Справимся! Иконы и утварь церковная у нас уже есть. Вот с ранней весны и начнём, помолясь.

– Да уж чаво у нас будить не доставать, с шапкой пройдемси – насбира-а-а-им!

– Спасибочки тебе, батюшка, дал людям надёжу, мы такая радья! Всю зиму Бога молить о помощи станим, не сумлеваиси дажа.

– Да и Зинке, ой – Зинаиде – спасибочки! – выкрикнул кто-то. – Што приют тебе дала в нашей Овражье. Кланиимси ёй!

Эпилог

Прошло некоторое время в трудах и хлопотах, и в деревне Овражье, недалеко от кладбищенских ворот, заботами жителей и при участии каждодневном отца Терентия поставлена, на высоком фундаменте, часовня. Она, как яичко, сверкала белизной оштукатуренных и белёных стен, железная крыша выкрашена «суриком».

Имелись у часовни окошечко с голубенькой ставенкой, с узорчатой, но прочной решёткой, дверь с наличниками вычурными, да накладными, коваными петлями. И даже небольшое крылечко с навесом – на случай дождя, укрыться. Рядом мужики вкопали две длин-

ные скамейки, в ногах-то правды нет, как говорится. Посадили ку-сты, для тени.

А внутри часовни благолепно блестили серебряными окладами иконы, их обрамляли рушники, украшенные вышивкой из россыпи цветов и надписью вязью – Спаси и Сохрани. Были в часовне и лампадки, и свечи, и книги.

Всё получилось к всеобщей радости, даже районное начальство выдохнуло спокойно. А как же, теперь совесть их может немного «подремать», ведь помолиться о предках и героях войны есть где жителям Овражьей.

Во всё время, пока шла стройка, Зинаида Сарайкина готовила пищу, пекла хлеб для работающих. Они поспешали, будто муравьи облепив часовенку, каждый выполнял свою обязанность. Зина же на лошади, с помощью женщин погрузив в телегу, возила в бидоне и кастрюлях обед рабочим, а ещё миски, ложки да кружки, в жбане квас или взвар.

Никто уже её не называл – Зинка, только Зинаида, а бывало – Зинуля.

Тем временем подали прошение на освящение часовни. Дождались.

Подняли на часовню освящённый крест, а после уж и саму часовню освятили. Приехали в Овражье священнослужители и провели службу, объявив, что сия часовня возведена в честь Воскресения Христова.

Теперь она была наполнена благодатью Святого Духа. С той поры отмечали праздник Воскресения Христова, приходя к часовне, да и в храм езживали.

Память о погибшем муже Зинаида чтит и постоянно бывала в часовне. Поминала его.

Вы спросите: «А что же дальше? Кажется, всё задуманное свершилось?»

А вот как.

Где-то через полгода отец Терентий отправился, как рассказывала Зинаида, в какой-то уцелевший монастырь, да там и остался. Она, конечно, погоревала о добром, душевном старике, да свыклась с мыслью, что так и нужно было, там его душе покойно. И именно там, в

монастыре, удалившись от мирской суеты, стал батюшка Терентий молиться за души погибших, помогая им обрести покой.

Через год и Зинаида нашла своё женское счастье, сошлась с вдовцом и приглубила его двоих деток-сирот, оставшихся без мамы. И это по-божески.

Словарь южно-великорусского тамбовского говора:

тютешкаться – нянчиться с мальшом;

мурцовка – еда бедноты (вода, лук, ржаной хлеб и раст. масло);

сёрбать – гулко схлёбывать;

примак – муж, принятый в семью и дом жены;

хабалка – грубая женщина (хабал – брань, ругань);

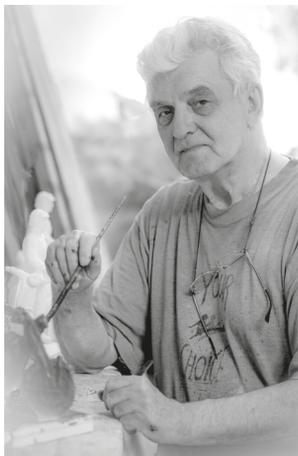
чуни, коты, поршни – обувь со времён старой Руси, любима и в 20 веке;

сгибень – русский пирог с начинкой;

праховая каша – рассыпчатая;

пряженцы – пирожки, жаренные в большом количестве масла (во фритюре).

Виктор ОСТРИКОВ

Аланга

Рассказ

Моросил мелкий дождь. Серо-свинцовые тучи давили на лес, как тяжёлая чугунная плита, нагоняя скуку и скорбь, хотя шёл июнь месяц. Десятки убитых и сотни раненых. Да и не всех ещё собрали. Мелкий кустарник, болотистая местность, завалы гниющих елей, берёз, осин – и попробуй собрать тела, ползая меж холмиков из камней, проваливаясь в холодную жижу, а поверх головы – трассирующие очереди, разрывы мин, поднимающие грязь вперемешку с ветками, сквозь которые секут пространство мелкие стальные осколки.

– Кому это в голову пришло – разведка боем? – Лёжа меж камней в болоте, матерился Андрей Макаров, линейный ефрейтор, так и не дотянув провод. Он подминал под себя мох, веточки кустов, чтобы вода не затекала под бушлат и в сапоги, правда, портянки и кальсоны давно промокли. Поднять головы нельзя – сразу выстрел финского снайпера «кукушки».

– Во зараза, хоть бы артиллерия жажнула, – выплюнул зелёную слюну Андрей. Чтобы успокоиться, он жевал веточку ивы. Колени стали деревянными, а пальцы ног давно уже не чувствовал.

– Суки, а мы их ещё в плен берём. Кормим. Хрен им теперя. Вернись, резать буду. – Он заскрежетал зубами и, повернувшись, посмотрел на возвышенность, где, по его предположению, и засели снайпера. Глаза зло сузились.

В этот момент в глубине тыла ахнуло, над головой взвыло, и там, куда смотрел Макаров, поднялись кустарник, камни и стал медленно заваливаться ельник.

– Наши! – только и успел вскрикнуть он и вскочил. За валуном давно кто-то стонал и потом умолк, не отвечая на оклик. Андрей заглянул за глыбу и, схватив за поясной ремень солдата, поволок. Он нырял в жижу, проваливаясь в валежник, не чувствуя ноши, повторяя приказ для артиллеристов, как будто они его могут услышать:

– Ещё! Ещё! Братцы!

Рядом шлёпали сапожищами по воде такие же, как и он, – и вот окопы. Андрей не прыгнул, свалился с раненым. Облокотившись о стену, которая была укреплена частоколом из молодого сосняка, разинул рот, как рыба, глотая сырой воздух. Артобстрел был недолог. Снаряды экономили, но это спасло с десятков солдат. Раненого унесли, и на его месте присел на корточки Борис, небольшого роста паренёк. Он верил всему, что говорили, и очень уважал Макарова. Тот для него являлся авторитетом, хотя оба были одногодки. Глядя на Андрея, как будто тот из могилы вылез, удивлённо спросил:

– А мы думали, что вам всем каюк. Так уж минами низину перепали, – и добавил: – Закурить хочешь?

– Ага, – только и смог вымолвить Андрей.

Пока Борис крутил самокрутку, он снял сапоги, вылил чёрную жижу. Мокрые портянки сползли, показав бело-синие ступни, между пальцев которых набилась коричневая тина сгнившего мха. Андрей кое-как очистил грязные фаланги и, выжав портянки, обмотал ступни, при этом скривился от холода, хотя был разгар лета. Когда надел сапоги, выпалил, уже отдышавшись:

– Я этим убудкам финнам сегодняшнее «купание» не прощу. Они же раненых добивали! – Он опять заскрипел зубами. Взяв трясущими руками уже прикуренную закрутку у Бориса, с едким самосадам,

затянулся и добавил: – Я им... – И, изливая душу русским могучим языком, выпалил всё, что накопилось и что он думает о «кукушках».

Борис сперва кивал, поддерживая друга, а потом расхохотался. За ним и другие, сидящие рядом в окопе.

– Вы чё это? – удивился Андрей. – Я им горло выгрызу, – провёл он ребром ладони по своей шее. – Я им пальцы повыкручиваю, – и опять понеслось.

– Стоп, Андрей, – остановил его Семён, которому удалось раньше вернуться после приказа отступить. Слышишь, стрельба прекратилась, – многозначительно поднял палец.

Все смолкли. И уже хитро сощурился глаза, добавил:

– Финны разбежались от твоих угроз!

За этим воцарилась пауза. Затем кто-то хихикнул, за ним второй и раскатистый хохот прокатился по окопам.

– Макаров всех финнов матюками разогнал!

По траншее прошёл младший сержант Костяков, командир отделения.

– Что за шум? Развеселились? Проверить обмундирование! – Уже мягче добавил: – И потерпеть, скоро боепитание подкатит.

Лошадей с котлом держали подальше от передовой, а когда поступил приказ накормить, по темноте, ездовой и повар появлялись рядышком с окопами.

– А что, борща подадите? – ляпнул Семён и притих. У него язык вперёд головы поспешал.

– Дроблёнка, дроблёнка, – строго закончил Костяков. – И кое-кому с добавкой, – жёстко закончил он. И прошёл, нагибаясь, дальше, проверяя оставшийся состав после разведки боем.

– Ладно, – уже спокойно вымолвил Макаров – айда в берлогу, что-то похолодало.

Так они называли блиндаж в три наката и метровым слоем земли и камня. Внутри с трёх сторон – нары, слой сена, а сверху солдатские одеяла. В центре стол на скрещенных ножках, сколоченный из досок от артиллерийских ящиков. В углу справа буржуйка. И вот вся ватага вояк ввалилась в свою берлогу. Макаров сразу забрался в свой угол.

Снял сапоги. Развесил портянки на просушку и, пошарив рукой под одеялом, достал другие, сухие. Деревенская закалка и расчётливость всегда выручали его. Накрутив их на ступни, перевязал тесёмкой, а сапоги поставил к буржуйке, где нагревались дикие камни размером с кулак. Ссыпав их вовнутрь сапог, он оставил там же для сушки. Так они поступали каждый раз, когда приходили мокрыми. В соседних отделениях тоже заметили это «новшество».

К вечеру перестрелка с двух сторон успокоилась. Перестал моросить дождь. Солнце ещё не село за лес. Раненых отправили в тыл на телегах. Убитых тоже увезли, и командиры, пересчитав оставшихся, распорядились зашить порванное обмундирование, почистить оружие и просушиться. Уже в темноте разнесли котелки с кашей, ржаной хлеб и оленину. Старшина-повар подранка дорезал и не дал сгинуть зазря – ценнейший продукт, да тем более в такое время. Все знали, что свыше пришёл приказ не стрелять оленей и лосей, за это отдавали под суд. Все об этом знали, но молча уплетали за обе щеки.

Насытившись, Андрей закрутил душистый табачок, послунял край и, зажав зубами, прикурил. Дым тёплыми струйками обволакивал голову, дурманил, и мысли невольно унесли его к дому. Как там? Все ли здоровы? А дочки? Он примостился у края стола и на листке, что дал ему командир отделения, задумавшись, держа в руке огрызок карандаша, пытался начать письмо. Слова в строчки не собирались. Да ещё здесь галдели сослуживцы, особенно Семён. После жёсткого столкновения, которое переходило врукопашную, он не мог вернуться к мирному состоянию. Давно собирался отослать весточку в родную деревню, но откладывал. В последние дни происходили большие изменения. Все понимали – что-то должно взорвать и кинуть войска вперед. И сегодня разведка боем говорила об этом.

Что писать? Как? Не опишешь же эту кровавую стычку. Ещё напугаешь. Да и контроль не пропустит. Надо найти слова помягче. И задумался.

Андрей Макаров по натуре был жёстким, решительным, тёмные глаза сверлили из-под бровей. Роста был небольшого, сухощав, но в

драку лез, не оглядываясь на противника. Вспомнил, как парнем за Тянюху свою дрался. Подпрыгивал, скрежетал зубами и старался достать до носа. Дрался до крови, и поэтому его сторонились при конфликтах.

– Да ну его, бешеного, – отмахивались и уходили в сторону.

Он и в бою был таким же. Быстрым, решительным и, скользя в курстарнике меж камней, появлялся как бы из-под земли. Финн только успевал охнуть, как нож по гортани шёл, как по маслу. Командир его ценил ещё за то, что деревенская хватка давала ему в любых обстоятельствах выполнять приказ. Андрей мог и продукты достать там, куда, кажется, никак пройти невозможно. И когда было совсем хреново, командир взвода старший лейтенант Маликов Алексей Нарбекович, высокий, худощавый, видать, в предки записались азиаты, вызывал и просил, не приказывая:

– Макаров, понимаешь, питание – каша, каша... – И, помолчав, глядя в глаза Андрею, договаривал: – Может, опять к карелам, что-нибудь... из мясного поменять? Спирт есть.

Он любил такие дела, через линию, тайком и нервы себе пощекотать, взбодриться. На той стороне местные уже знали его и ждали, ждали и не выдавали властям русского, что носил им тайком спирт. Но главное потом – как его ребята встречали, обступив, протягивая руки к вязанкам колбасы.

Очнувшись от дум, написал первую строчку: «Здравствуйте, жена Таня, дочки Полина и Нина», – и задумался, прикусив губу. О чём дальше?

Уже потемнело. Лес стал похож на серо-тёмную стену, сливаясь с фиолетовым небом. Взлетела первая осветительная ракета, и тонкий лучик света скользнул меж брезентом, что закрывал проход, за ней вторая. «И теперь всю ночь будут пулять, – подумал Андрей. – Боятся, суки. Да ничего, доберёмся».

Бумага пожухла, патронная коптилка светила тускло, и, сложив листок, сунул в нагрудный карман – ладно, завтра допишу. В это время прозвучал голос:

– Макарова к командиру!

Андрей встал с нар, протопал к буржуйке, где стояли сапоги. Высыпал камни опять на буржуйку, надел ещё не совсем просохшие, но тёплые и смятые в голенищах сапоги, поправил тёплую защитную фуфайку, напялил до бровей пилотку и, прихватив винтовку, повернулся к выходу. Ближе к выходу на нарах развалился Петро Шамшин и, закрыв глаза рукавом шинели, похрапывал, раскрыв рот, показывая большие обкуренные зубы.

– Вот даёт, сучий потрох. – Недавно кричал, ползая за Андреем: «Побьют нас, побьют!» – а теперь храпит, как ничего и не было.

– Легко живёт в этом аду, – прозвучал вслух хриплый голос Макарова.

Протискиваясь меж столом и нарами, Андрей, пригибаясь, откинул брезент, что закрывал вход в блиндаж, и здесь его лицо обдал прохладный, пахнувший сыростью ветерок. Поведя плечами, он направился вдоль траншеи к блиндажу командира роты. Сложенный из камней и покрытый брёвнами в несколько рядов, напоминал холм, вросший в Карельский пейзаж. Откинув плащ-палатку, спросил:

– Разрешите, товарищ лейтенант?

– А, Макаров! Заходи. Хотел за тобой ещё раз посылать. А теперь слушай, проверь боеприпас и обмундирование и загляни к связистам. Готовься к «переезду», – и посмотрел на карту, что лежала на длинном столе. На ящике вместо стула сидел политрук Шипов. На столе горела керосиновая лампа, что Андрей сменял у финнов за спирт.

– Чего стоишь? – не глядя на него, произнёс ротный. Садись вон на тот ящик.

Андрей, перед тем как сесть, посмотрел на политрука, тот кивнул, и, держа винтовку в левой, он осторожно присел, придерживая правой рукой ящик, как бы тот не перевернулся. С командиром у него были более близкие отношения, а вот политрука как-то побаивался. И так, сидя, ждал дальнейшее приказание. Вдруг ротный оторвался от карты и повернулся к нему.

– Слушай меня внимательно, говорю тебе одному из твоего отделения. Связисты уже готовы. Ждём приказа. – Посмотрел внимательно в глаза ефрейтора, тот не смутился.

Андрей понимал – если надо, то приказ выполним. Он не раз ходил за линию к финнам.

– Подготовь телефонные катушки и возьми крепкого напарника, идём далеко.

– Наконец-то! – вздохнул Андрей.

– Я тоже так думаю, – и добавил: – Будешь рядом со мной и связистом. Забирай все пожитки, назад не вернёмся. Понятно?

– А как остальные? – неожиданно вырвалось у Макарова.

– Там сержант решает.

– Так точно! – вскочил Макаров, вытянувшись по стойке смирно.

– Ты не прыгай, остынь. Дело серьёзное, и не знаем, как дела пойдут. Теперь в отделение, обед и ужин разом подвезли. Иди.

– Есть! – и Макаров, развернувшись, вышел из блиндажа.

Подняв голову к небу, которое было затянуто низкими серыми тучами, Андрей улыбнулся и глубоко вдохнул сыроватый холодный воздух. В небо периодически взлетали осветительные ракеты, делая праздничное настроение. Захотелось, как в детстве, выскочить из траншеи и, топая по лужам меж бульжников, махая руками, побегать кругами. Он ещё раз улыбнулся и шагнул в сумерки.

Макаров вернулся к своим и, подняв полог на входе, зашёл в землянку. Строилась она капитально. Стояла два года. Стены облицованы стоячим лесом. Сразу почувствовал запах каши, хлеба и ещё чего-то, это оказалась разлитая по кружкам норма спирта.

Поставив винтовку в угол и потерев руки, Андрей осмотрелся – а где командир Костяков? Наверное, уже у командира? Обсуждают завтрашний день? – подумал он и прошёл на своё место в начале стола. Его ждали.

– Ну чё, Андрей? – первым, как всегда, заговорил Семён. – Чё ротный вызывал?

– Да постой, потом поговорим, – остановил его Петро и, взяв кружку, встал, наклонив голову. – Троиخ из нашего отделения увезли. Толика, молодого ещё, не стрелявшего ни разу. Валилуева и Вейса. Царствие небесное нашим братьям. – И посмотрел на других – не перегнул?

Ребята стояли молча. Потом все разом выпили, выдохнув воздух. Занюхали чёрным хлебом и застучали ложками по котелкам. Ели молча. В центре стола горела коптилка из зенитного патрона, отражая огромные тени солдат на стене. Андрей ел кашу, и при этом его не покидала мысль – а сколько ещё завтра поляжет? Он осмотрел ребят, думая – кого из них он помянет завтра? А может, они его? И замер. Фу, чёрт, ну и додумался до чего. Вон Семён, балагур, уплетает за обе щеки, с расстегнутым воротом, за которым была там видна тельняшка.

Все уже поели, обтерев хлебом котелки, спрятали в сапоги ложки и, откинувшись к стене, закурили самосад. Здесь Андрей не выдержал и спросил у Семёна:

– А ты чё, на флоте служил?

– Как и ты, – ответил тот.

– Я не успел, – ответил Андрей, – только одели во флотское и вот сюда, на перешеек под Алангу.

– Ну, таки мне солёной водицы попить пришлось, – развалившись, стал восхвалять себя Семён, он это любил. – На тральщике в Баренцевом, по спасению утопающих.

– Это как? Не треплешь? – спокойно спросил Петро и сузил глаза.

– Сперва и я не понимал, когда нас направили на помощь тонущему после бомбёжки сухогрузу. Кого можно спасти в такой воде? – Замолчав и покрутив в пальцах самокрутку, продолжил: – Шли на всех парах, и вот мы на месте. Сухогруз пошёл ко дну, плавали бочки, доски, разный хлам и среди этого мусора: кто держался за спасательный круг, кто за щиты из досок, а кто, не выдержав холода, пошёл ко дну. И здесь пошла команда – сечь за борт. Семен замолк и многозначительно посмотрел на окружающих вояк. Те внимательно слушали, предчувствуя что-то необычное.

– Тральщик идёт по кругу, окружая место крушения, и когда замкнули кольцо, всё, что забагрили, – на палубу. Тела команды сразу в каюту. Раздевать, обтирать и укутывать одеялами. Кто выжил – к медикам, окоченевшие трупы на палубу складывали. Вода – плюс 4, гортань и грудь схватывает. Мозг каменеет, вроде стальным обручем

схватывает. Несколько минут – и ты уже у него. – И Семён посмотрел на потолок блиндажа из брёвен.

– А ты откуда знаешь? – спросил Виталий, стройный, из интеллигентов. Форма на нём сидела, как на возрастном пацане. Он всегда старался подходить с научной точки, с расспросами, дознаваясь до конца. – Вроде в сухой одежде по палубе прыгал, – продолжил он, чуть наклонившись вперёд.

– Сухой, сухой! Но однажды волной накрыло, хорошо – привязан был, а то бы самого сетью вылавливать пришлось. Вот так-то! – многозначительно закончил он, держа самокрутку меж жёлтых прокурренных пальцев.

Все тоже молчали, представляя, в каком положении находились моряки, плавая в ледяной воде, как поплавки в жёлтых жилетах, а кто и под водой уже ко дну шёл, их сетями черпанули. Повезло!

– Сколько спасли – не считал, но многим повезло. Потом на берег, в госпиталь. Где они теперь?.. – растянуто проговорил он.

Андрей смотрел на Семёна и не понимал, правду он говорит или, как всегда, байки травит. Они у него никогда не заканчивались. И где он их собирает? Сидит вместе с нами в окопе и, кроме приказов, сводок на фронтах от политрука не слышит, – и посмотрел на Бориса, что сидел около буржуйки, подкидывая небольшие поленья и задумчиво смотрел на огонь. Лицо его озаряли сполохи пламени, и оно казалось застывшим в бронзе. Молчание было недолгим. Вспомнили последнюю вылазку, тех, кто погиб. Кто ранен, тому повезло – теперь на кровати в санчасти на белых простынях.

Кто-то заговорил о доме, о жёнах, о том, как гуляли с девками, а Гришка и Виталий внимательно слушали, так как не успели и погулять, и тем более жениться.

– Ладно, братва, – произнёс Макаров, – пойду к связистам письмо допишу. А вы пока проверьте оружие, ротный Костякова вызвал, а то завтра у нас... – и примолк, вспомнил, что молчать надо.

– Может, опять атака? – И, накинув фуфайку, согнувшись в проёме дверей, вышел на воздух. Глубоко вздохнул и ощутил прилив сил от свежего воздуха. Небо – низкое, плотное – изредка озарялось

вспышками осветительных ракет. Казалось, что они весомые, сделанные из серых промасленных досок, и если залезешь на них, то можно и до дому без препятствий. И так, мечтая, он шёл по окопу, ощупывая руками края бруствера. Вот и связисты. С краёв свисающего брезента пробивался свет, и Андрей, откинув полог, зашёл.

– Привет. – Сел на ящик к сколоченному столу, вынул из нагрудного кармана начатое письмо и, расправив ладонью бумагу, задумался. О чём писать? И прочитав, что до этого написал, послынявив химический карандаш, нацарапал: «Шлю вам, родные мои, пламенный привет из лесов Карелии. Как вы там, не голодаете?» – и задумался. От новоприбывших слышал, конечно, что трудно, но не представлял как.

После последнего письма, что отослал в деревню Богородецкое, они продвинулись вперёд после ожесточённого боя. Вся земля была покрыта воронками от снарядов. Верхушки сосен и берёз были срезаны осколками. Фланги окапывались, а вот им, как он понял, только предстоит наступать. С той стороны не давали успокоиться. Всю ночь будут пулять осветительные ракеты. То пулёмётная очередь прошьёт бруствер, то мина прилетит, и эта сволочь обязательно кого-то зацепит. Об этом, конечно, не напишешь, да и контроль не пропустит. Глядишь, и по «шапке» дадут.

«Погода холодная. Иногда покажется солнце, и мы греемся в его лучах».

– Какое там греемся, – чертыхнулся Андрей. – Вон портянки просушиваются у буржуйки, правда, запах, как в нашем свинарнике. – И он улыбнулся, продолжая писать: «Своих встретил из Тамбовщины. Бьём гадов вместе. Кормят хорошо». – И Макаров опять оторвался от письма и выругался.

– Ты чё там, Андрей, матерись? – услышал удивлённый вопрос от радиста, что сидел рядом, на месте дежурного.

– Да так, вспомнил кое-что. – И уже про себя добавил: «Какое там, каша, хлеб навроде кирпича, бывает и похлёбка». – Но он наверняка не знал, каково там супруге с дочерьями, и решил закончить такими словами: «Я здоров и того же желаю вам. Очень скучаю по дому. Вместо винтовки бы косу – и в поле на сенокос. Глоток молока да краюху твоего хлеба, Танюха. И особенно снится жареная картошка на сале. Поцелуй Полину

и Нину. Обо мне не беспокойся, жив и здоров, и не ранен. Обнимаю и жду от вас письма, а то месяц не получал. Ваш муж и папа».

«Что ещё можно написать? – Андрей почесал пятернёй подбородок. – Что сказать, сидя в окопе? Лишнее напишешь – вернут. О разведке боем? О том, что стоим два года в мокрых окопах?» Андрей вздохнул, завернул лист письма в треугольник и написал адрес. «Занесу утром политруку». – И, вытянув ноги, прислонившись спиной к стене из набранных жердей, он задремал.

Вспомнил, как командир роты, Маликов Алексей Нарбекович, посылал за «линию» поменять спирт на колбасу. Ходил он уже не раз. Когда был в разведке, приходилось встречаться с местными. Они ещё до войны ходили друг к другу, но пришло другое время, и разрыв с СССР было не всем по нутру. Поэтому, когда Андрей появился с небольшой канистрой спирта, объясняя, что ему нужно, хуторянин сразу смекнул – и в закрома. И так проторенной дорогой он изредка появлялся с «гостинцем». Они его уже ждали и подавали сигнал, если кто-то лишний у них. Дождавшись приглашения, он уже не заходил в дом, а хозяин сам приходил с товаром в ельник. Там и обменивались. Когда в последний раз Андрей пришёл с вязанками колбасы, ребята встретили его с ликованием. Первым кинулся Семён, помогая снять с винтовки кольца и уже наострившись одно колечко спрятать.

Андрей пригрозил:

– Всё к командиру, не вздумай, получишь по шеям!

Семён стушевался. Если Макаров предупредил, то так тому и быть. Не шутил.

Рассвет ещё не наступил, но рота была на своих местах. Младший сержант, построив отделение, объяснил каждому своё место:

– Идём брать сопку после массированного получасового налёта артиллерии. Когда вал снарядов уйдёт в тыл, молча поднимаемся – и вперёд, но не как тогда, а справа, по ложине меж крупных валунов. Другие пойдут левее. Понятно? По местам.

В это время Макаров с катушками проводов наперевес находился в группе с командиром роты. Вот так и началось наступление. Андрей уже

после ста метров почувствовал невероятную тяжесть груза на спине. Из одной из катушек, разматываясь, тянулся провод к штабу. Путаясь в траве, шлёпая по воде и спотыкаясь о валуны, укрытые мхом и скользкие, как ледышки, он падал, вставал и пытался не отстать от группы. Впереди бежал радист – высокий крепкий парень Валька. Знал он его больше года, всегда рядом, но окончательно так и не раскрылся. Молчун. На анекдоты не смеялся, не жаловался. Прямо мужик из стали. Везде стрельба, разрывы, вой снарядов, верхушки елей рассыпаются от очередей, а он даже не дрогнет, прёт за командиром, прямо как «танк», аж злость берёт. Глядя на этого длинноногого, широко раскрывая рот, лоя воздух ртом, Андрей наступил на валун и, ойкнув, упал лицом в мокрую жижу. Теперь он уже не воздух ловил ртом, а булькал в воде. Катушки на спине давили, не давая встать, и здесь его за шиворот подняли и поставили на ноги. Отплёвываясь, он посмотрел на Валентина и только смог сказать: «Спасибо».

Взбираясь на сопку, еле переставляя ноги, Андрей перевалился через бруствер, весь изрытый снарядами, и свалился в траншею. Здесь уже работало его отделение. Трупы выкинули вниз. Лопатами расчищали проходы. Пётр Шамшин и Борис поправляли брёвна блиндажа. Финны просто не выдержали натиска и сбежали. Макаров сидел и, приходя в себя, смотрел по сторонам – все ли целы? Кажись, все, и услышал приказ – к командиру. Там уже на столе разложил рацию Валентин, а рядом сидел Маликов, командир роты.

– Разрешите войти? – чётко произнёс Макаров, спускаясь по трём ступенькам вниз.

– Всё нормально? – спросил ротный. – Подключай провода и иди к Костякову. Помоги подготовиться к атаке неприятеля. Они сейчас соберутся и пойдут.

– Есть! – ответил Андрей и, пригнувшись, выбежал из блиндажа.

Не успели поправить окопы, пересчитали, кто жив, а кого ранило, и отправили в тыл, как где-то в глубине ахнуло и через несколько секунд, шипя и воя, с небес посыпалась «манна небесная». Тряхануло так, что показалось – сами траншеи изогнулись. Андрей прижал к

груди винтовку, и тут же его бросило вниз, осыпая комьями земли. Ударная волна сдавила грудь, стоны раненых и шипение осколков впивались рядом в сырую землю. Вот-вот один из них вопьётся в его тело. Хотелось вскочить и бежать. А куда – он и сам не понимал. Среди этого хаоса прозвучал приказ:

– Макарова к командиру!

«Есть», – про себя отпарторговал Андрей и пополз, хотя можно было и встать, ввалился в блиндаж, отряхивая пыль.

– Макаров, бери трёх бойцов и сделай вылазку во фланг, ну навроде окружения.

– Чё? – спросил Макаров, хлопая ладошами по ушам.

– Повторяю. Сейчас после артналёта финны пойдут в атаку. Вы группой спуститесь и справа зайдёте в тыл, – и показал на карте куда.

– Ты это, не геройствуй, я тебя знаю. Покидай гранаты, постреляй – и назад. Мне убитые не нужны. Понял? – И, посмотрев на карту, добавил: – Подойди к Костякову и возьми автомат. Я распорядился.

Вот и настоящее дело, а то лежишь и ждёшь осколок в задницу. Макаров выскочил наверх, его фигура мелькнула в проёме окопа и скрылась за поворотом. Пригнувшись, опираясь о стенки, Андрей подошёл к Костякову.

– Петрович, к тебе ротный послал.

– Знаю. Бери троих и выполняй приказ. Вот и автомат, отдай винтовку. После задания вернёшь. Не потеряй! Гранат возьми больше, я Петру передал, – уже вдогонку добавил Костяков.

В это время разрывы поредели и тишина опустилась на карельский лес. Макаров подошёл к своим в рост. Те сидели в небольшом блиндаже с накатом в два бревна и отряхивались от пыли, проверяя оружие.

– Ну как, вояки? – улыбаясь, съязвил Андрей.

– Кажись, кое-кто здесь причитал, – ответил Шамшин и посмотрел на Семёна.

– Семён, Семён! – вскочил тот, оправдываясь, опять Петро над ним издевался, и добавил: – За полушку погибать неохота. Сиди вот здесь, как в могиле, и жди гостинца.

– Я это уже слышал где-то, вот и оставайся здесь, а Петро, Борис и Григорий – за мной. По дороге объясню. Лишнее не брать. Патронов побольше и гранат.

– А меня почему не берут? – с обидой выкрикнул Семён.

– Остаёшься в резерве, – не оглядываясь, ответил Андрей. – Спроси у сержанта. Скоро и здесь будет жарко.

Вчетвером спустились по склону. Обогнули скальный выступ и углубились в вересковые заросли. Сопка стояла, окружённая болотами, поэтому эта высота была господствующая и с неё простреливалась вся округа.

«За неё они будут драться, не считаясь с потерями, – подумал Андрей, – а главные силы, как сказал ротный, подойдут через сутки, и надо продержаться во что бы то не стало».

Шли, подминая под себя мшистую гладь дикой тундроподобной равнины. Попадались возвышенности с мелкоколесьем и кустарником. Вот и хвойная полоса леса, что показал ротный на карте, а за ним вновь болото. Макаров остановился и огляделся. Впереди три полосы мелкого кустарника, а к ним уже подходили серые фигуры – то ли финны, то ли немцы. «Ну и ротный, всё предвидел». И присев, за ним остальные, стал быстро объяснять:

– Пётр, ты за тот валун укройся. Борис, чуть ниже и правее. Когда Пётр откроет огонь по этим уродам и они приблизятся ближе, ударь в упор сбоку. К тебе не пойдут, там трясына. А Григорий со мной по центру. Пока я не брошу гранату, молчать. Пусть думают, что здесь никого нет. Пока не залегли, вы тоже по гранате. Расползаемся. – И Макаров заскрежетал зубами. У него к ним тоже свой счёт за лежание в холодной воде.

Стояла тишина, а в голове ещё не прекратился шум разрывов и свист осколков, наверное, и там, на верху сопки, тоже шеренги пошли. Жарко, видать, будет, а они здесь.

Макаров с Григорием за стволом лежащей ели осматривали серые фигуры солдат. Те шли осторожно, разглядывая местность, прислушиваясь, но как ни старались, их выдавали лесные синички. Предатель-

ски свистели, предупреждая, что в лесу чужие. Андрей ещё в деревне знал – как углубишься в лес на найденную полянку для сенокоса, так они уже тут как тут. Так и преследуют, прыгая с кустика на кустик.

– Идут и сами же предупреждают, – покусывая губы, высказался вслух Макаров. – Ну, сейчас, суки, и познакомимся, – и поправил пилотку на голове.

– Андрей! – услышал тихий голос Григория – Когда начнём? Вон впереди никак офицер идёт. Я возьму его на мушку?

– Возьми, возьми, – ответил Макаров. – Правильно думаешь. Пусть пока Петра пройдут.

От напряжения у него заслезились глаза, Андрей вытер их ладонью, но они предательски появлялись вновь. Наконец догадался и закрыл. Пусть отдохнут. И здесь же почувствовал удар в бок.

– Андрюха, да они рядом. Смотри!

Макаров поднял голову и от неожиданности чуть не вскрикнул:

– Гришка, бей первого!

А сам выдернул чеку и ловко бросил гранаты одну за другой. Здесь до взрыва прозвучал хлёсткий звук выстрела, и первая серая фигура, увешанная веточками, бахромой, сложилась и, как мешок, безвольно упала на мягкую подстилку мха. За этим последовали разрывы гранат и в стороне, где лежал Пётр. От неожиданности с десятков их уже лежали по кустам убитыми и ранеными. Сразу открылась беспорядочная стрельба по скале, так как противник подумал, что оттуда по ним открыли огонь. Визг пуль, осколки камня и срубленные ветки кустарника разлетались веером. Григорий спокойно выбирал цель, нажимая на спусковой крючок. А вот Андрей – нервный, взрывной по характеру – с матюками хлестал по кустам, не жалея патронов.

Финны наконец поняли, откуда ведётся стрельба, и попытались пойти в атаку. Перебегая небольшими бросками, они подошли для рукопашной, как им в спину ударил очередь Борис и при этом орал на всю округу. То ли от возбуждения, то ли подбадривая себя. Андрей в этот момент подумал, что тот, наверное, струхнул, когда мимо него прошли два десятка, а может, и более, хорошо вооружённых финнов. Ведь он там один.

Стрельба продолжалась недолго, но Макарову показалось вечностью. Противник залёг, послышалась гортанная речь, стоны раненых, и они стали отползать.

– Гришка, прекрати жечь патроны. Остынь. Ещё не вечер. Ты вот что, – соображая, подумал Андрей. – Давай ползком назад и к Борису. Выводи его. Сейчас минами накроют, а я к Петру и вон там, – поглядел он назад. – Помнишь, проходили лощину, усеянную вертикальными осколками скал? Вот туды галопом. Там и встретимся.

Не успели они с Петром отойти от мест, где лежали, ведя стрельбу, как земля, камни и кусты взлетели вверх, закрывая серое небо. Разрыв за разрывом – и тугая волна докатилась до них в лощину. Четыре бойца прижались к земле меж диких камней и молчали. Даже сюда долетали осколки, шипя и свистя, как певчие птицы.

– Вот таких птичек я бы вовек не слышал бы, – вслух высказался Андрей.

– Ты что там бормочешь? – спросил Григорий. – А дальше? Что командир приказал?

– Думаю, – ответил Андрей.

Все молчали, вздрагивая после каждого разрыва. Сопка, где залегла их рота, тоже была объята в огне и разрывах.

– А вот что! – вдруг озорно проговорил Андрей, и его глаза загорелись огоньком. Когда шальная мысль приходила к нему, он чесал ладони, вспоминая, как по молодости, играя в карты, проиграл почти половину запаса сала на зиму.

Отодрал заднюю стенку сундучка, где хранилось соление, и по куску таскал снизу. Ох и попало ему от отца! Тот его отхлыстал вожжами, да так, что долго сидеть не мог, а так как прикрывал заднюю часть своего тела ладонями, так и им досталось, и по спине. С тех пор как авантюра приходит к нему, сразу ладони чешутся.

– Слушай меня, – полукрича, стал объяснять он. – Скоро потемнеет. Сейчас кончится артналёт, и мы бегом назад на свои места. Борис, ты с нами. Подбегаем и готовим все запасы гранат. Остались? – и посмотрел на ребят. Те кивнули. – Мы их подпускаем,

бросаем все гранаты. Делаем шум и тикаем. Всё равно не устоим. А так как уже будет темно, они за нами не пойдут. Понятно?

Сперва все молчали. Тоже думали. За всех ответил Пётр Шамшин:

– Как скажешь, командир. То и сделаем. Там тоже не сладко, – и посмотрел на сопку, где дралась их рота.

– Тогда проверить оружие, гранаты в руки – и за мной.

Когда подползли, то обстрел уже прекратился, и только одна за-
поздалая мина шлёпнулась где-то в стороне.

Уже потемнело. Кустарник смотрелся размытыми полосами. За ним лес бурой стеной, как неприступная крепость. Солнце в просвет последний раз осветило верхушку сопки единственным лучом, что прорвался между низкими свинцовыми тучами, и спряталось. Показалось, что кто-то огромной занавесью укрыл небеса. На сопке прекратились разрывы. Наступила тишина. Андрей с Григорием залегли, всматриваясь в кустарник, но ничего не видно. Появилась испарина, она плавно наплывала из болот на низину. Вдруг прогремело несколько разрывов гранат, где должен был лежать Борис, и они вздрогнули.

– Вот чёрт, а ведь там должен лежать... Борька! – вслух выругался Макаров. – Готовься!

И здесь зашевелились кусты. Серые фигуры ползли между ними.

– Бросай-ай! – пронеслось эхом.

Андрей с Григорием бежали, ловя раскрытым ртом холодный воздух. Над головами свистели пули, сбивая ветки с елей. Как выдернул чеку из гранаты, как бросал и следом дал широкую очередь по кустам – не помнил. Всё произошло автоматически. Вот и низина. Они скатились вниз. Отдышавшись, огляделись.

– А где Борис и Пётр? – Андрей крикнул, но ответа не последовало.

– Ты пойдёшь посмотри правее, а я влево.

Когда разошлись, Макаров услышал тихий призыв со стороны, куда ушёл Григорий. В темноте заметил силуэты двух фигур, а третий лежал на земле и стонал.

– Что случилось? Ранен?

– Да так, – кривясь, ответил Пётр. – Когда убежал, пуля догнала, зараза.

– Плохо бегаешь, – с улыбкой заметил Гриша, и это было так сказано, что сам раненый, охая, рассмеялся и остальные за ним. Где бы они ещё веселились? Но Макаров отрезал:

– Хватит! Идти сможешь, нет? Тогда под руки и не задерживаемся. Я прикрываю.

В серо-фиолетовой темноте скрылись три фигуры, а за ними, оглядываясь, автоматчик. Где-то сзади слышалась стрельба, но они уже далеко. Ночью финны и немцы не воюют. По темноте дошли до сопки. Встретили дозор. Узнали, как там наверху. Ответ был – плохо. Полроты убитых и раненых. У вас сержант погиб и этот, тощий, что вечно извинялся. Если завтра не подойдут наши, хана всем.

– Надо к командиру, отчитаться, – сказал Макаров и уже про себя заметил: «А ведь к вечеру, как сказал Маликов, должна подойти помощь. Должна», – повторял он и повернулся к ребятам: – Вы – Бориса к медикам, а я к Маликову.

Когда Андрей шёл по окопам, то заметил, как всё здесь было изрыто воронками от снарядов, изрешечено пулями и осколками. Совсем стемнело. Низкие тучи не пропускали свет от звёзд. Только огоньки закуток сигарет освещали закаменевшие незнакомые лица. Дойдя до блиндажа и отведя рукой брезент в сторону, спустился по трём ступенькам вниз, выпрямился и окинул взглядом плохо освещённое помещение. За столом на ящиках сидели командир роты Маликов и политрук Шипов. На столе горела керосиновая лампа «Летучая мышь». Они молча смотрели на него. Андрей, весь в пыли, с порванным рукавом фуфайки, из которой торчал клочок ваты, и отвислым поясным ремнём набок, где висела сумка с магазином для автомата, смотрел на них из-под мятой и грязной пилотки. Нос у Андрея стал ещё острее, а глаза на осунувшемся лице смотрели пристальным, тусклым взглядом. Макаров приставил ладонь к голове и громким, чуть с надрывом, голосом произнёс:

– Разрешите доложить! Задание выполнено! Один ранен и отправлен к медикам. Остальные живы и здоровы.

За столом молчали и глядели на него с любопытством, как на неожиданного гостя в этом аду. Макаров подумал, что его недослыша-

ли, хотел повторить и уже раскрыл было рот, как Маликов встал и тихо произнёс:

– А мы вот тут думали, что вас уже нет. Пали смертью храбрых. Там у вас что-то невероятное творилось. Посылали одного разузнать, так он вернулся и доложил, что подойти нельзя, вся местность перепахана снарядами.

Макаров пересказал, как отразили первую атаку, переждали налёт артиллерии и, закидав гранатами, дали тѣку по темноте.

– Молодцы! Хватка настоящего солдата, – похвалил командир роты, к Андрею у него было особое отношение, и повернулся к политруку: – Как думаешь, Сергей Алексеевич? Надо представить всех к награде, а Макарова – к особой.

Шипов кивнул головой.

– Ты, Андрей, иди к своим, ребята, я думаю, получили сухой паёк и отдыхают. Проверьте оружие, завтра, думаю, будет жарко.

– А как подмога? – спросил Макаров.

– Спроси, что полегче. Иди.

Макаров вернулся к своим в небольшой блиндаж. Финны построили капитально, в три наката и через определённое расстояние. Ребята уже спали на узких нарах. Андрей устроился в углу и, жуя сухари, вернулся мысленно домой. Так и уснул мечтая.

– Макаров, вставай! Командир зовёт! – Его трепали за плечи, и он не сразу понял, где он. – Да проснись! Вставай, чёрт тебя возьми! – почти прямо в ухо горланил Шамшин.

Андрей вытаращил глаза.

– Что? Финны?

– Да нет, – спокойным голосом добавил Пётр. – К командиру.

– Понятно, – ответил Макаров и, вскочив, стал наматывать портянки, а потом, накинув фуфайку, взяв шапку и автомат, направился к командиру в блиндаж.

– По вашему приказанию прибыл! – выпалил он и уставился на Маликова.

– Ты это что, пинка от Шамшина получил?

– Думал, началось!

– Ты прав, – подтвердил Маликов. – Сейчас и начнётся с рассветом. Не приказываю, но посылаю под пули. Проверь связь, где-то провода разорваны. Минами изредка балуются, немцы посылают нам ночные подарки, чтобы мы не расслаблялись. Я один здесь и радист, а его нельзя.

– Понял! – дело привычное.

Лейтенант пристально посмотрел на брезент, за которым скрылся Макаров. Он знал, что немцы, как по расписанию, с рассветом начнут перемалывать окопы, которые сами строили. А из роты осталось меньше половины. Его предупредили, что подмога идёт и будет к вечеру. Поговорить до конца не удалось, провод разорвало, вот и пришлось под мины посылать. Да и его рота поставлена, как он понял, на приманку и на истребление.

Когда Макаров выскочил из блиндажа, то услышал – там, где-то далеко на западе, ахнуло и через небольшой промежуток, свистя, пролетел снаряд и разорвался далеко за окопами. Перелёт! Теперь будет недалёт, он присел, пережидая. Вот и недалёт. А теперь будет в точку, и быстро влез на бруствер, скатился вниз и, схватив провод, перебирая его, спотыкаясь, побежал вниз по сопке. Не успел пробежать пятидесяти метров, как вал снарядов ударил по вершине сопки. Его толкнуло в спину, и вся вершина сопки заволоклась дымом и разрывами. Он на коленях нашёл провод, что потерял при падении, и устремился в лесок, усеянный ямами от разрывов, покалеченными ёлками и вспаханым мхом. Наконец Андрей почувствовал слабинку и подтащил к себе обрубленный конец провода. Огляделся. Второго так и не увидел. Тогда, закрепив на низенькой ёлочке найденный шнур, решил поискать и пополз кругами – так и есть, нашёл. Потянул на себя и попытался соединить, но недалеко прозвучал хлопок и накрыл Макарова кусками торфа с пожухло-желтоватой травой и мелкими камушками. Предплечье обожгло. Оглядел руку, ничего страшного, и мельком посмотрел на сопку, а там продолжалось перепыхивание вершины минами, где в окопах залегли остатки его роты.

«Да, тяжело лежать, – подумал Андрей, – и ничего не делать. Как там ребята?» В это время опять просвистел снаряд, и он уткнулся головой в мягкий настил иголок и мелких веток. Вдыхая запах земли, Макарову не захотелось вставать. Вспомнил дом, луг, сенокос. Вот так бы лежал, пока

всё пройдёт, но здесь просвистел второй и разорвался недалеко. Пора убираться отсюда, а то шальной вспорет живот и развесит внутренности на этих веточках вместе с проводами.

Приподнялся. Осмотрелся и, поднявшись, приставил к сосне автомат, чтобы легче работать. Вынул финку из кожаных ножен, что висела на поясе, очистил и скрутил оголённые концы холодными пальцами. Закрепил на нижней ветке и, взяв за ремень ПППШ, пополз назад. Как подниматься, когда идёт обстрел? – и прилёт за глыбу дикого камня. Когда успокоился, почувствовал боль в плече. Потрогал и посмотрел на ладонь – кровь.

Расстегнув фуфайку, скрепя зубами уже от боли, Андрей двумя пальцами достал из кармана гимнастёрки замусоленный бинт. Давно носил. Пригодился. И, сняв фуфайку, прямо по гимнастёрке перебинтовал руку. Когда работал в азарте – не замечал, а прилёт и остыл – боль пришла. Попытался одеться, но не получилось. Застегнувшись на нижние пуговицы, поправил ремень и, закинув автомат за плечи, пополз на сопку. Обстрел закончился и перешёл в пулемётные очереди и хлесткие выстрелы винтовок. Цепляясь рукой за кустарник, он пригибался, но очереди пролетали выше или впивались в бруствер.

Уже рассветало, и бой усиливался. В перерыве затишья, улучив момент, Макаров вскочил и кубарем скатился в траншею, чуть не придавил Петра. Тот сидел, прислонясь к стене из скосившихся еловых стволов, что укрепляли стены траншеи. Голова его была перебинтована. Глаза закрыты. Шапка валялась в стороне.

– Ты чё, Петро, ранен? – А тот только и мог промычать в ответ. – Ладно, сиди, я к командиру.

– Там, там, – еле выговаривая, показал рукой Шамшин в другую сторону.

Пока пробирался по траншее, заметил, что убитых больше, чем стоящих стрелков. Лица серые в пыли. Андрей их не узнавал. И вот, найдя командира, доложил.

– Задание выполнено, – сказал Макаров, пригнувшись ниже, к старшему лейтенанту. Тот сидел на корточках с перевязанной грудью, держа меж коленей автомат.

– Молодец! Я успел доложить, обещали подкрепление, – тяжело выговорил Маликов. – Пока затишье, иди на тот конец траншеи. Поддержи.

– Как вы? – спросил Макаров, кивая на бинты.

– Пустяки. Главное, не давай зайти с флангов. – И, прикрыв глаза, добавил: – Они уже выдыхаются.

– Есть! – гаркнул Андрей и, спотыкаясь о комья, присыпанные тела солдат, торчащие брёвна, кинулся по траншее, опираясь правой рукой. Левая ныла. Неожиданно он наступил на ноги сидящего, и тот изматерился.

– Чего топаешь, как беременная корова? – Андрей узнал голос Семёна.

– Это ты? – И, присев, радостно похлопал того по плечу: – А где остальные?

– Гришка убит, Виталий тоже, Петро ранен, а Бориса успели отправить в медсанбат. Так что я и ты – и все вояки, – и криво улыбнулся.

– Понятно. Я в ту сторону, прикрывать. Командир приказал.

И только отбежал за поворот, как сзади засвистела мина. Макаров на рефлекс присел, как прогремел взрыв на том месте, где он говорил с Семёном. Хотел вернуться, но здесь просвистела следующая, и он бросился вперёд. «Потом. Потом увидимся», – успокаивал он себя и столкнулся с испуганным взглядом радиста Пашки Самарина.

– Сколько здесь осталось? – и оглядел траншею.

– Я один. Остальные – вон, – и показал на развороченный пулемёт. Две фигуры солдат, присыпанные землёй, мелким камнем и мхом, что маскировал бруствер траншеи. – Вот тебе и похороны. Может, и нас так же?

Ударила очередь, и фонтанчики земли поднялись над валом земли, что прикрывал солдат. Оба присели.

– Ну что, вояка? – улыбнулся Макаров. Вот бы сейчас по сто пятьдесят, головку лука раздавить и шматок сала. При этом Андрей закрыл глаза и сглотнул слюну, но домечтать не дали шум и стрельба снизу.

Макаров посмотрел на раненую руку и попросил Пашку достать диск из подсумка и вставить в автомат, а там началось. Очере-

ди, свист пуль, разрывы мин. Бросали гранаты. Серые фигуры лезли к ним, падали, отступали и опять после налёта снарядов лезли наверх. Макаров всё хотел разглядеть у них лица, но ему казалось, что они все одинаковые. Наштампованы! Сколько атак они отстояли, не вспомнить. Изредка помогала своя артиллерия.

После очередного налёта Андрей заметил, что левая сторона замолчала.

– Пашка, я к командиру, а ты смотри вон за тем куском скалы, там финны собираются, – и, пригибаясь, кинулся по траншее.

Когда дошёл до того места, где стоял Семён, увидел глубокую воронку и покорёженные стены. Макаров только крикнул и, перелезая через трупы и торчащие брёвна, подумал: «Неужели никого нет в живых? Всех выбили? – ища глазами хоть одного на ногах. – Может, за поворотом?» И когда зашёл, то увидел Маликова, тот сидел и, как мог, повторно перевязывал себе голову, по лицу текла кровь.

– Я сейчас помогу, товарищ командир.

– Отставить! – услышал в ответ. И, опустив руки, лейтенант стал объяснять: – Ты пройди по траншее... – И Маликов, помолчав, тяжело вздохнул, потом продолжил: – Подними оружие и подготовь гранаты, если найдёшь. Не выглядывай, а бегай по траншее и не выглядывай, бросай гранату, дай очередь – и дальше. Делай вид, что нас много. Понял?

– Так точно! – ещё не окончательно понимая приказ.

– Кто ещё остался?

– Паша. Радист.

– Ему тоже объясни.

– Я постараюсь, товарищ командир, – ответил Макаров, понимая, что это, наверное, и его последний бой.

– Постарайся, Макаров. Я в тебя всегда верил. И за связь спасибо. Успел отчитаться и получить приказ. А теперь... – и Маликов привалился к стене, закрыв глаза.

– Сейчас! Сейчас! – Макаров кинулся по траншее. Искал гранаты. Поднимал и проверял оружие, кладя его на бруствер или в нишу, вы-

рубленную в стене. И так дошёл до того места, где ждал его Самарин. Тот прилёг на бруствер и как бы смотрел за противником. Андрей потянул его за рукав, и тот медленно осел, откинув голову. Андрей наклонился и увидел страшную картину. На бледном молодом лице с открытыми глазами застыл вопрос, а во лбу зияла маленькая дырочка. Это было так неожиданно, что он отшатнулся и в порыве выкрикнул:

– Ты чё, Пашка? А ну вставай, едрёна корень! А кто воевать будет? – И только сейчас понял – он один! Один!

Здесь по брустверу защёлкали пули. Макаров пригнулся, вспомнил, что говорил командир, и дал очередь из своего автомата. Оставив его на месте, кинулся туда, где заготовил гранаты, бросил и, не дожидаясь разрывов, пополз дальше. И так стреляя, падая, кидая гранаты, как загнанный зверь в норе, он бегал с места на место по траншее. Возвращаясь назад, ругаясь, забыв о ранении в руке, и неожиданно за последним поворотом небесный свет погас.

Мир вокруг него превратился в один сплошной ад, где всех убивают. Земля горит и жжёт. На грудь надавила тяжёлая плита, хотел встать, но силы покинули тело. Андрей потерял сознание.

День клонился к вечеру. Несло гарью и трупной вонью. Пролетела одинокая ворона, каркая и извещая округу о том, как коварен мир. Вокруг в разных позах лежали покалеченные тела в зелёном и сером обмундировании. Сопка, низина и лес, окружающий её, были перепаханы взрывами и осколками снарядов.

Макаров пришёл в себя, когда почувствовал, что его тянут за руки и ноги. Ну, вот и меня, подумал он, волочит похоронная команда, опустят в яму, закопают – и хана, отплясался! И тут, открыв глаза, он увидел скуластое лицо, пилотку, а на ней звезду. «Наши!» – промелькнуло в голове, хотел закричать, но только и смог пошевелить губами и снова потерял сознание.

Первое, что он почувствовал, – это тепло. Потрогал правой рукой, левая была перевязана, волосистую бархатистость одеяла. Осторожно открыл глаза. Белый потолок. Чуть в стороне висела на проводе

лампа и мягко освещала помещение. Он удивился и здесь же услышал мужской разговор, тихий стон раненого и голос медсестры. Осторожно повернул голову и встретился со взглядом соседа, а тот, шевеля пересохшими губами, радостно сообщил:

– Сестрёнка, сосед очнулся! – и добавил: – Ты второй день материшься, зовёшь какого-то Маликова. Это кто такой Маликов, друг твой?

Андрей улыбнулся и, посмотрев в чистый белый потолок, тихо для себя произнёс:

– Друг? Конечно, друг! Даже больше!

В его глазах проступили скупые мужские слёзы.

Наталья БАРАНОВА

Светлая часть души

Рассказы

Ведро

О таких, как Василиса, раньше говорили: сто лет в обед будет. Сто не сто, но много... А что делать? Живой в могилу не ляжешь. Жить долго хорошо, но не к чему. Из родных одна внучка осталась, и та в деревню пятый год глаз не кажет. Остальные давно померли, только её Господь никак не приберёт. На всю деревню три древних реликта. Да и деревни, почитай, нет. На дальнем конце улицы Манька свой век дотягивает. Вместе в школу ходили, потом на заработки в большой город ездили, но не прижились там... вот и доживают в деревне, которой нет. Третий – дед Тимофей. Один жених на двоих, как он сам смеётся, ходит навещать – Маньку по чётным, Василису по нечётным дням. То лампочку вкрутит, то воды натаскает, а иной раз просто так, поболтать. Заодно и столуется у них. Самому-то лень готовить. Мужики, они такие: будут сидеть на сухомятке, но щей себе не сварят.

Василиса посмотрела в отрывной календарик, что висел на стенке, – число было шестнадцатое, Тимофея можно не ждать, придётся

самой лезть в погреб, картошка закончилась. Она надела телогрейку, сапоги – обувь на все случаи жизни, повязала платок и вышла во двор. Коротко гавкнула собака. Это Мохнатка показала, что сторожит никому не нужный сарай.

– Ты чего это, Мохнатка? Не признала хозяйку? – Василиса погладила собаку и открыла дверь в сарай. Света здесь не было. А кому светить? Когда-то жили большой семьёй, чего только не бегало по двору и не мычало в сарае: корова, кролики, куры, гуси. В колхозном стаде овечки ходили. Теперь нет ни семьи, ни живности, ни сил держать хозяйство. Ей одной много ли надо? Мешок картошки, ну огурчиков солёных, капуста квашеная. К разносолам за всю жизнь не привыкла, а теперь и подавно не укусить. Не по зубам и не по деньгам.

Василиса шагнула в сарай, посветила себе фонариком и, не глядя под ноги, пошла в темноту, к люку в погреб. За долгие годы, что жила одна, она научилась экономить силы и рассчитывать каждое движение, когда доставала из погреба картошку, соленья. Чуть зазеваешься – и останешься в погребе. Жди, когда Тимофей придёт или Манька-подружка хватится. Сначала она привязывала толстую верёвку к ручке двери, потом спускалась в погреб, тянула за собой верёвку, на конце которой болталось ведро. Затем набирала картошку в ведро, вылезала из погреба и тянула верёвку наверх. Сегодня она проделала это ловко, но захотела ещё баночку с грибами достать, да и огурчиков не мешало бы... Второй раз спустилась вниз, наполнила ведро банками, вылезла и потянула верёвку. Тут-то ведро, которое служило ей десятки лет, оплошало – не выдержало нагрузки, дно вывалилось. Банки рухнули вниз, в погреб, хорошо хоть Василиса удержалась. Она пнула ведро и расплакалась от бессилия.

– Господи! За что ты меня наказываешь? – причитала она. – Все нормальные люди давно уже с тобой разговаривают, отчёт дают, а я всё по погребам скачу.

Мохнатка подошла к ней и облизала мокрое от слёз лицо, пожалела.

Она поплакала, вроде легче стало. У женщин всегда так – боль и обида слезами исходит. Решила, что на сегодня приключений хватит.

– Вот придёт завтра Тимофей и натаскает банок из погреба, – сказала Василиса собаке. – И тебе будку подправит. Крыша давно течёт. Хватит под порогом скитаться, если собственный дом есть.

У неё от одиночества появилась новая привычка. Она теперь со всеми разговаривала: с мышами, которые грызут что ни попадя; с «ходиками» – эти вечно отстают; сама с собой, если что-то вспоминалось, а рассказать некому. Иной раз и кошке приходилось выслушивать хозяйку. Всегда в доме жили только коты, с ними проблем меньше, но со временем Василиса поняла, что кошки лучше слушают. Вот и сейчас пришла домой, сварила картошку, но в тишине не вкусно кушать. Она посадила перед собой кошку, налила молока в мисочку и начала жаловаться: на одиночество, на старость, на ревматизм – последнее время совсем одолел. Вспомнила о ведре, которое подвело.

– Думала, этому ведру сноса не будет. Видать, у всего есть предел, что у человека, что у железяки. Жила, росла, старилась, а оно всё при мне было. Помню, мать корову подоит, а часть молока надо в колхоз сдавать. Детей-то нас пятеро, чем кормить, если молока не будет. Голодно жили, только молоком и спасались. Вот и разбавляли его водой, чтобы себе побольше осталось. Несла, бывалыча, в ведре разбавленное молоко, тряслась как осиновый лист. Вдруг поймают, срам-то какой! Они ж там мерили жирность и на бумажке писали, чьё молоко какой жирности. Бумажка потом на стене в правлении висела. Вот однажды мать разбавила молоко, я отнесла в колхоз, а на бумажке потом написали, что молоко у Коржовых жирное. Домой неслась, от радости ног под собой не чувала, ведром махала, а домой прибежала, кричу матери: «Лей ещё воды, наше молоко самое жирное». Вот так вот и жили...

Кошка пила молоко, наверное, внимательно слушала, но по ней было не видно.

Василиса продолжала:

– А потом ещё помню. С мужем Ванечкой, ещё когда женихались, встречались у колодца. Конспирация такая. Отец детей в строгости держал, гулять вечерами не пускал, а днём некогда, вот и придумали, что встречаться будем у колодца. Собираюсь за водой, а мать и

говорит: «Что это ты, Васька, так часто за водой бегаешь? Эту ещё не испили». А как только Ванечка сватов прислал, так я о воде и забыла, теперь это была братова обязанность. – Василиса рассмеялась, вспомнила, как брат Андрей бежал за ней с коромыслом, кричал, что не мужское это дело – за водой ходить. О чём с девками у колодца разговаривать?

– В деревне ведро – наиглавнейшая ценность: и корову подоить, и воды испить, а состарится, так картошку копали, опять же вёдрами ссыпали в мешок и считали, сколько вёдер накопили. Больше или меньше, чем в прошлом году? Мешки-то у всех разные, а вёдра одинаковые. Вот и мерялись с соседями, у кого урожай лучше. А если уж совсем никуда негоднее становилось, так не выбрасывали. Спросишь, почему? А жаль было. Никогда не знаешь, как и что в хозяйстве пригодится. Вот и сегодня, думаешь, я его выбросила? Так нет, на колышек, на ограду повесила. Пушай висит, авось пригодится. Опять же жаль, столько всего с ним было. Помню, в войну наши быстро отступали, мы и опомниться не успели, как враги уже по деревне шли. Кто пешком, а кто на лошадях. Мадыры – нация такая. Мы о таких и не слышали. Это тебе не немцы. Те всё больше на мотоциклетах. А лошадей-то поить надо. Вот один мадьяр заскочил во двор, схватил ведро, что сушилось на ограде, и побежал по улице. Мать так и ахнула, где теперь ведро взять – разруха кругом? А вечером пошла к колодцу, а там вёдра со всего села валяются. Мать своё-то и взяла, приметное было: бок чуток вмятый.

Кошка закончила с молоком и сидела, гостей намывала.

– Чего это ты, Мура? Гости нынче не будет, не старайся, не наш день.

Только проговорила, как стукнула дверь, в тёмных сенцах зашуршало, и на пороге появился Тимофей.

– Привет, Вася. Знаю, знаю, не твой день – Манькин, но у тебя щи вкуснее, да и дело есть.

– За щами завтра приходи. Сегодня картошка в «мундире».

– А с чем картошка?

– С языком. Остальное на дне погреба. Я тут маленько «управи-

лась». Не стала тебя ждать до завтра, сама в погреб полезла. Ведро с банками тянула, а дно не выдержало, вывалилось. Огурцов не жалко, а вот ведро теперь только выбросить, да больно жаль. Как память.

– Зачем выбрасывать? Для моего дела как раз согдится. Сейчас его приспособим, ещё послужит.

– Что за дело?

– Ты ж знаешь, я праздники люблю. Каждый день листаю календарик. Сегодня глядь – а там твои именины. Вот принёс яблоньку – росточек тоненький. Давай посадим возле дома, а чтобы ненароком не сломила, наденем на него ведро, пусть охраняет. Урожая, может, и не дождёмся, но деревце будет расти и мир радовать.

Яблоньку сажали с радостью. Потом долго сидели на порожке, смотрели на новую жизнь, и каждый думал о своём.

Василиса: «Приедет внучка, а яблонька её встретит. Если весной, то цветами, если летом – красными яблочками. Это как привет от меня. Она догадается».

Тимофей: «Может, к Маньке пойти? Щи они везде щи...»

Он поднялся.

– Так ты меня завтра жди. Прямо с утра. Дел много: в погребке порядок навести, дверь в сарай перекосило, подправлю. И щи... по расписанию. Он засмеялся и пошёл со двора, а Васька осталась сидеть на крылечке. Рядом примостилась Мохнатка, на коленях мурлыкала Мура. Всякая животинка любит ласку. У неё как раз две руки: левой гладила собаку, а правой почёсывала за ушком у кошки.

– Ну что, родненькие... Не зря говорят – есть жизнь после смерти, что у человека, что у железки. Будем жить, ждать весны... и Тимофея.

Светлая часть души

Случайный ребёнок – Оля Богородова. Это я. Я родилась через восемь лет после войны. Шестой ребёнок, которого не ждали. Мама, сколько могла, скрывала живот – стыдно было перед соседями и родственниками.

Когда началась война и отец ушёл на фронт, мать осталась в Тамбове одна с пятью детьми – война вошла в семью голодом. Шли ожесточённые бои под Воронежем, с фронта везли раненых, и в каждом большом здании открыли госпиталь. Надо было как-то выживать. До войны мама шила красивые платья. Не сказать, чтобы шикавали, но жили хорошо. Теперь же за платье давали стакан пшена – этим пятерых детей не накормишь. Помог случай – ей предложили шить шинели солдатам, которые выписывались после ранения. Это стало главным источником выживания. Мои братья и сёстры бесконечно благодарны, что она выходила каждого, не дала погибнуть с голода.

Осталась фотография 1942 года, где мама с детьми сидит на крыльце дома. Все мал мала меньше: старшая Ира – 1931 года, потом Юра – 1932, Толя – 1935, Зоя – 1938, Галя – октябрь 1941.

Меня нет на фото, но я знаю и помню о каждом, кто сидит рядом с мамой. Ира – самая старшая и не по-детски мудрая девочка. В школе на перемене давали хлеб с пол-ладошку, но она не ела, а несла маленькой Галке, которая сидела на порожке дома и ждала сестру, зная, что та принесёт хлебушек. И Юре в школе давали хлеб, но он съедал сам. У девочек, наверное, с детства развито чувство будущего материнства. Война заставляла быстро взрослеть – у каждого были свои обязанности в семье. Ира, Толя и Зоя ходили за хворостом далеко в поле. Маленькие дети брели по заснеженному полю и тащили вязанки тоненьких прутиков для печки. Кто сколько мог. Толя по дороге выбрасывал по прутику и домой приносил половину. Девочки оказались выносливее – ничего не выбрасывали.

Когда подросла Галка, а это уже после войны, в её обязанности входило дежурство в очереди за хлебом. Она шла к магазину ещё в темноте и терпеливо стояла много часов, не смея отойти, иначе семья останется без хлеба. Много позже, когда Галину спрашивали, кем она хочет стать, когда вырастет, то всегда отвечала: «Милиционером». Удивительный ответ для девочки, но оказалось всё просто – милиционеры приходили за хлебом, но никогда в очереди не стояли. Галка думала, что им так положено. Милиционером она не стала, но голодная очередь за хлебом повлияла на выбор профессии – она вы-

училась на кондитера, а потом работала на хлебокомбинате, пекла хлеб.

Фото было старое, пожелтевшее, трещина шла через весь снимок, правый угол оторван. Я нашла его в бумагах, которые остались после родителей. Захотелось отреставрировать – она была для семьи особенно дорогой. Фотографий было две: одна оставалась дома, а вторую послали папе на фронт. Именно эта и сохранилась. Он носил её в нагрудном кармане всю войну. Если поднести фотографию к лицу, то казалось, что на ней остался запах отца.

Три дня я возила фото в кошельке вместе с квитанциями на оплату коммуналки. Почему сразу не отнесла его реставрировать? Я дважды проезжала мимо фотоателье, начисто забыв, что еду туда. В третий раз села не на тот автобус и опять не отдала фото реставратору.

Что не пускало и водило меня по городу, не давало дойти до места? И вот дождалась...

С четвёртого раза благополучно доехала до фотоателье, вышла из автобуса. Полезла в сумку, чтобы ещё раз посмотреть, на месте ли фото. Кошелька не было... Сначала не испугалась... денег там немного, а квитанции можно восстановить. Осознание катастрофы пришло не сразу. Фотография! Вспомнила мальчика в автобусе, который стоял за мной и чуть подтолкнул, готовясь на выход. Я вышла, а он остался в автобусе. Только он мог вытащить кошелёк.

– Господи, накажи его! Накажи! – Я стояла на остановке и судорожно рылась в сумке. Руки тряслись, ноги ослабели, я тут же села на лавочку, вывалила содержимое сумки, всё ещё не веря, что кошелька там нет.

Автобусы подходили один за одним, люди шли мимо, я сидела на лавочке, перебирала содержимое, рыдала.

– Господи! Накажи его, пусть у него отсохнут руки, пусть он... – я не могла найти ему кару. – Сделай же что-нибудь... пусть ему будет так же плохо, как мне сейчас...

Я плакала, мимо шли люди...

Надо было подниматься, идти домой, но сил не осталось. Что я скажу братьям, сестре, как отчитаюсь о потере?

Дома, ещё не успев открыть дверь, услышала, как долго звонит телефон. Не хотела брать трубку, но звонивший был настойчив.

– Ты, наконец-то, отнесла фотографию на реставрацию? – это был брат.

– Представляешь, я опять проехала мимо. – Сказать правду сил не хватило.

– Чем у тебя голова занята? Ты уже раз проехала мимо, раз села не на тот автобус. И что у тебя с голосом? – спросил мой чуткий брат. – Ты чем-то расстроена?

– Ничем, просто устала...

– Я тебе предлагал сам заняться реставрацией, ты не захотела.

– Дорогой мой, ты же не профессионал, а всего лишь профессор математики... Каждый должен заниматься своим делом: ты цифры считать, а фотограф реставрировать фото.

Я так и не смогла придумать, как сообщить о краже.

Прошло несколько дней... Возвращалась вечером после работы и, проходя мимо почтовых ящиков, увидела уголок чего-то белого. Писем ни от кого не ждала, а рекламные листовки не стоят того, чтобы рыться в сумке, искать ключ от почтового ящика. Но что-то толкнуло под руку... Это были мои квитанции, из которых выпала фотография. Та самая...

Я поняла, почему меня кружило и не пускало к реставратору. Кто-то сверху хотел через меня показать мальчику светлую часть его души.

Я пошла в церковь и поставила свечку за уголок светлой души ворюшки. Прости ему, Господи, все прегрешения – вольные и невольные.

Восьмой грех

– Завтра помру, обмывать меня не надо, я уж и чистое одеда, – сказала Евдокия Петровна.

Галка, накрывающая стол к чаю, аж присела на стул от неожиданности. Она пришла проведать тётку, принесла продукты, конфеты,

собиралась провести приятный вечер. Навещая Евдокию Петровну каждую неделю, иногда и два раза забегая, Галина видела, как одиноко и трудно та жила, старалась поддержать. Самой Галине тоже несладко жилось. Осталась после развода с двумя детьми, работать пришлось на двух работах, иначе на зарплату медсестры не прожить. Своих родителей она не помнила, маленькая была, когда они умерли, тётка осталась единственным родным человеком и всегда хотелось порадовать её. Обычно радости были нехитрыми – колбаса, сыр, хлеб и обязательно любимые конфеты «Ласточка». Конфетам баба Дуся особенно радовалась. Прятала в чемодан, что лежал под кроватью, в котором хранила всё самое ценное, а потом, когда Галка уже с детьми приходила к ней в гости, угощала, радуясь, что может побаловать их.

И вот теперь чай пили молча, не возвращались к теме завтрашней тёткиной смерти, но на душе у Галины было беспокойно.

– Так ты попомни, обмывать меня не надо, чистая я, – перед уходом напомнила тётка.

Весь следующий день, чем бы ни занималась Галина, она вспоминала слова Евдокии Петровны – они тревожили. Ну как можно знать, помрёшь ты или нет?! Тётка была ещё сильная, сама справлялась по дому, весной посадила огород. Ни одного пустого клочка земли не оставила, урожай ждала хороший. Огород был подспорьем к её пенсии. Она с конца лета и всю осень продавала овощи и фрукты у поездов на станции. Правда, последнее время ей всё трудней стало носить вёдра, но она ухитрялась за день несколько раз сбежать с авоськой яблок или груш к поезду. Какая-никакая, а копейка собиралась за лето. И с чего это ей помирать? Давление последнее время скакало, но Галка перед уходом проверила, таблетки ещё есть.

Галина делала уколы, ставила капельницы, а сама всё больше и больше волновалась. К вечеру нервы совсем разошлись, так она себя накрутила. И решила пойти проведать тётку. На звонки и стук в дверь никто не откликнулся, но у неё был ключ – тётка когда-то дала на всякий случай. Вот и пришёл... этот всякий случай. Открыв дверь, Галя позвала тётку – та не откликнулась. В спальне... Она лежала в спальне на кровати в своём любимом платье, мирно сложив руки на груди.

Галка растерянно смотрела на неё – она первый раз видела смерть родного человека так близко. За спиной хлопнула дверь – это была соседка, которая вошла, увидев, что входная дверь неплотно закрыта. Видя растерянность Галины, поняла, что та не знает, с чего начать, распорядилась:

– Первым делом надо обмыть покойницу, одеть в чистое. Ты посмотри, где-то должен лежать узелок, бабушки – они ведь заранее готовятся. У моего деда вон на чердаке и гроб годы стоял.

Галя потянула чемодан из-под кровати с богатством тётки, щёлкнули замки, и она увидела всё, что было нажито за долгую жизнь. Галке стало страшно. Такое богатство уже никому не нужно, осталось сволочь его на помойку. И тут она вспомнила вчерашний настойчивый наказ тётки – не обмывать её.

– Нет. Ничего не надо, – захлопнув чемодан, сказала Галина. – Евдокия Петровна вчера предупредила, что сегодня помрёт и обмывать не надо, она всё уже сделала и чистое надела.

– Сама предупредила? – соседка смотрела на Галину, как на сумасшедшую. – Отродясь такого не слышала, чтобы за день приготовиться к смерти. Ну, да ладно. Но обмыть всё равно придётся... это не оттого, что она грязная, – обычай такой, и не нам его нарушать.

Они стали раздевать Евдокию Петровну. И вдруг на теле у неё под одеждой оказался пояс с кармашками. Деньги. Это были деньги, которые она всю жизнь откладывала на чёрный день.

– А говорят, в гробу карманов нет, – растерянно сказала соседка.

Галка плакала, жалея не себя, а тётку, которая прожила жизнь кое-как и померла, наверное, в муках, боясь расстаться с богатством, которое копила всю жизнь в ожидании «чёрного дня», не заметив, как все светлые дни пролетели мимо.

Жемчужное ожерелье

Бриллиант в кольце был невесть какой, но сиял радужным сиянием настоящего бриллианта. Кольцо подарил муж на рождение нашего первого сына, а потому оказалось самым любимым из всех

украшений. Когда родился второй ребёнок, муж ничего не подарил, наверное, испугался, что разорится, если буду рожать ему сыновей каждый год. Зря боялся, второй сын появился через двенадцать лет.

Сегодня достала кольцо из коробочки, начистила до праздничного блеска, нам предстояло идти в люди, на свадьбу к сыну. Последнее время редко ношу его, со временем стало тесновато – жмёт палец, но ничего, не обувь, ходить можно. Примерила его на палец и сразу вспомнила Катюку – жену моего брата Александра. Она была мне как сестра. Я любила её больше брата. За то, что она любила Сашку больше, чем саму себя. Такой же самоотверженной любви я не встречала в своей жизни. Когда Сашка заболел, Катерина ходила к врачу, вставляла на колени, просила спасти мужа и говорила, что пропадёт без него, не выживет. Саша без неё выжил...

Так получилось, что мы рожали в один день и подарки за героический поступок пошли выбирать вдвоём. Потратили много личного времени и денег мужей, обошли все ювелирные магазины. Я купила кольцо быстро, так как присмотрела вознаграждение заранее – до похода в роддом. Катюке подарок искали долго. Она была помешана на жемчуге, который трудно выбрать: то слишком мелкий, то слишком крупный, – а это плюс в три раза цена, – то люстр недостаточный. С трудом совместив цену, размер, блеск, остановились на чудо-ожерелье с золотыми вставками и кулончиком-висюлькой из жемчуга. Где оно теперь? Катерины уже год, как нет. Нигде... И этот год мы не виделись с братом, созванивались. Сегодня ждали его на свадьбу.

Гости съезжались медленно. Одним из последних в зал вошёл брат Саша. И тут меня ударило. Где у нас сердце? Вот туда и ударило. Сашка пришёл на свадьбу с подружкой. При знакомстве ближе оказалось – с будущей женой. Всё правильно... Жизнь идёт... Никто не против, но на шее у неё сверкал жемчуг, который мы так долго выбирали с Катериной. И вот теперь это чудо повисло на шее новой жены. Интересно, какой у неё размер обуви? Может, она и туфли донашивать будет?

Свадьба была весёлая. Я пела, плясала и была самая счастливая свекровь в мире. В какой-то момент расчувствовалась и захотелось сделать невестке подарок от меня лично, на всю жизнь, чтобы по-

том не поставила на полочку или, чего хуже, утром не выбросила на помойку. Кольцо! С сыном пришло, пусть с сыном и уйдёт. Не буду ждать, чтобы кто-то его примерил на себя, как Катькино ожерелье. Уверена, Катька всё видит, и ей так же больно, как если бы она была рядом. Я шла через зал к невестке с намерением подарить кольцо. Шла и пыталась стянуть его с пальца. Нет! Не лезет! Без мыла не обойтись. По дороге на встречу к невестке стоял муж с младшим сыном.

– Куда маршируешь деловым шагом? – остановил меня муж.

– Хочу сделать деловой подарок нашей снохе, – сказала я. – Подарю кольцо с бриллиантом. Авось больше любить будет, а придёт время – воду подаст и утку вынесет, когда потребуется.

– И меня запиши в список требующих любви, – попросил муж.

Младший сын дёрнул за юбку и спросил:

– Mam, а моей жене что подаришь?

– Не бойся, сынок, и твоя без подарка не останется. Впереди, надеюсь, ещё много времени, накоплю и твоей жене на кольцо с бриллиантом.

Разговор с мужем остановил всего на минутку, но благотворительный запал иссяк, да и кольцо без мыла не снималось.

– Значит, не судьба. Положи его обратно в коробочку, подаришь младшей снохе, – сказал наш не по годам хозяйственный младший сынок.

Свадьба затянулась за полночь. Одним из последних уезжал брат с будущей женой. Подошла попрощаться. Этикет требует сказать что-то приятное гостям. И я сказала:

– Какое красивое ожерелье! Наверное, Саша вас очень любит, раз позволил взять его из коробочки своей Катьки.

Сашка сделал большие глаза, муж ущипнул за локоть, будущая жена мило улыбнулась, и они отбыли.

– Ну ты и стерва! – возмутился муж, когда мы остались одни. Тут мне хватило мудрости не обратить на него внимания и не обидеться. Свадьба завершилась прекрасно! Всё, что могла, я для Катьки сделала.

На следующее утро пошли к молодым домой провожать в свадебное путешествие. Дверь открыла красивая, но растрёпанная невестка.

– Привет, родители, – сказала она. – Быстренько идите на кухню, быстренько пейте чай с праздничным тортом. Всё надо делать быстренько – до поезда остался час.

Сноха бегала по комнате, отдавала распоряжения моему сыну, а он весело выполнял их.

«Вот так дети отпочковываются от родителей. Теперь Митька не наш, а её – нашей новой дочки», – подумала я, и мне расхотелось дарить кольцо. Настроение скукожилось и оказалось не то, что на свадьбе.

Вещи собраны, чай выпит, все слова сказаны. Присели на дорожку. И тут я вспомнила Катькино жемчужное ожерелье на чужой шее.

– Ну что, доча? Будем дружить? – мой бодрый голос не выдал переживаний по потере сына.

– Будем. У нас теперь один любимый мужчина на двоих.

– Тогда носи мыло, – сказала я и сделала счастливое лицо.

Брак

Образцовая семья Образцовых бесила всех: Пётр – как образец подражания для мужчин, а Людмила – как образец подражания для женщин. Мы с женой так и не решили, чей образец бесит больше.

Вот и сегодня они прибыли в гости, когда все уже давно сидели за столом и разлили по второй рюмке. Вечно они не вовремя. И что теперь? Бросай всё и начинай чествовать вновь прибывших? А в это время – водка греется и блюда стынут.

Когда они вошли, все разом оторвались от праздничного стола – мужчины радостно заулыбались, а женщины сурово напряглись, глядя на жену Образцова. В следующий момент всё повторилось в точности наоборот – женщины радостно заулыбались, а мужчины сурово напряглись, переведя взгляд на мужа Образцовой. В то время, как за ними наблюдали пять пар по-разному завистливых глаз, они долго и красиво раздевали друг друга в прихожей. Пётр помог снять шубку жене и нагнулся, чтобы расстегнуть сапожки, а Людмила в ответ помогла размотать шарф, красиво повязанный на шее у мужа. Любовь и согласие сквозили в каждом движении.

За столом прошелестел еле различимый шёпот, но тема угадывалась без труда. «Глянь, как надо!» – чуть слышно разнеслось в воздухе мужскими и женскими голосами. И мужчины почувствовали себя слабаками, а женщины обделёнными любовью и заботой. Моя жена надавила каблуком в ногу – между прочим, больно, – и прошипела:

– А ты так не умеешь! Смотри и учись.

Я много чего могу, но в этот момент не вспомнил ничего, чего могу, – растерялся от злости на Петичку Образцова. Петичка – это его жена так называет. А он её – Люсичка, или в другой вариации – моя Люсьена.

Так вот, от злости ничего на ум не пришло, кроме последнего восьмого марта, когда сделал ей подарок – не поехал на рыбалку, а вчера вынес мусорное ведро и почти каждый день мою за собой чашку, а ещё вдруг вспомнилось, что уже целый месяц – во вред своему здоровью – не вступаю в дебаты с тещей. Я ли не образец для подражания?! А ей всё мало! Надо ещё и сапоги прилюдно снимать.

Вечер только начинался и был не до конца испорчен приходом образцовой семьи, но Пётр добил его окончательно, когда начал накладывать на тарелку жене угощение, выбирая лучшие куски с общих блюд со словами: «Ешь, дорогая, тебе надо много сил, чтобы ухаживать за мужем». Вроде бы шуткой сказано, но мужики напряглись в ожидании будущих упрёков от своих жён.

– Вот зуб даю, – шептал я жене, – не всё так гладко в благородном семействе.

– А где у тебя доказательства? – она уже сердилась.

– Да какие тебе ещё доказательства? Ты только послушай его. Он пять раз сказал: у меня в квартире, моя квартира. Они что, отдельно живут?

Но она сказала, чтоб я заткнулся и перестал завидовать, а лучше бы поучился, как надо ухаживать за женой. Я продолжал шёпотом настаивать, что всё это ложь и провокация, а жена в ответ под столом сердито топтала меня каблуком.

Домой шли разобщённо – жена впереди, я, прихрамывая, чуть сзади. Нога болела. Да чёрт с ней, с ногой. Душа болела! Как всегда, когда ты прав, а с тобой не согласны.

Нога не успела зажить, а мы с женой уже помирились и старались не вспоминать разногласия по образцовой семье и не затрагивать тему: кто, кого и как сильно любит.

Но я буду не я, если не докажу, что был прав. Помог случай. Как-то вечером мы гуляли по Набережной, дышали воздухом и обсуждали животрепещущую тему – покупку новой шубы Людмилы Образцовой. Тема трепетала у жены, мне же было пофиг. Вот если бы Петька купил машину, тогда – да!

Шли, мы, значит, шли – дышали воздухом... и тут я замечаю, что целенаправленно куда-то идём, оказалось, к дому Образцовых.

– Эк нас занесло! – удивился я. – Наверное, черти по кругу водят. Как мы здесь оказались?

– Ну, раз уж мы здесь оказались, – жена невинными глазами посмотрела на меня, – давай зайдём, посмотрим Людкину шубку.

– Знаю я, как ты смотришь, потом меряешь, а потом мне всю плешь проешь – купи!

– Успокойся, твоя плешь больше не станет, если мы только одним глазком посмотрим. Вдруг она плохая?

– Хорошо, пошли, но больше пятнадцати минут мерить не будем, потом может начаться привыкание, а наш бюджет этого не вынесет. И моя плешь тоже.

Мы позвонили, но к нам никто не вышел. Я толкнул дверь, она была не закрыта. Вошли.

– Есть тут кто живой? – крикнула жена. Никто не ответил, а где-то в глубине дома слышались голоса. Громкие такие голоса, не дружеские. Идём дальше. Голоса переходят на крик и принимают чёткие формы Петра и Людмилы.

– Ты где шлялся, скотина такая? – голос Людмилы чуть охрип, значит, уже давно выясняет местоположение мужа сегодня вечером. – Я тебя ждала, ужин приготовила. Всё давно уже остыло!

– Я что, с друзьями не могу выпить по пиву! И вообще, когда это я тебе отчёт давал, где и с кем мне ужинать?!

– Ты мне клятву давал: и в горе, и в радости...

– И какое у тебя горе? Ужин остыл?

– Дело не в ужине, а в том, что ты шляешься где-то, а потом от тебя Шанелью воняет! – Людмила взяла высокую ноту и брякнула чем-то хрупким об пол.

– А чем должно вонять – навозом? – уверенно отбивался Пётр.

Мы поняли, что дело дошло до битья посуды, дальше пойдут тумачки, и нам придётся в споре принимать чью-то сторону. Семейный скандал – это такая заразная штука, что легко перекидывается на свидетелей. Поэтому мы развернулись и на цыпочках двинулись к двери, пока не застучали. У нас своих тем для скандала полно, нам чужих не надо.

Вышли на улицу. Чую, от сердца отлегло. Я понял, что просить шубу сегодня жена не будет. А потом мне резко похорошело.

– Я был прав! – торжественно крикнул я в темноту.

– Молчи!

– Я говорил, а ты не верила!

– Молчи!

– Признай, я был прав! – Правота распирала меня.

– Да замолчи ты, наконец, со своей правдой. – Жена шла рядом очень расстроенная. – Кому нужна твоя правда! Мне тошно от этой правды! У меня траур!

– Кто умер?

– Идеальный брак.

– Хорошее дело браком не назовут! – мысль была избитая, но в данной ситуации здравая.

– Хорошо, пусть у них будет брак, тогда у нас с тобой что?

– А у нас с тобой – союз! Если говорить про Образцовых, то у них брак сердец, а если про нас с тобой, то – союз сердец! Чувствуешь разницу?

– А к союзу сердец шуба прилагается? – жена с надеждой посмотрела на меня.

– Фу, какая ты меркантильная. Я тебе о высоком, а ты о шубе, которую моль сожрёт. А союз двух сердец – вечен. Если с тещей не спорить.

– Ты мне сейчас, конечно, не поверишь, но я всегда сомневалась, что у них идеальный брак. По одному только слову – супружница.

Вроде и слово нормальное, но у него это получалось унизительно и с насмешкой.

– Это у тебя сейчас не зависть к шубе говорит? – мне стало смешно.

Вот так всегда – у победы много отцов, а поражение всегда сирота.

На фоне скандала в образцовой семье вечер в нашей семье прошёл идеально, даже тёща не помешала своим суровым молчанием.

Дня через три вечером раздался звонок. Разговор был короткий, я сказал только: «Хорошо».

– Кто звонил? – спросила жена.

– Петя Образцов. Предложил два билета в цирк.

– Какой цирк? Я не видела в городе афиш. Разве к нам кто-нибудь приехал?

– «Цирк с конями» или с клоунами, – сказал я. – Он у нас давно здесь живёт. Завтра даёт представление.

– Яснее можешь?

– Да куда уж яснее... Пётр пригласил на день рождения супружницы. Завтра в шесть, два места в партере.

В гости пришли без опозданий, места заняли подальше от именинницы. Так обзор представления получился лучше.

Первым солировал Пётр. Рассказал, какая у него прекрасная жена: уж и хозяйшка она, и мать замечательная, и супружница ещё лучше. Дальше больше, он опять накладывал лучшие куски жене на тарелку со словами: «Ешь, дорогая, тебе надо много сил, чтобы ухаживать за мужем». Потом целовал в макушку и поглаживал по спине. Гости смотрели на них с завистью, но нас с женой уже не проведёшь – до сих пор в ушах стоял звон разбивающейся посуды и запах Шанели в носу.

Потом выступила Людмила. Эмоционально рассказала, какой Пётр образцовый муж – шубу купил; похвасталась грамотой за передовой труд на передовом производстве (посетовала, что премию не дали). И тоже целовала в макушку и поглаживала по спине. После каждого такого пассажа жена топтала мне левую ногу, а я ей правую.

Домой шли прихрамывая, но настроение было отличным. Действительно, Людмила оказалась хорошей хозяйкой и стол был накрыт потрясающий.

Лев Толстой и сила мысли

– Чтоб ты, зараза, разбогател!

Слова, сказанные в сердцах, имеют свойство сбываться. На это и рассчитывала Наташка, повторяя их как заклинание каждый раз, когда проходила мимо дома Мишки Пупырышева.

Заниматься бизнесом у нас в стране не запрещено. Есть силы открыть кафе с пирожками на вынос – открой. Нет сил и денег потянуть кафе, пеки пирожки дома на кухне и выноси самостоятельно на рынок – торгуй с лотка. Бизнес бывает малый, средний и крупный. У Мишки был вонючий и объёмный. Он не пирожки пёк на кухне, а у «КамАЗов» распредвалы крутил на центральной улице посёлка. Две машины постоянно стояли на ремонте. Гарь от пирожков пекарь нюхает сам, ну, ещё его домочадцы, а гарь от «КамАЗов», которым зимой вечно прогревали двигатель, нюхала вся улица. Но больше всех доставалось Наташке, которая жила через забор справа, и Николаю – соседу Мишки слева.

Первой не выдержала Наташка. Встретив жену Мишки на улице возле дома, она пожаловалась:

– Нельзя так травить соседей. Дышать же невозможно!

– Не хочешь, не дыши! – сказала жена и гордо скрылась за калиткой.

«Надо что-то делать», – подумала Наташка и тут же вспомнила нелюбимого с детства Льва Толстого.

Нет, писатель-то он, конечно, хороший, но в школе его преподавали так, что напрочь отбили всякое желание прочитать четыре тома «Войны и мира». Книгу с тех пор она так и не осилила, но после поездки в Ясную Поляну захотелось узнать о Льве Николаевиче как о человеке. Осталось много воспоминаний о нём, по прочтении которых сложилась ясная картина о том, кто виноват в произошедшей катастрофе 1917 года. Виноват Лев Толстой, который на протя-

жениии всей жизни, с рождением каждого из своих 14 детей, мечтал, чтобы они самостоятельно выносили за собой ночные горшки. А когда графские дети смогут выносить горшки? Только если прислуга взбунтуется. И она взбунтовалась: произошла революция, и графы с графинями, а с ними и бароны с баронессами, и царь с царевнами начали выносить за собой ночные вазы. Вот она – сила мысли! Так одно маленькое, но сильное желание одного великого человека перевернуло жизнь миллионов не только в одной стране, но и во всём мире.

Наташка была не велика и семья Мишки – это тебе не миллионы, но сила в её желании появилась. Она всегда появляется, если из года в год нюхать гарь от прогревающихся «КамАЗов».

И Наташка начала тихонечко, но, настойчиво желать богатства. Не себе – Мишке. Два раза в день, проходя мимо его дома – на работу и с работы, – она как заклинание шептала:

– Чтоб ты разбогател, зараза!

Первоначально в эту фразу входило только процветание бизнеса, но что толку от процветания, если весь Мишкин бизнес стоит под окнами Наташки. Цвести будет Мишкина семья, а Наташка с Николаем – увядать. Она ещё не знала, что свои желания надо формулировать чётче, чтобы не было перекоса и ненужных побочных явлений. И побочные явления не заставили себя ждать.

В один из вечеров, уже совсем в темноте, она возвращалась домой и возле калитки наступила в мазутную лужу своей вчера только купленной правой красивой туфелькой.

– Вот зараза! Да когда ж ты уже разбогатеешь?! – Было темно, и Наташка, надеясь, что на улице никого нет и её никто не видит и не слышит, громко крикнула. Иногда экспрессия в голосе помогает продвинуть исполнение.

– Это ты кого ж так осчастливила? – Колька вышел со своего двора и тоже наступил тапком на солярку, которая по всему тротуару чернела большими и малыми пятнами. – Вот зараза! – чертыхнулся он.

– Да Мишку-паразита. Год уже засыпаю и просыпаюсь с одной мыслью – быстрее бы разбогател и убрался с нашей улицы. Купил бы гараж себе на окраине и там ковырялся в редукторах.

– Так он уже разбогател. Ох и сильно твоё желание! Глянь, сегодня окна пластиковые по всему дому вставляли, а завтра придут новый забор городить. Жена хвасталась. Бизнес, говорит, расширяют. Было два «КамАЗа» в ремонте, а теперь ещё два возьмут. Если так будешь желать, то скоро перед окнами будет стоять автопарк. Надо, чтобы он не просто разбогател, но и расширился далеко за пределами нашего посёлка.

Чертыхаясь, Колька скрылся за калиткой.

– Ты внеси коррективы в своё желание, иначе всей улице хана! – крикнул Колька и скрылся в доме.

Мудрый был совет, но Наташка решила, что главное – желать, а там... где-то там, наверху, разберутся и сделают всё как надо.

Но ничего нельзя бросать на самотёк, особенно мечты. Это она поняла через месяц, когда во дворе Мишки увидела новую машину, а перед своим домом ещё два «КамАЗа» в ремонте. Это было наглядной картиной, что её идея работает, но надо срочно вносить коррективы, как просил Николай, иначе Мишкины дети будут учиться в Гарварде, жена купит вторую шубу, а тёща по путёвке поедет в Эмираты.

И она внесла изменения о расширении Мишкиного бизнеса. Теперь вместо слов «Чтоб ты разбогател, зараза», появилось «Чтоб ты купил гараж, паразит». И ровно через месяц, возвращаясь с работы домой, она увидела, что машин нет, а Мишка собирает по улице разбросанные запчасти.

– Что случилось, сосед? Неужто разорился?

– Не дождётесь! Наоборот, расширяюсь – гараж купил. Теперь там работать буду. – Мишка начал посыпать песком мазутные лужи.

Из калитки вышел Николай. Неожиданно с букетом тюльпанов.

– Ты сегодня что-то задержалась. Час жду! – Он протянул Наташке цветы.

– Жена не против, что всю клумбу оборвал, и не для неё, а для соседки? – она была приятно удивлена. – А какой сегодня праздник?

– А ты догадайся! – Он шагнул на песок, прикрывающий мазутное пятно на тротуаре. – Завтра организуем флешмоб всей улицы – по

букету от каждого дома. Если будет мало, то со всего посёлка. Это ж надо, какой силищи твои желания. Дружба с тобой дорогого стоит! Мишка, от тебя цветов не надо, но ты хоть спасибо Наталье скажи – это она тебе гараж подогнала.

– Оно, конечно, спасибо, но маловат гараж, могла бы и побольше расстараться. – Мишка тоже решил пошутить. – Часть машин всё равно придётся здесь ремонтировать – расширюсь, и все там не встанут.

Шутка шуткой, но ещё через месяц на улице стояли машины, и солнышко радужными лужами весело блестело на солнце.

– Чего опять-то? Гараж продал? – Возвращаясь с работы, Наталья остановилась возле машины, в которой ковырялся Мишка.

– Нет, я ж говорил – расширюсь, а гараж маловат оказался – всего на четыре машины. Остальные ставить негде. Теперь хоть разорвись – и здесь придётся работать, и там.

«Хоть бы ты разорвался! – в сердцах подумала Наташка и сразу же одёрнула себя: – Ой, так нельзя!»

Она вспомнила Иоанна Кронштадтского, у которого наипервейшим врагом был Толстой. И он в сентябре 1908 года в дневнике пожелал смерти Льву Николаевичу, а сам помер в декабре этого же года. А Лев Николаевич после болезни выздоровел и ещё два года прожил в своё удовольствие.

Невозможно сказать: «Чтоб ты убрался отсюда!» Вдруг он возьмёт и уберётся. И неизвестно, что получится. Или переедет, или помрёт. Или сама пострадаешь по примеру Иоанна. Надо что-то кардинально менять в тексте желания. Но – осторожно! Очень осторожно... Так, чтобы все остались живы.

Вечером, глядя из окна на чёрные контуры машин, Наталья начала подсчитывать Мишкино богатство. В чужой карман стыдно заглядывать, но она решила, что он не чужой, раз тоже приложила усилия к увеличению благосостояния соседей. И так, первыми были пластиковые окна, потом забор, затем – «девятку» поменяли на «РЕНО», гараж на четыре машины, шуба жене, тёща по путёвке съездила в Кисловодск – жадный Мишка не оплатил ей Дубай, а мог бы. Впереди был ещё Гарвард для детей. Но Наташка решила, что не занималась дово-

дить их до ума. Хватит им ТГУ, но и это пусть сами стараются. Она – пас!

Время шло, Пупырышевы богатели. Наталья так много усилий потратила на их процветание, что решила отпуск посвятить себе. Она отвлеклась ненадолго, а когда вернулась домой, то поразилась переменам, которые произошли на улице – не было ни «КамАЗов», ни соседей.

Чуя неладное, она пошла к Николаю узнать, куда делся паразит.

– А у него тёща померла, оставила две квартиры в центре города и деньги, которые копила «на смерть». На те деньги можно десять человек похоронить. Так Мишка сказал. И теперь они в новой квартире, а дом продали и расширили бизнес – купили ещё один гараж. Когда переезжал, всем до свидания сказал и спасибо за то, что так долго терпели его. А тебе передал особенно кланяться.

– С чего бы это?! – удивилась Наташка.

– А я рассказал, кто ему помог разбогатеть, и предложил делать тебе отчисления от бизнеса.

– Ну спасибо! – рассмеялась Наташка. – С первого же транша поставлю тебе магарыч за рекламу моих способностей.

На другой день её разбудил ранний звонок в дверь – на пороге стоял Николай.

– Ты, это... прости, что рано, но терпения не хватило. Я тебя и так целый месяц ждал.

– Да что случилось-то? – Наташка начала пугаться.

– Ты это... самое... пожелай мне, чтобы у тёщи сын квартиру купил... а вторым этапом, чтобы она потом к нему жить переехала. И ещё, ты не пугайся, если к тебе Надежда Сергевна и Сергей Семёныч придут. Семёныч хочет в «Спортлото» выиграть, а Надежда Сергевна сама расскажет. У неё женский секрет, мне не доверила. Посодействуй по-соседски.

– Передай им, чтобы вставали в очередь. Сначала я себе мужа пожелаю. Если хотят, пусть ждут. – И Наташка захлопнула дверь.

После визита Николая она ненадолго задумалась: а не открыть ли ей малый бизнес под названием «Сила мысли»? Но передумала. Могут быть издержки с жертвами, а этого она не переживёт. Хватит ей Мишкиной тёщи.

Поганки

Поганки заняли лес. Повылазили изо всех щелей – большие, маленькие, ложные и бледные. Захватили солнечные полянки, бугорки и низинки – расползались по всему лесу, но никто не роптал и не возмущался. Не до них было, своих дел полно – расти, цвести, зреть, радоваться жизни. И только Мудрый Филин предупреждал:

– Не к добру это, братцы, ох, не к добру...

И когда вышел первый поганкин указ – волкам не выть, мышам не шуршать, грибам через раз дышать, – многие посчитали, что их это не касается.

– А какое мне дело до мышей и волков, я всё равно их не слышу, – сказал Глухой Глухарь. С ним согласился Трусливый Заяц, который всегда жил – «как бы чего не вышло». И все продолжили жить, как прежде.

Поганки размножались-укреплялись и объявляли один указ жёстче и наглее предыдущего. Следующим запретили муравьям строить муравейники, паукам плести сеть, птицам петь, гадюкам шипеть.

– Ничего страшного, – сказал Муравей, – мы приспособимся и привыкнем – начнем строить не ввысь, а вниз.

Его поддержала Большая Синица:

– А и правда, к чему уже петь, зима на носу.

С ней согласились и продолжили кушать, размножаться и растить потомство.

Вроде бы жизнь текла как прежде, но никто не шуршал, не строил, не плёл и не пел. Дело дошло до смешного – опёнкам запретили носить юбочки, но уже никто не смеялся. Достали всех, и лес замолчал, затаился. Все сидели в своей норе, дупле, хатке, одним словом – дома, и тихо обсуждали очередной безумный указ, и вспоминали допоганочные времена. Казалось, что и солнце было ярче, и дни длиннее, а ночи короче. Хорошо ведь жили! Песни пели, шуршали, строили. И откуда такая поганая напасть взялась?

В четверг после дождя на последней полянке, не занятой поганками, стихийно собрался совет леса. Только начали советоваться, как

дальше жить, тут же появился новый указ – больше трёх видов и трёх подвидов не собираться.

– Расходимся, друзья! Дело серьёзное. Как бы чего похуже не было... – больше всех волновался Трусливый Заяц.

– А чего хуже-то? Всё давно уже не хорошо, такое позорище – ходить без юбок! – возмущались опёнки. – Мы не подчинимся указу, будем ходить в юбках.

Вдруг послышался стук. Это Дятел стучал на весь лес – опёнки не подчиняются указу!

Ничего не решив, начали расходиться, но тут заговорил Хитрый Лис:

– Я вот что думаю, стоит чуть подождать, не пороть горячку. У них у самих ладу нет. Слышали? Вчера только вышел указ – мухоморам больше трёх пятен на шляпе не носить. Они между собой договориться не могут. Стоит только подождать, и они рассорятся.

– Ты что?! Поганки ссорятся, а у нас шляпки летят! – вскрикнула Розовая Сыроежка.

Общественное мнение разделилось.

И тут кто-то выкрикнул:

– А что скажет Мудрый Филин?

Филин сидел высоко на дубе возле беличьего дупла и внимательно слушал, что скажет лесное братство.

– Если вам интересно моё мнение, друзья, то оно вас не обрадует. – Филин перелетел на ветку пониже, чтобы не повышать голос. Теперь надо быть осторожнее, вдруг поганки услышат. – Я живу долго, много чего повидал, но такой страсти у нас никогда не было. И поверьте мне на слово, своими силами нам не справиться. А предложение моё будет таково – надо просить помощи.

– Если ты говоришь о соседях из леса, что за дальним косогором, то у них точно такая же напасть, им самим нужна подмога. Я была там на прошлой неделе, они стонут от таких же поганок, – сказала Сойка.

– Я не о соседях. Есть тот, без чьей воли нет жизни в лесу, – сказал Мудрый Филин и поднял крыло, указуя в небеса. – Вот он нам поможет.

И все посмотрели ввысь. Там, далеко на небе, белым пушистым облаком жил Тот, Кто Может Помочь. Если его никто не огорчал и он был в хорошем настроении, то это был Дождь. Но стоило ему рассердиться, он превращался в чёрное грозное облако и проливался Ливнем, от которого никому не было спасения – ни правым, ни виноватым.

Сегодня он выглядел белым пушистым облачком. Видно, настроение было отличное, не хотелось его портить, но выхода не было.

– Кого пошлём на переговоры? – спросила Белка, хозяйка дупла, возле которого сидел Мудрый Филин.

Вдруг вместе с солнечными лучами брызнули капельки. Это Дождь дал понять, что слышит всё, что происходит на поляне.

– Не надо никого посылать, – сказал он. – Давно наблюдаю, что-то неладное происходит у вас. Впервые не слышу леса. Никто не шуршит, не жужжит. Сорока на хвосте принесла, что у вас беда.

– Можешь ли ты нам помочь? – спросил Мудрый Филин. – Поганки заняли лес, и нет от них спасения.

– Есть у меня два варианта, но, боюсь, оба вам не понравятся: или всё вымокнет и сгниёт, или всё высохнет и умрёт от жажды. Итог один – никого не останется. Вам выбирать. Но мой вам совет – справляйтесь сами. Так что думайте, ещё есть время, но его осталось мало. Семя поганок растёт.

Белое и пушистое облачко превратилось в чёрную тучу и замерло в ожидании решения жителей леса.

После слов Дождя все разом загалдели, старались перекричать друг друга, но выходила одна колгота и ни у кого не было дельного предложения. И только Трусливый Заяц повторял, как заведённый:

– Надо расходиться! Как бы хуже не было!

Вдруг, в кустах затрещало, все разом притихли. Вот оно! За ними пришли поганки! Но нет, это на полянку вышел Лось.

– Слушал я вас, слушал, и вот какое моё предложение, – Лось оглядел лесное сообщество, – надо их съесть!

Последние слова Лося потонули в криках: кто смеялся, кто возмущался, и только маленькие слизни тихо радовались, сидя на шляпке Розовой Сыроежки. Уж они-то знали вкус в поганках!

– Тихо, тихо! – призвал к порядку Мудрый Филин. – Давайте слушаем и обсудим неожиданное предложение.

– А чего тут обсуждать, – сказала Розовая Сыроежка, стряхнув со своей шляпки Маленького Слизня. – Как только зазеваешься, так они уже на тебе сидят и облизывают, пытаюсь надкусить. Вот пусть теперь едят поганок.

– Они маленькие, – сказал Лось, – толку от них никакого, а вот я могу в день по десятку съесть. – И ты, Лиса, можешь, а Белка пусть запасы делает на три зимы вперёд.

Точку в споре поставила Сова:

– Ну что, братцы, долго тут рассусоливать нечего, каждый постарается, как может. Знаю, это невкусно и сомнительно полезно, но как говорила моя бабушка: «Жить захочешь, и не такое съешь».

Прошло несколько дней. Всё это время Дождь сверху наблюдал за тем, что происходит в лесу. Он то наливался свинцовой тучей, то собирался в перисто-кучевое облако. Его настроение часто менялось в зависимости от событий внизу. А события день ото дня радовали – поганки покидали лес. Кто в виде запасов Белки на зиму, кто с хрустом на зубах Лося, кто под мягкими прикосновениями Маленьких Слизней. Каждый старался, как мог.

Последнюю поганку доел Трусливый Заяц со словами:

– Невкусно, но для общества полезно!

Больше всех победе радовались опёнки, которые опять надели свои короткие юбочки.

Но не обошлось без пострадавших со стороны лесных жителей. Нет, никто не отравился, как если бы вы могли подумать. Досталось на орехи одному Дятлу. Хитрый Лис выдрал ему часть хвоста. А нечего стучать на весь лес!

Юрий РАССТЕГАЕВ

Ссадина

Повесть

– Иван Сидорович, здравствуйте!

– Добрый день.

– С вами говорит директор школы Сторожев. Вы не могли бы приехать?

– Если не секрет, зачем?

– Надо поговорить. О вашем сыне, дело неотложное!

– Мне лучше знать, что можно отложить, а что нельзя. До совещания ещё тридцать минут, так что время есть. Через пять минут у подъезда вас будет ожидать машина. Сможем поговорить у меня в кабинете.

Возражать Николай Петрович не рискнул. Проработавший всю жизнь в местной школе, он знал в районе почти всех. Многие были его учениками. Независимо от занимаемых должностей, они при встрече спешили первыми поприветствовать старого учителя. Лишь властный и важный Фролов, да, пожалуй, председатель райсоюза в ответ на приветствие снисходительно кивали ему в ответ.

Когда директор спустился вниз, чёрная «Волга» уже ожидала у обшарпанных школьных ступеней. Эту машину учителя и учащиеся хорошо знали. Почти каждое утро из блестящей её скорлупы выходил небольшого роста коренастый паренёк и, громко хлопнув дверцей, важно дефилировал в класс. Деревенские кто с завистью, кто с неприязнью наблюдали эту картину уездного барства.

* * *

Геннадий Фролов учился неважно, хотя способностями Бог не обидел. В классе «папиного» сынка не любили, но многие старались снискать его расположение. Петька Фомин, по школьному Фома, ещё в первом классе подметил, что тот не из тех, кто ратует за справедливость и не кичится «знатным» происхождением. Обидеть слабого, унижить, заставить в обмен на подачку сотворить какую-нибудь пакость – такова натура Филина, как дразнили в классе Фролова. Их взаимная неприязнь друг к другу год от года росла, а после случая с учительницей иностранного языка перешла в открытую вражду. В седьмом классе появилась новая «англичанка». Фролов, желая обратить на себя внимание, вытворял на уроке что-то невообразимое. Он превзошёл самого себя, издеваясь как на русском, так и на английском языках. Класс хохотал, урок был сорван.

– Немедленно выйдите из класса!

– Ещё чего, – ухмыльнулся Фролов и наглыми глазами уставился на учителя.

– Я позову директора!

– Хоть сто порций! Ваши действия, уважаемая Лидия Ивановна, антипедагогичны. Современная педагогика исключает из практики методы тирании по отношению к учащимся. Удаление из класса относится именно к таким методам и не может иметь необходимого воспитательного момента. Мой папа, крупный хозяйственный работник, не раз высказывал эту мысль на августовской конференции учителей. Поэтому советую вам...

Докончить свой монолог он не успел. С задней парты, называемой среди школьников «Камчаткой», сорвался Фома и, сжимая от бешенства кулаки, набросился на Фролова. Мальчишки сцепились, а расстрелявшаяся учительница бросилась звать на помощь.

Мать, увидев синяки, хотела заявить в милицию, но Иван Сидорович не позволил.

– Только этого ещё не хватало! Сам заварил кашу, пусть и расхлёбывает! Вот только бить себя по физиономии никому не позволяй, – нравоучительно произнёс он, второпях собираясь на работу.

Утром отец Фомина был приглашён в школу. Директор доходчиво объяснил, какую «фортель» выкинул сын. Тот, имея семь классов и двадцатилетний стаж тракториста, в педагогических приёмах воспитания разбирался не шибко. Поэтому применил давно испытанный дедовский метод – преподавал ремнём урок добропорядочного поведения.

Конфликт, казалось, был локализован. Но многие в классе замечали, что вражда между мальчишками не затухла. Она лишь тлела до поры до времени, как костёр, оставленный на ночь без присмотра. Разгорелся он с новой силой после летних каникул.

Повзрослевшие и вытянувшиеся подростки с трудом узнавали друг друга. Особенно похорошела Алка Мыльникова, невысокая, подвижная, неглупая девчущка. После болезни, когда она заглянула в класс, свободное место оставалось лишь на задней парте. Фомин с неохотой воспринял появление соседки, но возражать не стал. С тех пор и началась между ними дружба. Фролову она явно пришлась не по нраву. Недостатка в поклонницах он не испытывал, но ни с кем подолгу не дружил, устраивая среди претенденток конкуренцию. В борьбе не принимали участие лишь несколько девчонок, в том числе Алка. Именно последнее обстоятельство и раздражало его. И чего она нашла в этом олухе? Ладно, посмотрим, чья возьмёт!

Вечером он как бы случайно встретил её на улице, проводил до дома. Наутро в классе, поздоровавшись, всю перемену рассказывал о поездке на море, стараясь не замечать косых, ревнивых взглядов Фомина. Вскоре тот пригрозил ему:

– Смотри, если не отвяжешься!

– Подумаешь! Ты ещё мне указывать будешь! – ответил он и зашагал, не оборачиваясь, в класс.

Фомин возвращался с дискотеки, когда заметил возле дома троих парней.

– Ты, что ли, Фома будешь? – поинтересовались они.

– Ну, чего надо?

Вместо ответа незнакомцы пустили в ход кулаки.

Очнулся он в больнице. На краю постели примостился молоденький милиционер из инспекции по делам несовершеннолетних. С ним, после драки в школе, Фомин регулярно встречался. Выслушав нотации, которые в ИДН назывались почему-то беседами, расписывался в профилактическом деле, давал обещания вести себя прилично.

– А, старый знакомый! Ну что, очнулся? Кто тебя так разукрасил?

Насмешливый тон сразу отбил охоту к разговору. «Выйду из больницы – сам разберусь», – подумал про себя. Вслух заявил: – Не знаю, темно было. Ничего пояснить не могу.

Почти слово в слово записал лейтенант его ответ и дал расписаться в объяснении.

Спустя три недели, осунувшийся, появился он в классе. Как ни в чём не бывало бросил портфель на парту. О случившемся в школе вскоре проведали. Видно, сам Фролов не удержал язык за зубами, похвастался перед дружками. Ну, а те разнесли новость, как сороки. Пронырливые пацаны разузнали, кто, из какой деревни и по чьему наущению «отдолбил» Фому, и готовились свести счёты. Вся эта «катавасия» дошла до директора. Он не знал, как быть, как предотвратить «ледовое побоище», и не нашёл лучшего, чем спросить совета у Фролова-старшего. С этим и ехал теперь к номенклатурному работнику.

Откровенного разговора у них не получилось. Директор больше молчал, слушал разглагольствования руководителя. Тот разложил ситуацию по полочкам:

– Первое. Об извинении сына перед одноклассником не может быть и речи. Мне встречаться с его родителями также ни к чему. Класс выпускной, и ни о каком переводе в другую школу Геннадия я думать не

намерен. Да и учиться осталось всего несколько месяцев. Как-нибудь всё утрясётся само собой, и преувеличивать здесь не стоит.

– Второе. Ну что за любовь в 15 лет? Её просто не существует. Всё оттого, что голова у молодёжи занята не тем, чем надо.

– Третье. Если над сыном нависла угроза быть избитым, то я вынужден подключить милицию. Пусть разбираются, кто прав, кто виноват. Это их хлеб, они должны его отрабатывать.

– Четвёртое. Вам, как директору, нужно глубже заниматься воспитательным процессом. Выше поднимать дисциплину, а не разводить с каждым сосунком антимионий.

Секретарша доложила, что приглашённые ожидают в приёмной. Николай Петрович заторопился завершить неудавшийся разговор, торопливо засобиравшись:

– Ну, я пойду, пожалуй.

– Всего хорошего, – пожелал хозяин кабинета. – Подумайте над моими мыслями. Держите в курсе дела.

Неспешно шагая по обновлённым, прямым, с новыми домами-коттеджами улицам, Сторожев не переставал удивляться:

– До всего у него руки доходят. Райцентр вон какой «отгрохали», планы по всем показателям выполняем, лучше всех в области коров доим, молодёжь в город бежать перестала. А что же собственный сын? Поговорить по душам, по-доброму, в тетрадку заглянуть, в кино сходить, похвалить или поругать, наконец? Неужели времени не выберет? Ведь совсем чужие они, выходит! Вон как душа зачерствела, совсем отвыкла от отцовских забот: милицию подключаю, её «хлеб». Ну разве так можно? Привыкли у нас заботиться о всех и вообще, в мировом масштабе, как говорится. А о конкретном человеке забываем, даже если это твой собственный сын.

Обида не покидала его. За свою педагогическую практику Николаю Петровичу приходилось иметь дело с людьми различных уровней воспитания, культуры, нравов. Порой даже совсем забытые, неграмотные, непонимающие открывали перед педагогом свою душу, старались понять его мысли, стремления, требования, заботы. А здесь – полный ноль, отсутствие элементарного контакта, патологи-

ческое упрямство. И не бродяга перед ним, не пьяница – человек высокого масштаба, а такое непонимание.

Спал он беспокойно. Утром пригласил к себе Фомина.

– Как твоё самочувствие, Пётр? – мягко спросил он паренька. За этим простым вопросом угадывалась вся тяжесть ответственности, которая лежит на нём за полтысячи школьных сорванцов. Человеческое тепло, исходившее от него, чутко улавливалось настроженным взглядом ученика.

– Я попрошу тебя, Фомин, простить выходку Фролова. Ты знаешь, что я имею в виду. Мне бы очень хотелось, чтобы ваши взаимоотношения не выходили за рамки дозволенного. Я не могу настаивать на этом и только прошу. Тебе решать.

Фомин как должное проглотил горькую пилюлю примирения, прописанную ему старым учителем. Драка не состоялась.

После окончания восьмилетки Пётр Фомин, не мудрствуя лукаво, пошёл по стопам отца и поступил в профтехучилище.

Алка Мыльниковая провалила экзамены в медучилище, но в девятый класс не пошла. Устроилась зарабатывать стаж в местную больницу.

Из всей троицы лишь Фролов продолжал учёбу в школе. Казалось, разошлись в разные стороны их пути-дорожки. Но безжалостный рок, спустя добрый десяток лет, вновь свёл воедино эти три судьбы.

* * *

Учёба Петьке нравилась. Его всегда тянуло к железкам. Два года постигал он азы «тракторной науки». В свободное время с новым дружком, Володькой Евсеевым, собирали мопед, принесённый чуть ли не со свалки. Но от рухляди толку не добились, и он ненужным хламом стоял в сарае, вызывая неудовольствие матери.

Ночной полустанок часто будоражили самоиспечённые рокеры. Очумело носились они по улицам, пугая прохожих. В ребячьих душах этот грохот отзывался величественной симфонией, мелодией

необычной красоты и размаха. Отец замечал, что творится с сыном, но покупку «техники» всё откладывал. В семейном бюджете появлялись всё новые и новые прорехи. Сквозь них, как песок в средневековых часах, утекала Петькина мечта о собственном мотоцикле.

Однажды, после поездки домой, Евсеев отыскал его на машинном дворе и предложил доступный метод решения проблемы.

– У одного чудака, нашего соседа, новая «Ява», – рассказывал он. – Сопрём, перегоним сюда, пусть ищет-свищет! Я всё продумал. Нужна только ножовка по металлу.

Согласиться на явную кражу не хватало духа. Но промчавшаяся мимо с мотоциклетным треском «воробьиная стая» решила исход дела. Поёживаясь от ночного сентябрьского ветерка, друзья сошли с пригородного поезда и незаметно пробрались к гаражу. Обратный путь к посёлку они проделали на мотоцикле.

Через несколько дней неразговорчивый, длинный участковый инспектор забрал их прямо с урока. В отделе всё рассказали без утайки и выдали спрятанный в соломе мотоцикл. За ночную «прогулку» суд отмерил каждому по два года с отсрочкой исполнения приговора. Им любезно предоставлялась возможность исправиться, окончить учёбу.

Почти год не попадали они в поле зрения милиции и, казалось, выдержат испытательный срок. Но, пообвыкнув, забыв про приговор, снова вытащили на свет божий бредовую идею о чужой «Яве». Действие разыгралось по уже знакомому сценарию: кража, неделя блаженства за рулём, милиция, суд. Только на этот раз отделаться лёгким испугом не удалось. С учётом прошлой судимости – три года лишения свободы.

По отбытии половины срока Пётр Фомин вышел на «химию». Направление получил на завод железобетонных изделий. Работал бульдозеристом, экскаваторщиком, электриком. Последнюю специальность получил в зоне. Помимо неё, там же прошёл зековский «всеобуч», из которого твёрдо усвоил многие законы уголовного мира. Меньше чем за два года «учёбы» Фомин из простого и открытого паренька превратился в замкнутого, недоверчивого и знающего себе цену вора.

В чём причина этой метаморфозы? Отчего общество, вооружённое гуманными законами, потеряло в лице Фомина нормального, полноценного гражданина? Почему, перешагнув за зарешеченные ворота зоны ещё неоперившимся птенцом, вышел оттуда хищником, способным пустить в дело когти, клюв, а если понадобится, то и кое-что похлеще? Ответить на этот вопрос нелегко. Так же трудно, как познать человека. Ясно одно – зековская система воспитания оказывается зачастую эффективней нашей бумажно-бюрократической. А потому прочнее притягивает, опутывает и заставляет добрую половину людей, испытывавших её на своей шкуре, вновь возвратиться в лоно преступности.

С рюкзаком и маленьким чемоданчиком появился Фома в посёлке. Из рассказов отца узнал, что Алка Мыльникова вышла замуж за залётного парня, с ним и уехала. Геннадий Фролов учится в сельскохозяйственном институте. Семья его переехала в область, так как отца выдвинули на повышение.

Прожив месяц на родительских харчах, отоспавшись и отдохнув, подался Пётр Фомин к тётке в Нижний Новгород. Там с бухты-баракхты подал документы в индустриально-педагогический техникум и, к немалому удивлению, поступил.

Поселился в общежитии. После первых же занятий учёбу забросил. До полудня отсыпался, затем слонялся по городу, бывал в ресторанах. Ошеломлённый, раздавленный громадой миллионного монстра, непривычный к городской жизни, он беспомощно плыл по течению, не сопротивляясь, не пытаясь прибиться к берегу. Бушующий поток городского бытия вновь вогнал его в русло уголовщины. Нужны были деньги, и «индустриальный педагог» в предновогоднюю ночь отправился на промысел. И на этот раз остался верен своей привычке ездить на «дело» железнодорожным транспортом.

Задержали его на вокзале, где он мирно спал, подложив рюкзак с украденными из магазина вещами под голову.

Лишь через пять лет довелось увидеть ему знакомый сельский пейзаж. Устроился в местное ПМК токарем.

* * *

Из сельскохозяйственного института Геннадия Фролова выгнали. Проучившись, ни шатко ни валко, три курса, он «срезался» на весенней сессии. Вместо изучения животноводства, методов защиты растений, сельхозтехники, он дегустировал прохладное пиво на местном пляже, загорал, дремал, подложив под голову конспекты и учебники. Компания любителей «костра и солнца» устраивала его куда больше, чем сокурсники. Возвращаясь в общежитие после дневных походов, он встречал недоумённые взгляды: мыслимое ли дело развлекаться, когда на носу экзамены! Под влиянием общей атмосферы пытался заставить себя засесть за учёбу. Но от выпитого голова «варилась» слабо и не усваивала даже элементарного минимума, который требовался для сдачи предмета на «государственную».

Репутация его на факультете была подорвана не только из-за плохой учёбы. Ещё на первом курсе произошёл скандал, наделавший много шума. У него был «роман» со студенткой агрономического факультета, и окончился он весьма банально. Доверчивая «флора» была вынуждена оставить учёбу и уехать к родителям. Поговаривали, что вскоре у неё родился ребёнок. Это обстоятельство несколько не смутило Фролова. Вакантное место в его душе постоянно было занято очередными поклонницами, и весёлая жизнь молодого повесы продолжалась. Институтские власти до поры до времени на его шалости смотрели «сквозь пальцы». Удержаться на плаву во многом помогал авторитет отца. Но терпению приходит конец. Когда в экзаменационной ведомости запестрели многочисленные двойки – появился повод указать ему на дверь.

Два года после института бывший студент изучал премудрости военного дела. После армии вернулся под родительское крыло. Устроился на завод слесарем-сантехником. Работа удовольствия не приносила, приходилось вкалывать. Заработки не ахти, на весёлую жизнь не хватало, и он не раз вспоминал прошлые похождения.

С отцом отношения становились день ото дня натянутее. Почти всё внимание в семье уделялось младшему брату, вызывая в нём озло-

бленность и раздражение. Дома давили стены. Чувство неуютa, скованности угнетало. Часто, сбросив с себя бремя производственной и домашней зависимости, Геннадий уезжал в родной посёлок. Здесь для него было раздолье. С особым шиком щеголял он перед приятелями модной одеждой, незнакомыми оборотами речи. Слушались его – как папуасы Миклухо-Маклая. После выпивок всем «племенем» хулиганили в пригородных поездах, посёлке. В компании имелись «свойские» девочки. Местные жители с возмущением и опаской созерцали проделки, обращались в милицию. Но Фролов благополучно избегал встречи с блюстителями порядка.

Однажды оперуполномоченный заприметил его в доме у подруги. Недолго думая, возмутитель спокойствия спрятался в холодильник. Кому придёт в голову искать человека в этом агрегате? За бутылкой он хвастался перед «корешами», как околпачил «мента», а после его ухода почти час отогревался с помощью водки, чая и постели. В другой раз он ловко улизнул после потасовки в поезде. Раздвинув ножом двери секции, он выпрыгнул на ходу. Оперативникам этот манёвр не удался, и они беспомощно провожали взглядом белобрысую низкорослую фигурку, посылающую в их адрес замысловатые ругательства.

Алла Мыльникова вернулась в посёлок одна. Поселилась в общежитии, устроилась на работу всё в ту же больницу. Случайно столкнулась на улице с Фроловым. Разговорились, вспомнили школьные годы. Как-то незаметно сблизились, и он стал частым гостем в её маленькой комнатенке. Затем прописался постоянно.

Но, тем не менее, своей разухабистой жизни не оставил. По-прежнему на первом месте у него были пьянка, драки и прочие «развлечения». В очередной раз пришлось убедиться Алле, что жизнь – штука непростая и запутанная. Кто бы мог подумать, что всего несколько лет назад обрюзгший от попоек сожитель был тайной мечтой многих школьных кокеток? Урезонить его она не пыталась, отлично понимая, что не сможет этого сделать. Сознывая, что их совместная жизнь вот-вот завершится, всё же не торопила развязку. И, тем не менее, она вскоре наступила.

Поздним майским вечером в гости заявился Валерка Истомин, школьный товарищ. Накрыли на стол, разжились самогонкой. Около часа ночи пошли его провожать. По дороге гость совсем охмелел и жаловался на неудачи на любовном фронте.

– Зря ты церемонишься, – советовал Фролов. – Сейчас пойдём к ней домой и выясним что и как.

– Давайте завтра, поздно уже, – попыталась возразить Алла.

– Твоё дело – молчать, – цыкнул на неё.

Подошли к дому. Истомин застучал в дверь ногами, спьяну бормоча бессвязные ругательства. В доме проснулись, зажгли свет.

– Вам кого? – слышался женский голос.

– Позовите Нельку, – потребовал ухажёр.

– Её нет, приходите завтра.

– Никаких завтра, – поддержал дружка Фролов. – Сейчас войдём и разберёмся! Садани посильнее!

От удара дверь с грохотом вывалилась из коробки. Три женщины испуганно уставились на непрошенных гостей. К подолу одной из них испуганно прижимался мальчонка лет семи.

– Выходи, разговор есть, – приказал Фролов.

– Ещё чего! – старуха загородила внучку немощным телом. Тот пнул её ногой и повторил приказание.

Под предлогом переодеться девушка вошла в горницу, разбила стекло и выпрыгнула в палисадник.

– Сбежала, тварь! – в один голос воскликнули друзья и, прихватив с собой упирающегося пацана, вышли на улицу. В сенях один из них наотмашь ударил мать кулаком в голову.

Более двух часов, чертыхаясь и матерясь, искали они беглянку. Наутро наступило похмелье. Приговор суда отправил каждого из них на год в места «не столь отдалённые». К этому времени Фролов, по заключению врачей, уже страдал алкоголизмом и токсикоманией.

* * *

Алла укладывала спать малышку, когда Геннадий Фролов появился на пороге. О рождении дочери он узнал несколько месяцев назад. Сожительница писала в зону, что девочка – «копия папа», но ему не верилось, что где-то есть маленький человек, продолжение его жизни на земле. Не мог он и не хотел увидеть в этом извечный смысл жизни. И даже сейчас, когда реально ощущал присутствие ребёнка, ничто не взволновало его, не заставило ощутить теплоту, чувство гордости, ответственности за его судьбу. Сюда привела его больше привычка, простая привязанность, боязнь одним махом разорвать прежние отношения. Но он осознавал, что вскоре сделает это без сожаления.

Всего неделю погулял он с друзьями и вновь «заварил кашу». Суд признал его организатором драки и, несмотря на то, что сам зачинщик получил «ножа в бок», приговорил к двум годам лишения свободы в колонии строгого режима. Мыльниковой не нужно было объяснять, что драка произошла из-за его несносного характера и придирок.

* * *

Многочисленные жалобы на несправедливость приговора положительных результатов не дали. Фролов не оставлял надежды выйти «на химию», но специальная комиссия отказала ему и в этом. Слишком уж много отрицательного содержалось в его характеристиках.

Наиболее тесно сошёлся Филин с Александром Сергеевым по кличке Коробейник. Отпетый уголовник, имевший за плечами четыре судимости, имел непосредственное отношение к верхушке воровского мира. Срок длиной в два с половиной года он «тянул» за доставку за колючую проволоку запрещённых посылок.

С родными Геннадий виделся нечасто. Всего два раза навещал его брат, столько же встречался с матерью. Отец «закусил удила» и не появлялся.

Но вконец его добило письмо сожительницы, где вполне откровенно и честно сообщалось, чтобы он не рассчитывал на их дальней-

шую совместимую жизнь. Здесь же называлась фамилия человека, с кем решила связать судьбу. Фролов дёрнулся, как от удара, и беспомощно опустился на кровать. Спустя минуту гнев, душивший его, выплеснулся наружу.

– Снова Петька Фомин! Вновь всплыл на моём пути! Ну, погодите! Только выйду на свободу – разберусь и с Алкой-стервой, и с Фомой! Попляшете у меня, как воши на гребешке!

– Чудак, – успокаивал его Коробейник. – Жизнь есть жизнь. Смотри на неё проще. Что мы, тебе бабу не найдём? И с остальным разберёмся, я тебе обещаю, в обиду не дам!

Освободился Фролов в конце зимы. Робкое наступление весны угадывалось в ярком, припекающем солнце, бойком гомоне воробьёв, мокром снежном месиве под ногами. Сергеев, «откинувшийся» тремя неделями раньше, ожидал на улице. Не теряя времени на разговоры, отметили важное событие и прямо из кафе отправились на вокзал. Спустя два часа пригородная «керосинка» остановилась у знакомого полустанка.

* * *

Начальник милиции Невзоров только что вернулся со службы. Звонок застал его на кухне.

– Иван Иванович! – докладывал дежурный по отделу. – Сгорел дом, на пепелище обнаружены два трупа. Есть предположение, что уснули и сгорели по пьянке. Выслали на место происшествия опергруппу.

– Хорошо, держите меня в курсе дела, мало ли какая ситуация может быть.

Он положил трубку телефона и вернулся к прерванной трапезе. Смутное чувство тревоги не покидало его. Когда вновь раздалась мелодичная трель, он был почти уверен, что произошло что-то серьёзное.

– Товарищ майор! Передают с пожара: в погребе обнаружили третьего мертвеца с огнестрельными ранами.

«Интуиция меня не обманула», – подумал с волнением Невзоров. Затем спокойным и уверенным голосом приказал:

– Я выезжаю на место преступления. Объявите сбор личного состава. Сообщите в управление внутренних дел.

То, что предстало перед его глазами, не оставляло сомнения в том, что вся троица была расстреляна. Двух из убитых опознали. Один – хозяин дома, местный пьяница Савватеев. Второй – Геннадий Фролов, неудавшийся студент, известная милиции личность. Кто же третий? На этот вопрос местные оперативники ответить не смогли. Надеялись на помощь областных коллег, которые уже выехали.

Сообща наметили план действий по раскрытию преступления. Не откладывая на утро, решили провести подворный обход, расспросить соседей. Затем начать «отработку» поселковых «корешей» Фролова. По второй версии целесообразно потянуть за ниточку, ведущую к Алле Мыльниковой и её новому сожителю Петру Фомину.

К утру появились первые результаты, но утешительного в них было мало. Очевидцев выявить не удалось. Кроме пожара, соседи ничего не видели и не слышали.

Установили личность третьего покойника. Им оказался Александр Сергеев, по кличке Коробейник, отбывавший наказание вместе с Фроловым. Кое-что начало проясняться.

Фома вёл себя уверенно и спокойно. На вопросы отвечал не спеша, обдуманно. Именно его чересчур складные речи чем-то настораживали опытного прокурорского работника, ведущего допрос, и не позволяли в полной мере поверить в их искренность.

– На пожар прибежал вместе с женой, как только услышал крики соседей. К случившемуся никакого отношения не имею. И вообще, полгода назад, как встретил Аллу, «завязал» окончательно. И обжалованью не подлежит, – сострил он. – Работаю честь по чести, мной довольны, заработки хорошие. Не жизнь, а малина. Не подумайте, товарищ следователь, что воровская.

– А что за ссадина у вас на лице?

– Так, пустяки, мелочь. Дрова рубил, щепка отскочила, вот и саднит. Хорошо хоть глаз цел.

- Геннадия Фролова знаете?
- В школе вместе учились.
- Когда видели его в последний раз?

Этот вопрос, которого он ждал и боялся, заставил его задуматься: «Значит, всё-таки нашли его в погребё! Вот чёрт, надо бы и его с остальными в доме оставить, авось обгорел бы и не узнали! Что теперь? Как ответить?»

Фомин не без основания полагал, что соседи по общежитию могли видеть, как вчера ночью Фролов вместе с дружками приходил выяснять отношения. Установить это для следствия было лишь делом времени. И тогда потянется ниточка...

На пороге кабинета появился милиционер.

- Товарищ следователь, можно вас на минуточку?

Тот недовольно поморщился и молча вышел.

- Что ж ты мешаешь допрос вести? – отчитал он сержанта.

– Виноват, но вот, просили срочно передать, а ждать, сами понимаете... – Он протянул небольшой бумажный пакет, в котором лежал детский барабанный пистолет, похожий на «Смит и Вессон», и самодельная точёная латунная гильза под «резнаган».

- Где нашли это?

– Сделали обыск на работе, в ПМК. Лежали в верстаке вместе с инструментами.

Фомин, оставшись один на один с самим собой, не знал, как поступить: рассказать всё без утайки или, вопреки всему, отрицать любые факты? Вернулся следователь и положил на стол свёрток.

– Ну, что надумали? – спросил он и проницательно взглянул на допрашиваемого. Тот угрюмо молчал.

- Может, объясните, для чего вам эти игрушки?

И он разложил содержимое пакета на столе.

ПМКовский токарь понял, что против улик не попрётся. Но и так сразу, не обдумав положение, признаваться не хотелось. Он попросил принести ему в камеру бумагу и авторучку и не спеша, обдумывая каждое слово, написал явку с повинной.

Изучив исповедь, следователь заполнил бланк о задержании Петра Фомина по подозрению в совершении преступления. Мыльникова сожителя так и не дождалась.

* * *

Было около одиннадцати ночи, когда изрядно подвыпившие Филин и Коробейник ввалились в общежитие.

– Нам надо поговорить, – ухмыльнулся он и потащил бывшую сожительницу за руку из коридора в умывальник.

– Ты прекрасно понимаешь, что произошло. О чём нам с тобой после этого говорить? Вот уже три года, как мы чужие.

– У нас ребёнок. Я его отец и имею право на воспитание. Будем жить вместе, а эта сволочь, – кивнул в сторону Фомина, – пусть убирается, откуда пришёл.

– Лучше уйти тебе!

– Ещё чего! Ты меня знаешь! Я не пощажу никого из вас! Так что хорошенько подумай и передай мои пожелания своему «хахалу». Даю обоим срок до завтра.

Нетвёрдой походкой он направился к стоящим в коридоре мужчинам. Алла, размазывая по щекам слёзы, боязливо шла сзади. Сергеев, приставив к животу Фомы выкидной нож, ласковым, с издёвкой голосом завершил разговор: – Вот что, дружище! Советую убираться подобру-поздорову! Иначе всё решится просто: тебя «пришьём», а она, – кивнул он на женщину, – никуда не денется.

Фомин молчал, беспомощно, до боли стиснув кулаки. Такую ситуацию он предвидел заранее и второй день носил с собой собственноручно изготовленный семизарядный автомат. Вот только не ожидал, что у них хватит наглости явиться для разборок прямо домой. Оружие бесполезной тяжестью висело за поясом, и о том, чтобы прибегнуть к его помощи, не могло быть и речи. За тонкими стенами спали люди. И он решил выиграть время.

– Что я должен сделать? – как бы заискивая, спросил он.

– Повторяю: убирайся ко всем чертям. Это первое. Второе – за тобой должок. Об этом поговорим завтра утром. Приходи к Савватееву. И чтоб без фокусов!

Задевая ногами утварь, спотыкаясь и матерясь, друзья выбрались из общежитского плена. На дочь, которая мирно посапывала в кровати, заботливый папаша взглянуть не удосужился.

Утром Фомин мрачнее тучи появился на работе. Включил для отмастки станок и невидящими глазами бессмысленно уставился на вращающийся шпиндель. Работа не клеилась. Перед самым обедом он переоделся, засунул за пояс оружие и направился к дому, где жил Савватеев.

Здесь его поджидали всё те же полупьяные личности. Фролов, верный своей манере, начал с придинок:

– Ну, что скажешь?

– Что говорить, когда и так все яснее ясного.

– Так тебе нечего сказать? Зачем тогда явился?

– Сами звали.

– Когда? Чтобы я тебя звал? Не много ли чести? Может, скажешь ещё, что упрашивал тебя на коленях?

– Нет, зачем же...

– Ну и вали отсюда. Незванный гость – хуже татарина.

Фомин повернулся, чтобы уйти.

– Постой, вопрос есть, – остановил его Сергеев. – Ты сколько «ходок» сделал, кажется, три?

– Ну.

– А сколько денег в общак «отстегнул»?

Фома замялся.

– Что ж ты, падла, «жмёшь копейку» для своего же брата? Может, пощекотать тебя немного, чтобы ты образумился?

Сергеев и Фролов с двух сторон подошли вплотную и, играя ножами, заставили гостя попятиться к двери.

– Да ты никак трусил, – обидно ухмыльнулся Фролов. – Ладно, пока живи! А сейчас неси деньги!

– Я хотел поговорить с тобой, как быть дальше, – проглотив обиду, проговорил Фомин. – Ведь ни Алла, ни дочка тебе не нужны! Ты для них человек чужой. Испортишь жизнь всем и себе в том числе.

– Это уж не твоё дело. Об этом у нас с тобой вскорости будет разговор особый.

Испытывая подавленность, чувство душевного дискомфорта, злости на самого себя за «бесхребетное» поведение, он брёл в общезнание. Живо припомнились школьные стычки с Фроловым, издевательства, которые терпел от него. Вспомнил и разговор с директором школы, его просьбу о взаимоотношениях «в рамках дозволенного». Где они, эти рамки? Как их определить теперь, когда рушилась семья, а его жизнь не стоит и ломаного гроша?

Еда не лезла в глотку. Выпив стакан водки, отправился на работу. Тревога не проходила, всё более нарастала и множилась. Он полагал, что независимо от того, принесёт он деньги или нет, уйдёт или останется, в покое его не оставят. Таковы неумолимые законы уголовного мира. Кто-кто, а уж он изучил их основательно. Эта мысль, многократно умноженная возбуждённым сознанием, отчётливо и навязчиво крутилась в мозгу. Долго обдумывал он сложившуюся ситуацию и наконец решился.

Спустя час Фомин вновь стучался в знакомую дверь. Засов отодвинул очумело-хмельной Савватеев. Фролов, прикрыв колени полшубком, сидел на кровати. Под овчиной опытный глаз Фомы заметил торчащий ствол. Не раздумывая, молча выхватил автомат и прицелился в смертного врага. Фролов успел привстать и нанести укороченный ствол обреза на грудь вошедшего. Два выстрела, слившись в один, разорвали тишину дня. Как подкошенный, рухнул на пол Савватеев, не успев понять, что произошло. Выстрел Фролова, сделанный нетвёрдой рукой, сразил его наповал. Раненый Фролов повалился на кровать. Подскочив к нему, Фома несколько раз ударил автоматом по голове. Вытащив из ослабевших пальцев обрез, для верности выстрелил в распластанное тело. Труп столкнул в погреб, лаз завалил стульями.

В соседней комнате храпел мертвецки пьяный Коробейник. Даже выстрелы не потревожили его безмятежного почивания. Его постигла участь друзей.

Положив безжизненное тело хозяина дома на кровать, Фомин незаметно вышел за порог, заперев дверь на ключ.

Его отсутствия на работе никто не заметил. После смены, когда стемнело, выбросил в сливной колодец автомат, налил канистру бензина и, завернув в штору, заторопился к месту преступления...

Зарево от пожара было видно издалека. Народ со всех концов посёлка сбежался на его кровавое мерцание. Пётр Фомин вместе с другими наблюдал за царившей суетой, помогая тушить пламя. Вряд ли кто догадался, что это он – виновник ночного переполоха. Лишь одна деталь говорила о его причастности к совершившемуся – маленькая ссадина от лопнувшего при взрыве бензина оконного стекла. В суматохе никто не обратил на эту улику никакого внимания. Никто, кроме следователя.

Вскоре выловили из проруби двадцатилитровую ёмкость для бензина и штору. Концы в воду спрятать не удалось.

На приём к следователю прокуратуры пришла сожительница обвиняемого Алла Мыльникова. Она высказала настоятельную просьбу официально зарегистрировать её брак с Петром Фоминым. Такая возможность им была предоставлена.

В ходе следствия, длившегося не один месяц, по крупицам выяснялись все обстоятельства произошедшей трагедии. Шаг за шагом прослеживалась та роль, которую причастные к ней лица играли до самого последнего момента. Выяснились причины падения вниз, в засасывающее болото уголовщины обыкновенных мальчишек, бывших школьников, а теперь – уголовников со стажем. Суд поставил последнюю точку, приговорив Петра Фомина к длительному сроку тюремного заключения.

* * *

Повествование основано на подлинных событиях. Герои не придуманы автором, а взяты из реальной жизни. Изменены только их имена и фамилии. Не указано также и место действия. Поэтому правы будут те читатели, которые в персонажах узнают своих знакомых или друзей. Но также правы окажутся и те, кто найдёт в описанной истории некоторые отступления от реальной действительности. Таковы приёмы писательского творчества.

Александра МИХАЙЛОВА

Пальто

Новелла по мотивам повести Н.В. Гоголя «Шинель»

В одной скромной детской библиотеке, каких много не только в огромной России, но даже в любом более-менее значимом её городке, а потому представление о них имеет и самый задиристый мальчишка, для которого усидеть за книгой пять минут – сущая мука, в самой типичной такой библиотеке работала Евгения Евгеньевна. Звали её, правда, Гень Генна, потому что произносить полное имя так сходу не получалось, тем более у детей. Казалось бы, сочетание имени-отчества складывалось в насмешливое прозвище – Гиена, но при виде этого полупрозрачного благовоспитанного существа с полным отсутствием норова ни у кого язык не поворачивался для колкости. Коллеги могли разве что подтрунить над мягкостью и до неправдоподобности светлым взглядом на мир.

Евгения Евгеньевна любила свою работу искренне. Как выпустилась из института, так и пришла на это место. Там было всё, что ей нужно: книги и дети. За пределами библиотеки этих радостей не доставало в её жизни: ни ребят, ни полок с солидными томами. Её оди-

ночество в старом родительском полудомке – так она называла свои полдома – скрашивала только кошка, очень привязанная к хозяйке.

Книги были для неё роскошью. Но, само собой, не потому что она ставила их превыше золота за возможность путешествовать по разным странам, по волшебным мирам и проживать сотни жизней с персонажами, а потому, что год от года росли цены. Увы, не из-за спроса на рынке и не из-за повышения оплаты труда работников типографий – из-за удорожания сырья. Всему виной считались общие беды: эпидемия, миграция, войны. Евгения Евгеньевна со временем стала замечать, как вообще может позволить себе всё меньше и меньше. Часть продуктов заменила хлебом, даже чуть поправилась – никто бы не сказал, что с питанием туговато. Мыло-порошки приспособилась покупать по скидочным дням. В сетевых магазинах расплачивалась обязательно наличными: в этом случае сумма с цифрами после запятой округлялась в пользу покупателя. Выкладывала на кассе купюры и монеты, мысленно похихикивая: ага, 90 копеек всё-таки при мне. А в автобусе, наоборот, пользовалась пластиковой картой – по ней проезд выходил дешевле. Крохоборство мало-помалу проникало в повадки, грозя перерасти в болезненную скупость. Зимой приходилось тяжелее: сэкономила на мясе, молоке, любимых конфетах, но не могла отказать себе в тепле, потому квитанции за газ приходили внушительные. Лето позволяло вздохнуть: солнышко грело бесплатно, да и огород становился подспорьем. Внешняя, с позволения сказать, политика велась осторожно. Путешествовать Евгения Евгеньевна могла себе позволить только в деревню к тётке. Подарками с родственниками и друзьями обменивалась неравноценными. Впрочем, те снисходили к её положению, иногда сочувствуя, иногда убеждая подыскать доходное место.

Такие мысли впрямь искушали её, когда тощал кошелёк. Но могла ли она променять на плоское благополучие этот уютный мирок, где ещё оставались для её утончённой души проблески прекрасного; могла ли предать детей, без передышки набивающих память знаниями и часто оставленных без элементарной тёплой беседы со взрослым? Нет, она называла библиотеку библиаптекой, потому что

в ней удавалось лечить душевные травмы и среди тишины приводить в порядок мысли.

И Евгения Евгеньевна продолжала тянуться, как балерина на пуантах, обеспечивая свой сегодняшний день и стараясь не думать о дамокловом мече из будущего. И всё-таки имея его в виду, она клала сэкономленную на скидках мелочь в банку-копилку, которая за два года стала довольно-таки увесистой.

Евгения Евгеньевна терпеть не могла общественные мероприятия, терялась на них, испытывала муку, точно стояла на сцене под пристальными взглядами из тёмного зала. Но теперь даже радовалась, когда праздновали чей-нибудь день рождения или отмечали важную дату. В таких случаях обязательно выставлялись лакомые блюда. Хоть за чужим столом могла она отъестся. Большой воли стоило заставить себя брать не больше других, чтоб не опозориться, как тот, из поговорки, дурак на поминках.

Как-то проводили сборы на подарки бойцам. Почти год шла специальная военная операция: наши войска помогли отстаивать Донбасс. Гуманитарная помощь была лучшим способом показать солдатам на передовой, что о них заботится народ. Библиотекари без долгих обсуждений сошлись на том, что каждый отчислит однодневный заработок. Евгения Евгеньевна, высчитав, сколько это будет, против обыкновения, едва не взвыла. Когда она отказалась вносить свой вклад, на неё посмотрели чуть ли не как на предательницу. Чего бы им не удивляться: у одной муж богатый, и она среди бюджетников лишь для того, чтоб быть при деле, другой деньжат подбрасывают мать с отцом, у третьей семья большая – вместе-то легче держаться на плаву, четвёртая хватается за подработки, а большинство сотрудников тут вовсе временно. Евгении Евгеньевне никакой из этих вариантов не подходил. Выйти замуж вовремя не довелось: тяжело один за другим болели родители, и юные годы благодарная дочь посвятила уходу за ними. А уж теперь рассчитывать было не на кого: её свободные ровесники заглядывались на молоденьких и порой имели у них успех, со старшими у неё самой не много было общего, да и через пять-десять лет битый небитого повезёт. Погонись она за дополнительным заработком – главному не смо-

жет уделить должного внимания. Тем более что всякое ответственное дело в библиотеке поручали ей. Так и пришлось, нагнув голову, пояснить: мол, она не против попотчевать братушек, и даже со всем радушием, но для неё назначенная сумма слишком большая, вот если бы её сократить хоть разика в три. Коллеги хоть и думали о ней: одна голова не бедна, согласились на уступку.

Иной раз Евгению Евгеньевну терзала совесть: никому-то она не благодетельница, так и пропадает, считая копейки, без добрых дел, которыми когда-то мечтала украсить этот мир. Эгоистка. Ну и пусть – поднималось иногда негодование, пусть эгоистка! Ведь работает же она, со всем старанием работает, не милостыни просит. Что ж бы ей за свои труды не обеспечить себе комфорт?

Утешалась тем, что любые испытания временны. Главное сейчас – перебиться. А потом... А что потом? Ради чего ей надо выстаивать? Что могла она дать большому привередливому миру, равнодушно поглощающему и не такие таланты? Так существуют кораллы, которые ловят планктон, растут и не знают, для чего они. Впрочем, таила она одну мечту – написать книгу, соткав её из историй, рассказанных школьниками. Когда-нибудь она обязательно сядет за письменный стол – лишь придут время и вдохновение. А может, созреет в уме что-то более серьёзное, трагическое...

В начале зимы Евгению Евгеньевну опечалил казус. Старое затёртое пальто, которое она уж и так подумывала заменить, да всё тянула за неимением средств, пришло в совершенную негодность: порвался рукав. Конечно, его можно было подлатать, но о внешнем виде Евгения Евгеньевна пока ещё заботилась. Женский коллектив высоко ценил опрятность, да не только в том дело – для читателей она была лицом культуры.

Начала копить. В мелочной банке поднабралось, с зарплаты десятую долю откладывала, полагалась премия к Новому году. Экономить стала жёстче, до того, что чайные пакетики использовала по два раза.

Всё сошло бы гладко, если бы перед праздниками не случился на кухне потоп, не заболела кошка, а следом сама Евгения Евгеньевна, и не пришлось бы выложить внушительную сумму за кран и лекар-

ства – помимо тех, что принимала регулярно. Из-за форс-мажора она отстала от зарплатного графика. Буксовала долго. Но для пальто стоически держала кубышку, и если запускала в неё руку, то считала, что берёт в долг, и потом аккуратно его гасила.

И вот однажды, дождавшись конца сезона, когда начиналась распродажа зимней одежды, Евгения Евгеньевна отправилась на рынок – выбирать. Это не было ей в удовольствие, даже наоборот. Курсирование по торговым точкам в очередной раз напоминало ей о праве приобрести не то, что хочется, а что по карману. И так, думала она о самом скромном варианте. Но вдруг из закров павильона, где она уже успела померить три вещицы, к ней вынесли такое пальто, перед которым остальные померкли. Надев его, она прямо-таки преобразилась.

– Как вам идёт! – воскликнула хозяйка павильона, любуясь, как мастер на своё творение. – И стройнит, и молодит. И смотрится богато.

– Да... качество сразу видно.

– На натуральном гагачьем пуху. А ткань какая крепкая, подкладка. С теми, конечно, не сравнить, – презрительно сморщившись, махнула рукой.

Евгения Евгеньевна покрутилась перед зеркалом. Пуховик приятного бутылочного цвета сидел на ней как влитой. мех песцовой опушки, выкрашенной в тот же тон, колыхался в такт движениям. В самом деле хорошо!

– А без воротника нельзя? – Евгения Евгеньевна понимала, что задаёт глупый вопрос, но вдруг... Как-то она сникла, прикинув, насколько натуральный мех увеличивает стоимость.

– Он в комплекте, – терпеливо, но сквозь зубы ответила продавщица.

Евгения Евгеньевна, медленно снимая пальто, решалась. Если уж покупать, убеждала себя, то добротную вещь, которая лет десять послужит, а то и дольше.

– Сколько, вы говорите, стоит? – переспросила вкрадчиво, надеясь выторговать хоть крупницу. И стыдно было, ведь человек работал

с этой вещью. Да как же не попытать удачу, когда у самой каждый рубль на счету?

– Ну, оно и так со скидкой. Ладно, ещё рублей двести уступлю.

– Спасибо. Очень признательна!

– Поверьте, вы берёте отличную вещь. Не пожалеете!

И рассталась Евгения Евгеньевна с суммой вдвое большей предполагаемой.

Набором – шапка, шарф, перчатки – пришлось довольствоваться старым. Но не беда – обновить их можно будет в следующем сезоне.

А пока Евгения Евгеньевна красовалась в обновке. Когда шла в ней по улице, чувствовала себя леди, глаза сияли, и порой на ходу расплывалась неукротимая улыбка. На работе пуховик заметили, похвалили. Гардеробщица сказала, что такого красивого пальто ей ещё не доводилось вешать на крючок, однако ж спустя неделю и она перестала замечать его прелесть. Да что счастливой владелице его красота – важнее прочность.

В самом деле, не было бы ему сносу... Если бы не одно печальное обстоятельство. Вечером, возвращаясь с работы, Евгения Евгеньевна кинула: «Здравствуйте!» – соседу, который чистил снег, громыхая по ледяному подслоннику, а потому ничего не расслышал. Повторила приветствие громче, и тут наскочила молодая овчарка. Евгения Евгеньевна успела увидеть только разверстую пасть со шпильми клыков. Защищаясь, закрыла лицо руками и, растеряв сумки, упала. Пёс ухватился за рукав и с остервенением вырвал клочок. Озверев от своего успеха, принялся драть песка и царапать по спине мощными когтями. Вереща что есть мочи, Евгения Евгеньевна свернулась калачиком. В объявшем ужасе она различала единственную свою мысль – не о смертельной опасности, а о том, что пальто пропало. Сам подоспевший хозяин едва смог отбить жертву, да и то размахивая лопатой.

– Жива? – отдышавшись, спросил он. – Не знаю, что на него нашло. Спокойная вроде собака.

Сосед заглянул в лицо пострадавшей и, ловя её взгляд, попытался оправдать питомца:

– Наверно, подумал, вы на меня кричите, вот и кинулся защищать.

Евгения Евгеньевна машинально, неторопливо, словно ещё не веря в случившееся, оглядела себя. Нарядная опушка, располовиненная, свисала по плечам, из рукава сыпался пух, сбоку зияли рваные дыры. Сзади – она понимала, что увидит лохмотья.

Соседу стало совсем не по себе: небось потребует возмещения убытка. Но Евгения Евгеньевна только и проронила:

– Жили мы бедно, и нас обокрали.

Кое-как встала, подняла сумки. Горько усмехнулась и поплелась во-свояси.

Наутро она не вышла на работу: слегла с высокой температурой.

Сосед

Новелла

Лидия Ивановна заметила, что в зиму по соседству кто-то поселился. Любое движение за забором привлекало её внимание, поскольку та усадьба пустовала не один год. Хозяева зацепились за Москву, но с родным городом порывать не спешили: съёмная квартира – как кредит, займы и на время, а свой дом – всё равно что капитал, опора. Стоял он себе да стоял. Знакомые, которым поручили за ним присматривать, наведывались изредка и по очереди.

А тут уже другой месяц попадался на глаза один и тот же мужчина. В неизменных куртке и шапке, между прочим, легковатых для морозной поры. Лидия Ивановна ни разу не видела его лица. По плотной осевшей фигуре только и заключила: годам к семидесяти – почти ровесник. Сосед обычно курил во дворе, стоя в углу, где сходились стена дома и ворота. Почему не смотрел по сторонам, Лидии Ивановне было невдомёк. Она даже не знала, выходил ли он хотя бы в магазин.

– Странный, – только пожимала плечами.

Лидию Ивановну, обстоятельную женщину, ведущую размеренную и предсказуемую жизнь пенсионерки, это беспокоило. По ней, молчание сулило разразиться какой-нибудь неожиданностью. В тихом омуте, известно... Строила предположения, одно другого забористее. Кварты-

рант, что ли? А может, на карантине сидит? Отшельничает? Или – ещё не хватало – скрывается? От полиции, от кредиторов, от бандитов, от родных, наконец...

Приятельницы, местные всезнайки, и те не проникли в тайну незнакомца. Да и как в неё проникнуть? Это не то что раньше: на улице шумно бывало от разговоров, а уж если появлялся новосёл, интерес вспыхивал у всех окрестных жителей. К человеку присматривались, шли с приветствием, выведывали, чем дышит. И тот в долгу не оставался, скорее, сам спешил обзавестись знакомствами, спрашивал – что, где, почём. Теперь люди сами по себе. Не на семью даже – на каждого её члена по экрану. Интересы в зоне видимости всё больше личные. Каждый ревностно ограждает своё пространство, лелея те часы свободы и покоя, в которые удалось отключиться от суеты, вертящейся на максимальных оборотах.

Лидия Ивановна и сама охотно поддавалась общему настрою: «Какое мне дело до чужих дел? Зато и ко мне никто в душу не лезет. С людьми всегда лишние хлопоты. Подальше от них». Впрочем, иной раз старая закалка брала своё. Щекотало любопытство: что за человек сосед, зачем приехал, надолго ли, и какая история за плечами? Одна загвоздка: просто так спрашивать неприлично, а повода к разговору как-то не выдавалось.

Но однажды приключилось. Лидия Ивановна обычным порядком хлопотала по хозяйству. Зашла в спальню – поменять постель. Дверь следом медленно закрылась, и щёлкнул замок. Лидия Ивановна кинулась назад – заперто. Лет семь как купила эту злополучную ручку. Язычок замка смотрел налево, а надо бы направо. Мастер услужил: поставил её задом наперёд. Вертушка оказалась снаружи, замочная скважина – внутри. Ключи в ней оставить в голову не пришло. Кто ж знал, что эта китайская штука может выкинуть коварный фокус?

Лидия Ивановна, с наивной надеждой, подёрнула ручку. Намертво. И дверь глухая, без стёкол. Оценивая своё положение, Лидия Ивановна будто бы спускалась по ступенькам в мутную прорубь. Один за другим гасли варианты выбраться из западни. Живёт одна, дочь с внуками за сотни километров, звонят и то не каждый день. Телефон хоть бы

один под рукой остался: радиотрубка стационарного в гнезде на кухне, сотовый на зарядке в зале. Рамы двойные, на зиму утеплённые, с единственного окна просто так не снять. Еды, естественно, никакой. Комната самая дальняя в доме: ни до улицы не докричатся, ни до старых добрых соседей. Разве что световые сигналы подавать, как стемнеет. Авось подружки хватятся её, как выйдут на вечернюю прогулку, и сообразят, что значит загадочное мигание.

Пригорюнилась Лидия Ивановна. Посидела, полежала, прошлась. Хорошо, успела себя в порядок привести, таблетки выпить. Через час заурчало в желудке, через два совсем живот подвело. А в холодильнике творожок, колбаска, борщик мясной... Чтоб отогнать мысли о еде, стала вспоминать молодость, Ирину – дочку ненаглядную, внуков Мишу и Машу. Чего не пришло на ум в четырёх стенах? Скоро начало потряхивать и уже настойчиво подбиралась паника. Захотелось пить, и по другим надобностям пора бы. Ещё чуть-чуть – и станет невомоготу!

Подступилась к окну – принимать решительные меры. Раму выставить, а нет – так стекло разбить. Бронзовой вазой с размаху.

Глядь – сосед в углу сигаретой попыхивает. У Лидии Ивановны аж глаза засверкали. Ринулась к форточке.

– Эй, сосед! – шумит, а сама смеётся – и от радости, и от неловкости. – Помогите. Замок защёлкнулся – выйти не могу.

Мужчина обернулся. С минуту стоял как вкопанный, соображая: то ли его разыгрывают, то ли хотят втянуть в историю, то ли правда молят о спасении.

Лидия Ивановна, не зная, чему приписать ступор, заволновалась и принялась подсказывать:

– Не можете сами – попросите кого-нибудь. Или хоть МЧС вызовите. Ради Бога! Не бросайте на погибель!

Сосед подошёл молча и встал напротив окна. Наконец Лидия Ивановна разглядела его лицо – круглое, с пухлыми тщательно выбритыми щеками, брови были блёклые и редкие, а глаза едва виднелись из-за наплывших век. Взгляд ей показался простодушным, каким-то даже свойским.

Мужчина напряжённо оглядел забор, Лидиваннин дом, окно. И вдруг подал голос – глухой, монотонный:

– Как войти во двор?

Вопрос по делу успокоил затворницу. Она засуетилась:

– Ой, там калитка закрыта. Да вы через забор. На сугроб, и перемахните. А уж обратно провожу по-человечески.

Сосед опять призадумался, просчитывая, чем может обернуться это вторжение на частную территорию. Но посудил по совести – помочь, раз просят, и будь что будет. Поднялся, как посоветовала Лидия Ивановна, на сугроб и, крикнув, перевалился через забор.

Один поворот вертушки – и Лидия Ивановна была возвращена к жизни.

– Вот спасибо! Выручили! А то хоть ложись да помирай, – заполошилась она.

На сей раз вежливость потребовала осведомиться:

– Как зовут-то вас?

– Борис, – безразлично отозвался сосед.

– Лидия. Вот и будем знакомы. Не при таком бы случае. Но что поделаешь – угораздило. Ни туда, ни сюда. Кошмар! Проголодалась – сил нет. И вас прошу к столу. Позвольте отблагодарить от всей души. Чайку, да и посытнее что... Борщ наваристый удался.

– Правду сказать, я так давно не ел горячего, – нерешительно, переминая шапку в руках, признался Борис.

– Вы в наши края как – на квартиру или, может, дом думаете купить? – ухватилась за его эмоцию Лидия Ивановна.

Вся внимание, она спешно накрывала на стол.

– На время остановился. Из Мариуполя я. Слышали, наверно...

Лидия Ивановна оцепенела. Слышали. Совсем недавно слышали, как целый город исчез в артиллерийском огне. Ужасались, сочувствовали жителям. Не раз уже с соседками передавали вещи и продукты для гуманитарной помощи тем, кто пострадал от военных действий на Донбассе. Но всё же казалось, страшные события творились где-то в параллельной реальности, в которую не хотелось верить. И вдруг отголоски донесли до русской глубинки, проникли в наимирнейший

дом, где самой большой проблемой считался какой-нибудь сбой в хозяйстве.

– Эвакуировали нас. Везли долго, с пересадками. Мы думали, в Сибирь, – вертя в руках бокал и вроде как вглядываясь в него, рассказал Борис. – Оказалось, центральный регион. Про этот город даже не знали.

– И как вас тут приняли? – заполняя паузу, сдавленным голосом спросила Лидия Ивановна.

– Поселили в пункте временного размещения, – продолжил Борис нехотя, с расстановкой. – Санаторий, место красивое. Шумно там было. Детей много. Активисты разные наведывались. Потом выяснилось, что у снохи двоюродного брата здесь свободный дом. Разрешили мне пожить. Как у нас поутихнет, вернусь.

Лидия Ивановна не знала, что сказать. Не ожидала лицом к лицу встретить беженца. Ожёг стыд: рядом была нужда, человеку, может, просто выговориться хотелось, а она сторонилась. Да ещё раскудachtалась перед ним со своими страхами. В какое сравнение могли идти два часа в светлой тёплой комнате с тем, что, возможно, пережил Борис? СМИ сообщали, в местах боёв люди месяцами сидели в мрачных подвалах, выходили на свет Божий, всякий раз рискуя попасть под обстрел.

Осторожно, боясь, быть может, разбередить рану и этим вынудить соседа уйти, Лидия Ивановна задала ещё один, самый важный, вопрос:

– А... семья?

– Вдов пятый год. А дочка... при разрыве снаряда... погибла. Даже замуж не успела выйти.

Борис плотно сомкнул губы, но было видно, что они задрожали. Взгляд его упёрся в стоявшую на столе солонку.

Лидия Ивановна совсем растерялась. Не смела глаз поднять, смущаясь своего благополучия и прямолинейного любопытства. Хотела поддержать человека и не находила слов – они были бессильны перед этой выжигающей болью.

Отправилась в зал и вернулась с припасённой на случай бутылкой кагора:

– Давайте помянем!

Медленно откупоривая пробку, разливая вино по рюмкам, Лидия Ивановна думала, как продолжать разговор. Не задеть бы чувства, которые и так на пределе. И вдруг, само собой, сердцем, сказалось:

– Как девочку... зовут?

– Как вы хорошо это сказали – зовут. Галя её зовут, – вздохнул Борис и, глотнув вина, продолжил: – Двадцать восемь лет. Светлая душа. Учительница истории.

– А вы по профессии?

– Всю жизнь на часах. Время в руках держал. Часы ремонтировал. Разные – механические, кварцевые, электронные. Так оно, время-то, и прошло мое... А настало такое, к которому я непригоден.

– Живы – значит, нужны, – отчеканила Лидия Ивановна и вдруг оживилась: – Ой, кстати, о часах. Вы уж простите. Не могли бы мои старые ходики посмотреть? Отцовские, поэтому берегу. У нас ни один мастер за них не взялся. Чинят только современные, кварцевые. Не думайте – в долгу не останусь.

– Помог бы – да инструментов нет.

– В сарае мужниных железак полно. Может, найдутся подходящие?

Полки мастерского хозяина показали Борису сокровищницами. Нашлись там и отвёртки для точных работ, которые можно было приспособить к использованию. Лидия Ивановна отдала их в умелые руки насовсем. Пока она предусмотрительно ограничилась этим. Потом придёт – можно будет предложить что-то из еды и одежды.

Борис взял вставшие часы к себе и с жадностью принялся за поручение. Снова он поглощённо смотрел на ненаглядные колёса, трибы, рычаги, пружины. Маленький мирок, где всё на своём месте и все детали действуют в согласии. Только так и можно идти без перебоев. Дело было нехитрое: всего лишь почистить и смазать механизм. Пришлось только в мир, наконец, выйти – чтобы нужное масло подыскать.

Когда механизм задвигался, застучал ритмично, мерно, как здоровое сердце, мастер облегчённо вздохнул. Часы воскресли. Стрелки начали обегать этот бесконечный круг циферблата. Борис приник к нему – и слушал, слушал, слушал. Для него так звучала жизнь.

С прицелом в войну

Статья

Основано на реальных событиях: как появилась трогательная повесть о тамбовском фронтовике и почему в ней говорится о Боге

«Моя война длиною в три атаки...» – название новой повести Сергея Кочукова необычное и интригующее. Прообразом главного её героя стал тамбовский ветеран Леонид Дмитриевич Шмырёв. В поле зрения автора книги этот человек попал не случайно: его историю писателю поведал друг – сын фронтовика Николай Леонидович.

Записано верно

Леонид Дмитриевич, простой сметливый парень из тамбовской глубинки, на передовой был снайпером. Он прошёл почти всю войну, но участвовал лишь в трёх атаках. Но каких! Уже одним тем, что он отстаивал Сталинград, сказано многое. Сражался упрямо и смело, до пота и крови. Три серьёзных ранения стали причиной долгих перерывов между боями. И это как нельзя более свидетельствует, что солдат Шмырёв беззаветно любил Родину. Совсем не показателем был ярлык «сын врага народа», следовавший за ним после ареста отца за участие в Антоновском восстании.

На этом благодатном материале и создано художественное произведение – простое, душевное, «живое». Война изображается отнюдь не масштабно, но со знанием дела. В центре – человек и его мысли, чувства, отношение к миру. Это панорама перед глазами солдата: говорится только о том, что Леонид Шавров (под этой фамилией выведен главный герой) видит, что узнаёт, в чём участвует. Рядом – товарищи, вдали – родственники. С одними ведутся диалоги, с другими – переписка. Каждый второстепенный персонаж имеет свой голос, свою манеру речи. Яркие образы, меткие метафоры помогают читателю нарисовать в воображении картину происходящего и портреты персонажей. Сюжет увлекателен: 120 страниц прочитываются на одном дыхании.

Как работалось с фактами и какие нити расцветили реальную историю, изданию рассказал автор книги Сергей Кочуков.

Потоки знаний

Великая Отечественная война для поколения Сергея Константиновича – глубоко личное переживание. В 1950–60-е ещё слишком заметными оставались её следы. Едва не каждый мужчина был фронтовиком. Многие после пережитого отмалчивались, но иногда...

– В нашем селе, в Лысых Горах, случались откровенные разговоры, – вспоминает Сергей Константинович. – Для меня, для моих сверстников было просто счастье, когда начиналась уборочная страда. Отцы брали нас с собой. Заготавливая сено, люди были вынуждены оставаться на лугах с ночёвкой. Ужинали крестьянской пищей, ложились в душистое сено, и мужики иногда что-нибудь рассказывали о войне. Говорили чаще всего с самоиронией, пытались обратить все эти страсти в шутку.

Были герои и среди родных. По линии отца воевали дяди. Один из них, Александр Кочуков, был связистом, прошёл от Сталинграда до Берлина. В одном из боев 19 раз выходил из блиндажа и под огнём уползал, чтобы устранить порывы на проводах. Сергей Кочуков, двоюродный брат отца, навсегда остался 12-летним парнишкой: в оккупированной немцами Донецкой области его и других сорвиголов расстреляли за то, что они, пытаясь выжить, воровали с немецких складов седельную кожу. По линии матери – это семья Стрыгиных – на фронт уходили дед, дядя и тётя. Дома оставались только бабушка и будущая мать писателя, в ту пору малолетняя девочка. Так что история стояла очень близко: старшим бередила души, у младших вызывала интерес. Каждое поколение её по-своему выстрадало.

А копилку знаний постоянно пополняло чтение. Бондарев, Симонов, Шолохов, Андреев – этих и многих других авторов Сергей Константинович перечитывал раз за разом. Сам он написал две книги о Великой Отечественной войне в жанре исторической прозы: «Без вести не пропавшие» и «Когда мы были на войне». «Моя война длиною в

три атаки...» – третья. Все три произведения созданы на тамбовском материале.

Архивы, летописи, мемуары, письма с фронта служили подспорьем для воссоздания исторической канвы и атмосферы эпохи. Так, чтобы написать повесть о снайпере Шмырёве, писатель досконально изучил путь 888-го полка 298-й дивизии, где тот служил.

– Его война была в три атаки, но сколько она вместила – показать это было моей задачей как автора. Иной раз встаёт вопрос: имеем ли право мы, не воевавшие, не пережившие тягот сражений, писать про войну, – размышляет прозаик. – Я пришёл к убеждению, что не только имеем право, но обязаны. Другое дело, нужно писать не про атаку как таковую, а про психологию боя. Что чувствовал наш герой, что чувствовал его противник.

Ни в силе воображения, ни в опыте Кочукову не откажешь. Сам военный, он не понаслышке знает об операциях боевого характера, и чувство опасности тоже не обходило его стороной. Собственные переживания помогли проникнуться ощущениями, которые вполне могли возникать у солдата на передовой.

– Я со своими героями проживаю жизнь, – делится Сергей Константинович. – Погружаюсь полностью в мир книги. Понимаю, что в этой ситуации мой персонаж просто не мог поступить по-другому. В литературном произведении допустимы и вымысел, и разработка отдельных эпизодов, и формирование характеров действующих лиц. Но важно найти грань, чтобы сохранить память о настоящем герое и в то же время создать добротную художественную книгу.

Следуя за ветераном

Факты и вымысел органично сочетаются в повести, и их незачем разделять. Тем более что детали взяты из тех же рассказов фронтовиков, из наблюдений за жизнью.

Автор использовал композиционный ход, который позволил через настоящее отнестись к прошлому. Ветеран Шавров (и Шмырёв в своё время тоже) приехал на место боевой славы, и всё то неизгладимое,

несмотря на давность лет, всколыхнулось в памяти. Двенадцатая зарубка на винтовке, засада за пучками перекасти-поля, связка гранат на встречу танку...

Как отметил его сын, Леонид Дмитриевич говорил о своей боевой задаче: я не убил, я уничтожил. Что есть, то есть: неприятель в условиях войны – боевая единица. В случае с фашистами – агрессивная, сильная, упорная. И поэтому каждый выстрел был не в человека, а в войну. Не за славу, а за свою землю, за товарищей, за добро и мир.

Мысли о Боге

В окопах нет атеистов – эту истину Сергей Кочуков ярко выделяет в своей повести. Молитва Леонида Шаврова – один из сильных, трогательных эпизодов. И самого сердца касаются слова бабушки, которые герой вспоминает в тяжёлые минуты. Надевая ему на шею ладанку, она приговаривала: «Возьми, возьми, унучек. А как же без Бога, ить на войну идёшь, един Он тебе там защита. Святая эта ладанка, святая. Весь род Шавровых она хранит. С ней ещё прадед, говорят, на турецкую ходил, потом дедуня с японцем воевал, потом и отец твой с германцем. Все живы вернулись. Хучь и поизранетые, а все ж живыя...»

– Ни в одной книге я не обхожу тему значения веры в Бога для человека на войне, – свидетельствует писатель. – Это жизнь. Действительно так было: десятки, тысячи проявлений божественной силы. И для меня Леонид Дмитриевич Шмырёв – человек верующий.

Книгу «Моя война длиною в три атаки...» можно почитать в библиотеках области. А писатель уже работает над новой захватывающей историей...

– Прощу у Бога, чтобы дал способность писать добротнo, достаточно интересно для читателя и, главное, правдиво, – говорит Сергей Кочуков. – И если кто-то, особенно из молодого поколения, заинтересуется, если повесть хотя бы чуть-чуть внутренний мир всколыхнёт и сделает человека лучше, мой труд будет проделан не зря.

Лидия ПЕРЦЕВА

Давай помолчим немного...

Стихи

Бессмертный полк

Послушайте безмолвья тишину
И вспомните прошедшую войну:
Ад преисподней, скрежет, смерти вой –
Всё это было, было не со мной.

Но в памяти занозою вошло
Поэзии безумное кино,
Страницы человеческой судьбы.
С моей страной было всё, увы.

Фашизм распластан сапогом солдат,
Но сколько наших под землёй лежат...
Хоть души их отпеты в небесах,
Но кто измерит скорбь потерь и страх?

Страх безвозвратно сломанных судеб,
Блокадной чёрной жизни «сладкий» хлеб
И дневники седеющих детей,
Контузий душ и слёзы матерей.

Сквозь немоту загубленной любви
Услышите её, наверно, вы,
Увидите лишённую одежду
Войны звезду иль мучеников крест.

И сердце яростью сожмёт в кулак.
Поймёте зримо, кто есть друг, кто враг,
Ради любви полуживой солдат
Нёс, истекая кровью, автомат.

И факелом бросался на броню,
Чтобы очистить Родину мою.
Сейчас идёт Бессмертный на парад
Полк с брани не вернувшихся солдат.

Их с мостовой не слышен гулкий шаг,
Они взошли из мрака, где был враг,
Плывут портретами над сотней рук,
Несут их над собой и сын, и внук.

Идут в святой звенящей тишине,
Сердец их стук теперь звучит во мне.
И, заглушив безмолвья громкий крик,
Волной «ура» пронзает полк на миг.

Прибой отхлынет, вновь прибьёт волной,
«Ура» молчит, рыдая, надо мной.
По городам и весям всей страны
Бессмертный полк живой идёт с войны.

Дитя войны

Гул самолёта, захватив пространство,
Сжал воздух неба, словно жёстким прессом.
С деревьев сбил их зимнее убранство
И растворился на плацу за лесом.

Мне отчего-то стало очень жутко...
Дитя войны её совсем не знало,
Непостижимость лет, как чья-то шутка,
Я в памяти воскресшей воевала.

На фронт сражаться я, обрезав косы,
В военкомат примчалась добровольно.
Пускала поезда вниз, под откосы,
Металла скрежет радовал невольно.

И будто въявь кормила вшей в окопе,
Со связкою гранат ползла под танки,
Тонула под огнём в болотной топи,
Лежала раненой в сырой землянке.

Под лай овчарок в лагере фашистском
Во тьме барака ожидала смерти.
Из окруженья путь пройдя неблизкий,
В НКВДшной гнила круговерти.

На минах подрывалась на подлодке,
Шла на таран врага в бою воздушном,
Информбюро записывала сводки,
В подбитом задыхалась танке душном.

В штрафбате безоружной шла в атаку,
По полю минному ползла к воронке,

В разведке с «языком» вступала в драку
В ночные рейды партизанской гонки.

С детьми горела в деревенской хате,
В полях без лошадей сохой пахала,
Бойцов лечила в медсанбате,
В снегу в шинельке тонкой замерзала.

На плащ-палатке раненых тащила,
В тылу по суткам у станка стояла –
Откуда только находились силы...
Как похоронки с фронта получала...

Потом, салюту радуясь победы,
С слезами обнимала я солдата,
Не ощутив: закончились все беды,
Не осознав величья этой даты.

На набережной Ждановки в каптёрке
По карточкам нам смалец выдавали.
На хлеб ржаной намазав солью тёртой –
За лакомство в ту пору почитали.

Не поняла, где явь, а что виденья, –
Сознание пропиталось всё войною.
Мы – дети Господа тех лет творенья,
И нашей жизни уж не быть иною...

Знать, до рожденья с кровью материнской
Иль с молоком грудным, довольно скудным,
Впитался с болью дух святой единства,
Хотя я детство не считала трудным.

Но страх внезапный, ледящий душу,
Что возродил картин военных муку
Так, словно ничего и не нарушил,
Он через годы протянул мне руку.

Дитя военных лет моей Отчизны
Послеблокадной питерской весной
Гул самолётов мирной братской тризны
Всё оглашает небо надо мною.

О прошлом в будущее песнь слагаем –
Уроков скорбных мир не позабудет...
Да, с нами Бог, и Он – непоругаем,
А Мать-Россия есть, была и будет!!!

Стонет душа

Стонет душа, не смиряется разум –
Боль с Украины нахлынула сразу.
Кто добровольцем ушёл – не вернулся,
В вечность бессмертия тот окунулся.

Стонет душа под расстрельным огнём.
Сколько же злобы накоплено в нём?!
Воздух в дурмане, в парах алкоголя.
Кем вам навязана адская воля?

Здесь брат на брата поднял свою руку.
Как пережить нестерпимую муку?
Я же об этом писать не могу...
Может, молитвой детей сберегу?

Боже, управь, отведи Ты беду!
Я лишь о мире молиться могу.

Язык войны, язык победы

На каком языке говорила война:
На украинском, русском, грузинском?
На каком написала бойцов имена
На крестах, на Рейхстаге берлинском?

На каком лютовала и ужас несла
Языком мессершмиттов, снарядов?
На каком вытворяла безбожьи дела:
Испытаньем чудовищных ядов?

Языком смертоносным безмолвья печей,
Оскверненьем разрушенных храмов;
Языком номеров: ты – отныне ничей,
Незаживших и в память шрамов...

Языком очищенья, скорбями утрат,
Языком похоронок и стонов –
Этим эхом войны, повторённым стократ;
Бухенвальда убийственных звонов.

Языком хрипов крови, разорванных ран...
Ад страданий ниспослан народу
За грехи воевавших захваченных стран,
Искупленьем, сулившим свободу.

Криком голода, пепла, разрухой солдат
Шёл вперёд по войне до победы.
Очищающий подвиг для будущих свят,
С ним ничто по сравненью все беды.

Бой последний – весной проторенный след,
Родилась, и ликуя, и плача,

И едва появилась победа на свет,
Стало ясно – вот так, не иначе!

Поцелуем горячим припала к губам,
Танцевала, смеялась и пела.
Память тех лихолетий вовек не предам –
Вы сражались за правое дело.

Языком чудотворных Христовых икон,
Богородицы, шедшей с бойцами,
Вера, честь генералов – как высший закон
Для победы страны над врагами.

Завершилась война фейерверком огней,
От грозы не осталось и следа,
И теперь мы цветами беседуем с ней,
Нам любовью вещает Победа!

Я снова взгляд ловлю

Я снова взгляд ловлю:
Когда пересечётся?
Не говорю «люблю»,
Но странно сердце бьётся.

Взметнутся сотни волн,
И осечётся голос,
И рваный, острый скол
Подрубит речь, как колос.

И в немоте грешна.
В виски стучит смущенье,
Растерянно-смешна
До самоотречения...

Но окунётся взгляд
В разрез твоей улыбки,
И в сотый раз подряд
Я делаю ошибки.

Давай помолчим немного

Давай помолчим немного
О чём-нибудь о своём.
И ты не вспугни, ради Бога,
Молчанья, пришедшего в дом.

Давай помолчим о звёздах,
О бисере капель дождя.
И, если ещё не поздно, –
Что можно, чего нельзя...

Давай помолчим о ласке,
Неведом ей долгий путь.
Послушаем молча сказки
О нас и о ком-нибудь...

Давай помолчим о цвете,
О нежности зорь по утрам.
И больше всего на свете
Молчанье полюбится нам.

Я каждый день учусь любить

Я каждый день учусь любить
Друзей, когда они во гневе,
Детей, чтоб лаской не сгубить,
Супруга, уподобясь Еве.

Мой город, где теперь живу,
Россию, всю в долгах и распрях,
Родных – во снах и наяву,
Христа, что за меня был распят.

Природу – белогривый лес,
И речку, что вокруг змеится,
Лиловый сумрак от небес
Мне на окно вздремнуть садится.

Лай по утрам приблудших псин,
Старух, просящих подаянья,
Коллег, забывших без причин
Сказать мне «здравствуй», «до свидания».

И всё учусь я сострадать
Людской не проходящей боли,
Молиться, терпеливо ждать
Снисканья Духа – он так волен!

От осмысления, кто я,
До осознания свободы
Весы земного бытия
Отмеривают чётко годы.

Надежду, Веру и Любовь
Ищу я у последней твари,
Чтоб старину постичь и новь,
Что на земном творится шаре.

Нина ЦУРИКОВА

Планета может умереть

Цикл стихотворений

1.

К рассвету тихой радостью пристёгнут,
Луч нежно гладь реки посеребрил,
Наощупь пробежал низиной к логоу,
Ромашек слёзы высушить решил.

И радостью луча земля согрета,
Ей песнь весны так хочется запеть!
Но пламенем объятая планета
Горит и стонет, может умереть...

Весна и смерть – весною, рядом где-то, –
Мечтам и счастью не дают взлететь...

2.

Потускнело солнце над землёю,
В ядовитых сумерках страна.
Сквозь туман – лицо злорадно-злое,
Радуется, пляшет сатана!

Поощряет смерчи и пожары,
Радуется гибели людей,
Катастрофам, изверженьям, гари,
И слезам испуганных детей.

Преступленьям и заблудшим душам,
Палачам, творящим в мире зло,
Тем, кто заповедь Христа нарушил!
Сатане на время повезло.

Но идут сраженья повсеместно
Против тех, кто, истину поправ,
Без суда, без совести, нечестно
Брал чужие души. Был неправ,

Между злом-добром стирая грани,
Разжигая ненависть везде.
За людские жизни и страданья
Отвечать придётся на суде!

3.

Проиграна схватка. Не видно бойцов,
Засыпаны взрывом землёю...
Судьба возвращает нам память отцов,
Сражавшихся прошлой войною.

Но разница в войнах всего лишь одна:
Впервые в боях повстречались
С врагами в лицо. Здесь – возникла война
С людьми, что родными считались.

Что вместе делили и пищу, и кров,
Болели в лихую годину,
Встречали рассветы, делили любовь.
Теперь же другую картину

Рисует эпоха. А в ней палачи –
Безжалостной смерти служаки –
Стреляют в детей, стариков, хоть кричи!
Обстрелы и взрывы, атаки.

Но каждый в душе, хоть палач и подлец,
Уверен, что рано иль поздно
Войне разрушительной будет конец.
Грехи замолишь невозможно!

4.

Несут почтальоны повестки... И – стоны,
И плач матерей и девчат.
И, как в сорок первом, на тесном перроне
Военные марши звучат...

Объятая. Прощанья. И наши мужчины,
Упрятав скупую слезу,
«Вы ждите нас! – крикнут. – Вернёмся живыми!»
Их вдалеке поезда унесут.

Суровые лица в окошках вагонных.
Увозят родных на войну,
На запад, сражаться, спешат эшелоны,
Земле отстоять тишину.

Земле отстоять плодородные нивы,
Рассветы без дымных небес,

Чтоб солнце сияло улыбкой счастливой,
Пел песни весенние лес.

Солдаты, защитники Родины нашей!
Вы долг выполняете свой.
Вас ждут города, и посёлки, и пашни,
Вернитесь с победой домой!

5.

В любые непростые времена,
Когда враги на землю посягали,
Чему-то же учила их она –
История, в конце, а не вначале.

А начинали смело свой поход,
Собрав войска и выставив в параде
Штыки и конницу, чтоб покорить народ.
Всё ради славы и наживы ради.

В любые непростые времена,
В столетьях и годах – в любые сроки –
Стояла Русь, как крепкая стена.
Но всё ж не впрок истории уроки!

И злобою, и завистью дыша,
Кольцо сжимают вражьи силы НАТО,
Поправ законы, нравственность душа,
Мечтают: задушить Россию надо!

Оружьем и терактами грозят,
Весь мир вокруг стал лживым и жестоким.
Но знают пусть: надвинется гроза,
Преподнесёт история уроки!

6.

Снова, как раньше, исстари, так:
Наши сердца бьются с вашими в такт!

С вами шагаем рядом в строю,
С вами в кровавом, смертном бою.

Вечно бессмертный жизни девиз
Громоподобно пронзает высь:

«В правде вся сила и веры знак,
Путь наш – к победе!» Да будет так!

Русские духом, верой сильны
Непобедимой России сыны!

Враг будет сломлен, враг будет бит!
Армия наша – надёжный щит!

Ой ты, Волга, Святая Слезница

Величка Николова-Литатру1.

Перевод с болгарского языка: Нина Цурикова.

Солнце светит над Волгой великой!
Синева мои очи ласкает.
Голубок в небо выпорхнул с криком
и голубку в полёт приглашает.
Волга, ты родниками Валдая
наполняясь, звенишь, будто песня...
А в огромный бассейн свой вбираешь
малых речек несчётно – штук двести!

Волга, Волга, ты так полноводна.
Сколько крови твои воды смыли,
Но герои советских народов
в битвах страшных врагов победили!
Волга, ты неоглядна, просторна,
Волга, ты глубока и бездонна,
синеока и неотразима,
в моём сердце навек твоё имя.
Волга – мать многочисленных речек,
подо льдами бурлишь, скинешь с плеч их,
жар пустыни от страха излечит,
ты навечно в сердцах человечьих.
Как хочу я в волнах поплескаться,
рыбкам рядом в воде умиляться,
а когда лунный свет выплывает,
моё сердце любовь согревает.

Ой ты, Волга, – щедрa, как Царица!
Дай мне чашу прозрачной водицы...
Ведь она мне – Святая Слезица!!!
Ой ти, Волга, светена сълзица

*Автор – Величка Николова – Литатру1
(от книгата ми «Светлина от мрака»)*

Слънце грее над Волга. Велика!
Пред очите ми тя се синее.
Влюбен гълъб в небето полита
и след свойта любима се рее.
Мила Волга, с Валдайски чист извор,
с мощни струни звъниш и ни пееш...
Във огромен басейн – водосборен,
ти, над двеста рекички люлееш!

Волга, Волга, ти, тъй пълноводна.
Колко кърви, ти в теб си измила
на герои съветски – нам мили –
в битки люти, със стръв победили!
Ой, ти, Волга, безкрайно широка,
Ой, ти, Волга, безкрайно дълбока,
синеока и неотразима,
във сърцето ми вечно те има!
Волга, Волга – Река на реките.
Ти, танцуваш със айсберги тежки.
Даже плашиш *пустините жежки
и си вечно в сърцата човешки.
Много искам във теб да поплувам,
с мрени рибки и аз да лудувам,
а когато луната изплува –
да се влюбиш и с мен да палуваш...

Ой, ти, Волга, ти – щедра Царица!
Дай ми в чашка от твоята водица...
Тя за мен е *Светена сълзица!

Песни мои, как птици

Песни мои, как птици,
Под облака улетают.
Словно года, вереницей
На горизонте тают.

Не возвратить по следу
Птиц улетевших стаю.
Песни напев последний
В призраках-звуках тает.

Но почему-то верится:
Жив их напев вчерашний
Он отзывается в сердце
Болью и стоном павших.

Память моя, не надо
Сердце тревожить болью!
Мне лишь одна отрада –
Выпустить птиц на волю!

Я ведь не всё сказала,
Я ведь не всё пропела.
Мне бы начать сначала,
Сделать, что не успела...

Только вот почему-то
Твёрдо сомкнуты губы,
И долгожданным утром
Не протрубили трубы.

Птицы мои, верните
Мне мой напев чудесный.
В стаю свою возьмите
Сердца последнюю песню...

Николай ШМЫРЁВ

Парад Победы – это наша память

Стихи

Атака под Сталинградом

Со слов отца, Л.Д. Шмырёва

Мы не думали о смерти,
Из окопа – в штыковую.
В этой адской круговерти
Нам не пели «Аллилуйя».

Чёрный дым над полем боя.
Криком глотку надрывая,
Мы бежим, глотнув спиртное,
Мать и Бога поминая.

А вокруг гремят разрывы,
Где сошлись мы в поединке.

Это смотрится красиво
В галерее на картинке.

Вот чуть-чуть, ещё немного.
Метров пять нам до траншеи.
Как паломник, просишь Бога,
Чтобы был к тебе добрее.

Но такая уж судьбина.
Взрыв! И падаю я в лужу.
Кровью залита штанина.
Ну кому теперь я нужен?

Медсанбат! Хотели резать!
Но не дал, вот хоть убейте!
Я не буду теперь бегать,
Но меня вы не жалеите.

Я солдат, живой остался,
А мой друг убит под Лугой.
Он ещё не целовался,
Не ходил в кино с подругой.

И в великий День Победы
Павших рюмкой поминаем,
А потом ведём беседы
И встречаться обещаем.

Мы не ждали лиха

Ходики тикают тихо.
Кошка сопит на печи.
Нет, мы не ждали лиха
В тёплой июньской ночи.

Только с приходом рассвета
Где-то вдали от села
Бомбы взорвали лето –
С громом война пришла.

Пусто в селении стало,
Нет мужиков во дворе.
Бабы под вечер устало,
Молча идут к детворе.

Чёрных четыре года
Длились, как сорок лет.
Много погибло народа –
Каждый был дом задет.

Трудно далась победа –
Каждый второй погиб.
Нет моего соседа –
Он под Москвой убит.

Завтра в селе молитвы
В память погибших солдат.
Всех не вернувшихся с битвы
В церкви святой огласят.

Памятник им поставят.
Вечный огонь зажгут.
Всех ветеранов поздравят
И о победе споют.

* * *

Я часто думаю о нём,
О том, погибшем под Москвою.
В мороз за сорок, под огнём,
Закрывшим Родину собою.

Нет. Я не трус и, может быть,
Я поступил бы точно так же.
Но всё же хочется завывать
И убежать куда подальше.

Что думал он, бросая в танк
Свою последнюю гранату?
Как рассчитал, идя ва-банк,
Какую он заплатит плату?

Я точно знаю лишь одно,
Что для меня он жив навечно.
Его мне помнить суждено –
Он мой до смерти подопечный.

* * *

Нам завтра на рассвете снова в бой.
Кричать «Ура!», захлёбываясь болью,
А я обычный смертный, не святой,
И буду я омыт своею кровью.

Да что скрывать, я, как и все, боюсь
Принять под сердце пулю роковую,
Не верую, но всё же помолюсь,
Как буду подниматься в штыковую.

А там никто не знает, кто кого.
Быть может, землю я собой накрою
И мне не хватит нескольких шагов
До ордена или звезды Героя.

Я из окопа встану в полный рост
И побегу, куда б ни приказали.
Не надо мне ни орденов, ни звёзд
И даже мной заслуженной медали.

Солдата путь так краток на войне,
Но верю – утро встречу я с победой.
Победный залп услышав в тишине,
Домой к семье счастливым я уеду.

Над полем вспыхнул солнца первый луч,
И вместе с ним – сигнальная ракета.
А воздух был божественно пахуч,
Какой в степи бывает ранним летом...

* * *

Примкнуть штыки! И мир переменялся.
Трава пожухла, клён затрепетал.
Луч солнца из-за туч со мной простился,
А я команду: «К бою!» нервно ждал.

Ещё вчера мы весело смеялись,
Отвешивали шутки старшине
И ничего на свете не боялись.
Сегодня мы в звенящей тишине.

Морзянку зубы бьют, как ключ радиста,
Обрывки мыслей обжигают мозг.

Я из себя не строю атеиста,
А прочитал молитву так, как мог.

Вперёд! И рота встала разом.
Трёхгранник-штык – навек спаситель мой.
И кажется, что ум зашёл за разум.
Нет ничего, есть только я и бой.

Бегу по полю, рот ощерив в крике,
Забыв о смерти, о себе самом.
А там мой враг, жестокий и безликий,
Мечтает о господстве мировом.

И вот сошлись с арийцем из Берлина.
Блондин, красавец, ну да чёрт бы с ним.
Не будет никогда у Фрица сына.
Пусть знает – наш народ непобедим.

Внезапно стихло всё, как на погосте.
Не помню как, но я остался жив.
Лишь только понял: на земле мы гости.
Судьбу решают пуля или штык.

Погиб за Россию

Я упал, уже больше не встану –
Разорвало осколком мне грудь.
Вспомнил дом на пригорке и маму:
Как хочу я сейчас к ней прильнуть!

Я от раны не чувствую боли.
Сколько жить мне? Минуту ли, час?
Распластавшись, лежу я на поле,
Где убил меня вражий фугас.

Мне бы завтра исполнилось двадцать,
Но Господь по-другому решил.
Моё имя запишет он в святцы,
Как Святого, что Русь защитил.

Мать прольёт свои горькие слёзы,
Поп молитву прочтёт в алтаре.
Загрустят возле дома берёзы,
Старый пёс будет выть во дворе.

Прогремит надо мной залп прощальный,
Гроб в могилу опустят друзья.
Под мелодию звуков печальных
Увезёт меня в Лету ладья.

За Россию погиб не напрасно –
Верю, будет победа над злом.
Тучи сгинут, и вновь будет ясно,
Ангел с неба мне машет крылом.

* * *

Где-то там погибают ребята,
Далеко, нам не видно отсюда.
Не вернуться в родные пенаты,
Не присядут в тени возле пруда.

И зальётся девчонка слезами.
Как же так, мы ж любили друг друга?
Распластается пред образами,
А в душе лютый холод и вьюга.

Мы по кухням сидим, по квартирам,
Строим планы, ведём разговоры,
А война разрастается в мире
Чёрной язвой, крадущимся мором.

Долго ждали, всё было напрасно.
Вот опять юный ангел в могиле.
Наш народ закричал громогласно:
«Разве мы победить их не в силе?»

Но придёт для врагов час расплаты.
Верю, будет за правдой победа.
Жизнь кладут за Россию солдаты.
В бой идут наши воины света!

Парад Победы – это наша память

Нет, я не за то люблю парады,
Солдат в строю, печатающих шаг,
И технику, не знавшую преграды,
И знаменосцев, выносящих флаг.

Парад Победы – это наша память
О всех не возвратившихся домой.
Но если эта память будет таять,
Нам грош цена в базарный выходной.

Девятого мы снова соберёмся,
Сомкнув ряды «Бессмертного полка».
И вместе с ним мы молча поклянёмся,
Что сохраним Россию на века.

Авторы «Тамбовского альманаха»

Аршанский Валерий Семёнович – прозаик, публицист, журналист. Заслуженный работник культуры РФ. Член Союза журналистов и Союза писателей России. Окончил Воронежский государственный университет, с 1967 г. живёт в Мичуринске. С 1973 г. работал в газете «Мичуринская правда», долгое время был её главным редактором. Автор книг прозы: «Дипломная практика», «Фольклорная экспедиция», «Встреча», «Откровение», «Горькая трава марор», «Бремя атланта», «Гражданский проспект» и др. Лауреат премий имени И.А. Гаврилова, имени А. К. Воронского. Почётный гражданин Тамбовской области.

Баранова Наталия Ивановна – прозаик, член Союза писателей России. Родилась в 1961 году в Тамбове. Окончила Московский институт культуры, по образованию библиотечарь-библиограф. Публиковалась в журналах «Москва», «Подъём», «Берега», «Сура», «Север», «Гостинный дворъ», «Охотничьи просторы», «Петровский мост», «Молодая гвардия», «Тамбовский альманах», «Литературный Тамбов» и др. Автор книг «Злокачественная форма одиночества» (2021), «Жизнь прекрасна» (2023). Увлекается фотографией, руководитель Тамбовского фотографического общества.

Белых Михаил Петрович – писатель-документалист, член Союза писателей и Союза журналистов России. Родился в 1969 году в Мичуринске. Окончил Мичуринский государственный педагогический институт. В настоящее время главный редактор газеты «Мичуринская правда». Автор книг по истории города и района. Удостоен премии Союза журналистов России, премии Тамбовской области им. А.К. Воронского, литературных премий им. И.Г. Рахманинова и Б.К. Панова, Патриаршей грамоты (2001), диплома XIII Всероссийского фестиваля «Вся Россия-2008». Член редколлегии Тамбовской энциклопедии, на его публикациях основывается ряд статей Российской Энциклопедии.

Волчихин Михаил Васильевич – поэт, член Союза писателей России. Родился в 1958 году в деревне Егоровка Знаменского района Тамбовской области. Окончил филологический факультет Тамбовского педагогического института. С 1987 года живет в г. Жердевке. Работал в редакции местной газеты, в органах местного самоуправления, в настоящее время работает в ПАО «Ростелеком». Публиковался в региональных СМИ, в журналах «Литературный Тамбов» и «Подъём» (Воронеж), в коллектив-

ных сборниках. Автор трёх поэтических сборников – «Ясень», «Мы возвращаемся», «Я этот мир запоминаю». Руководитель ЛитО «Парус».

Гончар Анатолий Михайлович (06.01.1965 – 31.07.2023) – Герой России, член Союза писателей России. Родился в с. Хорошавка Инжавинского района Тамбовской области. Срочную службу проходил в Афганистане, участвовал в КТО на Северном Кавказе. Награждён орденом Красной Звезды, медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» (с мечами) I и II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и др. Погиб при выполнении воинского долга в специальной военной операции по освобождению Донбасса.

Учился в МГУ им. М.В. Ломоносова, был отчислен по собственному желанию. Автор более двадцати книг прозы, изданных издательством «Эксмо», и пяти стихотворных сборников. Победитель литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» (диплом им. генерала М. Скобелева). Лауреат премии «Во славу Отечества». Лауреат специальной премии литературного конкурса «Щит и меч Отечества».

Гришин Михаил Анатольевич – прозаик, сценарист, журналист, член Союза писателей и Союза журналистов России. Автор романов «Вкус мести», «Паутина», сборника рассказов «Дождь, самогон и коробка конфет», детских повестей-сказок из серии «Приключения Витьки Картошкина», публикаций в журналах «Подъём», «Север», «Урал», «Костёр», «Автопилот» и др. Как сценарист участвовал в нескольких телевизионных проектах, автор сценария для сериала «Особый случай», автор сценария телефильма «Облака, испачканные пылью». Дипломант третьего Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А.Н. Толстого. Лауреат литературной премии имени Е.А. Боратынского.

Джурович Наталья Александровна – поэт, член Союза писателей России. Родилась в Москве, детство провела в селе 1-я Иноковка Тамбовской области. В 2009 г. окончила филологический факультет Российского Православного университета св. Иоанна Богослова. Жила в Черногории, преподавала курс русского языка для сербов. Переводит прозу и поэзию с сербского языка на русский. Постоянный переводчик сайта <http://studenicainfo.rs/> Автор книг «Нескончаемое лето», «Крестоносная Румия/Румија крстоносна» (автор и переводчик), «Двуречие». Публиковалась в журналах «Москва», «Наш Современник», «Гостиный дворъ», «Подъём», «Волга 21 век», «Эхо Бога», «Славянская лира». Победитель

поэтического конкурса имени Майи Румянцевой, лауреат конкурса имени Григорьева.

Доровских Сергей Владимирович – прозаик, публицист, член Союза писателей России. Родился в 1986 году в Тамбове. Публиковался в журналах: «Наш современник», «Роман-газета», «Молодая гвардия», «Подъём», «Памир», «Странник», «Новая Немига литературная», «Тамбовский альманах» и др. Автор восьми книг прозы, публикуется в издательстве Сре-тенского монастыря. Лауреат литературных премий имени Л.М. Леонова, имени В.А. Богданова, лауреат международного конкурса духовной литературы «Молитва», победитель конкурса «В поисках правды и справедливости» (2018). Главный редактор альманаха «Литературный Тамбов». Член общественной палаты Тамбовской области.

Дорожкина Валентина Тихоновна – поэт, прозаик, литературовед, краевед, переводчик. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Автор более тридцати книг. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, почётный гражданин города Тамбова, почётный профессор ТГУ им. Г.Р. Державина, лауреат премий имени Зои Космодемьянской, И.А. Гаврилова, И.Г. Рахманинова, Е.А. Боратынского, Г.Д. Ремизова. Награждена орденом Дружбы, российской юбилейной медалью имени М.А. Шолохова. Дипломант Национальной премии им. Льва Толстого за работу с детьми. В течение сорока лет – бессменный руководитель литературно-творческого объединения «Тропинка».

Зайцева Елена Михайловна – поэт, член Союза писателей России. Родилась в Омске. Окончила художественное училище в Бишкеке и Омский технологический институт. По профессии – модельер. Много лет жила в Санкт-Петербурге. Автор четырёх сборников стихотворений: «Перекрёсток стихий» (2012), «Перекрёсток надежд» (2014), «Оставь меня себе на память» (2015), «Визитная карточка поэта» (2023). Публиковала стихи в коллективных сборниках, в журнале «Сфинкс». В 2016 году стала финалисткой VIII Международного литературно-музыкального фестиваля «Мгинские мосты без границ».

Знобищева Мария Игоревна – поэт, прозаик, критик, член Союза писателей России. Родилась в Тамбове, окончила Институт филологии ТГУ им. Г.Р. Державина. Кандидат филологических наук. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Подъём», «Волга – XXI век», «Нева», «Вопросы литературы», «Крещатик», «Пересвет», в «Литературной газете», на сайте «Российский писатель» и др. Автор нескольких поэтических

сборников. Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова, премии им. Ю.П. Кузнецова, дипломант Международного Волошинского фестиваля. В 2021 г. признана «Лучшим поэтом года» по версии Союза писателей России. Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Преображение России» им. С.Н. Сергеева-Ценского. Руководитель Центра творческого развития детей «Мир слова» при ЦДБ им. С.Я. Маршала г. Тамбова.

Королёва Зинаида Алексеевна – прозаик, член Союза писателей России. Родилась 21 мая 1942 года в Свердловске (Екатеринбург). В Тамбове окончила школу, затем технику и, уже работая бухгалтером, завершила учёбу в институте. Работала на крупном заводе инженером-экономистом, по состоянию здоровья вышла на пенсию. Писала стихи, прозу, занималась в литературном объединении «Радуга» под руководством Семёна Милосердова. Публиковалась в заводской многотиражке. Издано около тридцати книг. Участвовала более чем в десяти коллективных сборниках. Книги З.А. Королёвой размещены в национальной библиотеке Китая.

Кочуков Сергей Константинович – писатель, историк, краевед, член Союза писателей России. Родился в селе Лысье Горы Тамбовской области. Учился в Москве, по образованию юрист-международник. Публиковался в журналах «Подъём», «Гостиный двор», «Пересвет», в «Тамбовском альманахе». Автор трилогии «След веков отшумевших», исторических романов «Полёт белого кречета», «Без вести не пропавшие», «Я завещаю вам рассвет», «На тебя уповаю», «Моя война длиною в три атаки». Обладатель Гран-при литературного конкурса «Доброе слово». Лауреат премии имени Е.А. Боратынского. Организатор и директор сельского краеведческого музея. Почётный гражданин Тамбовского района.

Краснов Василий Анатольевич – поэт, публицист, член Союза писателей России. Родился в 1958 г. в Воронежской области. Окончил исторический факультет ТГПИ. Кандидат исторических наук. В настоящее время – преподаватель колледжа г. Жердевки. Публиковался в журналах «Подъём», «Александръ». Автор сборников стихов «Алый гром» (1988), «Красное солнышко» (2001), «В сотах памяти» (2018), «История села Сукмановка Борисоглебского уезда Тамбовской губернии» (2018) и книги «За наградами мы не гнались...» (2020). Дипломант всероссийского поэтического конкурса «Высота» (Псков, 2020), победитель конкурса православной лирики «Свет обители», (Псков, 2020), дипломант Первого всероссийского литературного конкурса имени Сергеева-Ценского «Преображение России» (2020).

Курбатова Татьяна Львовна – поэт, педагог, член Союза писателей России. Родилась в Тамбове, окончила музыкальное училище им. С.В. Рахманинова, факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института (ныне ТГУ им. Г.Р. Державина). Автор десяти сборников лирической поэзии и стихов для детей. Возглавляет литературное объединение «Радуга» при областной писательской организации. Несколько её стихотворений стали песнями, музыку к которым написала композитор Ольга Егорова. Награждена знаком «За достижения в культуре». Лауреат литературной премии «Светунец» имени Вячеслава Богданова.

Луканкина Елена Львовна – поэт, прозаик, драматург, журналист. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Родилась в Тамбове. Окончила факультет журналистики ТГУ имени Г.Р. Державина. Автор шести книг: сборников стихов «Маленькие жизни», «Искусство крика», «P.S.», «Дерево в огне», книги прозы «Полуангелы», а также романа «Когда мы стали животными». Лауреат литературно-общественной премии «Светить всегда» имени Владимира Маяковского. Лауреат литературной премии Тамбовской области имени Е.А. Боратынского. Лауреат литературной премии «Светунец» имени Вячеслава Богданова.

Макаров Александр Михайлович – поэт, член Союза писателей России. Родился в 1946 году в деревне Еремеево Староюрьевского района Тамбовской области. Заочно окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Публиковался в журналах «Аврора», «Юность», «Волга», «Наш современник». Лауреат журналов «Подъём» и «Наш современник». Сборники «Красный мячик», «Излучина», «Светлый час», «Вечная жатва», «Музыка жизни» и другие выходили в Тамбове, Воронеже, Москве. В конце 2018 года в Тамбове издана книга стихов Александра Макарова «Знаки луны». Лауреат областной премии имени Е.А. Боратынского.

Мещеряков Юрий Альбертович – писатель, ветеран афганской войны. Секретарь Союза писателей России. Родился в 1962 году в Тамбове. Окончил Омское высшее общевойсковое училище. За участие в боевых действиях награждён орденом Красной Звезды, др. военными наградами. Автор романов «Панджшер навсегда», «Меморандум Платова», сборника повестей и рассказов «Время мужчин». Публиковался в журналах «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Подъём», «Север», «Петровский мост», «Северное измерение», «Губернский стиль», «Пересвет», «Памир», в «Литературной газете». Обладатель Гран-при литературного конкурса «Доброе слово» (2019). Победитель Международного литератур-

ного конкурса им. А.Н. Плещеева (2021). Лауреат литературного конкурса «Честь имею» (2022). Лауреат литературных премий имени Е.А. Боратынского и «Светунец» имени Вячеслава Богданова.

Михайлова Александра Анатольевна – прозаик, публицист, член Союза писателей России. Родилась в 1984 г. в Тамбове. Окончила ТГУ им. Г.Р. Державина, институт филологии. Редактор газеты «Наш город Тамбов», корреспондент Тамбовской областной общественно-церковной газеты «Колокольный звон», главный редактор сайта www.palomnik.land. Автор рассказов и научных статей в области литературоведения. Автор книг для детей и семейного чтения «Доброе дело» (2019) и романа «Дворяночка» (2023). Дипломант национальной премии «Искра» в номинации «Фельетон» (2011), три призовых места в конкурсе журналистских работ администрации Тамбова «Три пчелы» (2015), медаль «За развитие русской мысли» им. Ивана Ильина (2015).

Наседкин Николай Николаевич – писатель, литературовед. Родился 13 апреля 1953 года в Читинской области. Окончил факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, ВЛК при Литинституте имени А.М. Горького. Публиковался в журналах «Наш современник», «Москва», «Нева», «Урал», «Подъём», «Южная звезда», «Российский колокол», «Литературное обозрение» и др. Автор 15 книг: «Осада», «Криминал-шоу», «Самоубийство Достоевского», «Достоевский: Энциклопедия» и других. Лауреат литературной премии имени Е.А. Боратынского, Международной драматургической премии «Евразия», дипломант премии «Хрустальная роза Виктора Розова», награждён медалью «К 100-летию М.А. Шолохова». С 2003 по 2013 год возглавлял Тамбовское региональное отделение Союза писателей России.

Начас Евстахий Ярославович (20.06.1940 – 12.01.2026) – поэт, журналист, член Союза писателей и Союза журналистов России. Родился в 1940 году в селе Ярчевцы Тернопольской области (Украина). Окончил филологический факультет Тамбовского педагогического института. Работал учителем в Красноярском крае, главным редактором областной газеты «Наедине». Автор многих книг стихов. Заслуженный работник культуры России, лауреат литературных премий имени Е.А. Боратынского и В.А. Богданова. Награждён медалью «К 100-летию со дня рождения М.А. Шолохова».

Николаева Александра Николаевна – поэт, член Союза писателей России. Родилась в Тамбове, окончила ТГУ им. Г.Р. Державина. Кандидат

исторических наук. В настоящее время сотрудник Тамбовской областной библиотеки им. А.С. Пушкина, поэтический куратор творческой студии «ШАТЁР» для молодых инвалидов. Автор четырёх поэтических сборников: «Что о себе могу я рассказать», «А на душе покойней и светлей», «Осенний дневник», «Матерь жизни». Публиковалась в «Тамбовском альманахе», «Литературной газете», журнале «Подъём», на сайте «Русский писатель». Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Преображение России» им. С.Н. Сергеева-Ценского. В 2023 году стала победителем марафона поэтического перевода стихотворений Ф.И. Тютчева «Тютчев. Новое прочтение» в номинации «Перевод на английский язык». Лауреат литературной премии «Светунец» имени Вячеслава Богданова.

Остриков Виктор Сергеевич – прозаик, скульптор, художник. Член Союза писателей и Союза художников России. Родился в г. Уральске в 1949 г. Окончил Ленинградское училище им. В. Серова по классу скульптуры. С 1980 года проживает в Тамбове. Участник региональных и всесоюзных художественных выставок. Автор повести «Остров атамана Харко», сборника рассказов «Ночное бдение», книги «Бобровое озеро». Публиковался в журналах «Подъём», «Литературный Тамбов», в «Тамбовском альманахе», в «Рассказ-газете». Лауреат Государственной премии ЦФО.

Перцева Лидия Александровна – поэт, член Союза писателей России. Родилась в Йошкар-Оле, детство прошло в Ленинграде, окончила Воронежский государственный университет по специальности физик-оптик. Работала ст. инженером в ЛОМО. С 1978 г. проживает в Тамбове, избиралась депутатом Тамбовской городской Думы. Автор поэтических книг «И горечь и истома», «Таинство», «Семиречение», «Не отрекайтесь от креста», «Дерзаю воспевати», «В горнице моей души», «Детства утро золотое», «Печальная песня» и др. Книги издавались в Воронеже, Тамбове, Москве, в Одессе, в Минске. Много пишет на православную тематику.

Полякова Лариса Васильевна – литературовед, критик. Член Союза писателей СССР с 1982 года. Родилась в 1942 году. Окончила филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор ТГУ им. Г.Р. Державина. Автор 14 монографий и более 550 научных статей. Создатель Международного научного центра изучения творческого наследия Е.И. Замятина в Тамбове с филиалом в Ягеллонском университете (Краков, Польша), представительство в Лозаннском университете (Швейцария), Елецком государственном университете им. И.А. Бунина, лабораторией по изучению

языка Е. Замятина в Мичуринском пединституте. Л.В. Полякова – создатель ведущей научной школы Тамбовской области «Исследование русской литературы в национальном культурном контексте». Подготовила 12 докторов филологических наук и более 40 кандидатов филологических наук.

Пчелинцев Юрий Николаевич – поэт, член Союза писателей России. Родился в 1961 году в с. Сурава Тамбовской области. В 1978 году поступил в Тамбовское высшее авиационно-инженерное училище, после его окончания служил в частях дальней авиации СССР. Поступил на службу в органы внутренних дел. Работал на предприятиях Тамбова. Автор поэтических книг «Ледышки», «Я хочу в апрель», «Хризантемы на белом», «Тайная нить горизонта». Публиковался в журналах «Художественное слово», «Подъём», «Литературный Тамбов», в «Тамбовском альманахе». Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Преображение России» им. С.Н. Сергеева-Ценского. Дипломант Межрегионального поэтического конкурса имени Майи Румянцевой.

Расстегаев Юрий Николаевич – прозаик, член Союза писателей России. Родился в 1949 году в п. Новая Ляда, под Тамбовом. Окончил Московский энергетический институт. Работал первым секретарём Советского райкома комсомола, служил в органах внутренних дел, редактировал газету «Доверие». Участник боевых действий на Северном Кавказе, награждён медалями. Автор книг «Большая прогулка», «Во фронтовых делах не участвовал», «Террористы», «Пасечные истории». Лауреат областной премии имени А.К. Воронского.

Селивёрстов Владимир Иванович – прозаик, краевед, ветеран МВД, адвокат. Член Союза писателей России. Родился в 1945 г. в Котовске. Окончил Волгоградскую высшую следственную школу МВД СССР. Автор исторических романов, в т.ч. о тамбовском правителе Г.Р. Державине, о губернаторах П.А. Нилове, Д.Р. Кошелеве, А.М. Безобразове, И.С. Миронове, фон дер Лаунице и других. Лауреат литературной премии им. Е.А. Боратынского. Организатор творческих встреч «Трегуляевские среды».

Цурикова (Демидова) Нина Петровна – поэт, педагог, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ. Родилась в с. Подгорное Староюрьевского района Тамбовской обл. Окончила Тамбовское музыкальное училище им. С.В. Рахманинова. Автор 12 поэтических книг и шести сборников песен. Выступала с авторскими программами в с. Константиново, г. Рязске, г. Москве, г. Сочи, г. Пензе, г. Минске и др. Является участником международного проекта «Связующее слово». Победитель ре-

гиональных и всероссийских поэтических конкурсов. Почётный гражданин Староюрьевского района.

Черняк Станислав Владленович – поэт, член Союза писателей России. Родился в 1973 г. в Котовске Тамбовской области. В 1995 г. окончил ТГУ им. Г.Р. Державина. Выпустил сборники стихов «Я вновь пишу тебе стихи» (2010), «Я выбираю свет...» (2023), «Високосные стихи для детей и взрослых» (2024), «Мои доминанты» (2025). Публиковался в литературно-исторических журналах «Александръ» и «Великороссь» (г. Москва), литературно-художественных журналах «Дрон» (г. Белгород), «Белая скала» (Республика Крым), литературных альманахах «Фонарь-2024» (г. Волгоград), «Наше слово» (г. Ростов-на-Дону), «Золотая четверть-2025» (г. Барнаул), «Тамбовский альманах», «Литературный Тамбов», «Глаголь добро». Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Преображение России», Лауреат конкурса ЦОК ВКС «Серебряные крылья» (г. Москва), дипломант Международного поэтического конкурса «Фонарь» и Всероссийского творческого конкурса «По праву памяти». Автор текста гимна г. Котовска.

Чистякова Елена Викторовна – прозаик, баснописец, педагог, работает в жанре фольклорного повествования с использованием южнорусского говора. Член Союза писателей России. Автор книги повестей «Житейские истории», серии популярных книг «Сказы деда Савватая», серии книг «Современные басни», а также автобиографической повести «Бережком вдоль Громушки, бегущей по камешкам». Публиковалась в «Тамбовском альманахе», в журналах «Губернский стиль» (г. Воронеж), «Литературный Тамбов», в сборнике очерков и рассказов издательства «Художественная литература» (г. Москва). Победитель 1-й Всероссийской премии «Сказитель Руси».

Шмырев Николай Леонидович (03.11.1952 – 05.08.2025) – поэт, член Союза писателей России. Родился в с. Вязовое Жердевского района Тамбовской области. Окончил Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова по специальности «экономист». Работал на производстве, в строительстве. Заслуженный строитель России. Избирался депутатом Тамбовской городской Думы и Тамбовской областной Думы. Имеет государственные награды. Автор шести поэтических сборников, в творчестве преобладают патриотическая и романтическая лирика, духовные стихи.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭПИГРАФ

Александр Макаров. *Стихи* 3

ПРОЗА

Сергей Кочуков. На тебя уповаю. *Фрагмент романа* 4

Сергей Доровских. Снегирёк. *Рассказ* 43

Владимир Селивёрстов. Танкист. *Рассказ* 88

Анатолий Гончар. Связной. *Рассказ* 101

Михаил Гришин. Одиночка: несломленный. *Фрагмент романа* 174

Юрий Мещеряков. Двадцать четыре часа войны. *Рассказ* 240

Елена Чистякова. Зинка да Терентий и их святой долг.
Самобытное повествование 344

Виктор Остриков. Аланга. *Рассказ* 366

Наталья Баранова. Светлая часть души. *Рассказы* 391

Юрий Расстегаев. Садына. *Повесть* 417

Александра Михайлова. Пальто. *Новеллы* 436

ПОЭЗИЯ

Александр Макаров. Твоё лицо засыпано землёй... *Стихи* 64

Елена Луканкина. Горький хлеб военных лет. *Стихи* 72

Мария Знобищева. Нас опрокинут в свет. *Стихи* 81

Валентина Дорожкина. К 80-летию Великой Победы. *Стихи* 147

Александра Николаева. Поэзии серебряный треножник. *Стихи* 155

Михаил Волчихин. Зазвенели мечи калёные... *Стихи* 166

Наталья Джурович. Перебираю соцветия – цветок к цветку. *Стихи* 197

Елена Зайцева. Пока горит окопная свеча... *Стихи* 205

Станислав Черняк. Только вернись... *Стихи* 234

Татьяна Курбатова. Мелькали тени сновидений. *Стихи* 255

Евстахий Начас. Весной не прилетели трясогузки. <i>Стихи</i>	308
Василий Краснов. Россия начинается с меня. <i>Стихи</i>	314
Юрий Пчелинцев. Осень, соль и текила. <i>Стихи</i>	323
Лидия Перцева. Давай помолчим немного. <i>Стихи</i>	452
Нина Цурикова. Планета может умереть. <i>Цикл стихотворений</i>	461
Николай Шмырёв. Парад Победы – это наша память. <i>Стихи</i>	469

ВРЕМЯ И ЛЮДИ

Валерий Аршанский. Соло для скрипки. <i>Рассказ и очерк</i>	110
Зинаида Королёва. Милосердная сестра. <i>Очерк</i>	263
Николай Наседкин. Письма из Москвы (1989-1991). <i>Письма</i>	272

ИМЕНА

Валентина Дорожкаина. Они приближали нашу победу. <i>Очерк о тамбовских писателях-фронтовиках</i>	126
Лариса Полякова. Иван Захарович Елегечев. <i>Статья</i>	331

ИСТОРИЯ

Михаил Белых. Герой Советского Союза Николай Бобин. <i>Военно-исторический очерк</i>	211
Станислав Черняк. Субботины. <i>Военно-исторический очерк</i>	218

КРИТИКА

Александра Михайлова. С прицелом на войну. <i>Статья</i>	448
---	-----

АВТОРЫ

Краткая информация об авторах 29-го номера «Тамбовского альманаха»	477
---	-----

Тамбовский АЛЬМАНАХ № 29

*Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России*

Дизайн обложки – **К.В. Рязанова**
Компьютерная вёрстка – **В.О. Исаев, К.В. Рязанова**
Корректор – **Е.Г. Ремизова**

Подписано в печать 25.12.2025 г.
Формат 60x84^{1/16}. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. п. л. 00,00 + вкл. 0,00. Тираж 500 экз. Заказ 3257.

Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом «Тамбов»».
392000, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14а.
Тел.+7 (4752) 53-37-11
E-mail: oaottps@yandex.ru

ISBN 978-5-907517-93-6

9 785907 517936 >